100 ВЕЛИКИХ ИСТОРИКОВ

Борис Вадимович Соколов
Сто великих историков

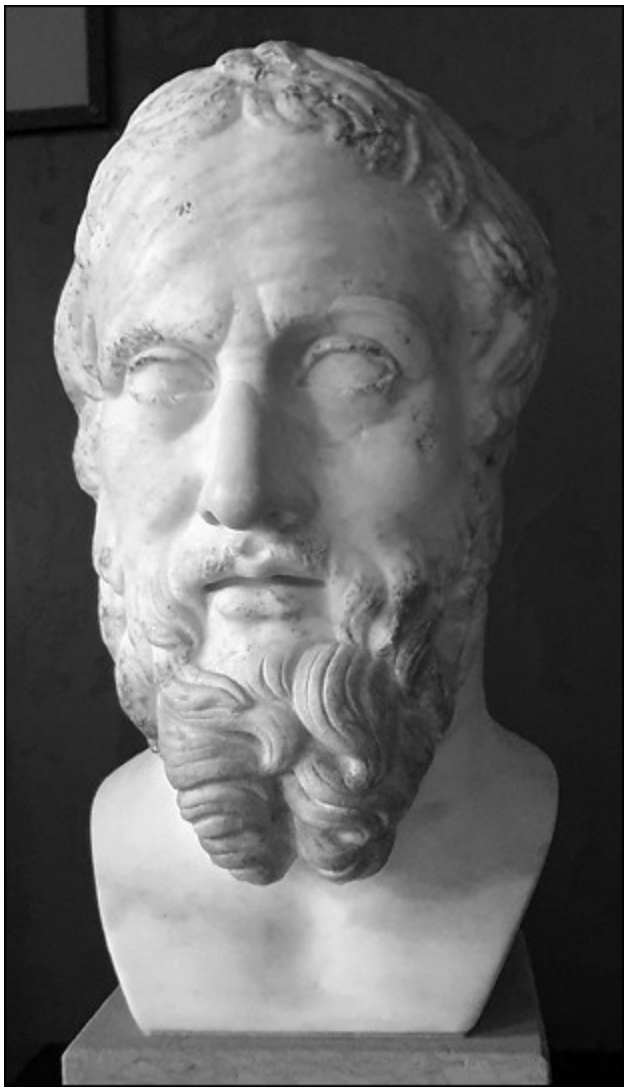
© Соколов Б.В., 2023
© ООО «Издательство «Вече», 2023

Геродот
(около 484 до н. э. – около 425 до н. э.)

Древнегреческий историк Геродот Галикарнасский, по крылатому выражению древнеримского философа Цицерона, был «отцом истории». Его главное и единственное дошедшее до нас сочинение – «История» – посвящена описанию греко-персидских войн (500–449 годы до н. э.). Это первое полностью сохранившееся историческое и вообще прозаическое произведение европейской литературы. «История» не была завершена Геродотом.

Геродот родился в Галикарнасе, городе в Карии на средиземноморском побережье Малой Азии. В то время Галикарнас входил в состав Персидской империи. Возможно, Геродот в молодости слышал рассказы галикарнасцев о персидских приготовлениях к вторжению в Грецию и об участии во вторжении местного флота под командованием Артемизии I из Карии. Галикарнас был основан дорийцами, поэтому Геродот, скорее всего, принадлежал к этому древнегреческому племени. Тем не менее он писал свои исторические труды на ионийском диалекте, который, возможно, выучил еще в юности, проживая на острове Самос, куда он бежал со своей семьей от притеснений Лигдамида, галикарнасского тирана и внука Артемисии. Впрочем, ионийский диалект использовался и в официальной переписке в Галикарнасе, так что Геродот вполне мог выучить ионийский диалект и в родном городе. Он происходил из богатого и знатного семейства Ликса, имевшего обширные торговые связи. Отца Геродота звали Ликсом, а мать – Дрио, или Рео. Геродот поддерживал партию, боровшуюся против тирана Лигдамида. Возможно, Геродот участвовал в неудавшемся восстании против тирана. По одной из версий, он позднее вернулся в Галикарнас, чтобы возглавить новое восстание, в результате которого Лигдамид был свергнут. В дальнейшем, около 464 года до н. э., Геродот отправился в путешествие, одной из целей которого был сбор сведений о греко-персидских войнах. Историк стремился побывать на местах основных сражений. Он посетил Вавилон, Ассирию, Египет, Малую Азию, Геллеспонт, Северное Причерноморье и Балканский полуостров от

Пелопоннеса до Македонии и Фракии. Около 446 года до н. э. Геродот поселился в Афинах, где сблизился с приближенными Перикла. Он искренне восхищался царившими в Афинах при Перикле демократическими порядками. Геродот публично читал в Афинах отрывки из своей «Истории». Он получил финансовое вознаграждение от афинского народного собрания в знак признания его исторических трудов. В 444 году до н. э. Геродот принял участие в основании общеэллинской колонии Фурии в Великой Греции, в современной Калабрии. По одной из версий, в Фурии он и умер около 425 года до н. э. По другой версии, Геродот умер в Пелле (Македония), а по третьей версии – успел вернуться в Афины и скончался там во время эпидемии чумы 430/29 года до н. э. В качестве доказательства этой версии рассматривают то, что в «Истории» есть подробные сведения о некоторых событиях первых лет Пелопоннесской войны. Но эта версия считается маловероятной.

Геродот. Античный бюст

Главный труд Геродота дошел до нас в списках X–XI веков. Кроме того, в начале XX века были найдены папирусные отрывки «Истории», относящиеся к I–III векам н. э. и совпавшие с позднейшими списками. Впервые она была издана в конце XV века. «История» Геродота содержит сведения не только по истории, но и по географии, этнографии, естественной истории и литературе. В первой половине своего труда Геродот рассказывает о возвышении Персидского царства, о Вавилонии, Ассирии, Египте, Скифии, Ливии и других странах Востока. Он также дал первое систематическое описание жизни и быта скифов. 1-я и 3-я книги посвящены Ассирии, Вавилону и Персии, 2-я – Египту, 4-я – Скифии, а остальные пять – греко-персидским войнам.

Основная тема «Истории» – борьба эллинов с варварами. Хотя симпатии Геродота были на стороне греков и он стремился доказать справедливость войны, которую греки вели против персов, впоследствии Плутарх, ненавидевший персов, называл Геродота «варваролюбом», поскольку тот не изображал персов только как злодеев. Главная цель Геродота – чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом. Геродот пытался дать хронологически стройную и правдоподобную версию исторических событий. Однако он порой не различал действительно происшедшие события и сказки и мифы. Геродот опирался на устную традицию и неизбежно привнес в свою «Историю» те искажения, которым подвергаются исторические факты при устной передаче сведений о них, когда на основе фактов создаются мифы, которые далее развиваются уже по своим собственным законам, все более отдаляясь от породившего их исторического события. Пытаясь создать стройную хронологию описываемых событий, Геродот чаще всего не располагал достоверными данными, когда речь шла о событиях далекой древности. Поэтому датировки Геродота зачастую не совпадали с датами открытых впоследствии исторических памятников – материальных и литературных. Также позднейшие исследования доказали фантастичность данных о численности персидских армий, приводимых Геродотом. Автор «Истории» нередко объяснял те или иные исторические события действием иррациональных сил, вроде воли богов или веления судеб. Много внимания уделял исполнению различных предсказаний и предзнаменованиям, что отражало уровень самосознания греков того времени. Геродот придерживался принципа – максимально точно передавать то, что ему сообщают, но не всему верить. Другое дело, что в те времена приемов исторической критики еще не существовали и историк вынужден был руководствоваться интуицией, здравым смыслом (а тогда греки верили в чудеса, приметы и предсказания оракулов) и собственным жизненным опытом. Геродот верил, что боги завидуют людям и потому судьба преследует тех, кто, по мнению богов, достиг слишком большого успеха. Произведение Геродота стало первым по времени историческим трудом, созданным в рамках

европейской цивилизации. Он содержит уникальную информацию по истории VI–V веков до н. э. Геродот первым в истории попытался провести систематическое исследование исторических событий, свидетелем которых он был или о которых слышал предания. «История» включает в себя главным образом рассказы о жизни царей, правителей и полководцев и описание крупных сражений, повлиявших на исход войн. При этом результаты деятельности исторических личностей Геродот порой объясняет их собственными свойствами. Иной раз для объяснения принимается во внимание политический опыт и анализ реальных исторических и географических условий – настолько, насколько их знал Геродот. Фукидид обвинял Геродота в сочинении истории для развлечения читателей. Вместе с тем многое из того, что сообщил Геродот, было впоследствии подтверждено историками и археологами. По признанию Геродота, он писал только о том, что сам видел или о чем ему рассказывали. Для географической и этнографической частей «Истории» главным источником послужило «Землеописание» Гекатея Милетского (VI век до н. э.).

Фукидид
(между 470 и 455 до н. э. – между 400 и 396 до н. э.)

Фукидида, древнегреческого историка и полководца, считают основоположником истории как науки. Согласно разным источникам, он родился между 470 и 455 годами н. э. в Галимунте, в Аттике, примерно в 6,2 км к югу от Афин. Фукидид к богатой и знатной фамилии. Его предком был фракийский царь Олор, и он находился в родстве с семьёй афинского государственного деятеля и полководца Мильтиада (около 550–489 год до н. э., победителя в битве при Марафоне) – аристократическим родом Филаидов. Сам Фукидид был очень богатым человеком, так как владел золотыми приисками во Фракии. По всей вероятности, он также был близок к правителю Афин Периклу. Фукидид был хорошо образованным человеком. В первые годы Пелопоннесской войны (431 год до н. э. – 404 год до н. э.) он находился в Афинах, в 430 году до н. э. в ходе эпидемии переболел чумой. Во время боевых действий во Фракии Фукидид командовал афинской эскадрой у острова Фасос, но не сумел предотвратить переход города Амфиполя на сторону спартанцев, хотя ему и удалось защитить Эйона от спартанского полководца Брасида. За это поражение Фукидид был изгнан из Афин и поселился в своём фракийском поместье. Там он писал «Историю Пелопоннесской войны», наблюдая за военными действиями уже только в качестве зрителя. Он посетил ряд мест сражений, побывал при дворе македонского царя Архелая и, возможно, наблюдал неудачную атаку Сиракуз афинянами в 415 году до н. э. После поражения и капитуляции Афин в 404 году до н. э. Фукидид был амнистирован и вернулся в Афины. Он, по всей вероятности, умер между 400 и 396 годами до н. э.

При написании «Истории Пелопоннесской войны» главной целью Фукидида было, по его собственным словам, «отыскание истины». Он был очевидцем многих событий, отразившихся в истории. Фукидид стал создавать свой труд сразу после начала войны. «История

Пелопоннесской войны» состоит из 8 книг. 1-я книга является введением и включает в себя очерк древнейшей истории Греции, изложение поводов к войне и её действительных причин, а также очерк 50-летней истории от Платейской битвы 479 года до н. э., в которой греки разгромили персидскую армию (этой битвой заканчивается «История» Геродота), до начала Пелопоннесской войны и разрыва отношений между Афинами и Спартой. Описание Пелопоннесской войны доведено до зимы 411 года до н. э.

Фукидид. Мозаика из Джераша. Иордания, III в. н. э.

При создании «Истории» Фукидид стремился включать в нее только достоверные сведения, а не сказочные истории, в отличие от Геродота, предназначенные для развлечения читателя. Фукидид хотел, чтобы его труд признали полезным те, «кто пожелает иметь ясное и верное

представление о прошлом, ввиду того что, по свойствам человеческой природы, и в будущем когда-нибудь может произойти нечто подобное». Своё произведение он считал достоянием вечности. Фукидид старался использовать либо собственные наблюдения, либо сведения, полученные от других людей, но проверенные по нескольким источникам (показаниям свидетелей). При этом он учитывал, что об одном и том же событии, даже будучи его очевидцем, люди будут рассказывать по-разному и всегда могут иметь собственные пристрастия и намеренно или непредумышленно искажать события. Кроме того, свидетели часто подвержены ошибкам памяти. Тем самым Фукидид впервые изложил основы исторической критики. Он также первым стал цитировать документы и некоторые из них целиком включил в свою историю (в частности, текст перемирия 423 года, т. н. Никиева мира). Фукидид также использовал надписи-эпитафии и старался извлечь зерно истины из мифов и преданий. Он расспрашивал очевидцев событий и записывал их рассказы. Он стремился реконструировать события древнейшей истории, свидетелями которых не мог быть ни он сам, ни его современники. Этой цели служили надписи, мифы и легенды, а также сочинения предшественников, эпос, географические названия, материальные памятники, быт отсталых в культурном отношении греческих племён и варваров, обычаи, праздники и обряды. Перечислив все события, послужившие предлогом к началу Пелопоннесской войны, он подчеркивает, что действительной причиной послужило возвышение Афин, в котором Спарта видела угрозу. Фукидид верил, что одинаковые причины и условия вызывают одинаковые следствия. Понимание того, что в ряде случаев одинаковые причины и условия могут порождать разные следствия, пришло к историкам лишь много веков спустя. Тем не менее Фукидид полагал, что история слишком иррациональна и непредсказуема и поэтому невозможно предсказать даже ближайшее будущее. И в частности, начиная войну, нельзя предсказать ее исход. Фукидид полагал, что до тех пор, пока не изменится человеческая природа, будут происходить войны, восстания, междоусобицы и прочие жестокости. Так, одичание и деморализацию общества на острове Керкира он связывал с жестокой междоусобной войной, поскольку «вследствие междоусобиц множество тяжких бед обрушилось на государства, бед, какие обыкновенно бывают и всегда

будут, пока человеческая природа остаётся тою же». Фукидид объяснял исторические события, не принимая во внимание волю богов, предсказания и предзнаменования. Он упоминает те же предсказания оракулов, но только в качестве фактора, воздействующего на исторический процесс, потому что массы людей верят предсказаниям. Историк отрицал божественное вмешательство в человеческие дела. Фукидид верил, что на будущее могут влиять не оракулы, а ум и знание людей. В политическом плане историк был сторонником умеренной демократии, которая, по его мнению, может вступать в союз с умеренной олигархией, и противником как крайней демократии, так и крайней олигархии. Поведение же отдельных лиц он объяснял личными интересами.

Пятую часть от общего объема труда Фукидида составляют речи исторических деятелей, некоторые из которых историк слышал лично, а другие ему передали люди, их слышавшие. Историк писал по этому поводу: «Что касается речей, произнесенных отдельными лицами или в пору приготовления к войне, или во время уже самой войны, то и для меня трудно было бы запомнить сказанное в этих речах со всею точностью то, что я слышал сам, да и для тех, которые передавали мне сказанное в каком-нибудь другом месте. Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего, мог говорить о настоящем положении дел, причем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного». Естественно, ни одна из речей в «Истории» не является дословным воспроизведением сказанного оратором. Ведь стенографии и тем более аудиозаписи тогда еще не существовало. Но нет оснований предполагать, что Фукидид вкладывал в речи исторических личностей собственные домыслы. По всей видимости, он лишь пытался заполнить лакуны или «темные места» в тех речах, которые записал непосредственно или от тех людей, которые их слышали, наиболее вероятными высказываниями соответствующих исторических деятелей. Поскольку других сколько-нибудь пространных сочинений в древнегреческой историографии о периоде Пелопоннесской войны, описанной Фукидидом, не сохранилось, у нас нет возможности проверить, насколько приведенные Фукидидом речи аутентичны. И тем более невозможно вычленить, какие суждения в речах принадлежат ораторам, а какие –

самому Фукидиду. Отсутствие других современных Фукидиду сочинений об описанном им периоде Пелопоннесской войны также делает весьма затруднительной научную критику «Истории» Фукидида. Такую критику можно осуществлять, только исходя из неких логических построений и экстраполяции позднейших исторических знаний. Тем не менее, принимая во внимание его метод, предполагающий поиск рациональных причинно-следственных связей между историческими событиями, многие историки последующих поколений склонны были считать Фукидида «отцом научной истории». Австрийский и британский философ и социолог Карл Поппер (1902–1994) полагал, что Фукидид был «возможно, величайшим историком, который когда-либо жил на свете».

Полибий
(около 200 до н. э. – около 120 до н. э.)

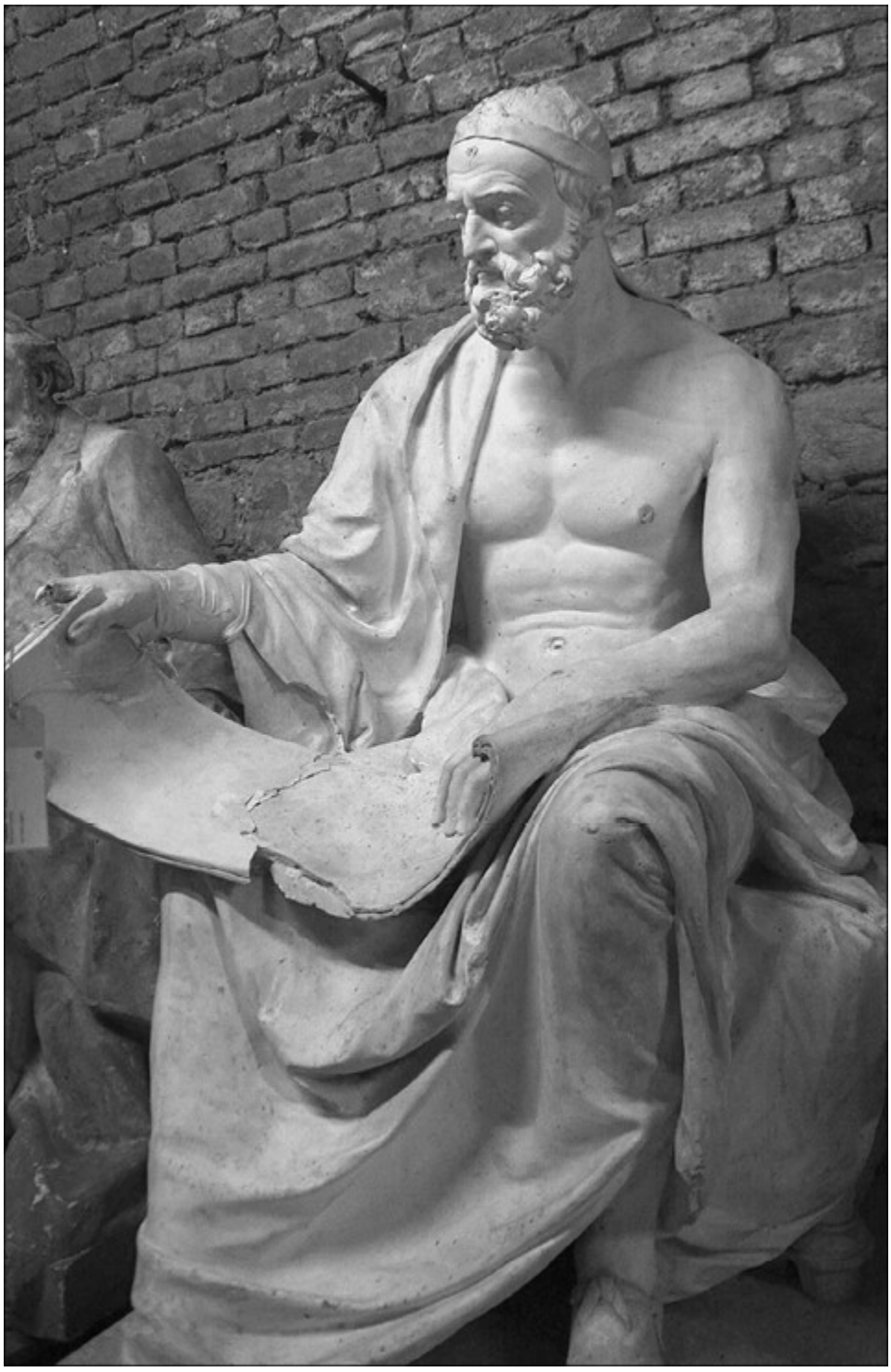
Древнегреческий историк, государственный деятель и военачальник Полибий прославился своей «Всеобщей историей» в 40 томах, охватывающей события, происходившие в Риме, Греции, Македонии, Малой Азии и в других регионах в период с 220 по 146 год до н. э. Из 40 книг его «Истории» полностью сохранились только первые 5 и большая часть 6-й, опубликованные не позднее 150 года до н. э. Остальные книги дошли до нас в более или менее подробном изложении и фрагментах, приводимых византийскими энциклопедистами X века. Полибий родился около 200 года происходил из знатного аристократического рода городской общины Мегалополя в Аркадии. Его отец Ликорт неоднократно занимал важные должности в Ахейском союзе – гиппарха (начальника союзной конницы), стратега, начальника вспомогательного войска союза и участвовал в ряде посольств. В 169 году до н. э. Полибий тоже был избран на пост союзного гиппарха. Он пытался наладить отношения с союзниками Рима и предпринял дипломатическую поездку в римский военный лагерь в Македонии с предложением военной помощи. Полибий служил начальником конницы при римском полководце Луции Эмилии Павле Македонском. Павел возглавлял союзные римско-греческие войска, сражавшиеся с македонским царём Персеем в ходе Третьей Македонской войны (171–168 годы до н. э.). После сокрушительного поражения Персея в битве при Пидне в 168 году до н. э., в ходе которой македонский царь был пленен, Полибий в числе тысячи знатных ахейцев был отправлен в Италию. Их обвинили в недостаточной помощи римлянам в войне. В Рим ахейцы прибыли в 167 году до н. э. и были оставлены там в качестве заложников. Полибий поселился в Риме, так как Луций Эмилий Павел предложил ему стать наставником своих сыновей. Во главе исследовательской экспедиции Полибий побывал в Александрии Египетской, Гадесе, Керне и Атлантическом океане. В 151 году до н. э. Полибий использовал своё влияние на римского полководца и политика Публия Корнелия Сципиона Эмилиана Африканского (185/184—129 до н. э.), в

кружок единомышленников которого историк входил и воспитателем которого был, и добился освобождения оставшихся в живых заложников-ахейцев с разрешением им вернуться на родину. К моменту завершения Третьей Пунической войны Полибий вернулся из экспедиции и стал свидетелем падения Карфагена весной 146 года.

Со 145 года до н. э. Полибий участвовал в сенатской комиссии из 10 человек для политической реорганизации Греции и добился того, что скульптурные изображения Ахея и Арата не были отправлены в Рим. Он отказался получить в дар от римлян конфискованное имущество лидеров антиримских выступлений и призывал своих друзей также не делать этого. Греки воспринимали Полибия как защитника своих интересов перед римлянами. Предполагают, что Полибий сопровождал Сципиона в Испанию, выступая в качестве его военного советника во время Нумансийской войны 143–133 годов до н. э. Этой войне Полибий посвятил не дошедшее до нас сочинение. Будто бы, когда Сципион выполнял советы Полибия, дела шли хорошо, когда же он пренебрегал его указаниями, то совершал ошибки и терпел поражения. Последним событием, упомянутым в его трудах, вероятно, является строительство дороги Виа Домиция на юге Франции в 118 году до н. э. Известно, что Полибий упал с лошади и умер от приобретенной в результате падения болезни в родном Мегалополе в возрасте 82 лет, однако в каком году это произошло, неизвестно до сих пор.

Во «Всеобщей истории» Полибий главным образом уделял внимание военной и политической истории. Свою задачу он видел в том, чтобы не только описывать, но и объяснять исторические события, выявлять причинно-следственные связи между ними. Полибий допускал вмешательство судьбы, но только тогда, когда не удавалось найти рационального объяснения тех или иных событий. Он считал, что история – это полезное знание, поскольку она воспитывает человека, учит его достигать успеха и мужественно переносить все превратности судьбы. Он сравнивает государства македонян, персов и римлян и отдает предпочтение победителям-римлянам. При описании событий последнего полувека Полибий опирался главным образом на воспоминания очевидцев. Хронологически его «История» охватывает период с 220 года до н. э., когда карфагеняне покорили Испанию, до 146 года до н. э., когда Карфаген был взят римлянами, а вся материковая Греция оказалась под властью Рима после Ахейской

войны. Начальную дату повествования Полибий обосновал следующим образом: «Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело своё особое место, особые цели и конец. Начиная же с этого времени история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводятся к одному концу». Оптимальным государственным устройством историк считал древнеримское, сочетающее в себе элементы монархии, аристократии и демократии. Движущей силой истории Полибий считал судьбу, которая помогает римлянам за их добродетели и ведет их к единой цели – гегемонии в Ойкумене, под которой тогда понималось Средиземноморье. Но действующими лицами истории, по мнению историка, являются люди. Историю Полибий рассматривал как процесс смены повторяющихся циклов. В ходе цикла последовательно осуществляется смена шести форм государственности: монархия (единоличное правление вождя или монарха, основанное на разуме) перерождается в тиранию, на смену которой посредством насильственных способов (восстание, переворот или убийство тирана) приходит аристократия (власть немногих в интересах общего блага), которая вырождается в олигархию (царство беззакония, стяжательства, интриг мелкой группы против всего народа), народ восстает против олигархов и устанавливается демократия, которая вырождается в охлократию (господство черни, толпы). Охлократия, как считал Полибий, является наихудшей и последней ступенью, а потом цикл повторяется снова. Преодолеть цикличность может только мудрый правитель, который способен принять хорошие законы, сочетать положительные черты монархии, аристократии и демократии и создать новую смешанную форму государства. Идеалом такого государственного устройства Полибий считал Рим, где наиболее последовательно проведен принцип смешанной государственности и разделение властей. Консулат отражает монархический принцип, сенат – аристократический, а народное собрание – демократический. Их равновесие обеспечило процветание и могущество Рима.

Полибий. Вена, Австрия, конец XIX в.

Сыма Цянь
(145 или 135 до н. э. – около 86» до н. э.)

Сыма Цянь, потомственный историограф китайской династии Хань, был также известен как астроном и поэт. Главный труд Сыма Цяня «Ши цзи» («Исторические записки») описывает историю Китая от мифических родоначальников до времени жизни историографа. Название «Ши цзы» труд Сыма Цяня получил уже после смерти автора; сам Сыма Цянь называл свое сочинение «Книгой Придворного историографа» («Тайшигун шу»). Сыма Цянь, которого называют «отцом китайской историографии», родился в Лунмэне, в нынешней провинции Шаньси. А вот насчет года его рождения разные источники указывают либо на 145 год до н. э., либо на 135 год до н. э. Отец Сыма Цяня был историографом при императоре У (Хань У-ди). Он также заведовал императорской библиотекой и наблюдал за календарем. Сыма Цянь уже к десяти годам изучил древние сочинения. В возрасте 20 лет он отправился в путешествие по владениям Хань для сбора местных исторических свидетельств, преданий и легенд. Сыма Цянь посетил территорию современных провинций Шаньдун, Юньнань, Хэбэй, Цзянсу, Цзянси и Хунань. После путешествия он сопровождал императора в инспекционных поездках. В 110 году до н. э. Сыма Цянь отправился в военную экспедицию против западных «варваров», однако из-за смертельной болезни отца вынужден был вернуться в столицу Чанъань. В 108 году до н. э. он начал работу над «Историческими записками» – трудом, который был задуман его отцом. К историографу попадали все документы, поступавшие из провинций в столицу. Кроме того, он выполнял при императоре функции астролога и астронома. «Исторические записки» были завершены в 91 году до н. э., после почти 20 лет напряженной работы. В 105 году до н. э. Сыма Цянь был назначен руководителем комиссии по реформе календаря, осуществленной в 104 году до н. э. Год в календаре Тайчу, представленном Сыма Цянем, составлял 365,25 дня. Этот календарь стал основой современного китайского лунного календаря. В 99 году до н. э. Сыма Цянь заступился за военачальника Ли Лиина, который был пленен хунну. За это историк попал в

немилость к императору и был приговорен к смертной казни, которую можно было заменить либо большим денежным штрафом, либо кастрацией. У историка не было средств на выплату штрафа, и он вынужден был согласиться на кастрацию, после которой провел в тюрьме еще три года. После выхода на свободу Сыма Цянь был назначен на должность хранителя императорской печати. Это была гораздо более высокая должность, чем придворный историограф, но на нее назначали только евнухов. Точная дата смерти Сыма Цяня неизвестна. Предполагается, что он умер около 86 года до н. э. Внук Сыма Цяня Ян Юнь впервые опубликовал грандиозный труд своего деда во время правления императора Сюаня (91–48 до н. э., правил в 74–48 годах до н. э.).

Сыма Цянь

Сыма Цянь был первым в Китае, кто предпринял попытку систематизировать исторические данные и установить закономерности исторического процесса. В «Исторических записках» Сыма Цянь охватывает две тысячи лет истории Китая, от мифических времён и до

II века до н. э., от мифического Желтого императора и до империи Западная Хань. В книге насчитывается 130 глав и более 500 тысяч иероглифов. Сыма Цянь считал, что добрая воля человека, если ей помешали претвориться в жизни, может воплотиться в литературном произведении, которое прославит своего автора. Историк считал воздаяние за добродетельные или дурные поступки важным фактором истории. Воздаяние может последовать и при жизни человека, и через много поколений. Заслуги предков становятся источником благ для рода, дают ему запас благодати, которая охраняет потомков, но этот запас конечен и постепенно иссякает. Сыма Цянь пытался понять, почему возвышаются и приходят в упадок правящие династии. Некоторые разделы его труда представляют собой изложение событий в исторической последовательности, тогда как другие разделы освещают различные темы: музыку, церемонии, календари, верования, экономику, а также подробные биографии исторических деятелей – правителей, полководцев, дипломатов, поэтов, ученых, крупных торговцев и ремесленников. Жизнедеятельность народа на протяжении всего цикла его исторического существования, как считал Сыма Цянь, основана на трех принципах – прямодушии, почёте и культурности. Прямодушие, искренность, становясь самоцелью, неизбежно вырождается в дикость. Становится необходимым переход к другому строю государства, основанному на принципе почета, уважения. Но если почет трансформируется в суеверие, обожествление правителя, который этого не стоит, то на смену ему приходит принцип культурного начала, цивилизованности. Но безоглядное следование этому принципу ведет к тому, что он вырождается в суррогат культуры, в псевдоученость, фальшь. И происходит возвращение к принципу прямодушия и начало нового цикла. Сыма Цянь считал, что историк должен не только добросовестно записывать факты, но и «исправлять» историю во имя утверждения того идеала, которому он следует. Мир Сыма Цянь делил на две области – Ян, где живут «этические люди», китайцы, и Инь, место обитания воинственных варваров и воинственных китайцев. Вмешательство Неба в дела людей он объяснял смену династий, нарушение закона воздаяния, редкостное везение людей. Сыма Цянь считал, что историки должны быть беспристрастными и иметь право на суждение, независимое от мнения

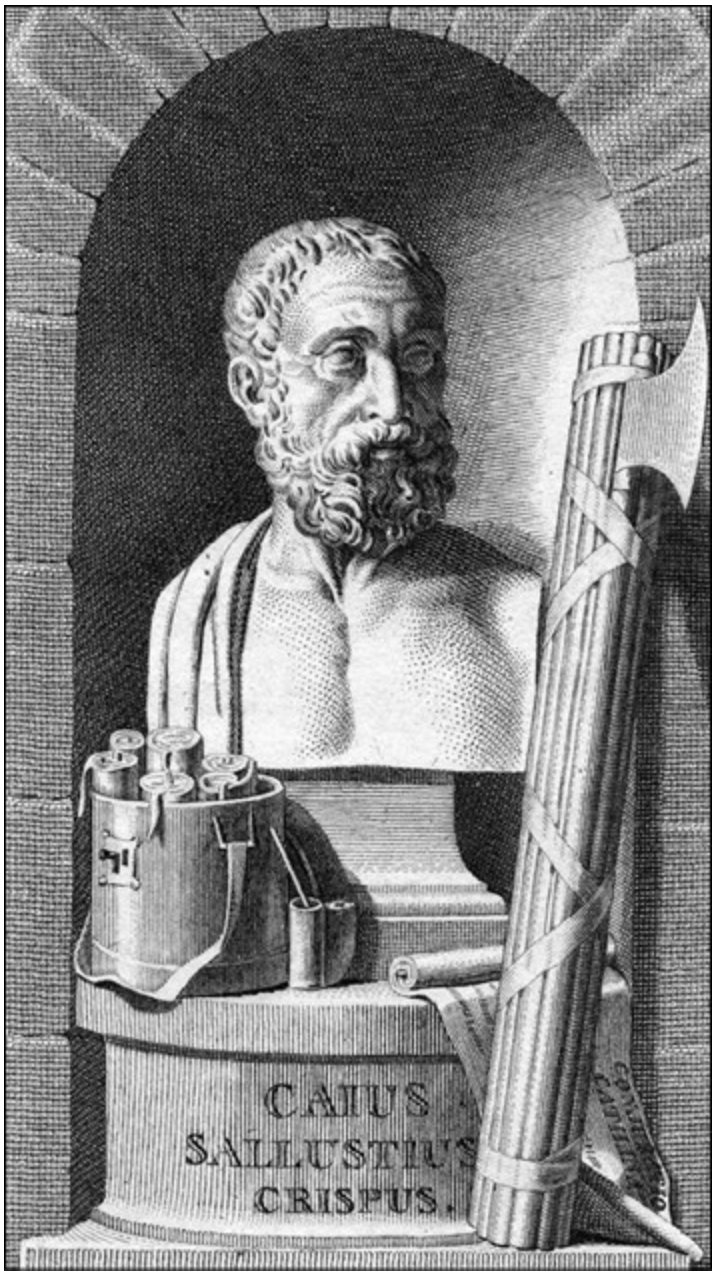
правителей. Свой труд он называл «записями только правды». Сыма Цянь писал только то, что сам считал правдой.

Гай Саллюстий Крисп
(87 или 86 до н. э. – около 34 до н. э.)

Гай Саллюстий Крисп, древнеримский историк, реформатор античной историографии, родился в городе Амитерне в Сабинской области (к северо-востоку от Рима) в 87 или в 86 году до н. э. От его главного труда, «Истории», сохранились лишь небольшие фрагменты. Саллюстий происходил из состоятельной плебейской фамилии сабинского происхождения, которая имела римское гражданство и принадлежала к всадническому сословию. Он провел в Риме бурную молодость. В 55 или в 54 году Саллюстий был квестором, т. е. чиновником, помощником консула, занимавшимся финансовыми вопросами и архивом. В 52 году Саллюстий стал народным трибуном. В 50 году до н. э. его исключили из сената. Обычно это делалось за недостойное поведение. Возможно, Саллюстию припомнили случай, когда политик Тит Анний Милон уличил свою жену Фаусту Корнелию в измене с Саллюстием и его выпороли розгами. После исключения из сената Саллюстий стал поддерживать Гая Юлия Цезаря в борьбе за власть. В гражданской войне 49–45 годов до н. э. будущий историк участвовал на стороне Цезаря, выполняя его поручения. Цезарь направил Саллюстия в Иллирию, где он командовал одним из легионов, но потерпел поражение от помпеянцев. По одним данным, Цезарь повторно сделал Саллюстия квестором на 48 год до н. э., что позволило ему вернуться в сенат, по другим данным, его возвращение произошло только в 46 году до н. э., когда Саллюстий стал претором, т. е. чиновником, совершавшим правосудие в Риме по гражданским делам.

В 46 году до н. э. Саллюстий, будучи претором, принял участие в африканской кампании Цезаря, командуя частью флота и снабжая армию продовольствием через Керкенну. На этом острове вблизи побережья Африки он захватил большие запасы зерна, собранные там помпеянцами. После победы Цезаря Саллюстий в середине 46 года был назначен управлять провинцией Новая Африка в ранге проконсула. В его распоряжении было три легиона, но он прославился не военными победами, а вымогательством взяток с населения и

конфискацией имущества тех, кто подозревался в связях с противниками Цезаря. В конце 45 года Саллюстий вернулся в Рим, где ему грозил суд за лихоимство, но избежал суда при содействии Цезаря. Крисп удалился из политики после убийства в 44 году Цезаря. Благодаря нажитому в Африке богатству Саллюстий разбил в Риме роскошный парк (Сады Саллюстия) у северного подножия Квиринальского холма. Предполагаемая дата смерти Саллюстия – 13 мая 34 года до н. э. Он умер в Риме.

Гай Саллюстий Крисп

Главный труд Саллюстия, «История», предположительно был начат в 39 году до н. э. До нас дошло около 500 фрагментов «Истории», большинство из которых – короткие фразы и небольшие отрывки из трудов более поздних авторов. Из крупных фрагментов сохранились четыре речи и два письма. «История» описывала события 78–67 годов до н. э. Речи вряд ли были дословной записью, но передавали политические позиции ораторов и сделанные ими предложения в

сенате. Ранее «Истории» Саллюстий написал две небольшие исторические книги – «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война», которые дошли до нас в полном виде. Считается, что «О заговоре Катилины» – первое из исторических сочинений Саллюстия и что оно было написано между 44 и 40 годами до н. э. Скорее всего, в момент заговора Саллюстий в Риме не был, а служил в армии за его пределами. Поэтому он опирался на свидетельства очевидцев, опубликованные публичные речи и сочинение «О своём консульстве» Марка Туллия Цицерона, главного противника Луция Сергия Катилины, и, возможно, на протоколы сената. Историк считал, что причиной кризиса Римской республики стал отход от традиционных добродетелей к господству честолюбия и жадности. Стоит отметить, что его собственный опыт наместничества в Новой Африке наглядно иллюстрировал эту историю. «Югуртинская война» описывает события 111–105 годов до н. э., когда римляне вмешались в междоусобную войну в Нумидии на стороне царя Адгербала против царя Югурты. Точная дата написания «Югуртинской войны» неизвестна, но она была создана после книги «О заговоре Катилины». Главными источниками для «Югуртинской войны» послужили мемуары двух легатов в Нумидии Публия Рутилия Руфа и Луция Корнелия Суллы и переводы неких «книг царя Гиемпсала», написанных на пуническом языке. Вероятно, имелся в виду Гиемпсал II, царь Нумидии в 88–60 годах до н. э. В отличие от Полибия, Саллюстий придавал меньше значения удаче и гораздо больше – действию объективных факторов. В своих работах историк проводит теорию упадка нравов, согласно которой завоевание обширных территорий привело к забвению традиционных римских добродетелей и к кризису римского общества. Саллюстий делил историю Рима на три периода – эпоху царей (до 510/09 года до н. э.), «золотой век» Республики (до 146 года до н. э.) и начало упадка (современность). Главное достоинство политика для Саллюстия – это доблесть (virtus), которая достигается посредством славы (gloria), для которой необходимо совершить деяния, полезные государству. В двух письмах Цезарю историк предложил меры для исправления нравов, в том числе борьбу с чрезмерным богатством и тратами на предметы роскоши, введение такой системы голосования на выборах магистратов, при

которой первые центурии (самые богатые) не играли бы решающей роли, а богатые не имели бы преимущества перед способными.

Тит Ливий
(59 до н. э. – 17 н. э.)

Тит Ливий, автор частично сохранившейся «Истории от основания города», еще в Античности обрел славу крупнейшего римского историка. Он родился в 59 году до н. э. в Патавии (современная Падуя) в богатой семье. Его отца звали Гай. Время его переезда в Рим точно неизвестно. Тит Ливий с начала 20-х годов до н. э. посвятил занятию историей всю оставшуюся жизнь. Он никогда не занимал никаких государственных должностей. Слава пришла к нему еще при жизни, и публичные чтения Ливием своих сочинений привлекало много народу. Кроме «Истории» он создал несколько небольших философских сочинений, которые до нас не дошли. Ливий познакомился с Октавианом Августом, первым римским императором, который ему покровительствовал и с которым историк подружился. А будущему императору Клавдию Ливий посоветовал заниматься историей. Клавдий последовал этому совету и создал несколько довольно объемных исторических сочинений. Ливий умер в родной Патавии в 17 году н. э., будучи прославлен на всю империю.

Главный труд Ливия – «История от основания города» в 142 книгах. Если бы до нас дошли все книги, объем этого сочинения должен был составлять около 8 тысяч печатных страниц и порядка 2 млн слов. Но полностью или почти целиком сохранились только 35 книг: книги 1—10 о событиях от мифического прибытия Энея в Италию до 292 года до н. э. и книги 21–45 (41-я и 43-я – не полностью) о событиях от начала Второй Пунической войны до 167 года до н. э. На сохранность сочинений Ливия мог повлиять приказ римского папы VI века Григория I сжечь все книги историка за многочисленные рассказы об «идольском суеверии». Для навигации по огромному труду Ливия были составлены периохи (*др. – греч.* περιοχή – «извлечение из текста, выдержка») – краткое, от нескольких строк до 2 печатных страниц, перечисление основных событий, о которых подробно рассказывалось в каждой книге. Периохи сохранились целиком, за исключением извлечений из книг 136 и 137. До наших дней также дошли многочисленные сокращения труда Ливия, сделанные различными

авторами во времена поздней Античности. Работу над «Историей» Ливий начал около 27 года до н. э., а завершил уже после смерти Августа, последовавшей в 14 году н. э. Книги 121 и последующие появились уже после этой даты. Хронологически «История» охватывает период от мифического прибытия Энея из Трои на Апеннинский полуостров до 9 года до н. э. Другие народы появляются на страницах «Истории» только при их соприкосновении с римлянами. Ливий опирался преимущественно на сочинения предшественников и в гораздо меньшей степени – на документы. Ливий не ставил на первый план исследование истинности описываемых событий и установление причинно-следственных связей между ними. Чаще всего из нескольких существующих версий того или иного события он следовал той, которая казалась ему наиболее правдоподобной. Ливий утверждал: «Раз дело касается столь древних событий, я буду считать достаточным признавать за истину то, что похоже на истину». Если единственный доступный Ливию источник сведений сообщал сомнительную информацию, историк делал соответствующую оговорку: «Хотя приводимые этим писателем [Валерием Анциатом] чи́сла [потерь римлян и лигурийцев] не вызывают доверия, ибо никому не превзойти его в преувеличениях (Валерий Анциат многократно преувеличивал потери врагов Рима, чтобы подчеркнуть доблесть римских солдат и полководцев, сообщая, что на одного убитого римского солдата приходились десятки и даже сотни убитых врагов. – *Б.С.*), тем не менее очевидно, что победа была великая». Ливию оставалось только цитировать в своем труде явно фантастические цифры, поскольку альтернативными источниками информации с более правдоподобными цифрами он не располагал. Ливий упоминал о гибели почти всех записей о событиях раннеримской истории из-за разграбления Рима галлами в 390 году до н. э. Одной из своих главных задач он видел передачу потомкам римской традиции и поэтому записывал даже то, с чем не был согласен. Ливий был убежден в существовании циклов римской истории, вследствие чего события, случившиеся в древности, могут повторяться. Хотя Ливий не имел доступа к документам в сенатских и жреческих архивах, поскольку не занимал никаких должностей, дружба с императором Августом могла открыть историку двери государственных архивов. Надписям на военных трофеях, статуях, семейным изображениям выдающихся

предков, а также записям погребальных речей он не доверял, обосновывая свое недоверие следующим образом: «Непросто одно сообщение предпочесть другому. Я думаю, [историческое] предание искажено из-за надгробных хвалебных речей и лживых подписей к изображениям предков, ибо каждое семейство старается с помощью вымыслов присвоить себе и подвиги, и должности; отсюда, конечно, и эта путаница в том, кто какие подвиги совершил, и в том, что значится в государственных записях. И нет к тому же ни одного писателя, современника тех событий, на свидетельства которого мы могли бы положиться со спокойной душой». Для характеристики современных событий, которые еще не были описаны предшественниками, Ливий проводил самостоятельные исследования. Он был убежден в праве историка на реконструкцию поступков людей прошлого, исходя из собственного понимания их характера. Детальное изучение всех многочисленных противоречий между источниками сделало бы невозможным завершение «Истории» в задуманном объеме при жизни Ливия, но в ряде случаев Ливий подвергал источники критическому анализу и фиксировал разногласия во мнениях между источниками. Некоторые мифы он включал в историю из-за их популярности, но рядом помещал и рационалистические толкования тех же мифов. Так, Ливий изложил легенду, будто младенцев Ромула и Рема выкормила волчица, но затем привел другую версию: будто приёмная мать братьев, Ларенция, «звалась среди пастухов «волчицей», потому что отдавалась любому» (в латинском языке «волчица» и «проститутка» – омонимы и пишутся lupa, отсюда лупанарий – публичный дом). Рассказывая же о зачатии Ромула и Рема девственной весталкой, Ливий опускает известную историкам-предшественникам легенду о явлении ей бога Марса в виде облака. Ливий считал историю средством воспитания и набором примеров для подражания. Свобода, мир и единство были для него важнейшими ценностями, но Ливий был противником власти толпы. Он был убежден, что боги помогают благочестивым и мешают неправедным людям. Они не сходят с неба и не вмешиваются непосредственно в земные дела, но предоставляют удобный случай для победы или создают условия для поражения. Ливий считал, что боги особенно покровительствуют римскому народу, но пренебрежение к богам может обернуться для римлян многими бедствиями. Он записывал в «Истории» все чудесные

знамения (продигии), считая их проявлением воли богов. В связи с этим ученый писал: ««Мне небезызвестно, что из-за нынешнего всеобщего безразличия, заставляющего думать, будто боги вообще ничего не предвещают, никакое знамение не принято теперь ни оглашать для народа, ни заносить в летописи. Однако же, когда пишу я о делах стародавних, душа моя каким-то образом сама преисполняется древности и некое благоговение не дозволяет мне пренебречь в летописи моей тем, что и самые рассудительные мужи почитали тогда важным для государства».

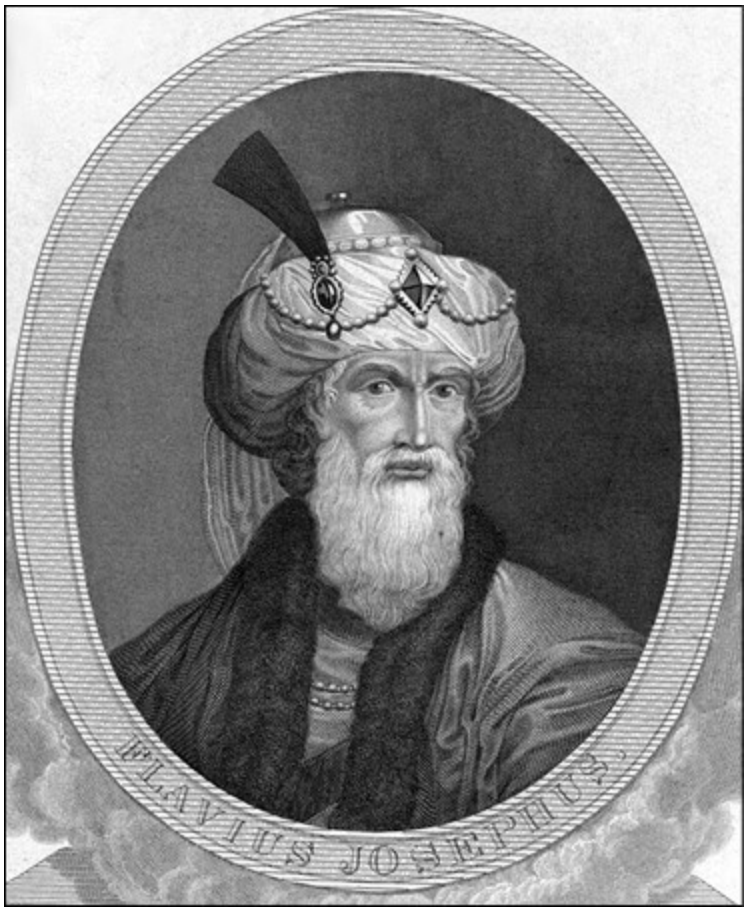

Тит Ливий. Рисунок XVIII в.

Иосиф Флавий
(около 37 – около 100)

Иосиф Флавий (Йосеф бен Матитьяху), древнееврейский историк и военачальник, известен сохранившимися на древнегреческом языке трудами «Иудейская война» (о восстании 66–71 годов) и «Иудейские древности» (где изложена история евреев от Сотворения мира до Иудейской войны). Его отец принадлежал к иудейскому духовенству, а мать была в родстве с иудейскими царями. Он родился в Иерусалиме в 37 году и получил хорошее еврейское и греческое образование. В 56 году Флавий присоединился к фарисеям, религиозной партии приверженцев законам и традициям еврейского народа. В 64 году он ездил в Рим, чтобы защитить нескольких знатных евреев, обвиненных римским прокуратором Иудеи в измене. Благодаря еврею Алигуру, придворному актёру императора Нерона, Флавий познакомился с женой Нерона Поппеей и через неё добился освобождения арестованных. Вернувшись в Иерусалим, он обнаружил, что евреи готовятся восстать против римского владычества. Считая борьбу с Римом безнадежной, Флавий поддержал фарисеев, призывавших к миру, вскоре ему была поручена оборона Галилеи на севере против наступавших римских войск. Когда будущий римский император Веспасиан в 67 году вступил в пределы Галилеи и сильные крепости почти без боя, одна за другой переходили под власть римлян, Иосиф со своим отрядом заперся в крепости Йотапата, где выдержал 47-дневную осаду, прежде чем сдаться. Перед сдачей крепости Иосиф успел вместе с 40 товарищами скрыться в пещере, вход в которую был из глубокой цистерны. Но римляне нашли пещеру, и Веспасиан предложил Иосифу сдаться. Тот согласился, но не мог склонить к тому же своих соратников, собиравшихся убить его за измену. Тогда он предложил умерщвлять друг друга по жребию. Последними остались в живых Иосиф с товарищем, которого он убедил сдаться римлянам. Представленный Веспасиану в римском лагере, Иосиф предсказал ему императорскую власть. Тот сперва не поверил пленнику, но потом, узнав о смерти Нерона и гибели других претендентов на престол, поверил в свою звезду и осыпал Иосифа подарками. Отправляясь в

Рим добывать трон, Веспасиан оставил Флавия со своим сыном Титом, будущим императором, в качестве переводчика и даровал ему свободу. Иосиф как вольноотпущенник принял фамильное имя своего господина – Флавий. При штурме крепости Гамла Флавий показал римлянам слабые места крепостной стены, постройкой которой ранее руководил. Во время осады Иерусалима Иосиф несколько раз выступал в качестве парламентёра, безуспешно убеждая иудеев сдаться. После взятия Иерусалима в 70 году Тит по просьбе Иосифа отдал ему священные книги и освободил 190 человек, укрывшихся в Храме. В дальнейшем Флавий жил при дворе императора Веспасиана, который даровал ему римское гражданство, пожаловал ему поместья в Иудее и помещение в Риме в своём прежнем дворце. Императоры Тит и Домициан также покровительствовали Флавию. Иосиф Флавий умер в Риме. Чаще всего годом смерти историка указывают 100-й. Однако эта дата условна. Точно известно только, что летом 96 года он ещё был жив, а к осени 117 года уже умер.

Иосиф Флавий. Гравюра XVIII в.

Первое сочинение Флавия, «Иудейская война», было написано примерно в 75 году. Историк рассказывает о войне римлян с иудеями и о разрушении Иерусалима. В первых двух книгах кратко сообщается о событиях со времени взятия Иерусалима сирийским царем Антиохом IV Епифаном в 168 году до н. э. и вплоть до отступления от Иерусалима Цестия Галла, римского наместника Сирии, и разгрома его войск иудеями в 67 году н. э. Собственно Иудейской войне посвящены последние пять книг. Другое сочинение Иосифа Флавия, «Автобиография», было написано в царствование Домициана, который правил в 81–96 годах. В нем излагаются факты жизни Иосифа. Здесь он защищает свои распоряжения в должности правителя Галилеи и отрицает обвинения в том, что он первым поднял восстание против римского господства в Иудее. Третье и самое известное сочинение Иосифа Флавия – «Иудейские древности». Этот труд, состоящий из 20 глав, предназначался для греков и охватывал всю историю иудейского

народа на протяжении десятков веков. Флавий включил в него извлечения из иудейских священных книг. Три последние книги описывают события со смерти Ирода Великого до прокураторства Гессия Флора, т. е. до начала Иудейской войны. Также Флавий написал сочинение в двух книгах «О древности иудейского народа. Против Апиона», направленное против александрийского грамматика Апиона, который от лица греческой общины Александрии Египетской обвинил местную иудейскую общину, что она не чтит императора Калигулу как бога. Флавий опровергал эти обвинения. Труды Флавия являются основным источником по истории евреев начиная с эпохи Маккавеев и вплоть до завоевания Иерусалима римлянами и истории древней Палестины. «Иудейские древности» дают независимый от Евангелий рассказ о таких исторических личностях, как Понтий Пилат, Ирод Великий, Иоанн Креститель, Иаков Праведный и Иисус Христос.

«Иудейская война» существовала в двух версиях – арамейской и греческой. Арамейский вариант, созданный в 75 году, предназначался для еврейской общины в Месопотамии и был написан на «языке отцов», т. е. на западноарамейском диалекте. В 78 году был создан вариант на древнегреческом, предназначенный для греков в Римской империи и для образованных римлян, владевших греческим. Есть также переводы на старославянский и иврит, причем в переводе на иврит есть фрагменты, отсутствующие в греческой версии, и, наоборот, отсутствует ряд фрагментов, имеющихся в греческом варианте.

Флавий критиковал современных историков, которые превозносили подвиги римлян и умаляли достижения иудеев. Он опровергал антииудейские утверждения о том, что иудеи служили побежденному богу и были естественно враждебны римской цивилизации. В войне он винил «чрезмерно усердных фанатиков» среди иудеев, а также римских прокураторов, которые отличались чрезвычайно большим мздоимством и выдающейся некомпетентностью. Флавий утверждал, что иудеи признавали власть Рима, потому что их Бог дает власть империям. Сам он декларировал свое намерение излагать события максимально точно, хотя и не беспристрастно, поскольку не может равнодушно писать о событиях войны, в которой сам участвовал.

«Иудейские древности» были завершены в 93 или 94 году. Здесь Иосиф Флавий пересказывал Библию и цитировал или пересказывал

большое количество письменных источников, многие из которых не дошли до наших дней. Он приводит тексты указов правителей Иудеи и договоры между государствами. При этом Флавий старается представить иудеев в наиболее выгодном свете и смягчает или опускает компрометирующие их факты. Самое знаменитое место «Иудейских древностей» – это то, где Флавий говорит об Иисусе Христе: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлёк к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любил его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о Нём и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне ещё существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени». Флавий здесь пишет об Иисусе как о мессии, что было совершенно невозможно для правоверного приверженца иудаизма. Это обстоятельство позволяло сторонникам мифологической школы, отрицавшим историчность Иисуса Христа, считать данное место позднейшей вставкой христианских редакторов. Но еще в 1912 году русский ученый, профессор Дерптского (ныне Тартуского) университета Александр Александрович Васильев (1867–1953) опубликовал во французском журнале «Восточная патрология» текст и перевод хроники Агапия Манбиджского – христианского епископа и арабского историка X века. В этой хронике цитируется и посвященная Иисусу часть труда Флавия, причем Агапий использовал сирийский перевод с недошедшего до нас греческого оригинала. В его изложении данное место звучит следующим образом: «В то время жил мудрый человек, которого звали Иисусом. Образ жизни его был достойным, и он славился своей добродетелью. И многие люди из иудеев и других народов стали его учениками; Пилат приговорил его к распятию и смерти. Но те, кто стал его учеником, не отреклись от его учения. Они сообщили, что он явился им через три дня после распятия и что он был живым. Полагают (или возможно), что он был мессией, относительно которого пророки предсказали чудеса». Здесь о том, что Иисус был мессией, Флавий говорит лишь со ссылкой на мнение, распространенное среди учеников казненного, отнюдь не

солидаризуясь с ним. В примечании к своему переводу хроники Агапия Васильев указал, что данное место восходит к сочинению Иосифа Флавия, однако, похоже, более об этом своем открытии нигде не упоминал.

Луций Местрий Плутарх (между 45 и 50 – между 119 и 125)

Луций Местрий Плутарх (греческое имя – Плутарх), древнегреческий историк, писатель и философ римской эпохи, родился в беотийском городе Херонея между 45 и 50 годами до н. э. Он был жрецом храма Аполлона в Дельфах. Плутарх стал основоположником биографического жанра в историографии. Самый известный и большой по объему его труд, «Сравнительные жизнеописания», состоит из 22 биографий 46 выдающихся греческих и римских политиков. «Сравнительные жизнеописания» оказали большое влияние на развитие биографического жанра, сделав имя Плутарха нарицательным.

Плутарх происходил из состоятельной и образованной семьи, но не принадлежавшей к старой аристократии. Отца его звали Автобул. В возрасте около 20 лет Плутарх уехал учиться в Афины, к александрийскому философу-платонику (академику) Аммонию, а потом вернулся в родную Херонею, занимал должность избираемого на год эпонимного архонта (высшая должность в городе; именем человека, занимавшего эту должность, называли год, когда он был в должности) и другие местные магистратуры. В доме Плутарха собиралась молодёжь, которую он учил философии и другим наукам. В конце 90-х годов его избрали одним из двух пожизненных жрецов храма Аполлона в Дельфах. Он также был посвящён в мистерии Диониса и, возможно, Исиды. Плутарх много путешествовал, главным образом по Греции, и посетил места многих знаменитых сражений. Он также побывал в Македонии, на Крите, в Италии, Египте, Малой Азии и неоднократно посещал Рим. В Италии он прочёл несколько публичных лекций по философии. Благодаря соратнику императора Веспасиана Луцию Местрию Флору Плутарх получил римское гражданство под именем Луция Местрия Плутарха. В Риме у него было много влиятельных друзей. Плутарх владел латинским языком, но книге на латыни стал читать только в зрелом возрасте, а свои сочинения писал на древнегреческом. Император Траян даровал Плутарху консульское достоинство и некий аналог права вето в

отношении всех действий наместника Иллирики. А в 119 году Плутарх стал прокуратором Ахайи (Греции). Он умер между 119 и 125 годами.

Плутарх. Античная скульптура из Дельф

Внук или племянник Плутарха Секст Херонейский был одним из наставников будущего императора Марка Аврелия. 78 философских, педагогических и литературных сочинений Плутарха на рубеже XIII и XIV веков были объединены византийским учёным Максимом Планудом в сборник «Моралии». Крупнейшее сочинение в этом сборнике – «Застольные беседы» – является частично автобиографическим.

Главное сочинение Плутарха «Сравнительные жизнеописания» создавалось между 96 и 110 годами. До наших дней дошли 22 парные биографии (включая одну тетраду). Кроме того, Плутарх написал парную биографию Эпаминонда и Сципиона Эмилиана, которая не сохранилась. Таким образом, из 48 биографий нам доступны 46. Каждая парная биография «Сравнительных жизнеописаний» состоит из пролога, биографий греческого и римского персонажей, а также их сравнения, хотя прологи и сравнения составлялись или сохранились не для всех пар биографий. Плутарх собирался также написать биографии спартанского царя Леонида и Метелла Нумидийского, но не успел этого сделать. Все персонажи «Сравнительных жизнеописаний» – политики или полководцы. Отсутствуют философы и деятели искусства. Плутарх четко разделял своих персонажей на положительных и отрицательных, но при этом он не скрывал недостатков идеализируемых положительных персонажей и не демонизировал отрицательных, признавая за ними определенные достоинства. Он утверждал: «Мы пишем не историю, а жизнеописания, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов». Плутарх сосредоточивался на биографиях своих героев и только сквозь призму биографий описывал великие исторические события, вроде битв или осад. В прологе к биографии афинского политика и военачальника Никия он подчеркивал: «…мы должны сразу же настоятельно просить тех, пред кем лежит наше сочинение, не думать, будто, повествуя о событиях, с недосягаемым мастерством изложенных у Фукидида, превзошедшего самого себя в

силе, ясности и красочности описаний, мы поддались тому же соблазну, что и Тимей, который, надеясь затмить Фукидида выразительностью, Филиста же выставить полным невеждой и неучем, погружается в описание боев, морских сражений и выступлений в народном собрании, про которые по большей части уже существует удачный рассказ у этих историков… Нельзя, конечно, обойти молчанием события, описанные у Фукидида и Филиста, а потому я вынужден бегло коснуться их, и прежде всего тех, которые выявляют характер и природные качества Никия, трудно распознаваемые в пучине бедствий; во избежание упреков в небрежности и лени я попытался собрать то, что большинству остается неизвестным, – беглые упоминания, содержащиеся в разных сочинениях, надписи на древних памятниках, решения народных собраний. Я старался избежать нагромождения бессвязных историй, а изложить то, что необходимо для понимания образа мыслей и характера человека». А в трактате «О злокозненности Геродота» Плутарх критиковал «отца истории» за недостаточное внимание к благородным деяниям и речам. Для Плутарха биографический жанр имел прежде всего воспитательное значение и должен был побудить читателей к этическому самосовершенствованию. Биографии рассматривались как практическая иллюстрация моральных принципов и способ передачи опыта, набор как положительных, так и отрицательных примеров. Плутарх намеренно опускал многие важные в историческом отношении факты, которые не имели большого значения для раскрытия личности и характера персонажа. Он уделял большое внимание личной жизни, привычкам, анекдотическим ситуациям. Поэтому в биографиях встречаются отступления от хронологической последовательности изложения. Всего в качестве источников для «Жизнеописаний» Плутарх использовал сочинения 135 авторов, большинство из которых дошли до нас через тексты написанных Плутархом биографий. При цитировании источников Плутарх чаще всего прибегал к их пересказу, сокращая малозначимые и расширяя важные фрагменты, а также излагая события в иной последовательности. Он демонстрирует мастерство критического анализа, когда разбирает противоречащие друг другу свидетельства об одном и том же событии, а следуя одному из источников, порой также брал отдельные детали, которые казались достоверными, из

альтернативного источника. Вслед за Платоном Плутарх писал о необходимости доверять управление государством философам, хотя и отмечал ошибки, совершенные политиками с философским мышлением. Он высоко ценил политическую доблесть и безоговорочно осуждал любые братоубийственные войны.

Кроме «Сравнительных жизнеописаний», Плутарх создал также «Жизнеописания цезарей» – биографии первых восьми римских императоров, от Октавиана Августа до Вителлия, из которых сохранились только биографии Гальбы и Отона. Еще Плутарх написал биографии исторических деятелей, связанных с Грецией, – политика Арата Сикионского, Артаксеркса, Сципиона Африканского, Геракла, Гесиода, Пиндара, Кратета, Даифанта, Аристомена и поэта Арата, из которых сохранились только первые две.

Плутарх видел смысл человеческой жизни в уподоблении себя богам путём развития добродетельности. Он также отличался любовью к животным, которые, как он верил, обладают разумом, и потому был вегетарианцем и пропагандировал это.

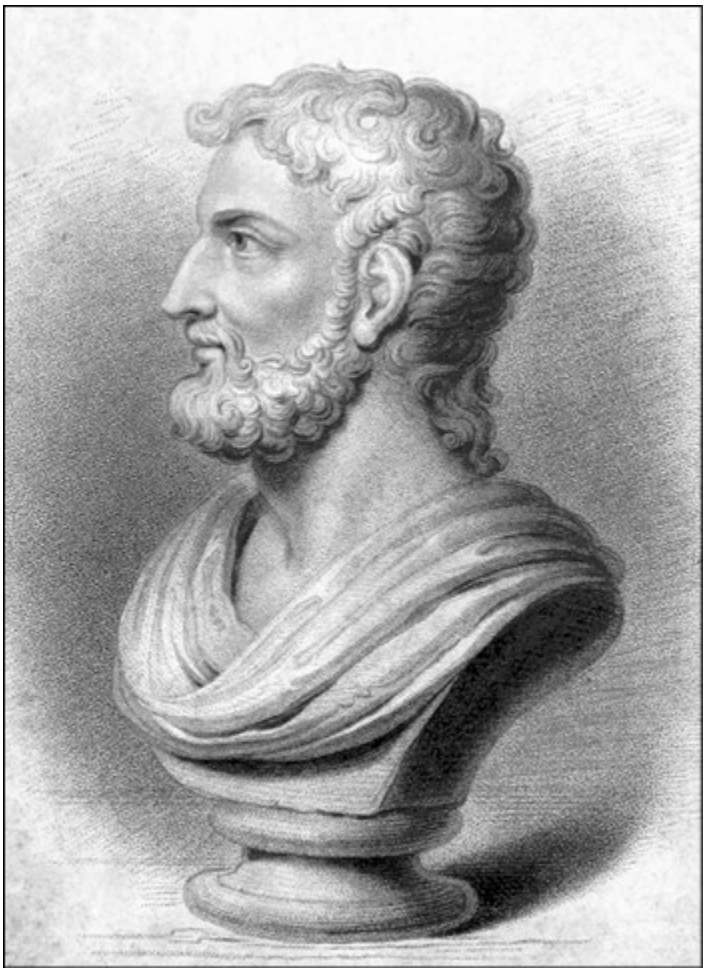
Публий (Гай) Корнелий Тацит (около 55 – около 120)

Публий (или Гай) Корнелий Тацит – один из самых известных древнеримских историков, автор капитальных исторических трудов «История» и «Анналы» и трех небольших сочинений «Агрикола», «Германия» и «Диалог об ораторах». Он родился предположительно между 55 и 58 годами, скорее всего, в Нарбоннской Галлии. По всей вероятности, отец историка Корнелий Тацит был прокуратором Белгики, хотя нельзя исключить, что эту должность занимал сам историк. Предполагается, что он происходил из всаднического рода, хотя есть версии, что род Тацита принадлежал к патрициям или вольноотпущенникам. Он получил хорошее риторское образование и стал популярным оратором. В 76 или 77 году Тацит обручился с дочерью полководца Гнея Юлия Агриколы. Тогда же началась его государственная карьера при императорах Веспасиане, Тите и Домициане. В 81 или 82 году Тацит был квестором, спустя два или три года стал трибуном или эдилом, а в 88 году – претором. В 97 году Тацит назначен одним из консулов-суффектов (консулов для замещения выбранных консулов) по заранее утверждённому списку. С лета 112 до лета 113 года Тацит был проконсулом в Азии. Он умер в 120 году или позднее, в 120-х годах. Место смерти Тацита неизвестно.

Тацит считал, что историк должен писать «без гнева и пристрастия». Первым сочинением Тацита стала биография его тестя Гнея Юлия Агриколы, где основной упор был сделан на его военные кампании на Британских островах. Предположительно оно было создано в 98 году. Тацит пытался убедить своих читателей, что умеренный и добродетельный человек, олицетворяющий римскую доблесть, способен достичь успеха при любом, даже самом суровом, императоре. Книга также содержит этнографические и географические отступления о Британии. Уже в этой книге есть краткий очерк о терроре эпохи Домициана и раболепстве сената перед тираном. Об этом времени он писал: «Мы же явили поистине великий пример терпения; и если былые поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы – такое же порабощение, ибо

нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать». Сменившего же Домициана императора Нерву Тацит хвалил за то, что он «в самом начале нынешней благословенной поры совокупил вместе вещи, дотоле несовместимые, – принципат и свободу». В своем следующем сочинении – «О происхождении и расположении германцев», также написанном в 98 году, Тацит описал германские племена, с которыми римляне постоянно воевали. Нравы германцев Тацит оценивает достаточно высоко и представляет этот народ как грозного противника. Но в тексте нет никаких указаний на то, что он лично побывал в германских землях. В своем первом большом труде «История» Тацит описал события римской истории 68–96 годов, начав повествование с года четырёх императоров (68–69 год), когда после свержения и самоубийства императора Нерона у власти оказались сразу четыре императора в один год: Гальба, Отон, Вителлий и Веспасиан. «История» состояла из 14 книг и была закончена около 109 года. От этого труда Тацита сохранились четыре первые книги и начало пятой, в которой повествование доведено до 70 года. В своих работах Тацит старался не называть точную численность сражающихся армий и количество военных потерь. При описании битв и военных походов он редко давал топографию местности и почти не говорил о тактике сторон. В «Истории» Тацит утверждал, что правитель-император не должен быть глупцом, как Гальба, который из-за приверженности юридическим формальностям и отсутствия политического реализма упустил контроль над легионами и погиб. Но правитель не должен быть и тираном, каким был Домициан. Положительный пример Тацит видел в том, как император Марк Кокцей Нерва усыновил популярного полководца Марка Ульпия Траяна, сделав его своим соправителем и наследником. О периоде правления императоров Нервы и Траяна Тацит отзывался как «о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает», поскольку «Нерва в самом начале нынешней благословенной поры совокупил вместе вещи, дотоле несовместимые: принципат и свободу». Траян смог сохранить единство армии и предотвратить новые гражданские войны. Тацит считал, что будущее Рима – за наследниками, которых императоры

будут выбирать не из своих родственников, а из наиболее достойных граждан, способных обеспечить политическую стабильность, внутреннюю и внешнюю безопасность Римской империи, сохранить престиж и роль сената как противовеса тирании. Эту систему правления позднее назвали адоптивной монархией. «История» написана с точки зрения аристократа, который презирает и боится толпы, но также презирает и тех сенаторов, которые запятнали себя участием в заговорах, лестью и беспринципностью, на публике же выставляя себя защитниками интересов римского народа. Сенаторов Тацит считал коррумпированными, разложившимися и готовыми удовлетворить любую прихоть императора. В главном и наиболее известном своем труде «Анналах», законченном около 119 года и охватывающем период 14–68 годов, от смерти Августа до смерти Нерона, Тацит, как и в «Историях», в качестве источника использовал протоколы сената, к которым имел доступ.

Тацит. Гравюра 1829 г.

«Анналы» состоят из 16 книг, но книги с 7-й по 10-ю не сохранились, а 5, 6, 11 и 16-я дошли до нашего времени только частично. Название «Анналы» – позднейшее, вытекающее из разбивки описания по годам. Оригинальным, скорее всего, было название «Книги истории от смерти Божественного Августа». Главную заслугу Августа и императорского строя в целом историк видел в прекращении кровопролитных гражданских войн, а гражданскую войну «нельзя ни подготовить, ни вести, соблюдая добрые нравы». Происхождение гражданских войн Тацит связывал с превращением Рима из города-государства, чья власть не простиралась дальше Италии, в мировую державу: «Жажда власти, с незапамятных времен присущая людям, крепла вместе с ростом нашего государства и наконец вырвалась на свободу. Пока римляне жили скромно и неприметно, соблюдать

равенство было нетрудно, но вот весь мир покорился нам, города и цари, соперничавшие с нами, были уничтожены, и для борьбы за власть открылся широкий простор». Тацит так сформулировал цель своего труда: «Я считаю главнейшей обязанностью анналов сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве». Императоров Тиберия и Нерона Тацит изображает тиранами, которые внушали ужас подданным. Но если за Тиберием он признает прежнее величие, то Нерона считает достойным лишь презрения. Тацит был также автором «Диалога об ораторах», где речь идет об упадке ораторского искусства в Риме.

Гай Светоний Транквилл (около 70 – после 122)

Гай Светоний Транквилл, древнеримский историк, учёный-энциклопедист, личный секретарь императора Адриана, наиболее известен сборником биографий «Жизнь двенадцати цезарей» на латинском языке. Он родился около 70 года и происходил из сословия всадников. Его отец Светоний Лет был военным трибуном в XIII легионе, до 67 года расквартированном в Верхней Германии, затем в Паннонии, а с 68 года – в Италии. Во время гражданской войны 69 года легион выступил на стороне Отона, но в битве у Кремоны потерпел поражение от войск Вителлия, который заменил офицеров в XIII легионе своими сторонниками. В молодости Светоний познакомился с государственным деятелем, писателем и юристом Плинием Младшим, который ему покровительствовал. Он вошел в кружок Плиния Младшего, игравшего видную роль в культурной жизни Рима. Вероятно, Светоний был знаком с историками Публием (или Гаем) Корнелием Тацитом и Луцием Местрием Плутархом. Он занимался адвокатской практикой, самостоятельно ведя дела, и преподавал риторику. В 101 году Плиний выхлопотал у Нератия Марцелла трибунские полномочия для Светония, но тот в последний момент отказался от должности, попросив передать ее своему родственнику Сильвану. Возможно, Светоний не хотел ехать вместе с Марцеллом в Британию на несколько лет. Около 112 года Траян ввёл Светония в число «избранных судей», у которых было исключительное право становиться присяжными. Историк также стал членом двух небольших жреческих коллегий. В начале правления Адриана, около 119 года, Светоний начал работу в императорской канцелярии в должности заведующего письмами (секретаря, ведавшего императорской корреспонденцией). Также в его ведении находились публичные библиотеки и канцелярия по учёным делам. Основные же обязанности Светония сводились к рассылке приказов императора по всей империи, назначениям офицеров и сбору назначенных к императору. Секретарь получал все вести от легионов и вспомогательных войск, а также сведения о важных событиях,

влияющих на сельское хозяйство (разлив Нила, дожди в Северной Африке и т. п.). В обязанности секретаря входило знакомство со всей входящей корреспонденцией и составление писем от имени императора. Поэтому секретарями становились люди с литературными способностями. Жалованье секретаря было очень высоким, поэтому Светоний был в состоянии устроить жене пышные похороны и установить ей памятник, похожий на дворец. Однако в 121 или 122 году Светоний был отправлен в отставку. Точное время и место его смерти неизвестно, но она произошла после 123 года.

Светоний. Рисунок XVIII в.

Главное сочинение Светония, «Жизнь двенадцати Цезарей» (в 8 книгах), включает в себя биографии римских императоров от Цезаря до Домициана. Труд посвящён покровителю Светония префекту претория Гаю Септицию Клару. Все биографии построены по единой

схеме: происхождение и молодость императора, его политическая, военная, судебная деятельность, черты характера, внешность, образ жизни, обстоятельства смерти и погребение. Хронологическая последовательность соблюдается только в разделе о жизни императоров до начала правления. Светоний стремился не к поиску причин явлений и не к историческим обобщениям, а к оценке событий. Он подчеркивает как положительные, так и отрицательные качества императоров. Главное внимание он уделяет личности правителя, а не историческим событиям времени его правления. Крупные восстания и войны становятся лишь поводом для рассказа об интересных событиях в жизни императоров. Лучшими правителями Светоний считал Августа и Тита, положительно относится к Веспасиану и Отону.

Работа была завершена не ранее 119 и не позднее 121 года. Она дошла до нашего времени практически полностью, за исключением самого начала 1-й книги. Историк опирался на труды предшественников, многие из которых не сохранились (всего он упоминает около 30 авторов), и на документы. В жизнеописаниях Цезаря и Августа цитируется их переписка, причем больше всего – личная переписка Октавиана Августа. В жизнеописаниях Тиберия, Калигулы и Клавдия также встречаются выдержки из их личной переписки. Кроме того, использована личная переписка Нерона. Возможно, значительную часть своего сочинения Транквилл написал уже после отставки, когда не имел доступа к императорским архивам. В биографии Клавдия Светоний оставил одно из самых ранних упоминаний об Иисусе Христе и о христианах в римской литературе: «Иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, он изгнал из Рима». Упоминаемый Светонием Хрестос, как правило, отождествляется с Иисусом, так как написание «Хрестос» через «е» было распространено в латиноязычной среде как по фонетическим причинам, так и в силу традиции, существовавшей ещё и в IV веке. Светоний также использовал такие малодоступные первоисточники, как автобиография Тиберия, его речи и письменные заявления в сенате, а также протоколы сенатских заседаний. Помимо того, он собрал эпиграммы на императоров и бытовавшие в Риме анекдоты про них. Наряду с этим Светоний использовал свидетельства очевидцев, в том числе рассказы своего деда и отца, воспоминания мальчика-раба, который присутствовал во время убийства Домициана, воспоминания других

лиц, а также собственные воспоминания. Он цитирует высказывания императоров, особенно их шутки и остроты.

Другое широко известное сочинение Светония – «О знаменитых людях» (или «О знаменитых мужах») – представляло собой сборник биографий известных деятелей римской культуры и состояло из пяти разделов: жизнеописаний поэтов, ораторов, историков, философов, грамматиков и риторов. Предполагается, что оно было завершено и издано раньше «Жизнеописаний двенадцать цезарей», между 105 и 114 годами. Раздел о грамматиках и риторах сохранился фрагментарно, а остальные разделы труда до нас не дошли. Кроме того, Светоний является автором сохранившихся до наших дней лишь в небольших фрагментах 23 сочинений – «О знаменитых гетерах», «О царях», «О Риме (нравы и обычаи; римский год; римские праздники; одежда)», «Об играх греков» (это сочинение дошло в позднем пересказе), «Об общественных должностях» и др.

Аммиан Марцеллин
(около 330 – после 395)

Аммиан Марцеллин, древнеримский историк и офицер римской армии, родился в Антиохии Сирийской между 325 и 335 годами и был сирийским греком, но свое единственное сохранившееся сочинение «История», или «Деяния», написал на латыни. Он считается последним крупным античным историком. Его называли «последним великим историком Рима». Предки Аммиана были выходцами из Малой Азии и принадлежали к провинциальной аристократии. Будущий историк получил хорошее образование. В 354 году Аммиан уже являлся одним из протекторов-доместиков, т. е. офицером императорской охраны и телохранителем императора. Поэтому он был в курсе важнейших событий и хорошо разбирался в военном деле. В 353 году он по указанию императора Констанция II был прикомандирован к магистру конницы Урсицину, направленному в Антиохию для расследования обстоятельств, связанных с делом о возможной государственной измене. С 353 по 359 год Аммиан в свите Урсицина находился сначала в Антиохии, а затем в Италии и Галлии. В 357 году шахиншах Шапур II Аммиану было поручено, используя своё знакомство с сатрапом Кордуэны Иовинианом, тайным сторонником Рима, разведать планы персидской армии. В дальнейшем, в 359 году, Аммиан находился в римской крепости Амида, осаждённой персами, и был одним из организаторов обороны. Во время взятия Амиды персами Аммиану чудом удалось спастись под покровом ночи и добраться до Мелитены, где в это время находился и Урсицин. Вместе они отправились в Антиохию. В 363 году император Юлиан предпринял поход за Евфрат, в котором участвовал и Аммиан. Через некоторое время после похода Аммиан вышел в отставку и предпринял поездку по Египту и Греции. В 371 году он был в Антиохии, где пережил террор, захлестнувший восток империи при императоре Валенте. В дальнейшем Аммиан переехал в Рим, где в 371 году, во время голода, подвергся репрессиям. Он умер в конце IV или в начале V века в Риме.

Сочинение Аммиана, скорее всего, называлось «Деяния в тридцати одной книге», но чаще всего его называют «Историей», или «Римской историей». Оно было написано до 391 года. Из 31 книги сохранились книги с 14-й по 31-ю, где описываются события 353–378 годов, от подавления восстания Магненция до битвы при Адрианополе и гибели императора Валента II. Разгром римлян в этой битве готами обычно считается началом распада Римской империи. В этих книгах Аммиан, по своему же признанию, больше полагается на собственные воспоминания и устные свидетельства современников, чем на труды других историков. Вообще же начинается повествование с 96 года. Аммиан излагает события в хронологическом порядке, но делает ряд экскурсов, непосредственно не связанных с политической историей. Среди них – описания отдельных географических объектов, стран, регионов и народов, в том числе сведения о нравах жителей города Рима, а также сообщения о землетрясениях, чуме, солнечных и лунных затмениях и других необычных природных явлениях, о судьбе, о способах предсказания будущего, о магах, о военных машинах. Кроме того, в «Историю» включены биографии императоров Цезаря Галла, Констанция II, Юлиана Отступника, Иовиана, Валентиниана I и Валента II. Аммиан поместил в свою «Историю» в текст речи и письма персонажей, хотя и не слишком обильно: в сохранившихся 18 книгах всего лишь 12 речей и 3 письма. Он также использовал большое количество трудов своих предшественников – едва ли не все литературное наследие Античности. Но, используя традиционный исторический материал, Аммиан вносил в него собственные мысли и идеи. Основной принцип ученого сводился к максимальной достоверности сообщаемых сведений. Он избегал вымысла и старался не умалчивать обо всех значимых событиях, о которых имел информацию, казавшуюся правдивой. Историк утверждал: «Я обещал в труде своем дать истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием и ложью». Аммиан был язычником, но терпимо относился к христианству, являвшемуся государственной религией. Он считал христианство «простой и понятной» религией, хотя утверждал, что «дикие звери не так враждебны к людям, как христианские секты друг к другу». Для Аммиана характерно всеобъемлющее и в целом беспристрастное изложение событий, очевидцем которых он был. Аммиан подробно описывает сражения, но

глазами полевого командира, а не полководца, и порой из его описания трудно понять, почему битва закончилось победой той или другой стороны. Аммиан уделяет основное внимание конфликтам – военным и социальным. Главной причиной социальных разногласий он считал голод или угрозу голода. Римская империя представлялась историку как сплав римской организации и греческой духовности. Он критиковал как пороки аристократии, так и террор против аристократии и презирал «праздную и ленивую чернь». Аммиан крайне негативно относился к варварам и особенно кочевникам – главным врагам Римской империи в IV веке – и делает упор на мужестве римских воинов. Поход Юлиана против персов он рассматривает как превентивное действие, призванное нейтрализовать возможность персидского вторжения на римскую территорию. Для Аммиана характерно сравнение событий настоящего и прошлого. Преклоняясь перед славным героическим прошлым римского народа, Аммиан рисует яркие сатирические картины упадка нравов в настоящем. По его мысли, «добрый правитель должен ограничивать свое имущество, бороться с порывами страсти и с побуждениями сильного гнева и знать, как говаривал диктатор Цезарь, что воспоминание о жестокости – плохая подпора в старости». Идеальными правителями он считал императоров Траяна, Марка Аврелия и Юлиана.

Анналы Марцеллина. Издание 1693 г.

Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 – после 565)

Прокопий Кесарийский, один из наиболее ярких византийских историков и секретарь полководца Флавия Велизария, был эллинизированным сирийцем и родился в Кесарии Палестинской между 490 и 507 годами. Он прославился историческими сочинениями «История войн римлян с персами, вандалами и готами» и «Тайная история» и панегирическим трактатом в честь Юстиниана I «О постройках», где описаны наиболее известные здания, возведенные в его царствование. Он получил образование в местной риторической школе, а затем учился на юриста. Историк и поэт VI века Агафий писал, что Прокопий «изучил необыкновенно много и, так сказать, перерыл всю историю». Прокопий знал восточные языки, в том числе персидский. Не исключено, что он происходил из сенаторской аристократии. В 527 году он был назначен на должность секретаря и советника Велизария. В 527–531 годах Прокопий вместе с Велизарием участвовал в войне с Персией, в 532 году пребывал в Константинополе, где наблюдал восстание Ника, вместе с Велизарием в 533–536 годах завоевывал королевство вандалов в Африке, а в 536–540 годах – королевство остготов в Италии. В 541 году Прокопий опять побывал в восточных провинциях, куда в 540 году вторглись персы, в 542 году – в Константинополе, где свирепствовала чума, а в 542–546 годах – снова в Италии, где сражался с готами. Прокопий вёл переписку Велизария, составлял доклады полководца Юстиниану и участвовал в переговорах. Он обильно цитирует в своем главном сочинении «История войн» письма и речи Велизария, которые сам же и написал. Умер Прокопий после смерти великого полководца, скончавшегося в 565 году.

В «Истории войн» Прокопий приводит сведения по этнографии народов и географии областей, в которых побывал, а также психологические портреты персонажей. Две первые книги этого сочинения повествуют о походе Велизария против персов, две следующие – о войне Велизария с вандалами, а затем три книги посвящены войнам с остготами в Италии, которую вели Велизарий и

Нарцесс. Он так описал цели своего труда: «Прокопий Кесарийский описал войны, которые вел василевс римлян Юстиниан с варварами Востока и Запада, рассказав, как прошла каждая из этих войн, с тем, чтобы огромная вечность не поглотила оказавшиеся незапечатленными великие дела, предав их забвению и не оставив от них следа. Он считал, что память о них станет делом значительным и очень полезным как для ныне живущих, так и для тех, кто будет жить после них, если людям и впредь будет суждено испытать подобную участь. Для тех, кто стремится к войне или прочим подвигам, изложение сходных исторических событий принесет известную пользу, поскольку укажет им, к чему приводила их предшественников такая борьба, как бы предсказывая, каков будет ее исход, по крайней мере, для тех из них, кто надлежащим образом обдумывает свои дела. Кроме того, он сознавал, что более, чем кто-либо другой, способен описать эти события, хотя бы по той причине, что, будучи избран советником полководца Велизария, он оказался очевидцем почти всех происходивших тогда событий. Он убежден, что риторике подобает красноречие, поэзии – вымысел, истории – истина. Поэтому он ничего не скрыл из дурных поступков даже тех, кто был ему особенно близок, но тщательно описал все так, как происходило, независимо от того, хорошо ли им случалось поступать или нет. Тому, кто желает судить по справедливости, покажется совершенно очевидным, что нет ничего более мощного и грандиозного, чем те события, которые произошли в этих войнах. В ходе их были совершены дела более достойные удивления, нежели все те, о которых нам известно по преданию, разве только кто-нибудь, читая наш рассказ, не отдаст предпочтение старым временам и не посчитает события своего времени не заслуживающими внимания… И все же есть люди, которые, пренебрегая всем этим, благоговеют перед древностью и дивятся ей, не отдавая дани новым изобретениям. Однако вопреки этому мнению в ходе этих войн произошли дела величайшие и достопамятные». Велизарий – главный герой «Истории войн», он показан талантливым военачальником и мудрым государственным деятелем. Вокруг его личности сосредоточены события войн, призванных восстановить Западную Римскую империю под скипетром византийского императора. Но Прокопий сомневался, что по своим моральным качествам Юстиниан может стать тем правителем, который восстановит Римскую империю.

Велизарию противостоит в «Истории войны с персами» антигерой – шахиншах Хосров, злой гений как персов, так и византийцев. Семь книг «Истории войн» завершаются событиями 550 года и были опубликованы в 551 году. В 8-й книге дан обзор последующих событий до 553 года. Прокопий верит в судьбу, которая правит миром, но реализуется она через Божью волю. По поводу разрушения Антиохии персами он восклицает: «У меня же кругом идет голова, когда я описываю такое бедствие и передаю его памяти грядущих поколений, и я не могу понять, какую цель преследует Божья воля, так возвеличивая человека или место, а затем вновь низвергая их и стирая с лица земли по причине нам совершенно неясной. Ибо нельзя же сказать, что все совершается у Него беспричинно, хотя он попустил, чтобы Антиохия, красота которой и великолепие во всем даже и теперь не исчезли бесследно, оказалась разрушена до основания рукой нечестивейшего из смертных». Поиск истины Прокопий считал главной целью историка.

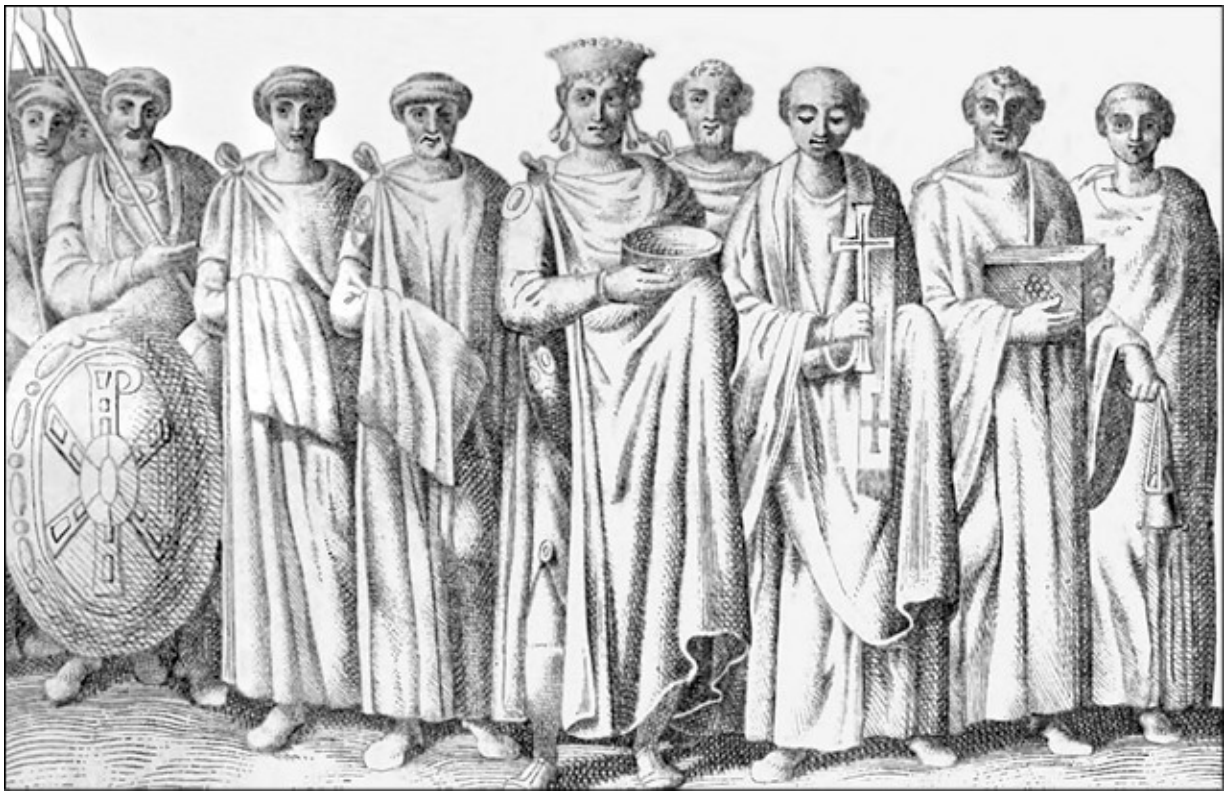

Иллюстрация из трехтомного издания трудов Прокопия Кесарийского в Италии, XVIII в.

Второе знаменитое сочинение Прокопия – памфлет «Тайная история» – носит мемуарный характер. Он так объясняет задачи этого труда, прямо противоположные «Истории войн»: «Обо всем том, что вплоть до сегодняшнего дня выпало на долю римского народа в ходе войн, я рассказал, как смог, расположив изложение событий в соответствии со временем и местом происходившего. Отныне, однако, мое повествование пойдет иным путем, ибо теперь я буду описывать все, что произошло в самых разных частях Римской державы. Причина же заключается в том, что пока были живы вершители этих дел, «я не мог описать их должным образом. Ибо невозможно было мне одному укрыться от множества соглядатаев, а если бы я был изобличен, не избежать мне было бы самой жалкой смерти. Ибо даже на самых близких родственников я не мог положиться. Более того, я был вынужден скрывать причины и многих из тех событий, которые были изображены мной в прежнем повествовании. Поэтому я считаю своим долгом рассказать в этой книге о том, о чем доселе не было сказано, и раскрыть причины уже описанного мной. Но, обращаясь к этому новому предприятию, весьма тяжкому и трудновыполнимому, касающемуся жизни Юстиниана и Феодоры, я дрожу от страха и испытываю желание отступиться от него, стоит мне лишь помыслить, что то, о чем я ныне собираюсь написать, покажется будущим поколениям невероятным и неправдоподобным, особенно когда неумолимый ход времени сделает молву совсем древней… Однако в дальнейшем написать историю этих деяний меня побудила мысль, что для тех, кто в будущие времена окажется тираном, станет вполне очевидным, что им самим никак не избегнуть кары за собственные прегрешения подобно тому, как пришлось претерпеть ее и этим людям, а кроме того, их дела и нравы тоже окажутся навеки запечатленными, вследствие чего они, возможно, с большим опасением станут совершать свои беззакония…» Историк обличает деспотическое правление Юстиниана и его жены Феодоры, их жестокость и коварство, а также чрезмерный налоговый гнет, который привел к упадку империи. Прокопий осуждает Юстиниана и его супругу за разрушение государственных устоев. В Юстиниане же он вообще видел воплощение дьявольского начала. Прокопий также обличает характерные для императорского двора борьбу за власть, клевету и

погоню за наслаждениями. Российский историк Византии Ф.И. Успенский так охарактеризовал его вклад в мировую историографию: «Значение Прокопия в историографии VI в. обуславливается, с одной стороны, шириной затрагиваемой его трудом области, с другой – в высокой степени умными, подробными и основательными его сообщениями. Большая часть тогдашних германских племен имеет в нем лучшего знатока их истории. Славянская история и древность черпают у Прокопия единственные по своей важности известия о быте и верованиях славян. За Прокопием осталось громадное, непоколебимое и несравненное преимущество: он относился к современному ему варварскому миру если не с любовью, то без обычного, свойственного византийцам пренебрежения. Иногда у Прокопия нет предшественников и руководителей в изучении предметов, о которых он пишет; тут ему помогали личные сношения, расспросы и наблюдения – таковы многие прекрасные главы о внутреннем быте варваров».

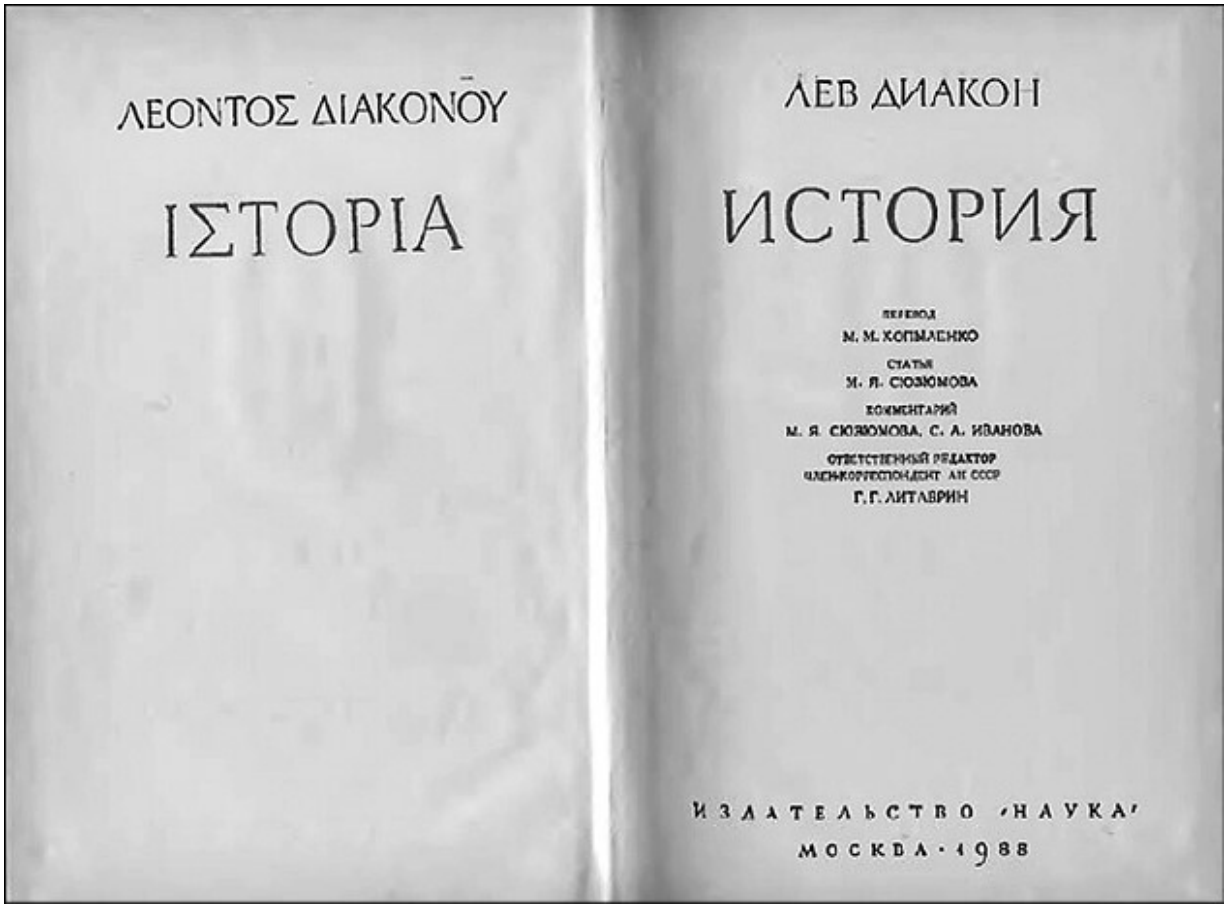
Лев Диакон
(около 950 – около 1000)

Лев Диакон, византийский историк, принадлежал к придворным кругам, автор «Истории» в 10 книгах. Он родился в сельской местности, в Калоэ на реке Каистр во Фракии, около 950 года. Его родители были богатыми людьми и направили сына учиться в Константинополь. Отца будущего историка звали Василием. После окончания школы риторики Лев некоторое время был патриаршим диаконом, а к 975–980 годам стал императорским придворным дьяконом. Он сопровождал императора Василия II в его походах и в 986 году чуть не погиб в бою с болгарами. Около 996 года Лев Диакон выступил с речью, прославляющей императора, текст которой дошел до наших дней. В нем он хвалит Василия II за воздержанность, проявившуюся с юных лет. Он отмечает, что империя в 970–980-х годах была на краю гибели и-за появления множества узурпаторов, и хвалит императора за то, что тот проявил милосердие и пощадил заслуживавших казни и ограничил своеволие знатных, грабивших чужое имущество. Лев Диакон прославлял воинскую доблесть императора и его заботу о делах государства. После 996 года достоверных данных о жизни историка нет. По одной из версий, Лев Диакон умер вскоре после произнесения похвальной речи императору и не успел включить период правления Василия II в свою «Историю». Согласно второй версии, после панегирической речи император приблизил историка к себе и Лев Диакон – это известный по переписке с Василием II Лев, которого император отправил с дипломатической миссией в Италию в 996–998 годах. Позднее он, возможно, стал епископом Синады. Согласно третьей версии, Лев Диакон стал митрополитом Карийским. Время его смерти неизвестно. Возможно, он умер около 1000 года.

«История» Льва Диакона в 10 книгах описывает события 959–976 годов, но содержит ряд экскурсов в более ранние времена, а также некоторые факты более позднего времени. Наиболее позднее событие, упомянутое в «Истории», – это землетрясение 26 октября 989 года, когда пострадал храм Святой Софии в Константинополе. По всей

вероятности, главный труд Льва Диакона был завершен в 989 или в 990 году. «История» была написана на греческом языке. В ней автор противопоставлял славные времена Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия неудачному началу правления Василия II. Он писал как о тех событиях, которые наблюдал лично, так и о события, сведения о которых почерпнул из официальных документов. Лев Диакон также использовал труды других историков и житийную литературу. Он верил, что Божественный Промысел влияет и на историю, и на природу, в частности вызывая землетрясения, и вмешивается в судьбы людей. Историк был сторонником сильного государства и сильной власти в нем, поскольку при слабых правителях Византийской империи грозит гибель. Лев Диакон полагал, что судьба никогда не дает людям полного счастья – она всегда к чему-то доброму присовокупляет какое-то несчастье. «Если бы завистливая судьба не прервала жизнь Никифора Фоки, ромейское государство достигло бы высшего могущества, но ведь Провидение презирает заносчивый дух человека, укрощает его, обращает в ничто!» Историк был убежден, что народ должен быть пассивен и подчиняться власти императора. Балканские войны киевского князя Святослава в 968–971 годах занимают важное место в «Истории». В предисловии к своему главному труду Лев Диакон писал, подчеркивая дидактическое значение описания событий прошлого: «Если и имеется какое-либо из благ, приносящих пользу в жизни, то, во всяком случае, не меньше, а больше всего оказывает нам услуги, является необходимой и полезной история. Она вскрывает разнообразные и многоразличные деяния, которые возникают и естественным порядком, под влиянием времени и обстоятельств, и в особенности по произвольному решению лиц, занимающихся государственными делами, и учит людей одно одобрять и ставить себе в качестве образца, другого же гнушаться и избегать, чтобы не осталось в неизвестности и проводилось в жизнь все полезное и ценное и чтобы никто не делал попыток ввергнуть себя в ужасные и вредные начинания. Таким образом, история словно воскрешает или вдыхает новую жизнь в умершее, не позволяя ему погрузиться и исчезнуть в пучине забвения, и признана важнейшей среди всех полезных людям вещей. В мое время произошло много необычайных и чудесных событий: на небе являлись устрашающие видения, случались ужасные землетрясения, разражались бури,

проливались неистовые ливни, бушевали войны и по всей вселенной бродили вооруженные полчища, города и страны сходили со своих мест, так что многим казалось, будто наступает перемена жизни и к порогу приближается ожидаемое второе пришествие Бога-спасителя. Я решился не умолчать о полных ужаса и достойных удивления событиях, но поведать о них в назидание потомкам, если Провидению не будет угодно уже теперь привести паром жизни к пристани смерти и изменить образ мира сего». При этом историк стремился писать только то, что ему казалось правдой: «Но приступим к рассказу об общественных делах, стараясь как можно ближе держаться истины, ибо правдивость больше всего приличествует истории. Люди, сведущие в науке, говорят, что риторике присуща сила выражения, поэзии – мифотворчество, истории же – истина».

Советское издание «Истории» Льва Дьякона, 1988 г.

Михаил (Константин) Пселл (1018–1078 или после 1096)

Михаил Пселл, византийский монах, приближённый ко многим императорам, историк, философ, богослов и математик, родился в 1018 году в Константинополе в семье чиновника средней руки и жены его Феодоты. Его родители были людьми небогатыми, тем не менее, доверившись бывшим им во сне предзнаменованиям, что их сына ждет карьера ученого, дали ему хорошее образование. Пселл учился в школе известного ритора, поэта, а в дальнейшем своего ближайшего друга Иоанна Мавропода, где изучал риторику, философию и юриспруденцию. В 1037 году он поступил на службу в феме Месопотамия, где благодаря приобретенным в школе Мавропода связям получил место судьи. В 1041 году Пселл вернулся в Константинополь и занял должность одного из секретарей императора. До пострижения в монахи Пселл носил имя Константин. При Михаиле V он был асикритом (чиновником императорской канцелярии) и усердно занимался науками, особенно философией. В 1043 году Пселл написал панегирик Константину IX Мономаху, который очень понравился императору, и, получив несколько придворных чинов, был возведен в ранг вестарха (высший придворный чин в Византии XI века). В дальнейшем Пселл сочинил еще 4 панегирика Константину и в награду получил право управлять несколькими монастырями и собирать подати с города Мадита. Он выступал как первый оратор на всех торжественных дворцовых церемониях и произносил похвальные речи в честь императора. Пселл входил в кружок «первого царского министра» Константина Лихуда, человека просвещенного и образованного. Однако около 1050 года положение Константина Лихуда при дворе пошатнулось, и Пселл счел за благо постричься в монахи (он принял имя Михаил), а после смерти Константина, последовавшей в январе 1055 года, удалился на малоазиатский Олимп в монастырь. Но вскоре Пселл был вызван оттуда императрицей Феодорой, дочерью Мономаха, вновь приближен ко двору и удостоен титула ипертима, одного из высших в православной церкви. В 1057 году Пселл был послан престарелым императором Михаилом VI

Стратиотиком к восставшему полководцу Исааку Комнину, чтобы уговорить его согласиться на мир. Пселл очень понравился Комнину, который в том же году сверг Михаила и стал императором. Пселл сделан был проэдром (председателем синклита, т. е. совета, состоящего из высшего, занесенного в специальные списки чиновничества; один из высших византийских чинов) и стал очень близок к императорскому дому Комнинов. По приказу императора он составил обвинительный акт против прежнего своего друга, низложенного патриарха Михаила Кируллария. В 1059 году Пселл способствовал возведению на императорский престол Константина Дуки и в награду получил следующий титул – протопроэдра. Для сына императора, Михаила Дуки, Пселл написал несколько учебников. С воцарением Романа Диогена в 1068 году влияние Пселла упало, но уже в 1071 году армия Романа была разгромлена турками-сельджуками в битве при Манцикерте, а сам он вскоре был изложен. С воцарением Михаила Дуки Пселл дал ему совет разослать по всей империи указы с объявлением, что Роман Диоген лишён престола. При новом императоре Пселл играл видную роль, писал письма от его имени, составлял хрисовулы (декреты), разбирал тяжбы и т. п. Он также был преподавателем основанной им в Константинополе школе, где обучал риторике, философии и истории права. В течение более 30 лет историк почти бессменно находился при дворе и, несмотря на короткие периоды опалы, пользовался милостями сменявших друг друга императоров, хотя и никогда не был на первых ролях в политике. Однако в последние годы царствования Михаила VII Дуки Пселл утратил влияние и устранился от придворной жизни. Год смерти Михаила Пселла неизвестен. По одной версии, он умер в 1078 году или около этого года, по другой – был жив еще в 1096 году.

Михаил Пселл и император Михаил VII Дука. Миниатюра XII в.

Пселл написал два исторических труда – «Краткая история царей старшего Рима, а также младшего с опущением тех царей, которые не совершили ничего достопамятного, начинающаяся с Ромула» и «Хронография». В первом произведении история республиканского Рима описана весьма лаконично. Остальное повествование разбито на отдельные главки, каждая из которых посвящена царствованию одного из римских императоров. Основное внимание уделяется характеристике героев, внешние же события упоминаются редко и случайно. Изложение истории царствования Василия II неожиданно прерывается на середине фразы, и оставшаяся часть страницы не заполнена. Следующая же страница начинается на середине фразы с рассказа о царствовании Романа IV Диогена, и этот текст совпадает с текстом «Хронографии». Таким образом, конец «Краткой истории»

и заключительная часть «Хронографии» практически идентичны. Но описание царствования Василия II в «Краткой истории» и в «Хронографии» сильно различается. «Краткая история» была создана в 1070-х годах. Но славу Пселлу принесла именно «Хронография», которая охватывает правление четырнадцати византийских императоров и императриц XI века – с 976 по 1075 год. Пселл большую часть жизни провёл при императорском дворе и непосредственно участвовал во многих событиях, которые описывает. Царствования Василия II (976—1025) и Константина VIII (1025–1028) излагается по каким-то не дошедшим до нас письменным источникам, царствования же остальных императоров – на основании свидетельств очевидцев и по собственным воспоминаниям историка. При этом Пселл не приводит никаких дат и порой путает последовательность событий. Первая часть «Хронографии», кончающаяся царствованием Исаака Комнина, была издана между 1059 и 1063 годами. Вторая часть была начата после 1071 года, а окончена не ранее 1075 года. Как полагал историк, в XI веке произошел упадок и «болезнь» Византийской империи. Начало «болезни» Пселл отнес к царствованию Константина VIII (1025–1028), когда император начал «безобразить и вздувать тело государства. Одних подданных он раскормил деньгами, других – по горло набил чинами и сделал их жизнь нездоровой и пагубной». Константин Мономах застал государство тяжело больным и сам «добавил к давно уже больному телу множество новых частей и членов, влил в его нутро еще более пагубные соки, лишил его естественного состояния, отвратил от благообразной и гражданской жизни, ожесточил и чуть не превратил в дикого зверя, а большинство подданных обратил в сторуких и многоглавых чудищ». В государстве, как и в человеческом теле, полагал Пселл, все члены должны занимать положенное им место. В качестве образца для идеального государственного устройства историк приводит пример афинской демократии, где имелись гражданские списки как людей «лучших и благородных, так и безродных», тогда как в современной Пселлу Византии правителем мог стать человек самого низкого происхождения. Критику Пселла вызывают Михаил V, «по своей прихоти все переставлявший и перетасовывавший», и Михаил VI, безмерная щедрость которого привела к «самой настоящей неразберихе». Досталось и Константину IX Мономаху, который еще до

прихода к власти представлял себе «будущие перемены и перетасовки без всякого смысла и порядка, а как только получил царство, сразу стал на деле осуществлять свои фантазии». Романа III он упрекал в том, что тот тратил деньги не на военные нужды, а на строительство роскошного храма. А Михаила IV хвалил за то, что этот император не только обеспечивал благоденствие городов внутри границ, но и отражал натиск соседних народов не только посредством дипломатии, но и ежегодными военными экспедициями. Михаил укреплял армию, так как без сильной армии Византийская империя не могла существовать. А основной заслугой Константина Мономаха Пселл считал заботу о воинском сословии. Всякое же пренебрежение нуждам этого сословия историк считал опасным деянием, которое может привести к упадку и гибели Византии. Пселл полагал, что государственные дела нужно поручать философам, поскольку философ, занимающийся политикой, – идеальный советник для монарха. И одним из главных пороков византийских императоров историк считал нежелание слушаться мудрых советников и стремление решать все самим. Пселл был уверен, что пороки – неотъемлемое свойство почти всех монархов и пороков чаще всего бывает больше, чем добродетелей. Удары судьбы и неблагоприятных обстоятельства преследуют императоров на всем их жизненном пути и меняют к худшему их душевные свойства.

Пселл был также автором ряда математических и богословских сочинений, в частности трактата «О смерти», посвященного теме предвидения Божиего и предопределения. Пселл был убежден, что Бог знает и предвидит все и нет ничего, что остается или могло бы быть ему неизвестно. Но судьба человека, хотя и находится под Промыслом Божиим, подчиняется физическим законам, а человек наделен свободой воли. Он был убежден, что «наше естество не является каким-то простым, но мы – множественны и по существу, и по рождению и управляемся как Промыслом Божиим, так и природными законами, а также – и свободной волей. И я говорю это не в том смысле, что что-либо стоит вне Промысла и Бога, но в том, что есть и нечто иное, что оказывает влияние на нашу жизнь и действует либо по законам природы, либо в силу свободного выбора нашей воли. Так, например, и сильный мороз и сильный зной лишают нас жизни, потому что мы причастны природе; и опять же неуместные решения

губят нашу жизнь в результате нашего произволения (свободы воли)». А в одном из писем Пселл утверждал уникальность собственной личности и своего видения истории: «Мне не нужно, чтобы меня мерили чужие руки, я сам для себя и мерило, и норма».

Нестор Летописец (около 1056–1114)

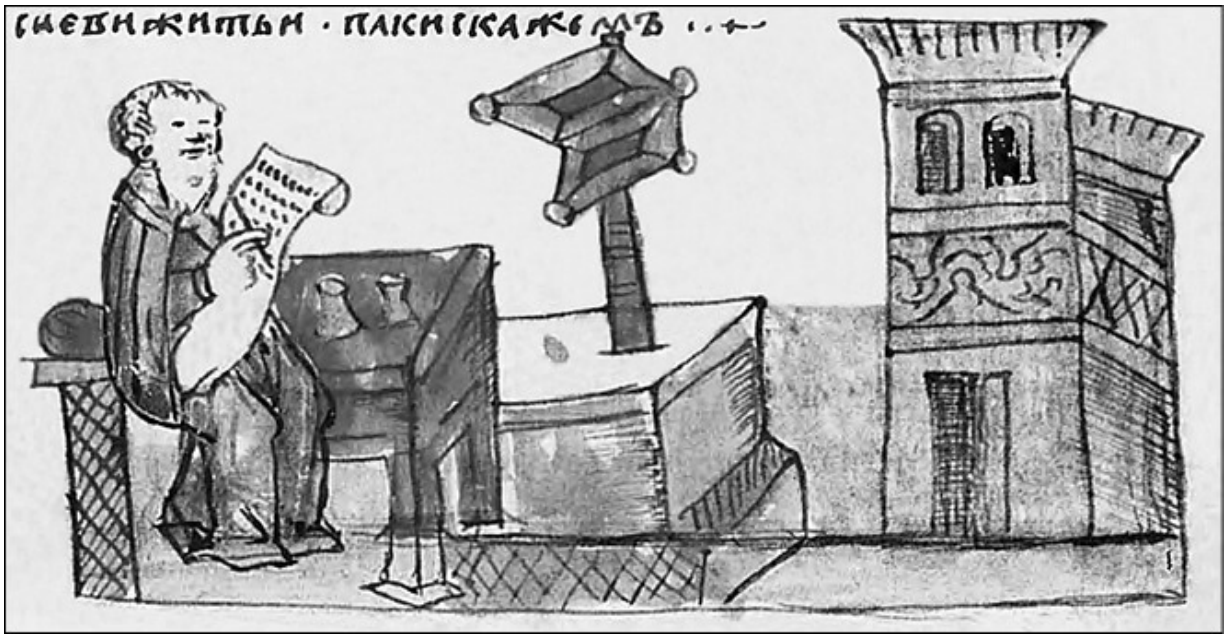
Нестор Летописец, называемый также Нестором Печерским и Нестором Киевским, считается первым русским историком, автором древнейшей русской летописи – Повести временных лет. Он также известен как агиограф, т. е. составитель житий святых. Предполагается, что Нестор родился около 1056 года. Место его рождения неизвестно. Имя при рождении тоже неизвестно, Нестором будущий летописец был назван при постриге. Русский историк В.Н. Татищев считал, что Нестор родился на Белом Озере, но неясно, на какие источники он опирался. Из написанного Нестором «Жития Феодосия Печерского», основателя Киево-Печерского монастыря, известно, что он был пострижен в Киево-Печерском монастыре при игумене Стефане (1074–1078) и возведен в сан иеродиакона. До «Жития Феодосия» он составил «Житие Бориса и Глеба». Из текста Повести временных лет можно предположить, что в конце XI века Нестор жил в Киево-Печерском монастыре: в известии под 1096 годом о набеге половцев на монастырь сказано: «И приидоша на манастырь Печерьскый, нам сущим по кельям почивающим по заутрени». Летописец был жив в 1106 году, так как в этом году в Повести временных лет сообщается, что умер «старець добрый» Янь, «у него же аз слышах многа словеса, яже вписах в летописиць». Нестор скончался в Киево-Печерской лавре. Точный год его смерти неизвестен. Предполагают, что Нестор умер около 1114 года, вскоре после завершения в 1112–1113 годах Повести временных лет. Нестор канонизирован Русской православной церковью в лике преподобных как Нестор Летописец.

Повесть временных лет – наиболее ранняя из сохранившихся в полном объёме русских летописей, созданная в Киеве в 1110-х годах и ставшая основой большинства более поздних русских летописей. В ней описываются события с библейских до 1117 года в третьей редакции. Датированная часть истории Древней Руси начинается с лета 6360 (852) года, к которому отнесено начало правления византийского императора Михаила III. В Лаврентьевском списке

(1377) Повесть временных лет озаглавлена: «Се повести времяньных лет…» В Ипатьевском списке (начало 1420-х годов) после слова «лет» написано: «…черноризца Федосьева манастыря Печерьскаго», т. е. монах Киево-Печерского монастыря. В более позднем Хлебниковском списке (конец 1550-х – начало 1560-х годов) читаем: «Нестера черноризца Федосьева манастыря Печерского». Здесь в нём на листах 2–7 имеются собственноручные правки киевского митрополита Петра Могилы от 1637 года, в том числе им внесено в заголовок имя «черноризца Федосьева монастыря Печерьскаго» Нестора. Теоретически можно было бы допустить, что Повесть временных лет написал какой-то другой монах Киево-Печерского монастыря, но практически очень трудно себе представить, чтобы в одном и том же монастыре в одно и то же время параллельно существовали летописец и агиограф (а написание Нестором житий не вызывает сомнений) с одним и тем же именем Нестор. Аргумент же против авторства Нестора, основанный на том, что слог Нестора-агиографа не похож на слог автора-составителя Повести временных лет, вряд ли справедлив. Различие слога определяется различием жанров летописи и жития. Поэтому, на наш взгляд, нет серьезных оснований ставить под сомнение авторство Нестора по отношению к Повести временных лет. Нестор Летописец дважды упоминается в сочинениях жившего в XIII веке печерского инока Поликарпа, дошедших в составе Киево-Печерского патерика. В датируемом 1214–1226 годами послании Поликарпа к архимандриту Акиндину прямо указывается на Нестора как автора летописи («Нестер, иже тъй написа Летописец»). Второй раз Нестор упомянут в сочинении Поликарпа о Дамиане, Иеремии, Матфее и Исакии: «Блаженный Нестер в Лѣтописци написа о блаженых отцихъ: о Демиане, и Еремѣи, и Матфѣи, и Исакыи». В Лаврентьевском, Радзивилловском и Московско-Академическом списках Повести временных лет текст обрывается на статье 1110 года, за которой следует запись игумена киевского Михайловского монастыря на Выдубичах Сильвестра о том, что в 1116 году при князе Владимире Мономахе им был написан «летописец» (летопись). Филолог А.А. Шахматов считал Нестора автором первой, несохранившейся, редакции Повести временных лет. По гипотезе Шахматова, первая русская летопись, названная им «Древнейшим сводом», была составлена при Киевской митрополичьей кафедре в

1039 году. В 1070-х годах «Древнейший свод» был продолжен и дополнен монахом Никоном из Киево-Печерского монастыря. Летопись Никона, дополненная описанием событий до 1093 года включительно, легла в основу так называемого Начального свода, составленного, по предположению Шахматова, в 1093–1095 годах игуменом Киево-Печерского монастыря Иоанном. По Шахматову, первая, несохранившаяся, редакция Повести временных лет была составлена Нестором в 1110–1113 годах в Киево-Печерском монастыре. Исследователь относил труд Нестора к 1110 году, но допускал, что этот труд мог быть продолжен до 1112 года, а также полагал, что до этого года его мог довести и сам Нестор. Согласно Шахматову, Нестор существенно переработал Начальный свод и дополнил его историографией, ввёл русскую историю в рамки традиционной христианской картины мира. Считается, что летописный текст за вторую половину XI – начало XII века был написан Нестором единолично. В качестве источников Повести временных лет Нестор использовал предположительно существовавшие в то время предшествующие русские летописные своды и сказания, монастырские записи, византийские хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, различные исторические сборники, рассказы старца-боярина Яна Вышатича, торговцев, воинов и путешественников. Рассказ Начального свода об основании Киева Нестор предварил сведениями о происхождении и древнейшей истории славянских племён с указанием границ славянских земель и новых территорий, ими освоенных. Можно сказать, что Нестор был первым норманистом в истории, так как он отождествил варягов и русь в рассказе о призвании варягов: «И изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на род, и быша усобицѣ в них, и воевати сами на ся почаша. И рькоша: «Поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду, по праву». Идоша за море к варягом, к руси. Сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся свее, друзии же урмани, аньгляне, инѣи и готе, тако и си. Рькоша руси чюдь, словенѣ, кривичи и вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ. Да поидете княжить и володѣть нами». Для Нестора история – это борьба добра со злом, добрых начал человеческой души с соблазном сил зла, борьба добрых и злых людей, причем злые люди опаснее бесов, поскольку

«беси бо Бога боятся», а злые люди не боятся ни Бога, ни человека. Основные идеи написанных Нестором житий – незыблемость иерархии, повиновение старшим и – покорность судьбе.

Нестор Летописец. Миниатюра Радзивилловской летописи, XV в.

Ян Длугош (1415–1480)

Ян Длугош (Ян Длугош Старший, Ян Долгий, Иоганн Лонгин), польский историк и дипломат, церковный деятель, автор «Истории Польши» в 12 томах, считается первым историком Польши. Он родился в селении Бжезница (ныне Паенченский повят Лодзинского воеводства) в рыцарской семье герба Венява Яна Длугоша, бжежницкого каштеляна, и Беаты, дочери Марцина из Боровны. Всего у каштеляна было, не считая дочерей, 14 сыновей, в том числе четверо сыновей с именем Ян. Поэтому будущий историк уже в зрелом возрасте подписывал свои письма как Ян Длугош Старший. Его отец, отличившийся в Грюнвальдской битве 1410 года, получил в награду земли в Бжежницком старостве. В 1428–1431 годах Ян Длугош учился в Краковском университете, где изучал диалектику и философию. В 1436 году он стал краковским каноником, а в 1439 году – секретарем краковского епископа Збигнева Олесницкого и оставался на этой должности вплоть до смерти Олесницкого в 1455 году. Весной 1440 года, во время возвращения из Венгрии, Длугош спас епископу жизнь во время нападения разбойников. В том же году он был посвящен в священники. Длугош пользовался неограниченным доверием епископа и вел его финансовые дела. В середине 1440-х годов он был делегатом на Базельском церковном соборе, а в 1448 году отправился в Италию, чтобы убедить папу Николая V в пожаловании Олесницкого кардинальским саном, и успешно справился с этой миссией. Длугош также неоднократно выполнял дипломатические поручения польского короля. После смерти Олесницкого Длугош попал в кратковременную опалу, так как в споре между королём и краковским капитулом о праве выбирать епископа поддержал капитул. Однако в 1464 году он уже вёл переговоры с Тевтонским орденом, а в 1466 году был в числе польских уполномоченных при заключении Торуньского мира, по которому Тевтонский орден признал себя вассалом польского короля. В 1467 году Длугош стал учителем королевских детей. Когда в 1471 году старший сын короля Казимира IV Владислав был избран чешским королём, Длугош вместе с ним отправился в Чехию в качестве

наставника, но вскоре из-за болезни вынужден был вернуться в Польшу. Незадолго до смерти Длугош стал львовским архиепископом, но умер до посвящения, 19 мая 1480 года, в Кракове.

Ян Длугош. Художник Антонуш Грамматика, 1878 г.

Наиболее известное сочинение Длугоша – это «Анналы, или Хроники великих королей Польши» в 12 книгах, обычно называемые «Хроникой Длугоша». Они писались с 1455 по 1480 год на латинском языке по образцу сочинения Тита Ливия. Первая редакция «Хроники» составлена была в 1458–1461 годах, но впоследствии неоднократно редактировалась и дополнялась. Повествование начинается от библейских времен и доводится до 1480 года – года смерти Длугоша. Впервые «Хроника» была опубликована в 1614 году в сокращенном

виде, а полностью – только в 1711–1712 годах. Длугош называет Леха, мифического отца и прародителя поляков, современником императора Карла Великого, а Руса, столь же мифического отца и прародителя русских, – племянником Леха. Длугош использовал материалы государственных и церковных архивов, польские, чешские и венгерские хроники, русские и литовские летописи, «Прусскую хронику» Виганда Марбургского, «Хронику пап и императоров» Мартина Опавского, «Церковную историю» Птолемея из Лукки, «Историю великой схизмы» Дитриха из Нихайма, жития святых, народные предания, мемуары Збигнева Олесницкого, которому Длугош посвятил свой труд, а также свидетельства очевидцев и участников событий. Он собрал практически все доступные тогда сведения о прошлом Польши. В посвятительном письме памяти Олесницкого Длугош сообщал о намерении «обратить труды моих стараний к похвале, превосходству и славе благословенной Троицы, к величию истинной веры и во украшение и прославление нашего отечества и тебя самого, я взялся письменно изложить память о погодных событиях польских и прочих соседних с Польшей народов, охватив деяния, совершённые в мире и на войне, желая даровать спящему и покрытому долговременным мраком людскому праху известность и память и представить отдельным читателям и слушателям их деяния; не полагаясь на возможности таланта (ибо он мал и скуден, и для совершения настоящего труда слаб и недостаточен, чтобы можно было прославить и украсить славные деяния героев и выдающиеся победы) и не в намерении превзойти простое повествование древних манерой изложения, но потому что скорблю, что многие славные и достойные известности деяния и предыдущих, и наших времён уйдут в вечное забвение (ибо существуют выдающиеся и достойные упоминания деяния некоторых сиятельных польских мужей, касающиеся то ли мира, то ли войны, обременённые достойными примера событиями, в которых можно обнаружить мечи, обагрённые из-за слепой жажды власти братской или родственной кровью, а также смуты, мятежи, различные изгнания, различные потрясения общественной жизни и избиения вельмож и граждан, требующие, чтобы их осветили светом поэмы)». Некоторые из использованных им летописей и хроник до наших дней не дошли. Длугош также является автором жизнеописаний святого Станислава и

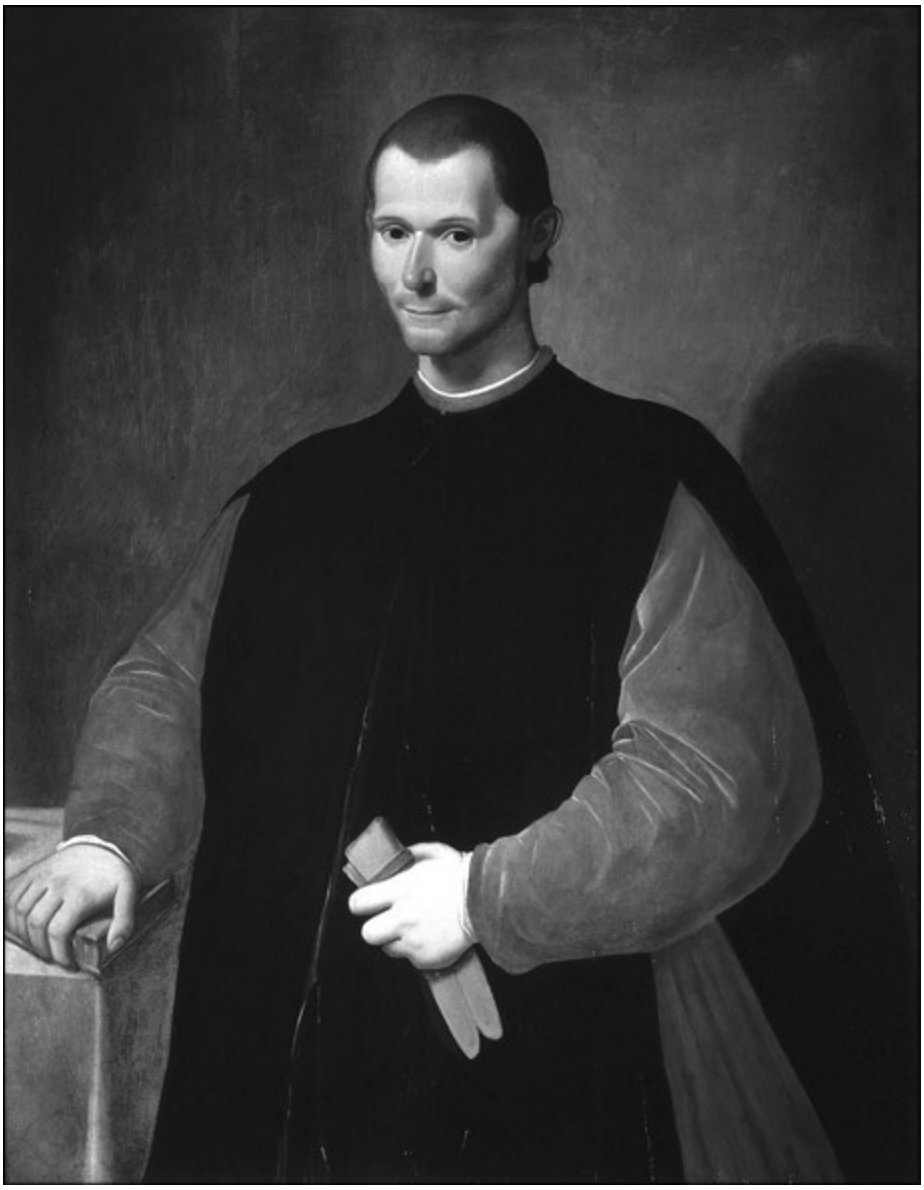
святой Кинги; каталогов и жизнеописаний польских епископов и книги имений краковской церкви и трактата «Знамена пруссов» – о трофейных знаменах Грюнвальдской битвы.

Никколо Макиавелли (1469–1527)

Никколо Макиавелли, итальянский политик, историк и философ, считается отцом современной политической философии и политологии и известный прежде всего такими своими сочинениями, как «История Флоренции», «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Он родился 3 мая 1469 года в семье адвоката Бернардо Макиавелли во Флоренции. Макиавелли получил хорошее образование. В 1494 году он стал помощником секретаря Второй канцелярии Флорентийской республики. 18 февраля 1498 года Макиавелли баллотировался на пост секретаря Второй канцелярии (второго канцлера), но, будучи противником фактического правителя Флоренции монаха-доминиканца Джироламо Савонаролы, проиграл выборы его стороннику. Но уже 23 мая того же года Савонарола был казнен, а уже 28 мая Макиавелли был избран секретарем Второй канцелярии, которая ведала делами подконтрольных республике земель и городским ополчением. 14 июля 1498 года Макиавелли был также избран секретарем Комиссии Десяти, ведавшей военными делами. Он выполнял дипломатические поручения при дворах короля Людовика XII во Франции, короля Фердинанда II в Неаполе и при Папском дворе в Риме, вел государственную переписку и в течение 14 лет ежегодно переизбирался секретарем. В 1502 году пожизненным гонфалоньером Флоренции избирается Пьеро Содерини, и Макиавелли становится его советником. В 1502–1503 годах он был послом при главнокомандующем папской армией Чезаре Борджиа, сыне папы римского Александра VI, который стал одним из прототипов для его трактата «Государь», где он писал о правителе-диктаторе, но одновременно – реформаторе, создателе новых законов, ведущих к справедливым порядкам. В отчёте правительству Флоренции о переговорах с Борджиа Макиавелли отметил: «Этот государь прекрасен, величествен и столь воинственен, что всякое великое начинание для него пустяк. Он не унимается, если жаждет славы или новых завоеваний, равно как не знает ни усталости, ни страха… а также снискал неизменную благосклонность Фортуны». В 1506 году

Макиавелли впервые в истории Флоренции смог организовать боеспособное городское ополчение, с помощью которого флорентийцы смогли захватить Пизу, ранее отпавший от Флоренции город. По поводу создания Флоренцией собственной армии, которую он фактически возглавил, Макиавелли писал: «Вот почему все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли, ибо, в добавление к сказанному, следует иметь в виду, что нрав людей непостоянен и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому нужно быть готовым силой заставить верить тех, кто потерял веру». Он низко ценил наемные отряды и их предводителей, предпочитая им городское ополчение: «Он (предводитель наемников. – *Б.С.*) таков же, как и все другие грабители… Это скорее воришки, чем воины. Их услуг ищут больше из внимания к их имени и связям, а вовсе не ввиду их доблести и числа солдат, какими они располагают. Поэтому союзы, с ними заключаемые, длятся лишь до тех пор, пока эти люди не найдут случая нарушить их». К 1512 году под руководством папы Юлия II Священная лига вытеснила поддерживавшие Флоренцию французские войска из Италии. Папа назначил правителем Флоренции кардинала Джованни Медичи, восстановив власть семейства Медичи над городом. Республика была упразднена, и Макиавелли был лишен всех должностей и привилегий. Ему запретили покидать владения Флоренции и даже входить во дворец правительства. В 1513 году Макиавелли был арестован по обвинению в заговоре против Медичи. Он отрицал свою вину, но был приговорен к смерти. Его спасла только амнистия. Макиавелли вынужден был из Флоренции уехать в своё поместье в Сант-Андреа-ин-Перкуссина, где и написал прославившие его книги. Он честно писал своим друзьям, что лишен средств к существованию, так как не умеет ни торговать, ни заниматься производством чего-либо, а умеет только рассуждать о политике. Но получить какую-либо должность Макиавелли долго не удавалось. Только в ноябре 1520 года он был возвращен во Флоренцию и получил должность историографа с приличным жалованьем. За два года Макиавелли должен был написать «Историю Флоренции», что приходилось делать с осторожностью, чтобы не вызвать гнев правившего Флоренцией семейства Медичи. Поэтому, как признавался Макиавелли, «если у меня вырываются иногда обрывки истины, я прячу их под таким слоем лжи, что их

трудно бывает отыскать». А еще он жил по принципу: «Сначала жить, потом философствовать». Работа затянулась, но заказчик не возражал и даже увеличил историографу жалованье. В мае 1525 года Макиавелли лично представил работу Джулио Медичи, ставшему к тому времени папой под именем Климент VII. Ему и был посвящен этот труд. Работа тому понравилась, и Макиавелли получил денежную премию. В ответ на приглашение эмигрировать во Францию, исходившее от французских дипломатов, он сказал: «Предпочитаю умереть с голоду во Флоренции, чем от несварения желудка в Фонтенбло». Медичи начали давать Макиавелли разовые дипломатические поручения. Когда Флоренции стала угрожать империя Габсбургов, Климент VII поручил Макиавелли вместе с военным архитектором Педро Наварро, бывшим пиратом, но также специалистом по проведению осады, проинспектировать крепостные стены Флоренции и укрепить их в связи с возможной осадой города. 9 мая 1526 года по требованию папы Совет Ста учредил в правительстве Флоренции Коллегию Пяти по укреплению стен, и Макиавелли был назначен её секретарем. Однако 6 мая 1527 года Рим был взят и разграблен войсками императора Карла V. После этого Климент VII утратил какое-либо влияние на Флоренцию. В городе к власти вернулись республиканцы. Макиавелли выдвинул свою кандидатуру на пост секретаря Коллегии Десяти, но не был избран из-за прежних связей с семейством Медичи. 22 июня 1527 года он умер в пригороде Флоренции Сан-Кашано.

Никколо Макиавелли. Художник Санти ди Тито, вторая пол. XVI в.

«История Флоренции» была опубликована посмертно в 1532 году. Макиавелли сосредоточил внимание в ней на поворотных моментах истории города – войнах, восстаниях, заговорах и постарался вскрыть их причины. Первая книга «Истории» охватывает период от Древнего Рима до XV века. В следующие три книги вошли описания событий с начала XV века и до установления во Флоренции власти Медичи в 1434 году. В последних четырех книгах, составляющих вторую часть «Истории Флоренции», Макиавелли доводит повествование до смерти Лоренцо Медичи в 1492 году. В предисловии к «Истории Флоренции»

он подчеркивает дидактическую роль своего труда: «…Если в истории что-либо может понравиться или оказаться поучительным, так это подробное изложение событий, а если какой-либо урок полезен гражданам, управляющим республикой, так это познание обстоятельств, порождающих внутренние раздоры и вражду, дабы граждане эти, умудренные пагубным опытом других, научились сохранять единство. И если примеры того, что происходит в любом государстве, могут нас волновать, то примеры нашей собственной республики задевают нас еще больше и являются еще более назидательными. И если в какой-либо республике имели место примечательные раздоры, то самыми примечательными были флорентийские. Ибо большая часть других государств довольствовалась обычно одним каким-либо несогласием, которое в зависимости от обстоятельств или содействовало его развитию, или приводило его к гибели; Флоренция же, не довольствуясь одним, породила их множество». Макиавелли признавал необходимость решительных и крайних мер в политике для укрепления централизованной государственной власти. Он утверждал, что «принципат легко становится тиранической формой правления, власть оптиматов с легкостью становится правлением немногих, а народ без труда склоняется к вольному поведению». При этом смена государственных форм происходит под воздействием «действительного хода вещей, а не воображаемого». В одном из писем Макиавелли так охарактеризовал принцип работы над «Историей Флоренции»: «Я свободен от всяких авторитетов; я скажу о том, как Козимо успешно овладел государством, но не буду говорить о том, какими средствами он достиг таких высот. А кто хочет узнать об этом, пусть внимательно посмотрит на то, что я вкладываю в уста его противников, так как то, что я не хочу сказать от себя, я заставляю сказать его противников». Трактат «Государь» был создан около 1513 года, но опубликован только посмертно, в 1532 году. Макиавелли различал три формы прихода к власти: оружие, сила или насилие, удача или фортуна и добродетель. Поскольку удача не во власти человека, Макиавелли останавливает своё внимание на силе оружия и добродетели, отмечая, что одно дополняет другое. Макиавелли считал, что лишение власти правителя происходит вследствие потери внешней силы или народного презрения. Государь теряет власть, если

обнаруживает явные пороки или нарушает «образ жизни» той страны, которой правит. В «Государе» содержится призыв к борьбе за ликвидацию господства чужеземцев и спасению Италии.

«Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» были написаны около 1517 года, а опубликованы в 1531 году. Здесь Макиавелли рассматривал историю как способ извлечь полезные уроки из прошлого для настоящего. Он считает, что государь – это «форма», народ – «материя», а «форма, подобная материи, не может быть совершенно противоположна ей».

Трактат «Искусство войны» был начат в 1519 году и опубликован в 1521 году. Это единственная историческая работа Макиавелли, увидевшая свет при его жизни. Он разработал философию «ограниченной войны», согласно которой, когда дипломатия терпит неудачу, война становится продолжением политики. Макиавелли также подчеркивает необходимость создания государственного ополчения «вооруженных граждан» и отрицательно относится к профессиональной армии из наемников.

Василий Никитич Татищев (1686–1750)

Василий Никитич Татищев, российский инженер-артиллерист, историк, географ, экономист и государственный деятель; автор первого капитального труда по русской истории – «История Российская», родился 19 (29) апреля 1686 года в поместье своего отца Никиты Алексеевича Татищева в Псковском уезде. Наиболее вероятное место рождения – сельцо Копытово (Барсуково) Крекшинской губы Выборского уезда Псковской земли, ныне – деревня Барсуки Выборской волости Новоржевского района Псковской области. Татищев служили при дворе царицы Прасковьи Фёдоровны до смерти царя Ивана V Алексеевича в 1696 году. В 1706 году он был зачислен в полк Автонома Иванова и произведен в поручики. В 1709 году Татищев участвовал в Полтавской битве и был ранен. В 1713–1716 годах получал образование в Берлине, Дрездене и Бреслау и также приобрёл множество дорогостоящих книг по всем отраслям знания. Обучался Татищев преимущественно инженерному и артиллерийскому делу. В 1716 году был произведен в инженер-поручики артиллерии. В 1720 году Татищев был послан «в Сибирской губернии на Кунгуре и в прочих местах, где обыщутся удобные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить». В эту поездку он основал Екатеринбургский завод на реке Исеть – и тем положил начало нынешнего Екатеринбурга – и выбрал место для строительства медеплавильного завода около деревни Егошихи, ставшей позднее городом Пермью. В 1724–1726 годах Татищев был в Швеции, где осмотрел заводы и рудники и собрал сведения о торговле стокгольмского порта и о шведской монетной системе. Осенью 1734 года был послан на Урал в должности начальника горных казённых заводов и фактически управлял всем Уральским краем. Был произведен в тайные советники. В 1739 году был обвинен во взяточничестве и иных должностных преступлениях и в сентябре 1740 года приговорен к лишению чинов. Однако вследствие смерти императрицы Анны Иоанновны приговор не был исполнен, и в 1741 году Татищев был назначен управлять Астраханской губернией. В 1745

году был отстранен от должности по обвинению во взяточничестве и жил в своей подмосковной деревне Болдино, где и умер 15 (26) июля 1750 года.

Главным трудом Татищева стала «История Российская с самых древнейших времён» в 4 частях. Она начинается с древней истории славян и доведена до 1577 года (непрерывные летописные известия доведены до 1558 года). Сохранились также наброски по истории XVII века. Работу над «Историей Российской» Татищев предположительно начал в 1720-х годах. Опубликована же она была в 1768–1784 годах. Татищев знал только польский и немецкий языки и для знакомства с источниками на латыни и древнегреческом пользовался услугами переводчиков Академии наук. Как писал Татищев, он собрал в своей библиотеке более тысячи книг, однако большей их частью воспользоваться не смог из-за незнания языков. Татищев писал свою «Историю» в форме летописи – в виде хроники датированных событий, явной связи между которыми нет. Первая редакция «Истории», сохранившаяся для второй части в одном из списков, была написана языком, стилизованным под древнерусский язык летописей. В дальнейшем Татищев собирался перевести на язык XVIII века весь свой труд, но успел сделать это только для второй части. Первые две части историк успел оснастить примечаниями, содержащими ссылки на источники, тогда как в двух последних частях такие ссылки отсутствуют. Только в материалах по истории XVII века сохранились эпизодические ссылки на источники. Татищев обнаружил и опубликовал два таких важнейших правовых памятника, как Русская Правда и Судебник Ивана Грозного 1550 года. Источниковедческую проблему составляют так называемые «татищевские известия», содержащие информацию, не имеющую аналогов в известных в настоящее время других исторических источниках. Порой это довольно большие фрагменты текста, включающие пространные речи князей и бояр. Иногда Татищев комментирует эти известия в примечаниях, ссылаясь на летописи, неизвестные современной исторической науке, – Ростовскую, Голицынскую, Раскольничью, Летопись Симона-епископа. В большинстве же случаев источник известий не указывается. В «Истории» также фигурирует Иоакимовская летопись – вставной текст, снабжённый особым введением Татищева и представляющий собой краткий пересказ

особой летописи, повествующей о древнейшем периоде истории Руси IX–X веков. Автором Иоакимовской летописи Татищев считал первого новгородского епископа Иоакима Корсунянина, современника Крещения Руси. А.Л. Шлёцер и особенно Н.М. Карамзин считали источники «татищевских известий» подложными. Так, Карамзин Иоакимовскую летопись называл «шуткой» (мистификацией) Татищева, а Раскольничью летопись рассматривал как «мнимую» и не использовал «татищевские известия» в своей «Истории государства Российского» и в примечаниях опроверг ряд из них. Отметим, что известия Иоакимовской летописи имеют параллели в других летописных и нелетописных источниках, что может свидетельствовать как о древности её сведений, так и о позднейшем заимствовании фальсификаторами. Большинство историков считает Иоакимовскую летопись компиляцией конца XVII века. В то же время допускается, что в этой компиляции могли присутствовать фрагменты действительно очень древних источников.

В.И. Татищев. Гравюра 1802 г.

Герхард Фридрих (Федор Иванович) Миллер (Мюллер) (1705–1783)

Герхард Фридрих Миллер, русский и немецкий историк, естествоиспытатель и путешественник, автор «Истории Сибири», родился 29 октября 1705 года в Херфорде (Вестфалия, королевство Пруссия) в семье ректора гимназии Томаса Мюллера и Анны Марии Боде, дочери профессора права и восточных языков и теологии. Он получил образование в гимназии своего отца, а с 1724 года учился в Лейпцигском университете, где в 1725 году получил степень бакалавра. В ноябре 1725 года Миллер приехал в Россию и был определён адъюнктом по истории в только что основанную Академию наук и художеств. Он преподавал латинский язык, историю и географию в Академической гимназии, вёл протоколы академических заседаний и канцелярии (1728–1730), редактировал «Санкт-Петербургские ведомости» с «Примечаниями» и немецкоязычную газету «St. Petersburgische Zeitung». В июле 1730 года Миллер был назначен профессором истории академии, а уже в августе отправился в путешествие в Европу. Посетив Германию, Голландию и Англию, он привлек ученых из этих стран для работы в России. Вернувшись в Россию в 1732 году, он стал издавать журнал статей, касающихся России, «Sammlung Russischer Geschichte», выходивший вплоть до 1765 года. Этот журнал на многие годы стал основным источником по русской истории для всей Европы. В 1733 году академия начала готовить «Вторую Камчатскую экспедицию», в которой участвовал и Миллер. Он объездил главнейшие пункты Западной и Восточной Сибири в пределах: Берёзов – Усть-Каменогорск – Нерчинск – Якутск и тщательно исследовал местные архивы, обнаружив, в частности, сибирскую летопись Ремезова. Миллер находился в Сибири с 1733 по 1743 год и вывез оттуда ценную копию архивных документов. После возвращения из Сибири он написал историю российских исследований, изданную на французском языке. В 1747 году Миллер принял русское подданство и был назначен историографом

Российского государства, а также и на должность ректора университета при академии. В 1749 году он подготовил речь «Происхождение народа и имени российского» для торжественного заседания академии. Она была написана на латыни и переведена для выступления и издания на русский язык. Однако она так и не была произнесена. М.В. Ломоносов и некоторые другие русские академики обвинили Миллера в том, что он «во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнём и мечом пустошили и у царей их сокровища грабили. А напоследок удивления достойно, с какой неосторожностью употребил экспрессию, что скандинавы победоносным своим оружием благополучно себе всю Россию покорили». Миллер, рассмотрев все имевшиеся теории происхождения Русского государства, склонился к той, согласно которой его создали скандинавы-варяги и само слово «росс» – скандинавское, заимствованное славянами от завоевателей. По мнению Миллера, только энергия и воля варягов-руси создали государственность у восточных славян. Уже напечатанная речь была уничтожена, но появилась в 1768 году в «Allgemeine historische Bibliothek». В октябре 1750 года Миллер за ссору с Ломоносовым был разжалован на год из профессоров в адъюнкты академии. Но вскоре он с условием подать прошение о прощении был восстановлен в звании профессора и в прежнем жалованье. Миллер принимал участие в составлении Вольтером истории царствования Петра Великого. В 1755–1765 годах Миллер редактировал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» – первое периодическое учёно-литературное издание на русском языке. В 1761 году он был избран иностранным членом Шведской королевской академии наук. В 1765 году Миллер был назначен главным надзирателем Московского воспитательного дома, с оставлением при Академии наук и художеств в звании историографа, а в 1766 году стал начальником Московского архива Коллегии иностранных дел, где составил «Собрание русской дипломатики». В 1772 году Миллера разбил паралич, но он продолжал работать вплоть до смерти, последовавшей в Москве в ночь на 11 (22) октября 1783 года. Незадолго до смерти ученый был произведен в действительные статские советники и награжден орденом Святого

Владимира 3-й степени.

Г.Ф. Миллер

В 1750 году Миллер напечатал первый том «Описания Сибирского царства», который рецензенты охарактеризовали как «первый правильный учёный труд по сибирской истории». Второй том увидел свет лишь в отрывках, напечатанных в «Sammlung russischer Geschichte» и «Ежемесячных сочинениях». «История Сибири», написанная на немецком языке, состояла из 23 глав. Это был первый научный труд по истории Сибири, содержащий критику источников и строгую логику изложения. Миллера заслуженно называли «отцом

сибирской истории». Работа была разбита на 5 томов, каждый из которых сопровождается обширными приложениями в виде документов, извлеченных из сибирских архивов. В 1-й том, изданный в 1750 году на русском языке под названием «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел, от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена», вошли главы с 1-й по 5-ю. В 1756 году в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» была опубликована работа Миллера «Описание о сибирских торгах», посвященная экономике Сибири, описывающая состояние сибирской коммерции, ее торговлю с близлежащими странами и регионами и являющаяся частью «Истории Сибири». В 1764 году в том же журнале были опубликованы главы 6–8 труда. В 1761 году в «Sammlung Russischer Geschihte» были изданы на немецком языке главы 1–5, а в 1763 году – главы 6—10 «Истории Сибири». В 2005 году впервые был опубликован 3-й том работы Миллера (главы 10–13). 4-й и 5-й тома «Истории Сибири», содержащие главы с 14 по 23, не изданы до сих пор. Как писал С.В. Вахрушин к первому советскому изданию «Истории Сибири» в 1937 году, Миллер «превосходно выполнил свою миссию в вопросе об экспансии России на юг и на юго-восток – на Иртыш и в Приамурье. Сам Миллер откровенно объясняет причину особенного своего интереса к истории захвата верхнего течения Иртыша: он угадывал, что целью Петра при постройке здесь крепостей было «себе и своим наследникам открыть путь в страну калмыков, в Бухару, в Индию, чтобы присвоить золотой песок, в изобилии доставляемый тамошними реками». Миллер считал, что «история, не довольствуется одними критическими рассуждениями (гипотезами), она должна показать дела (факты), из которых иные утверждаются на подлинных, а иные на вероятных доказательствах». В одном из частных писем он изложил свое кредо как историка: «Я не требую, чтобы историк рассказывал все, что он знает, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которые нельзя рассказывать и которые, быть может, мало любопытны, чтобы рассказывать их перед публикою, но все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения». Он утверждал: «Лучше будет, чтоб древние истории о народах, за неимением основательных доказательств, в прежней темноте оставить, нежели сообщать к ним ложное изъяснение». Кроме «Истории

Сибири» Миллер опубликовал еще целый ряд работ: «О летописце Несторе» (1755), «Известие о запорожских казаках» (1760), «О начале Новгорода и происхождении российского народа» (1761), «Опыт новой истории о России» (1761) и др. Он издал ряд важных исторических памятников: Судебник царя Ивана Грозного 1550 года, Степенная книга, «Письма Петра Великого графу Б.П. Шереметеву», «Ядро Российской истории» А.И. Манкеева, «История Российская» В.Н. Татищева, «Географический словарь» Ф.А. Полунина, «Описание Камчатки» С.П. Крашенинникова. Миллером была собрана коллекция документов и мемуаров по восстанию Емельяна Пугачёва, известная как «Пугачёвский портфель Миллера». В 1784 году в немецком ежегоднике А.Ф. Бюшинга была издана анонимная статья «Достоверные известия о мятежнике Емельяне Пугачёве и поднятом им бунте», которая предположительно была написана Миллером. Русский историк К.Н. Бестужев-Рюмин (1929–1897) так характеризовал Миллера: «Неутомимый собиратель, строгий и точный в своих ученых работах, Миллер был настоящим отцом русской исторической науки, которая до сих пор еще не исчерпала всего богатства собранного им материала».

Август Людвиг Шлёцер (1735–1809)

Август Людвиг Шлёцер, немецкий историк, публицист и статистик, родился 5 июля 1735 года в Гагштадте, графство Гогенлоэ-Кирхберг (ныне земля Баден-Вюртемберг), в семье пастора Иоганна Георга Фридриха Шлёцера. Отец умер через 5 лет после его рождения, и Шлёцера воспитал пастор Гайгольд, отец матери. В 1751 году, окончив школу, будущий историк поступил на богословский факультет Виттенбергского университета. В 1754 году Шлёцер защитил диссертацию «О жизни Бога» и перешёл в Гёттингенский университет, где изучал географию и языки Востока в рамках подготовки к поездке в Палестину, а также медицину и политику. В 1761 году по приглашению Г.Ф. Миллера Шлёцер приехал в Россию и занял место домашнего учителя и его помощника в исторических трудах с жалованьем 100 рублей в год. В 1761–1767 годах он работал в Императорской академии наук, в 1762 году стал адъюнктом, в 1764 году – ординарным академиком, а с 1765 года – ординарным профессором академического университета по русской истории. Шлёцер изучил русский и церковнославянский языки и занялся изучением русских исторических источников. Он объяснял, что тот, «кто не знаком с греческим и славянским языками и хочет заниматься летописями, тот чудак, похожий на того, кто стал бы объяснять Плиния, не зная естественной истории и технологии». В 1767 году Шлёцер предложил написать научную русскую историю, для чего требовалось критическое изучение русских летописей как с исторической, так и филологической точки зрения. Наряду с этим необходимо было столь же критическое изучение иностранных источников, главным образом хроник: польских, венгерских, шведских, особенно византийских и монголо-татарских, даже немецких, французских и папских, поскольку начиная с X века они содержат сведения о России. Историю нужно было разделить на отделы, лучше по великим князьям, и для каждого отдела составить отдельную книгу. Шлёцер также предлагал выпустить несколько популярных учебников по русской истории. В 1765 году он был

командирован в Германию для сбора иностранных источников, а также для осмотра домов для умалишенных, которые собирались заводить в России. В 1767 году он был отпущен в отпуск на родину на три года, но больше в Россию не вернулся, хотя в Гёттингене продолжал заниматься с русскими студентами. В академии он имел двух сильных противников – М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера. Ломоносов отозвался о Шлёцере крайне непочтительно: «Каких гнусных пакостей не наколобродит такая допущенная к русским древностям скотина». Миллер же считал, что бесполезно сообщать Шлёцеру сведения, которыми он впоследствии мог бы воспользоваться в Германии, поскольку в России он надолго не задержится. Видя такое к себе отношение, Шлёцер предпочел остаться в Германии. Вернувшись из России, он занял в Гёттингене кафедру ординарного профессора философии, в 1772 году – кафедру истории и статистики, а в 1787 году – кафедру политики. Шлёцер считал, что «история – это статистика в движении, статистика – это неподвижная история». Он настаивал, что история должна охватывать не только политические и дипломатические события, но и экономические факты. До Шлёцера статистика занималась только собиранием цифр и фактов по различным вопросам общественной жизни. Он же потребовал, чтобы статистические данные использовались для выводов и заключений. В 1803 году за свои труды на ниве российской истории, и прежде всего за «Нестора», историк был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени и возведён в дворянское достоинство. На его гербе был изображен на золотом поле Нестор с книгой в руках и с надписью «Memor fui dierum antiquorum». Шлёцер умер 9 сентября 1809 года в Гёттингене.

А.Л. Шлёцер. Гравюра 1809 г.

В Гёттингене ученый издал в 1769 году подробный лист летописей под заглавием «Annales Russici slavonice et latine cum varietate lectionis ex codd. X. Lib. I usque ad annum 879». Другие работы его по истории России: «Das neue veränderte Russland» (1767–1771), «Geschichte von Lithauen» (1872), «Allgem. Nord. Geschichte» (1772) и др. В последние годы жизни Шлёцер признал и доказывал аутентичность «Слова о полку Игореве». В 1802–1809 годах он издал свое главное сочинение – «Нестор. Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache: verglichen, von SchreibFelern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer» («Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Шлёцером»). Оно было посвящено императору Александру I. Шлёцер понимал историю как изучение государственной, культурной и религиозной жизни, сближал её со статистикой, политикой и географией. Он утверждал: «История без

политики даёт только хроники монастырские да dissertationes criticas (критические диссертации)». Ученый отстаивал идею всемирной истории, согласно которой следует изучать одинаково все народы мира, и идею исторической критики, когда надо анализировать все источники информации о событиях прошлого. Сперва появляется историк-собиратель, изыскивающий и систематизирующий материалы. Затем приходит историк-исследователь, который подвергает материалы критической проверке на подлинность и достоверность. Высший уровень науки представлен историком-повествователем, который излагает проверенные факты в связанном рассказе. На практике часто один историк сочетает в себе все три уровня. Но, по мнения Шлёцера, для историка-повествователя применительно к древности время ещё не наступило. Особенно резко он выступал против искажения истории с патриотической целью, в чем он подозревал Ломоносова и его сторонников. Шлёцер настаивал: «Первый закон истории – не говорить ничего ложного. Лучше не знать, чем быть обманутым». Он стремился, вслед за Лейбницем, сгруппировать народы по их языку. Шлёцер выдвинул гипотезу об искажении текста Повести временных лет переписчиками и считал необходимым восстановить первоначальный текст, очищенный от искажений и добавлений. Он собрал и сличил между собой двенадцать списков первоначальной русской летописи. Только ближе к концу жизни Шлёцер признал невыполнимость этой задачи. Он делил историю России на четыре периода: «Россия зарождающаяся», 862—1015 годы; «Россия раздробленная», 1015–1216 годы; «Россия под игом», 1216–1462 годы; и «Россия торжествующая», 1462–1762 годы. Помимо изучения русской истории он занимался историей Литвы, историей Севера, историей Мекленбурга, Гамбурга, родного Гёттингена, Швейцарии и даже Азии и Африки, а также историей главнейших открытий: огня, хлебопечения, бумаги, пороха, письма и историей торговли и почт. Шлёцер был сторонником конституционной монархии с сохранением как ряда демократических свобод, и в первую очередь свободы слова, так и сильной власти монарха. Он был противником революций и надеялся, что Германия никогда не переживет ничего подобного Великой французской революции.

Эдуард Гиббон (1737–1794)

Эдуард Гиббон, британский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788), которого называли «английским гигантом эпохи Просвещения», родился 16 января 1794 года в Патни (ныне район на юго-западе Лондона). Он был выходцем из древнего дворянского рода, представители которого активно занимались коммерцией. Он рос болезненным мальчиком и потому много времени проводил дома, что способствовало увлечению чтением. Гиббон воспитывался дома, а также посещал частные школы. При поступлении в Магдален-колледж Оксфордского университета в 1752 году он уже обладал обширными знаниями по истории различных народов и географических открытий. В университете Гиббон стал заниматься теологией и перешел из англиканства в католичество. За переход в католичество он был удалён из университета и в 1753 году отправлен отцом к кальвинистскому пастору Даниэлю Павильяру в Лозанну, под влиянием которого, а также тяжелых условий жизни в Швейцарии вскоре вернулся в лоно англиканской церкви. В Лозанне будущий историк пробыл 5 лет и хорошо выучил французский язык и литературу, а также познакомился с французскими энциклопедистами, в том числе с Вольтером, и усвоил идеи Просвещения. Он также читал в Швейцарии латинскую литературу и изучал конституции швейцарских кантонов. Гиббон на всю жизнь был очарован Швейцарией, в которой он впоследствии прожил еще, с перерывами, почти 10 лет, в 1783–1793 годах. Историк писал: «Я перестал быть англичанином. В гибкий период юности, от шестнадцати до двадцати одного года, мои мнения, привычки и чувствования приняли иностранную окраску; слабое и отдаленное воспоминание об Англии почти изгладилось; мой родной язык стал менее близким; и я с радостью принял бы предложение небольшого независимого состояния на условии вечного изгнания». В 1758 году, по возвращении из Швейцарии, Гиббон поступил капитаном в английские войска, набранные в связи с Семилетней войной. В 1759–1762 годах Гиббон состоял в подразделении самообороны в Южном Гэмпшире,

дослужившись до чина полковника. Военный опыт помог ему в дальнейшем при описании походов римских и византийских полководцев. Во время посещения Рима у Гиббона возникла идея его главного труда. Он вспоминал: «15 октября 1764 года, сидя на развалинах Капитолия, я углубился в мечты о величии Древнего Рима, а в это же время у ног моих босоногие католические монахи пели вечерню на развалинах храма Юпитера: в эту-то минуту во мне блеснула в первый раз мысль написать историю падения и разрушения Рима». В конце 1774 года Гиббон был посвящен в масоны в ложе «Дружба» № 3 при «Востоке Лондона». В 1774–1784 годах Гиббон был членом парламента от партии вигов. В 1779–1782 годах в правительстве Фредерика Норта он возглавлял Совет по делам торговли и колоний. Гиббон умер в Лондоне 16 января 1794 года.

Главный труд Гиббона, «История упадка и разрушения Римской империи» в 6 томах, был опубликован в 1776–1778 годах и переведен на все европейские языки. Благодаря блестящему стилю и увлекательности изложения исследование обрело огромную популярность. Первое издание первого тома разошлось в несколько дней. Период упадка, по Гиббону, охватывает время с конца II века и до падения Византийской империи в 1453 году. Но «История» Гиббона имеет более широкие хронологические рамки – от прихода к власти династии Антонинов в 98 году и вплоть до 1590 года. Рассматриваются также арабские и монгольские завоевания. Гиббон использовал большое количество первоисточников и старался сохранять объективность при описании событий. Нередко «Историю упадка и разрушения Римской империи» называют «величайшим историческим трудом, написанным на английском языке». Гиббон пытался понять условия и причины падения великой империи. Одну из главных причин упадка историк связывал с распространением христианства. Успехи христианства он считал обусловленными действием следующих факторов: 1) нетерпимостью христиан; 2) чудесами, приписываемыми ранней христианской церкви; 3) учением о загробной жизни, 4) чистотой и строгостью морали верующих и 5) единодушием и твёрдой организацией членов христианской общины. Историк считал, что Римская империя стала жертвой нашествий варваров и постепенной утраты римлянами гражданских добродетелей. Он утверждал: «Упадок Рима был естественным и

неизбежным последствием чрезмерного величия. Среди благоденствия зрел принцип упадка; причины разрушения размножались вместе с расширявшимся объемом завоеваний, и, лишь только время или случайность устранили искусственные подпорки, громадное здание развалилось от своей собственной тяжести. История его падения проста и понятна, и, вместо того чтобы задаваться вопросом, почему Римская империя распалась, мы должны были бы удивляться тому, что она существовала так долго. Победоносные легионы, усвоившие во время далеких походов пороки чужеземцев и наемников, сначала подавили свободу республики, а затем стали унижать величие императорского звания. Заботы о личной безопасности и об общественном спокойствии заставляли императоров прибегать к унизительным уловкам и, подрывая дисциплину, делать армию столько же страшной для ее государя, сколько она была страшна для врагов; прочность военной организации была поколеблена, а затем и окончательно уничтожена нововведениями Константина, и римский мир был поглощен потоком варваров». Гиббон самыми мрачными красками рисует византийскую историю, поскольку для него Византийская империя была воплощением нравственного и политического застоя. Гиббон видел в истории Византии продолжение Античности и с этой точки зрения рассматривал ее как полосу исторического застоя, завершившегося закономерным крахом. Историк утверждал: «Я описал торжество варварства и религии». Средневековье он считал «темными веками», когда общество находилось под влиянием суеверий, поддерживавшихся церковниками. Гиббон вообще полагал, что история – это в первую очередь «реестр преступлений, безумств и несчастий человечества». Он рассматривал историческую науку как синтез изложения фактов и философского анализа.

Эдуард Гиббон. Гравюра 1802 г.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826)

Николай Михайлович Карамзин, автор «Истории государства Российского», родился 1 (12) декабря 1766 года около Симбирска, в родовом селе Карамзинке. Его отец, отставной капитан Михаил Егорович Карамзин (1724–1783), был среднепоместным симбирским дворянином. Мать Екатерина Петровна Пазухина также происходила из дворян. Первоначальное образование будущий историк получил в частном пансионе в Симбирске. В 1778 году был отправлен в Москву, в пансион профессора Московского университета И.М. Шадена. С апреля 1781 по январь 1784 года Карамзин служил в лейб-гвардии Преображенском полку, из которого вышел в отставку по прошению в чине поручика. В Симбирске Карамзин вступил в масонскую ложу «Золотого венца», а после приезда в Москву в течение четырёх лет (1785–1789) был членом «Дружеского учёного общества» – благотворительно-просветительного общества в Москве, созданного масонами И.Г. Шварцем и Н.И. Новиковым. В 1789–1790 годах будущий историк путешествовал по Европе и побывал во Франции в дни революции. В 1791–1792 годах Карамзин издавал «Московский журнал» – первый русский литературный журнал, где опубликовал повесть «Бедная Лиза» и «Письма русского путешественника» – первые произведения русского сентиментализма, признанным лидером которого стал Карамзин. Современники называли его «русским Стерном». В 1803 году он опубликовал историческую повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода». Император Александр I указом от 31 октября 1803 года пожаловал Карамзину звание историографа и 2 тысячи рублей жалованья. В дальнейшем он занимался почти исключительно написанием «Истории государства Российского». Поэтому он отказывался от предлагавшихся ему государственных постов, в частности от должности тверского губернатора. С 1804 по 1815 год Карамзин писал «Историю» в подмосковной усадьбе Остафьево. В 1811 году Карамзин написал «Записку о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях», предназначенную для императора. Историк критиковал

предпринятые Александром либеральные реформы и пытался доказать, что никаких преобразований проводить в России не нужно. Он утверждал: «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для её счастья». В «Записке» Карамзин также указал на тёмную сторону Петровских реформ и самого Петра: «Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореняя древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного». В феврале 1818 года Карамзин издал первые восемь томов «Истории государства Российского», трёхтысячный тираж которых разошёлся за месяц. Издание финансировал сам император. Для того чтобы выпустить в продажу сразу все 8 томов, их печатали в нескольких типографиях в 1816–1817 годах. До конца жизни Карамзин успел издать еще три тома. 12-й том не был завершен и был опубликован уже после смерти историка, в 1829 году. «История» была переведена на основные европейские языки. В своей прозе и поэзии Карамзин сознательно отказывался от использования церковнославянской лексики и грамматики, приближая язык своих произведений к обиходному языку эпохи и используя в качестве образца грамматику и синтаксис французского языка. Он ввёл в русский язык множество неологизмов («благотворительность», «влюблённость», «вольнодумство», «достопримечательность», «ответственность», «подозрительность», «промышленность» в современном значении, «утончённость», «человечный») и изобрел букву «ё». В 1818 году Карамзин стал членом Российской академии (занималась проблемами русского языка и словесности) и Императорской академии наук. Карамзин скончался от туберкулеза 22 мая (3 июня) 1826 года в Петербурге. В 1810 году Карамзин был пожалован орденом Святого

равноапостольного князя Владимира 3-й степени, а в 1824 году был произведен в действительные статские советники.

Н.М. Карамзин. Гравюра 1820 г.

В «Истории государства Российского» изложение начинается с обзора античных источников о племенах, обитавших на территории современной России, и доведено до 1612 года. В предисловии к «Истории» Карамзин писал: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество

и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастие. Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества». Историк утверждал: «Великие народы, подобно великим мужам, имеют своё младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению монархической власти». По словам А.С. Пушкина, «все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом». В «Истории государства Российского» Карамзин выступал не только как историк, но и как писатель. Описывая исторические факты, он в первую очередь заботился о красоте языка и лишь во вторую очередь стремился делать научные выводы из описываемых им событий. Но научную ценность вплоть до наших дней сохраняют комментарии Карамзина, которые содержат множество выписок из рукописей, большей частью впервые опубликованных Карамзиным. Некоторые из этих рукописей до наших дней не сохранились. Именно Карамзиным была найдена и названа Ипатьевская летопись. А попытка реконструкции Троицкой летописи, уничтоженной пожаром 1812 года, в значительной мере основывается на примечаниях Карамзина. Также Карамзин открыл «Хождение за три моря» Афанасия Никитина в рукописи XVI века и опубликовал его в 1821 году, которое охарактеризовал следующим образом: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века… Оно (путешествие) доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещённых, но равно смелых и предприимчивых; что индийцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о

возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара…»

Жозеф Франсуа Мишо (1767–1839)

Жозеф Франсуа Мишо, французский историк, политик и журналист, родился 19 июня 1767 года в Албенсе (Савойя, в то время – часть Сардинского королевства, ныне департамент Франции). Он принадлежал к древнему дворянскому роду, восходящему к X веку. Образование он получил во Франции, в коллеже Бурк-ан-Бресе, а затем занялся литературной деятельностью в Лионе, где его застала Великая французская революция. К революции он отнесся крайне негативно и сохранил это отношение на всю жизнь. В 1791 году Мишо переселился в Париж, где в газете «La Quotidienne» энергично агитировал за короля и королевскую власть. Он также основал «La Gazette universelle», которая пользовалась большим успехом, пока не была закрыта в августе 1792 года за ультрароялизм, и Мишо вместе с другими ее редакторами пришлось скрываться, чтобы избежать ареста. В 1796 году он стал редактором «La Quotidienne» и был арестован после подавления роялистского восстания, но смог сбежать и был заочно приговорен к смерти. Мишо перебрался в Швейцарию, где написал сатирическую поэму «Le printemps d'un proscrit» («Весна преступника»). После прихода к власти Наполеона Мишо вернулся в Париж и возобновил издание «La Quotidienne». Его симпатии к Бурбонам привели к аресту за анонимный памфлет «Les adieux à Bonaparte» («Прощание с Бонапартом») и кратковременному тюремному заключению в 1800 году, а после освобождения он временно оставил журналистику и занимался главным образом историей. Он написал «Histoire des progrès et de la chute de l'empire de Mysore» («История прогресса и падения Майсурской империи») (1801), «Histoire des croisades» («История крестовых походов») (1812–1822), «Bibliothèque des croisades» («Библиотека крестовых походов») (1822) в 4 томах, с выдержками из источников по истории крестовых походов. Его «Biographie moderne, ou dictionnaire des hommes qui se sont fait un nom eu Europe depuis 1789» («Современная биография, или Словарь людей, сделавших себе имя в Европе с 1789 года») (1806) была конфискован полицией. Постепенно Мишо стал относиться к

Бонапарту более терпимо и написал две поэмы по случаю брака Наполеона с Марией-Луизой (1810) и рождения их сына, короля Италии (1811). Антинаполеоновская «Histoire des quinze semaines ou le dernier règne de Bonaparte» («Пятнадцатинедельная история, или Последнее правление Бонапарта») (1815), посвященная 100 дням императора, после свержения Наполеона за короткое время выдержала 27 изданий. В 1813 году Мишо был избран членом Французской академии, а в 1815 году стал членом палаты депутатов и был награжден офицерским крестом ордена Почетного легиона. Он получил место королевского чтеца, но лишился его в 1827 году за протесты против ограничений свободы печати. В 1817 году Мишо возобновил редакторство «La Quotidienne». В 1830–1831 годах Мишо совершил путешествие в Сирию и Египет, чтобы познакомиться с местами действия описанных им событий и для сбора дополнительных материалов по истории крестовых походов, и после издал «Correspondance de l'Orient» («Письма с Востока») (1833–1835). 25 000 франков на путешествие выделил король Карл X, который к моменту возвращения Мишо в Париж уже был свергнут в ходе Июльской революции 1830 года. Вместе с Жаном Жозефом Франсуа Пужула (1808–1880) он издал «Collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XII siècle» («Сборник мемуаров, которые послужат описанию истории Франции с XII века») (32 тома, 1836–1839), где опубликовали массу неизданных рукописей. В 1837 году историк стал членом Академии надписей и изящной словесности. Жозеф Франсуа Мишо умер 30 сентября 1839 года в пригороде Парижа Пасси.

Ж.Ф. Мишо. Гравюра XIX в.

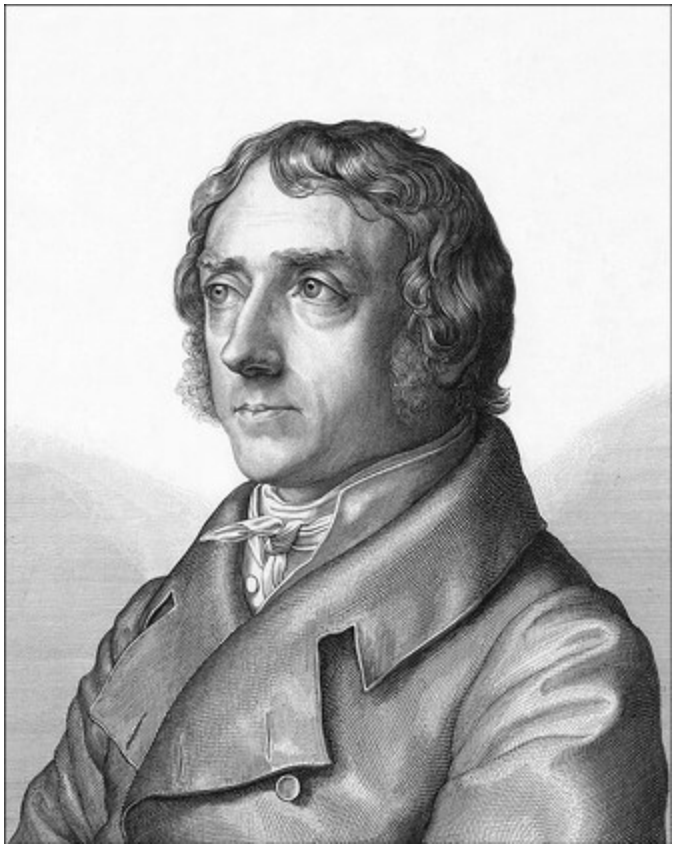
Наиболее полное издание главного сочинения Мишо – «Истории крестовых походов», состоявшее из 6 томов и 2 дополнительных томов библиографии, было подготовлено самим историком и издано уже после его смерти, в 1840–1846 годах, его другом Пужула. В течение 12 лет после первого издания, в 1812–1822 годах, «История» переиздавалась 6 раз. В предисловии к своему труду Мишо писал: «История Средних веков не знает эпопеи более величественной, чем походы, предпринятые для отвоевания Святой земли. Народы Азии и Европы, вооруженные друг против друга, две религии, сражаясь оспаривающие мировое господство, Запад, разбуженный мусульманами и вдруг обрушившийся на Восток, – какое зрелище! Люди, забыв о частных интересах, видят одну лишь землю, один лишь город, манящий Великой Святыней, и готовы путь свой к нему омыть кровью и усыпать развалинами. В этом грандиозном порыве высокие добродетели смешались с низменнейшими пороками. Воины

Христовы презрели и голод, и непогоду, и козни врагов; ни смертельные опасности, ни внутренние противоречия поначалу не сломили их твердости и терпения, и цель, казалось, была достигнута. Но дух раздора, соблазны роскоши и восточные нравы, непрерывно снижая мужество защитников Креста, в конце концов заставили их забыть предмет священной войны. Царство Иерусалимское, руины которого они с такой яростью долго оспаривали, превращается в фикцию. Вооружившиеся ради наследия Иисуса Христа, крестоносцы прельщаются богатствами Византии и разграбляют столицу православного мира. С той поры крестовые походы радикально меняют характер. Лишь малое количество христиан продолжает отдавать кровь за Святую землю, основная же масса государей и рыцарей внимает только голосу алчности и честолюбия. Этому содействуют и римские первосвященники, гася прежний пыл крестоносцев и направляя их против христиан и своих личных врагов. Святое дело превращается в междоусобия, в которых равно поруганы и вера, и человечество. В ходе всех этих дрязг высокий энтузиазм постепенно угасает, и все запоздалые попытки снова его разжечь оказываются безрезультатными». За свои исследования крестовых походов Мишо был возведён в рыцари ордена Святого Иоанна Иерусалимского и рыцари Гроба Господня.

Бартольд Георг Нибур (1776–1831)

Бартольд Георг Нибур, немецкий историк, считается выдающимся критиком и новатором в области филологических обоснований исторических исследований. Он родился 27 августа 1776 года в Копенгагене в семье известного немецкого путешественника и математика Карстена Нибура (1733–1815). Будущий историк получил домашнее образование, а потом учился в Кильском университете. Из Киля Нибур писал родителям 16 ноября 1794 года: «Меня, как я убежден, сама природа, индивидуальное направление моего духа и моих способностей предназначили стать элегантным писателем, историком нового и древнего времени, политиком и, возможно, светским человеком». Короткое время Нибур был секретарем датского министра финансов, а затем отправился в Англию, знакомство с которой, по словам историка, сильно помогло ему в занятиях античной историей: «Мое раннее пребывание в Англии дало мне один важный ключ к римской истории. Необходимо знать гражданскую жизнь путем личного наблюдения, чтобы понять такие государства, как государства древности. Я никогда не смог бы понять многие вещи в истории Рима, не наблюдая за Англией». В 1800 году Нибур вернулся на датскую службу и в 1804 году стал директором Национального банка. В 1806 году он перешел на прусскую службу, где также занимался финансами. В 1810–1812 годах, во время кратковременной отставки, Нибур читал лекции по истории в Берлинском университете и занимал должность прусского королевского историографа. В 1813 году он служил в прусском ландвере. Некоторое время он редактировал патриотический журнал «Прусский корреспондент», служил в штабе союзных монархов, был свидетелем битвы при Баутцене. В 1816 году Нибур был назначен посланником в Риме и в 1821 году заключил соглашение с папой. В 1823 году вышел в отставку. В 1824 году он стал членом Государственного совета Пруссии. С 1823 года Нибур жил в Бонне, где с большим успехом читал лекции по древней и новой истории, став в 1825 году профессором Боннского университета. В 1826 году историк был избран почётным членом Санкт-Петербургской академии наук.

Нибур также являлся членом Американской академии искусств и наук с 1822 года. Ученый был полиглотом и свободно владел 12 языками. При изучении истории он наибольшее значение придавал политическому развитию древних народов. Все источники Нибур подвергал тщательному критическому анализу. Он заменял вероятным то, что в предании оказывалось недостоверным. Из лекций Нибура в Боннском университете родилась его «Римская история». Ученый скончался в Бонне 2 января 1831 года.

Б.Г. Нибур. Гравюра 1904 г.

Главное сочинение Нибура – «Римская история» (1811–1832) в 3 томах. Последний, 3-й том, доводящий изложение до конца Первой Пунической войны, вышел уже после смерти ученого. Критическая работа Нибура применительно к источникам сохраняет свое значение вплоть до настоящего времени. Труд Нибура стал первым в Германии опытом воссоздания римского мира, сильно отличающегося от того,

каким его представляла античная историография. Нибур считал необходимым искать зёрна достоверности в трудах римских историках, описывающих период до III века до н. э. Он использовал также все известные памятники римской словесности, а также данные эпиграфики, лингвистики и этнографии, широко применял метод аналогии с историей других народов. Историк придавал большое значение экономическим аспектам. Нибур открыл родовую организацию у римлян, которая с возникновением государства сменилась территориальной организацией. Многие его открытия, в частности утверждение о существовании комплекса оборонительных сооружений на Палатине, были подтверждены позднейшими археологическими исследованиями. Разработанный Нибуром критический метод работы с историческими источниками и фактами сводится к процедуре двоякой реконструкции. С одной стороны, необходимы выделение исторических зерен из массива древних мифологизированных преданий и поиск свидетельств древней аутентичной литературной традиции в массе более поздних сообщений, где элементы исторической правды соседствуют художественным вымыслом. С другой стороны, следует искать реликты древних институтов и правовых норм в позднейшей государственной и частной жизни. Эти принципы исторического исследования и сегодня остаются основой источниковедения и исторической реконструкции. Нибур сделал достоянием ряд источников – «Институции» римского юриста Гая, некоторые речи Цицерона и его сочинение «О государстве», кодекс со стихотворениями и панегириком консула Флавия Меробода. Также Нибур составил план полного собрания сочинений византийских историков, которое должно было представить их труды в критическом издании, с вариантами, латинским переводом, предисловиями и примечаниями. Для этой серии «Corpus scriptorum historiae Byzantinae» он лично и в сотрудничестве с другими историками подготовил труды Агафия, Дексиппа, Евпапия, Петра Патрикия, Приска, Малха и Менандра. Среди других работ Нибура необходимо назвать изданные посмертно «Лекции по древнему землеведению и этнографии», «Лекции по римской истории», «Лекции по римским древностям» и «Истории о греческих героях, рассказанные своему сыну». В 1827 году

при его участии был основан новый научный журнал «Rheinisches Museum» («Рейнский музей классической филологии»).

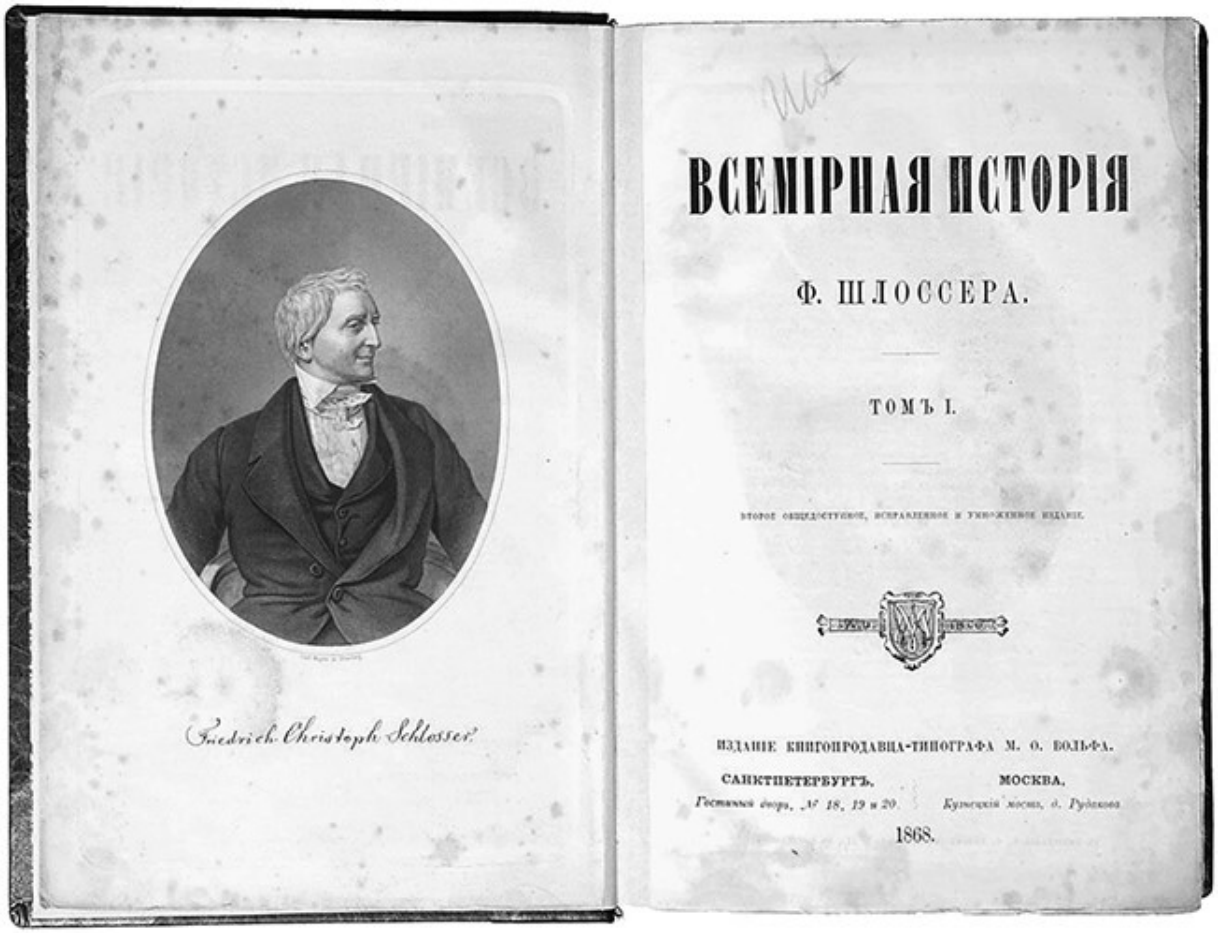
Фридрих Кристоф Шлоссер (1776–1861)

Фридрих Кристоф Шлоссер, немецкий историк, основатель Гейдельбергской исторической школы, известный прежде всего своей «Всемирной историей для германского народа», родился 17 ноября 1776 года в Евере (Фрисландия, княжество Анхальт-Цербст). Он изучал богословие в Геттингенском университете в 1794–1797 годах, готовя себя к духовной карьере. Позднее Шлоссер признавался, что даже в то время, когда он изучал богословие, у него не было никакой приверженности догматической религии, хотя религиозным чувством он был проникнут до конца жизни. В итоге Шлоссер предпочел стать историком и после университета служил домашним и школьным учителем, а с 1814 года – городским библиотекарем во Франкфурте-на-Майне. Эти занятия оставляли достаточно времени для работы над историческими сочинениями. Его первый крупный научный труд – «Geschichte der bilderstürmenden Kaiser des oströmischen Reichs» («История императоров-иконоборцев») – появился в 1812 году. В 1819 году Шлоссер получил кафедру в Гейдельбергском университете, где его лекции пользовались большой популярностью как среди студентов, так и у более широкой публики. Во время каникул историк совершал поездки по Германии и Франции и работал в библиотеках и архивах. Он отличался необыкновенной работоспособностью. В 6 часов утра Шлоссер садился за работу и трудился обычно до глубокой ночи с небольшими перерывами. На лекциях, по словам одного из его учеников, «он одинаково сильно говорил и уму, и сердцу». Шлоссер умер в Гейдельберге 23 сентября 1861 года.

Главные труды Шлоссера – «Weltgeschichte für das deutsche Volk» («Всемирная история для немецкого народа») (1844–1857) в 18 томах, доведенная до 1815 года, и «Geschichte des 18ten Jahrhunderts und des 19ten bis zum Sturz des französischen Kaiserreichs» («История 18 и 19 столетий до падения Французской империи») (1823), в наиболее полном посмертном издании увеличившаяся до 8 томов из первоначальных двух. Главной задачей историка Шлоссер считал объяснение событий и тенденций современной жизни. История была

для него прежде всего школой нравственности. Ученый был приверженцем демократических и либеральных ценностей и при изложении исторических событий не скрывал своей субъективности. В своих трудах Шлоссер боролся с современной ему реакцией, отстаивая идеалы века Просвещения. Он смеялся над теми исследователями, которые были счастливы, если им удается отыскать в архиве какой-нибудь новый, никому не известный документ, хотя бы этот документ не имел какой-то принципиальной исторической новизны. Ведь есть еще много неизученного опубликованного материала, и для обработки и обобщения его не хватит человеческой жизни. Поэтому Шлоссер считал, что нет нужды заниматься поисками малозначительных документов. Историк полагал, что «постепенное развитие человеческого рода, в главных чертах, шло по направлению суточного движения солнца. В Азии, где род человеческий получил начало, и в соседнем с нею Египте культура расцвела впервые. Затем, в течение длинного ряда веков, она не переходила за пределы Востока. Но лет за тысячу до Рождества Христова во всемирной истории принимает участие Европа; и, между тем как восточные народы падают все ниже и ниже, греки и римляне делают эту часть света средоточием всемирных событий. В последние времена Древнего мира, эти два главные народа древней Европы и затем христианство распространили культуру в западной половине Европейского материка, а тысячу лет спустя она, подобным же образом, перешагнула за пределы Старого Света и коснулась Америки». Из исторических деятелей он особо ценил Александра Македонского и Фридриха Великого. Как считал Шлоссер, разложение политического строя и нравов европейских правящих классов в XVIII веке ставило европейскую цивилизацию перед выбором: или окончательная гибель, подобная гибели Римской империи, или революция. Необходимо было, чтобы «нация очистилась пламенем революции, как в огненной купели, и чтобы это пламя проникло во все старое дерево от корня его до вершины». Шлоссер, наиболее полно обобщивший факты, связанные с Великой французской революцией, был уверен, что эта революция «даровала Франции равенство и другие благодеяния, за которые потомство вечно благословляло бы ее, если бы даже она кроме этого и не сделала ничего хорошего». Шлоссер также включил в свои труды главы по истории литературы. Из других сочинений Шлоссера можно

упомянуть: «Weltgeschichte in Zusammenhängender Erzählung» («Всемирная история в связном изложении») (1817–1841) в 9 томах, «Universalhistorische Uebersicht der Geschichte der Alten Welt und ihrer Kultur» («Универсальный исторический обзор истории Древнего мира и его культуры») (1826–1835) в 3 томах, «Zur Beurtheilung Napoleons und seiner neuesten Tadler und Lobredner» («К осуждению Наполеона и его последних обличителей и восхвалителей») (1832–1835) в 3 томах, а также монографию о Данте (1855). Шлоссер был избран членом Датской королевской академии наук и Лейденского литературного общества. Как отмечал в некрологе Шлоссера его ученик Георг Готфрид Гервинус (1805–1871), в таких историках, как Шлоссер, «немецкий народ видел людей, ему сочувствовавших, неразрывно связавших свою литературную деятельность с его радостями и страданиями».

Титульный лист «Всемирной истории» Ф. Шлоссера. Русское издание 1868 г.

Франсуа Гизо
(1787–1874)

Франсуа Гизо, французский историк и политик, идеолог либерального консерватизма, родился 4 октября 1787 года в Ниме (департамент Гар) в протестантской буржуазной семье. 8 апреля 1794 года, в разгар революционного террора, был казнен его отец Андре Гизо, известный адвокат. Мать вместе с сыном эмигрировала в Женеву. Там он получил образование в Женевском университете и, кроме французского, выучил пять языков: английский, итальянский, немецкий, древнегреческий и латынь. В 1805 году Гизо вернулся в Париж, где поступить домашним учителем и секретарем в семью Филиппа Альбера Стапфера, кальвиниста и бывшего министра наук и искусств марионеточной Гельветической республики. В салоне Стапфера Гизо познакомился со многими деятелями литературы и политики и начал карьеру публициста. Он напечатал ряд филологических трудов, в том числе «Новый словарь французских синонимов», трактат «О состоянии искусства во Франции», «Жизнеописания поэтов эпохи Людовика XIV» и книги, посвященные творчеству Корнеля и Шекспира. В 1811 года Гизо получил место мелкого чиновника в министерстве иностранных дел, а в 1812 году место преподавателя истории в Сорбонне через профессора П.-П. Ройе-Коллара. По поводу этого назначения будущий историк воскликнул: «История? Но я же не знаю ее!» – «Ничего, вы узнаете ее в процессе преподавания», – утешил его Ройе-Коллар. И уже к 1815 году Гизо завоевал известность своими лекциями. В апреле 1814 года с помощью Ройе-Коллара он был назначен генеральным секретарем министерства внутренних дел. После «Ста дней» Гизо, активно способствовавший возвращению Людовика XVIII, был назначен генеральным секретарем министерства юстиции и членом Государственного совета. В статьях «О смертной каре по политическим мотивам» и «О способах правления и оппозиции в современной Франции» он настаивал, что правительство не враг, а партнер общества. В 1820–1822 годах Гизо был прочитан курс о происхождении представительного правления. В 1824–1830 годах он

опубликовал несколько больших работ по истории Франции и Англии, а также редактировал многотомное «Собрание записок, относящихся к истории Франции», включившее в себя комментированные переводы средневековых хроник. В 1828–1830 годах он прочел лекцию по истории цивилизации во Франции и в Европе от Римской империи и до конца XVIII столетия. В январе 1830 года Гизо был избран депутатом нижней палаты парламента и подписал «Обращение 221-го» против политики короля Карла X. Гизо был сторонником конституционной монархии и поддержал короля Луи-Филиппа, возведенного на трон Июльской революцией 1830 года. Июльскую монархию историк считал идеальным типом государственного устройства. Гизо называли идеологом режима короля Луи-Филиппа. Сначала историк стал министром внутренних дел, а в 1832–1837 годах занимал пост министра образования. В 1839–1840 годах Гизо был послом в Англии, а в 1840–1847 годах – министром иностранных дел и фактически руководил деятельностью правительства при номинальном главе правительства маршале Никола Жане де Дьё Сульте (1769–1851). Гизо стремился достичь хороших отношений с Англией, но не преуспел в этом и вынужден был сблизиться с Австрией, правительство которой во главе с канцлером князем Клеменсом фон Меттернихом (1773–1859) выступало за незыблемость европейских монархий. Гизо полагал, что либералы призваны создать общество, основанное на свободах и мире, не теряя при этом завоеваний Великой французской революции. В 1848 году упорное нежелание кабинета Гизо принять более демократический избирательный закон спровоцировало Февральскую революцию. После революции Гизо эмигрировал в Англию, где пробыл примерно год. Он не принял предложенное ему место профессора в Оксфорде. Во время пребывания в Англии он изучал британскую историю и творчество Шекспира. После возвращения во Францию Гизо много времени проводил в бывшем аббатстве, теперь принадлежавшем его семье, в Валь-Рише, около Лизье в Нормандии, где писал исторические сочинения. Он был членом воссозданной им Академии моральных и политических наук, а также Академии надписей и изящной словесности и Французской академии. Франсуа Гизо умер 12 сентября 1874 года в Сент-Уан-ле-Пен в Нормандии.

Ф. Гизо. Фото после 1865 г.

Самые знаменитые произведения Гизо – это «Histoire de la civilisation en Europe» («История цивилизации в Европе») (1828), доведенная до Великой французской революции, и «Histoire de la civilisation en France» («История цивилизации во Франции») (1830) в 4 томах, вплоть до времени Гуго Капета. Гизо был убежден, что европейская цивилизация существует в реальности, т. е. что «в цивилизации различных европейских государств обнаруживается некоторое единство; что, несмотря на большие различия во времени и в самом ходе, она обусловливается фактами почти однородными, находится в связи с одними и теми же основными началами и стремится к одним и тем же результатам». Он настаивал, что «общество никогда не распадется раньше, чем в его среде не возникнет новое общество». Для Гизо цивилизация означала прежде всего непрерывный прогресс, постоянное совершенствование общественного устройства и нравственное совершенствование человека. Особенно это характерно для европейской цивилизации, которая «существует уже пятнадцать столетий и находится постоянно в состоянии прогресса». Историческая концепция Гизо сводилась к убежденности в целесообразности всего хода истории, взаимозависимости и взаимообусловленности исторических эпох и, как следствие, признанию закономерностей исторического развития. Борьбу классов Гизо считал одним из главных двигателей общественного развития. По его мнению, в ходе Великой французской революции третье сословие, т. е. буржуазия, восстало против привилегированных классов – аристократии и духовенства, а затем народ против буржуазии. В 1816 году Гизо писал, что страна, пережившая революцию, надолго становится ее жертвой. И даже тогда, когда революция кажется канувшей в прошлое, она может возобновиться с новой силой. Гизо считал, что революция ведет к установлению более совершенного общества. Он полагал, что наилучшие условия для сочетания свободы личности и общественного порядка дает разделение властей и представительное правление. Историк считал, что пролетарии – это деклассированные элементы, потерявшие свою связь с землёй, и потому они не могут быть ответственными гражданами. Историк был уверен, что демократия – слишком серьёзная вещь, чтобы доверять ее неимущим. В 1820 году

Гизо писал: «Я не верю ни в Божественное право, ни в народный суверенитет, о которых говорят почти все. Я не могу увидеть в них ничего, кроме прикрытия узурпации власти путем использования силы. Я верю в суверенитет разума, справедливости, права – это единственно законный суверенитет, который мир искал и всегда будет искать, так как разум, право, справедливость никогда не могут воплотиться полностью». Избирательное право, полагал историк, следует предоставлять только тем, у кого есть собственность и кто платит налоги. Гизо выдвинул лозунг: «Обогащайтесь, господа, и вы будете избирателями!» В то же время он ставил своей целью, чтобы как можно больше людей приблизилось по уровню благосостояния и образованности к уровню «среднего класса». Гизо идеализировал буржуазию, утверждая: «Современная буржуазия приобрела свои права во имя и на пользу всех. Она вовсе не стремится ни к какому классовому господству, ни к какой исключительной привилегии; в обширном здании, которое она занимает в современном обществе, двери всегда открыты, и места всегда хватит для того, кто сумеет и кто захочет войти». Идеал правления Гизо видел в британской конституционной монархии, в связи с чем написал «Histoire de la revolution d’Angleterre» («История Английской революции») в 2 томах. Английскую революцию Гизо считал однотипной с Великой французской революцией. «История Франции, рассказанная моим внукам» стала последней работой Гизо. Она заканчивалась 1798 годом и была продолжена дочерью Гизо Генриеттой Гизо де Витт по запискам отца.

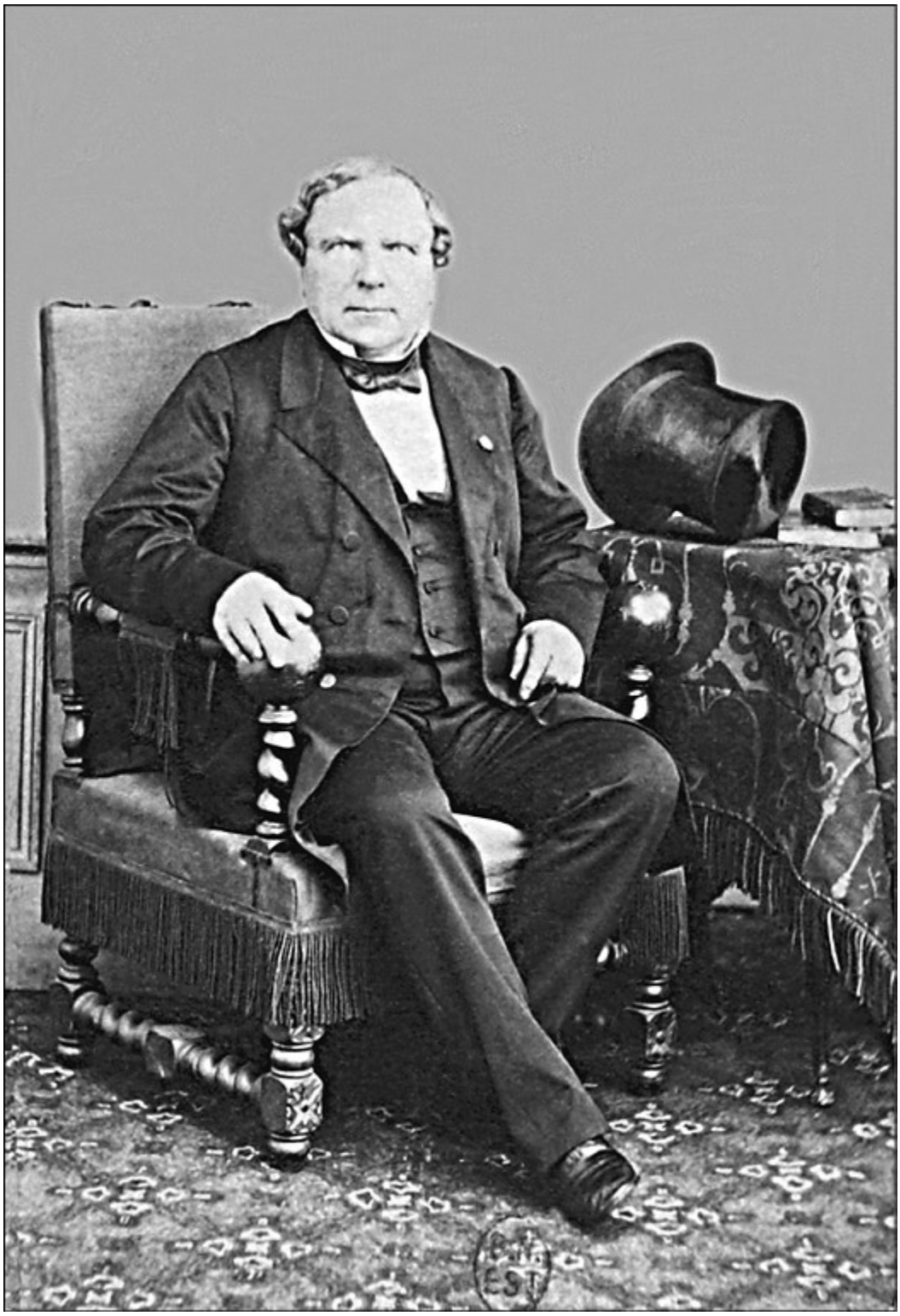
Огюстен Тьерри (1795–1856)

Огюстен Тьерри, французский историк, родился 10 мая 1795 года в Блуа (департамент Луара) в семье мелкого чиновника. После окончания Высшей нормальной школы в 1813 году он был направлен в качестве профессора в Компьен, но пробыл там недолго. Тьерри служил секретарём у философа графа Анри Сен-Симона в 1814–1817 годах, но быстро разочаровался в проповедуемом Сен-Симоном утопическом социализме. В 1821–1822 годах историк был членом революционного общества карбонариев. С 1830 года Тьерри являлся членом Академии надписей и художественной литературы. К тому времени историк ослеп и был разбит параличом. В дальнейшем он работал с помощью жены своего брата Амедея и своего ученика Армана Карреля. В 1841 году Тьерри была присуждена премия Гобера, которую он также ежегодно получал на протяжении последующих 15 лет, до самой смерти. Огюстен Тьерри умер в Париже 22 мая 1856 года.

Тьерри был видным представителем романтического направления во французской историографии. Особое внимание он уделял описанию нравов и обычаев французского Средневековья. В предисловии к «Рассказам из времен Меровингов» («Récits des temps mérovingiens») (1840) в 2 томах, произведению скорее художественному, чем научному, Тьерри утверждал, что собирался создать «в такой же мере произведение искусства, как и исторической науки». Главными работами Тьерри являются «Histoire de la Conquête de l'Angleterre par les Normands» («История завоевания Англии норманнами») (1825), «Lettres sur l’histoire de France» («Письма по истории Франции») (1820–1827), «Dix ans d'études historiques» («Десять лет исторических работ») (1834) и «Essay sur l’histoire de la formation et des progrès du Tiers État» («Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия») (1853). Сутью исторического развития Тьерри считал совместную борьбу третьего сословия, к которому относил буржуазию, пролетариат и крестьянство, против первых двух высших сословий, дворянства и духовенства. Борьбу в раннее Средневековье туземного римско-кельтского населения Галлии с завоевателями-франками

историк тоже рассматривал с точки зрения борьбы сословий, причем в этой борьбе он видел столкновение рас. Описывая завоевание Англии норманнами, а ранее датчанами, Тьерри развивал теорию англосаксонской свободы, противостоящей вторжениям северных варваров и в конечном счете возрождающейся в парламентской монархии. Он утверждал, что легендарный Робин Гуд был лидером англосаксонского сопротивления захватчикам. Тьерри считал прогрессивным сотрудничество французских королей начиная со времён Капетингов и вплоть до правления Людовика XIV с городскими магистратами, направленное против феодальной верхушки. Распад этого союза, по его мнению, и привел к Великой французской революции. Историю Англии после нормандского завоевания Тьерри рассматривал как борьбу живших в Британии и низведённых до состояния вилланов англосаксов с аристократическим слоем выходцев из Нормандии. Историк большое внимание уделял исследованию исторических источников, использовал в своих трудах хроники, предания и легенды. Главную задачу Тьерри видел в художественном воссоздании событий прошлого с помощью интуиции. Он привлекал в качестве основных источников для изучения раннего Средневековья как хроники, так и легенды. Ему принадлежит заслуга в том, что он первым начал критическое исследование общественных институтов во Франции. Правление Наполеона Бонапарта он характеризовал как время «подавления политической и интеллектуальной свободы, бесчинства полиции, злоупотреблений рекрутских наборов и чрезвычайных военных судов, непомерной тяжести налогов и тиранических ограничений торговли». Историк не скрывал связи истории с современной политикой: «В 1817 году, обуреваемый горячим желанием способствовать со своей стороны победе конституционных воззрений, я принялся разыскивать в книгах по истории основания и аргументы для своих политических убеждений». По его мнению, «в трудных обстоятельствах народ всегда стремится обратить свои взоры в прошлое; ему интересно знать, каковы были и что совершили люди, которые прежде наших современников выступили на сцену мира и передали нам свое имя… Нас связывает с ними нечто вроде обязательства; желание сохранить нашу свободу, нашу национальную честь, наше благополучие представляется нам нашим долгом». Тьерри приветствовал Июльскую

революцию 1830 года и приход власти либеральной буржуазии как закономерный итог всей французской истории. Тем большим разочарованием для него стала Февральская революция 1848 года. Тьерри писал, что «история Франции, казалось, была опрокинута так же, как и сама Франция». Он был убежден, что столкновение между буржуазией и пролетариатом в 1848 году явилось историческим недоразумением и не должно повториться в будущем. В начале 1850-х годов историк занимался подбором и публикацией документов по истории третьего сословия. Во введении к этой публикации, названной «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия», Тьерри пришел к выводу о неоднородности третьего сословия. Он также полагал, что «для человеческого рода не существует ничего абсолютного ни во зле, ни в добре. Потерпевший кораблекрушение, выброшенный на пустынный берег, воскликнет, что он счастлив; а между тем он наг и голоден. Также и народ, которого долго стесняли в его естественных потребностях, может сказать, что он счастлив; это означает, что его положение стало более терпимо – и только». Тьерри призывал написать историю народа, а не королей: «Удивительно, с каким упрямством историки отказывают массам в инициативе и в сознательной роли. Если послушать летописцев и поэтов, целый народ эмигрирует и находит себе новые места для поселения только потому, что какой-нибудь герой решает создать государство и прославить свое имя. Новые обычаи устанавливаются потому, что их придумывает какой-нибудь законодатель; город возникает потому, что его создает какой-нибудь государь; народ и граждане становятся только материалом для замыслов одного-единственного человека».

Огюстен Тьерри. Фото 1850-х гг.

Томас Карлейль (1795–1881)

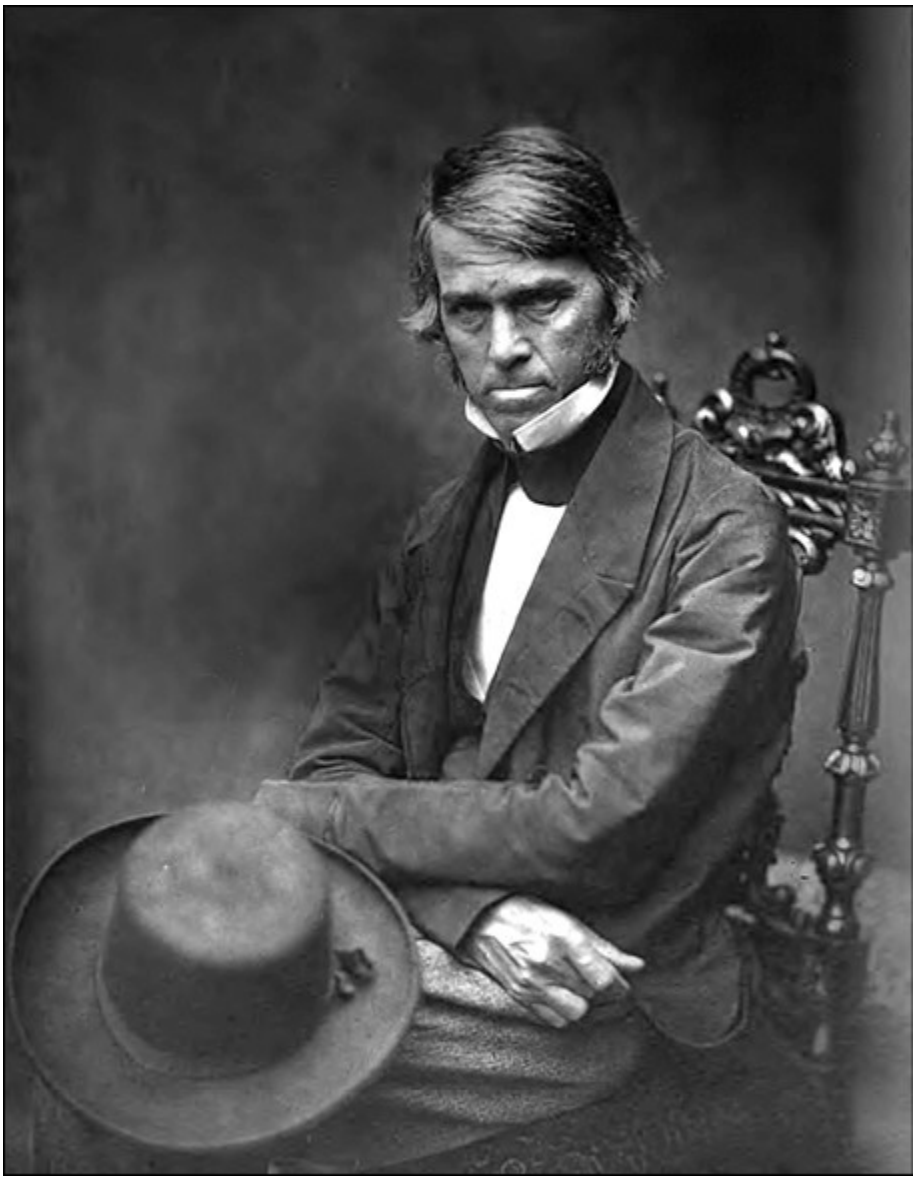
Томас Карлейль, британский историк, писатель, публицист и философ шотландского происхождения, родился в крестьянской пресвитерианской (пуританской) семье в Эклефехане, графство Дамфришир, 4 декабря 1795 года. Он окончил Эдинбургский университет, где обнаружил способности к математике. После университета Карлейль работал учителем математики. Затем он вернулся в Эдинбург, где готовил себя к карьере адвоката, но увлекся переводами немецкой литературы. Карлейль перевел, в частности, «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте. Он читал курсы лекций по литературе в 1838–1840 годах. После 1840 года он жил исключительно литературным трудом, так как его книги очень хорошо продавались. В 1841 году Карлейль основал Лондонскую библиотеку – самую большую платную библиотеку в мире. В 1865 году он был избран на 3 года ректором Эдинбургского университета. Во время Франко-прусской войне 1870–1871 годов Карлейль активно поддерживал Пруссию и в бедствиях Франции видел расплату за ее легкомыслие и деспотический режим императора Наполеона III. Когда премьер-министр Дизраэли предложил ему на выбор баронетство или орден Подвязки в знак признания его заслуг, Карлейль отказался и от того и от другого. Но в 1874 году принял от германского императора и короля Пруссии Вильгельма I высший прусский орден Pour le Mérite («За заслуги»), присуждаемый за выдающиеся личные достижения. Томас Карлейль умер 5 февраля 1881 года в Лондоне.

Впервые Карлейль прославился «Историей французской революции» («French Revolution: A history») (1837). Прогресс человечества он сводил к жизни отдельных выдающихся личностей-героев, что отразилось в сборнике лекций «Герои, почитание героев и героическое в истории» («On Heroes, Hero-Worship, and the Heroic in History») (1841). Карлейль был уверен, что всемирная история – это биографии великих людей, и написал целый ряд исторических биографий. Он утверждал: «Нет, не знание, а нравственное начало (долг) лежит в основе всей человеческой цивилизации и ее развития.

Никакого равенства не существует; люди бесконечно различаются по своим способностям и дарованиям; ум и сердце составляют достояние немногих; масса убога во всех отношениях и, предоставленная самой себе, не способна ни к какому прогрессу. Движение человечества вперед всецело зависит от отдельных личностей, одаренных необычайными талантами и посылаемых в мир Провидением, – от героев. Всемирная история есть, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле… это биографии великих людей, потрудившихся здесь, на Земле… Все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в этот мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории». Великую французскую революцию Карлейль считал наказанием Франции за ее грехи, в том числе за преследование протестантов (гугенотов): «Франция из всех современных народов – величайшая грешница… Она отвергла свет Реформации, она замучила своих Колиньи. Она предпочла жить в свое удовольствие и положилась на мишурный блеск своего Просвещения; она учинила подлог относительно религии, которой якобы придерживалась в то время, как в действительности не верила. Дворцы и замки ее утопали в роскоши и блеске, а когда бедный просил кусок хлеба, ему презрительно говорили, что он может питаться травой. Французское крестьянство выносило тиранию своих принцев и сеньоров, выносило терпеливо, пока терпение было возможно, и, как овца, подвергалось ежегодно стрижке на радость своего хозяина. Но обязанностям подданных соответствуют обязанности правителей. Наступает время, и аристократию, заправляющую делами, требуют к ответу… Аристократия оказывается лжеаристократией, духовенство – лжедуховенством; они не могут более оставаться у власти, их ниспровергают. К несчастью Франции, она отрекается и от всякой истинной аристократии, от истинного духовенства. Возникает новая вера, получающая затем повсеместное распространение, именно: что всякий человек сам свой правитель, сам свой учитель; все люди равны, и всем принадлежит одно и то же неотъемлемое право на свободу… Таково новое евангелие. Его пытались осуществить даже с помощью гильотины, но всеобщее блаженство не наступило. Дело в том, что первый шаг этого нового

исповедания веры ложен. Люди вовсе не равны; между ними существует бесконечное неравенство. Французская революция вовсе не означает уничтожения различий и освобождения от авторитета вообще, так как авторитет мудрых и добрых над глупыми и плутами – первое условие всякого здорового человеческого общежития. Французская революция – это суд над великими преступниками, из поколения в поколение творившими неправду и преуспевавшими…» По мнению историка, французы, изнемогавшие под гнетом прогнившего «Старого порядка», мечтали о свободе как о царстве мира, счастья и всеобщей любви, но вместе со свергнувшей «Старый порядок» революцией получили убийства, террор и гильотину как средство улучшить человечество. В 1843 году Карлейль издал книгу «Прошлое и настоящее» («Past and Present»), где критиковал общество XIX века, противопоставляя ему героические и подвижнические примеры из средневековой истории. Он был обеспокоен тем, что, несмотря на богатые ресурсы Англии, бедняки голодают и не могут найти достойную работу. А потому правящий класс должен вести за собой нацию. Карлейль поддерживал «Аристократию таланта». Но сначала англичане сами должны стать героями, чтобы уважать настоящих героев, а не шарлатанов. Нужен некий союз аристократии и духовенства, чтобы дать руководство обществу и обеспечить радикальное обновление духа. Только тогда можно будет поднять трудящихся от их жалкого существования и избавить от «анархии спроса и предложения». В этом новом обществе мудрые лидеры превратили толпу в жестко регламентированную массу. Карлейль подготовил двухтомник «Письма и речи Оливера Кромвеля» («Letters and Speeches of Oliver Cromwell») (1845–1846), с комментариями. Он показал позитивную роль Кромвеля в истории, в том числе его заслуги в возвышении морского могущества Англии. Карлейль исходил из того, что английская революция, в отличие от французской, носила чисто религиозный характер. Самое большое по объему сочинение Карлейля – «История Фридриха II Прусского, называемого Фридрихом Великим II» («History of Friedrich II of Prussia, Called Frederick the Great II») (1858–1865) в 5 томах. Для ее написания он предпринял два путешествия в Германию, осмотрел места сражений Фридриха и собрал материалы, которые не мог достать в Англии. Сделанное Карлейлем описание битв Фридриха военные авторитеты признали

образцовым и демонстрирующим глубокое знание историком военного дела. Карлейль восхищается «королем-героем». Он верил не в наследственную монархию, а в правление, основанное на заслугах, т. е. во власть героев. Он считал Реформацию, гражданскую войну в Англии и французскую революцию триумфами истины над ложью, несмотря на то что они разрушили ранее существовавшие общественные институты.

Томас Карлейль. Портрет 1854 г.

Леопольд фон Ранке (1795–1886)

Леопольд фон Ранке, официальный историограф Пруссии с 1841 года, родился 21 декабря 1795 года в Виэ (Тюрингия). Отец Ранке был юристом, а все предки отца принадлежали к лютеранскому духовенству. Ранке окончил Лейпцигский университет, где изучал гуманитарные науки, теологию и филологию. В студенческие годы он проявлял большой интерес к Античности и лютеранскому богословию, переводил древние тексты с латыни на немецкий. После окончания в 1818 году университета Ранке работал учителем истории и древних языков в гимназии Фридриха во Франкфурте-на-Одере. Там он понял, насколько неточны и порой двусмысленны тексты, излагавшие события далекого прошлого, и он решил попытаться исследовать подлинную историю фактов. В 1825 году Ранке был приглашён министром образования Пруссии в Берлинский университет экстраординарным профессором на кафедру всеобщей истории. В 1834 году он стал ординарным профессором и оставался им до выхода на пенсию в 1871 году. В 1827 году в Вене Ранке познакомился с сербским лингвистом и педагогом Вуком Караджичем (1787–1864), и это знакомство вдохновило его на написание «Сербской революции» («Die Serbische Revolution») (1829), в которой также была изложена новейшая история Сербии. В 1827 году Ранке посетил Италию, где изучил богатый материал государственных и частных архивов. Они были использованы для труда «Римские папы за последние четыре столетия» («Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten») (1834–1836) в 3 томах. С 1831 года Ранке редактировал журнал «Die Historisch-Politische Zeitschrift». В редакционной статье в первом номере он подчеркнул, что журнал – не враг прогресса; он борется лишь против исключительно разрушительных нововведений. В 1834 году Ранке основал свой исторический семинарий, где занимался средневековой германской историей. Ранке умер 25 мая 1886 года в Берлине. После его смерти библиотеку ученого приобрел Сиракузский университет. Она насчитывала около 25 тысяч книг, периодических изданий и рукописей и была в десять раз больше библиотеки

Сиракузского университета. В 1832 году Ранке был избран членом Прусской академии наук, а в 1860 году – иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук и иностранным членом Французской академии моральных и политических наук. В 1865 году ему было пожаловано дворянство. Ранке был награжден прусским орденом Pour le Mérite («За заслуги») (1855, в степени канцлера – 1867 год) и баварским орденом Максимилиана «За достижения в науке и искусстве» (Bayerischer Maximiliansorden für Wissenschaft und Kunst) (1853), рядом других прусских орденов и орденов других германских государств, а также орденами Сербии, Швеции, Бельгии и Греции. В 1882 году он получил чин прусского тайного советника, а в 1885 году стал почетным гражданином города Берлина.

В 1824 году вышло первое историческое сочинение Ранке – «История романских и германских народов, 1494–1514» («Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514»). Этот труд замышлялся как многотомное издание, но вышел только первый том. Во введении к этой книге Ранке писал: «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Её задача – лишь показать, как все происходило на самом деле». К «Истории романских и германских народов» прилагался критический очерк «К критике авторов новейшей истории» («Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber»), который положил начало критическому методу в исторической науке. Ранке делал упор на изучение архивных источников – актов (международных договоров, жалованных, закладных, купчих и иных грамот), писем, донесений послов. В Берлинской библиотеке Ранке нашёл 48 томов ранее не публиковавшихся донесений послов, касавшихся главным образом истории Южной Европы. Они стали основой его нового труда «Государи и народы Южной Европы в XVI–XVII веков» (во втором издании «Османы и испанская монархия в XVI и XVII веках» («Die Osmanen und die Spanische Monarchie im XVI u. XVII J.»). Здесь упор сделан на портреты правителей, но при этом историк старался проследить историческую связь событий и указал на единство всемирно-исторического процесса. В «Истории Германии в эпоху Реформации» («Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation»)

(1839–1847) в 6 томах Ранке подчеркивал, что в эту эпоху немецкий народ впервые познал своё внутреннее единство. Историк утверждал: «Результат моих архивных занятий – большой, объёмистый труд, столь же бесформенный, неотделанный и растянутый, как самые акты. Но все события эпохи получили теперь новую окраску и освещение – до остального мне нет дела». Основной упор он делал на политическую историю Реформации. В «Прусской истории в 9 книгах» («Neun Bücher preussischer Geschichte») (1847–1848, в 1874–1878—1879 годах была дополнена до 12 книг) Ранке с гордостью декларировал свой прусский патриотизм: «Я считаю счастьем принадлежать государству, с направлением которого я вполне согласен». Главный упор он сделал на политическую историю. Во «Французской истории, особенно в XVI и XVII веках» («Französische Geschichte, vornehmlich im sechzehnten und siebzehnten Jahrhundert») (1853–1861) в 2 томах Ранке дал очень точные портреты Екатерины Медичи, Генриха IV и Ришелье. В «Английской истории, особенно в XVI и XVII веках» («Englische Geschichte, vornehmlich im sechzehnten und siebzehnten Jahrhundert») (1859–1868) в 6 томах (в 1870–1884 годах расширенной до 9 томов) он выяснил сущность религиозно-политической борьбы, разыгравшейся в XVII веке между католиками и протестантами, а также охарактеризовал отношения Англии с материковыми державами. Ранке также дал портреты главных британских писателей XVI–XVIII веков. В серии лекций по всемирной истории, прочитанных в 1854 году баварскому королю Максимилиану II, Ранке назвал «руководящими принципами нашего времени взаимное размежевание двух принципов – монархии и народовластия, с которыми связаны все другие контрасты; бесконечный рост материальных сил; крайне многостороннее развитие естественных наук; небывалое участие большой публики в духовной жизни; безграничное распространение знаний; живое отношение к общественным делам. Таковы характерные признаки нашей эпохи». В январе 1877 года Ранке записал в дневнике свое понимание профессии историка: «Пословица говорит нам, что поэтами рождаются. Не только в искусстве, но даже в некоторых научных областях молодые люди достигают полного расцвета или, по крайней мере, проявляют свою оригинальность. Музыканты и математики рассчитывают достичь выдающегося положения в ранние годы. Но историк должен быть старым не только из-за неизмеримых масштабов своей области

исследований, но и из-за необходимости понять исторический процесс, что дает долгая жизнь, особенно в меняющихся условиях. Для него было бы невыносимо иметь лишь короткий промежуток опыта. Для его личного развития требуется, чтобы великие события завершали свой ход на его глазах, чтобы прежние формы рушились и предпринимались попытки создать новые формы». В 1880–1886 годах он работал над «Всемирной историей» (Weltgeschichte), успев написать 6 томов и часть 7-го, доведя изложение событий от Древнего Египта, Ассирии и Вавилона до событий XII века. 7, 8 и 9-й тома, в которых изложение событий доведено до 1453 года, были составлены из его материалов и изданы историком Альфредом Дове. Ранке утверждал: «Только наш век мог выработать понятие о всемирной истории в смысле изображения явлений жизни всех народов, во все времена, в их взаимной связи, насколько эти явления, сосуществуя друг с другом или следуя одни за другими в тесном преемстве, действительно образуют единое живое целое». Ранке стремился к максимальной объективности в своих исследованиях. Отдельное историческое событие имеет для него значение лишь как момент развития гегелевского абсолютного духа. Ранке стремится избегать чувства любви или ненависти к своим героям. Основываясь в своих исследованиях всегда на архивном материале, он и от учеников своих требовал критического отношения к источникам. Ранке подчеркивал, что любое повествование передаёт не сам факт, а лишь впечатление, полученное от него повествователем. Субъективные элементы усиливается, когда сведения оказываются получены из вторых, третьих, четвертых и так далее рук. Исследователь должен стараться дойти до первоисточника. Чтобы отделить субъективные элементы, надо принять во внимание, когда это возможно, как индивидуальные особенности повествователя, так и обстоятельства времени, в котором он жил. Ранке полагал, что история возникает из соединения исследования, проведенного научным критическим методом, с философским осмыслением и художественным воспроизведением описания исторических событий. Французский политический деятель и историк Луи Адольф Тьер (1797–1877) назвал Ранке величайшим историком Германии и, возможно, всей Европы. Ранке часто рассматривается как предшественник позитивизма как метода

тщательного исторического исследования фактов.

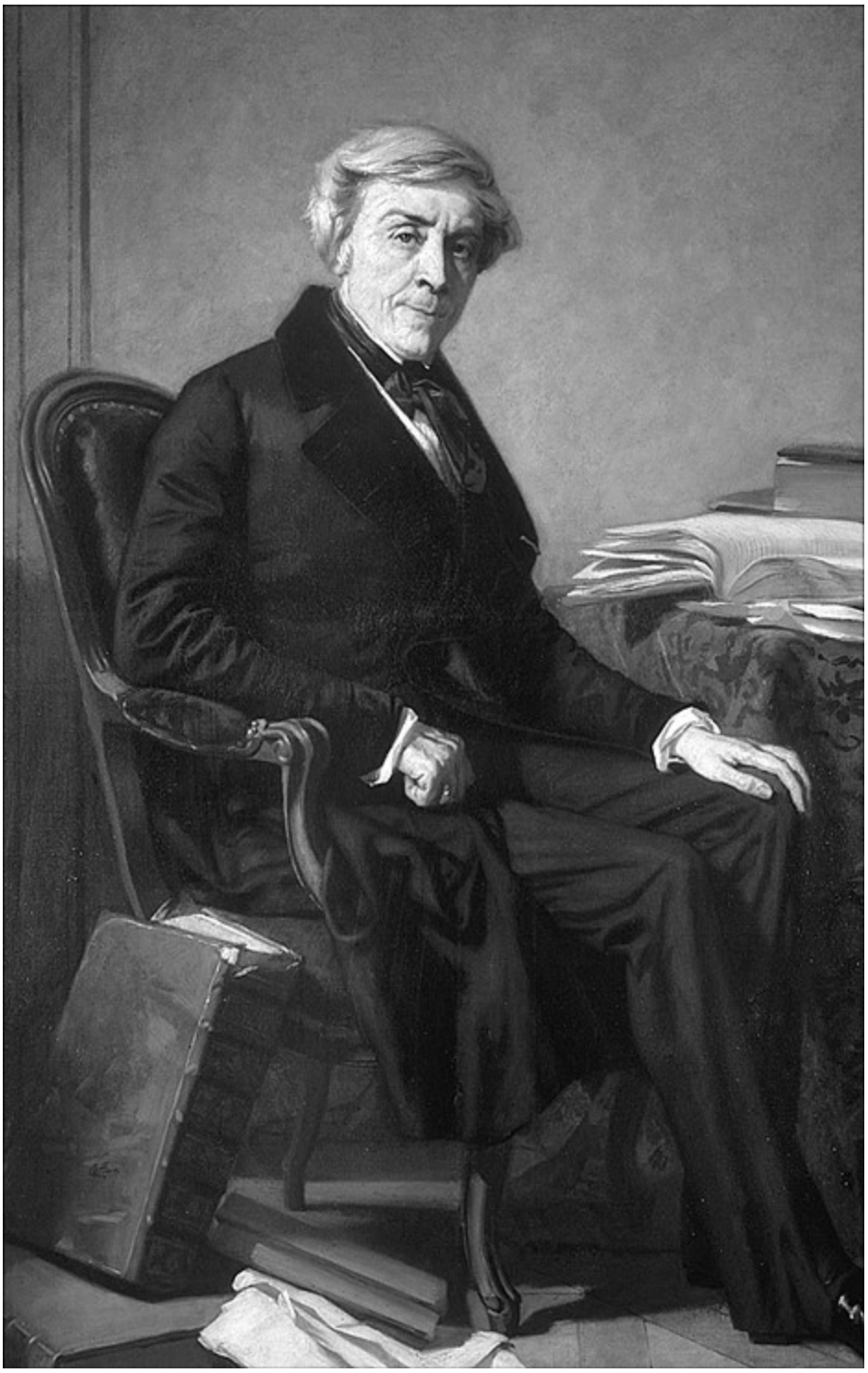

Леопольд фон Ранке. Фото 1877 г.

Жюль Мишле
(1798–1874)

Жюль Мишле, французский историк, представитель романтической школы в историографии, родился 21 августа 1798 года в Париже в семье владельца типографии, выходца из крестьян. Он окончил лицей Шарлемань и в 1821 году, после сдачи университетского экзамена, стал профессором истории в коллеже Роллен, хотя тогда его больше привлекали древняя литература и философия. Диссертация Мишле была посвящена идее бесконечности Джона Локка. В 1827 году он получил место профессора философии и истории в Высшей нормальной школе. Мишле преподавал историю цивилизации, рисуя характеры различных народов и эволюцию их религий. После Июльской революции 1830 года он стал заведующим историческим отделом в национальном архиве и в ноябре 1833 года заменил Гизо в Сорбонне на кафедре новой истории. В 1838 году Мишле ушел из Нормальной школы и стал профессором в Коллеж де Франс. Здесь в лекциях Мишле развивал свои идеи о политической и социальной добродетели. Историк был противником клерикализма и сторонником демократической республики. После переворота Наполеона III Бонапарта 2 декабря 1851 года Мишле лишился кафедры в Коллеж де Франс, а за отказ присягать императору потерял место в национальном архиве. Для того чтобы заработать на жизнь, историк вместе со второй женой (с 1849 года) Атенаис Миаларе (1826–1899), Мишле написал серию книг о природе. Он видел в природе зародыш нравственной свободы. Книги «Птица» («L’oiseau») (1856), «Насекомое» («L’insecte») (1857), «Море» («La mer») (1861) и «Гора» («La montagne») (1868) характерны страстное сочувствие ко всему страдающему и беззащитному, столь же свойственное историческим сочинениям Мишле. В 1858 году он выпустил «Любовь» («L’amour»), а в 1859 году – «Женщину» («La Femme»), имевшие очень большой успех среди публики. В 1864 году появилась «Библия человечества» («La bible de l’humanité), где дан исторический очерк религий. Мишле предсказал поражение Франции во Франко-прусской войне 1870–1871 годов. Но разгром французской армии и падение Парижа оказались для него

столь сильным потрясением, что он перенес инсульт, от которого так до конца и не оправился. 9 февраля 1874 года Мишле умер в Йере (департамент Вар).

Жюль Мишле. Портрет 1885 г.

Ученый полагал, что история есть драма борьбы между свободой и фатализмом. Его первый большой популярный исторический труд –

«Римская история: Республика» (1831). В том же году он написал «Введение во всеобщую историю» («Introduction à l'histoire universelle») (1831). Венцом всемирно-исторического процесса Мишле считал Францию. В 1855 году в очередном томе «Истории Франции» («Histoire de France») Мишле впервые использовал термин «Ренессанс» для обозначения периода в культурной истории Европы, последовавшего за Средневековьем. В 1847–1853 годах Мишле написал 7-томную «Историю Французской революции» («Histoire de la révolution française») с привлечением очень широкого круга первоисточников, в том числе не дошедшие до наших дней, включая протоколы парижских секций, сгоревшие в 1871 году, равно как и данные филологии, искусствоведения, географии, психологии и других дисциплин. Движущими силами революции Мишле считал не материальные интересы, а идеи братства, свободы и справедливости. Установление республики Мишле считал одним из главных достижений революции. Из деятелей революции наибольшие симпатии он питал к Дантону, которого считал наиболее тесно связанным с народом. Историк Франсуа Фюре утверждал, что «История французской революции» Мишле остается «краеугольным камнем всей революционной историографии, а также литературным памятником». Главным трудом жизни Мишле стала «Истории Франции» («Histoire de France») (1831–1867) в 19 томах. Первый том посвящен ранней истории франков вплоть до смерти Карла Великого, второй – периоду расцвета феодальной Франции, третий – XIII веку, четвертый, пятый и шестой тома – Столетней войне, седьмой и восьмой – установлению королевской власти при Карле VII и Людовик XI. XVI и XVII векам посвящено по четыре тома, большая часть которых очень отдаленно связана с собственно французской историей, особенно в двух томах, озаглавленных «Возрождение и реформа». Последние три тома повествуют об истории XVIII века до начала Великой французской революции. Мишле не любил Средние века и противопоставлял им эпоху Возрождения. Также в объяснении исторических событий он полагался на интуицию и в своих сочинениях не скрывал симпатии или антипатии к изображаемым героям. В 1869 году Мишле издал трактат об образовании «Наши сыновья» («Nos fils»), где утверждается, что в воспитании юного поколения должно быть достигнуто единство семьи, отечества и

природы. В 1871 году Мишле начал писать «Историю XIX века» («Histoire du XIX siècle»), но успел написать только 3,5 тома, доведя изложение до битвы при Ватерлоо. Ученый был решительным противником социализма, поскольку социалисты отрицали частную собственность, а Мишле считал, что жизненный и нравственный идеал подлинного народа, т. е. крестьянства, заключается в частной собственности, в обладании своим куском земли, своим полем, своим домом. Мишле утверждал: «Велика собственность или мала, она возвышает человека в его глазах». Он также отрицал террор и политическое насилие. В 1846 году Мишле опубликовал книгу «Народ» («Le people»). Под народом историк понимал прежде всего крестьянство. Мишле сильно идеализировал народ, приписывая ему способность к подвигу и самопожертвованию в противоположность холодному эгоизму имущих классов. Путь к решению социальных проблем историк видел в сближении имущих классов с народом за счет отказа от эгоизма. Сближению классов и сословий должна способствовать единая народная школа, где ни у кого не будет никаких привилегий. Здесь ребенок должен узнать своё отечество, чтобы научиться видеть в нём живое божество, в которое можно верить. В школе должна была сформироваться детская община, предшествующая гражданской общине и основанная на взаимной любви. Таким образом, Мишле считал возможным достигнуть идеального государства, основанного не на равенстве, а на неравенстве различных между собою людей, которые достигают гармонии посредством взаимной любви. Мишле проявлял большой интерес к России. Его вторая жена несколько лет работала учительницей в Петербурге, так что он имел информацию о Российской империи из первых рук. В 1851 году он познакомился с изданным по-французски сочинением Герцена «О развитии революционных идей в России» («Du développement des idées révolutionnaires en Russie»), которое назвал «героической книгой великого русского патриота». После этого он написал серию статей о России. Мишле так характеризовал русскую армию: «Что же это за армия, которая в мирное время терпит такие огромные потери?.. В эту армию набирают солдат в три раза больше, чем она насчитывает в реальности. Куда же деваются остальные?.. В России нигде не встретишь старых солдат-инвалидов, столь многочисленных в других краях. Здесь все поголовно

выздоравливают; их пользует врач, который вылечивает любой недуг; его имя – Смерть». Обращаясь к русским офицерам, он утверждал: «Многие из вас пытаются обмануть самих себя. Они утверждают, что служат славе России. Но, господа, не будем путать две разные вещи. Существуют две России: империя и нация. Так вот, империя – я берусь это доказать – не сделала ни единого шага, который не вел бы к уничтожению вашего национального гения, к убиению того славянского духа, который жил в вас. Чтобы дать определение чудовищному правительству, под властью которого вы живете, достаточно двух слов: оно есть не что иное, как гибель России». Мишле призывал к свержению императора-деспота. Герцен ответил ему, опубликовав осенью 1851 года в Ницце на французском языке брошюру «Русский народ и социализм (Письмо к Ж. Мишле)» («Le peuple Russe et le socialisme»), где защищал от нападок русский народ: «Если вы разумеете Россию официальную, царство-фасад, византийско-немецкое правительство, то вам и книги в руки. Мы соглашаемся вперед со всем, что вы нам скажете. Не нам тут играть роль заступника… Но не об одном официальном обществе идет речь в нашем труде; вы затрагиваете вопрос более глубокий; вы говорите о самом народе. Бедный русский народ! Некому возвысить голос в его защиту! Посудите сами, могу ли я, по совести, молчать. Русский народ, милостивый государь, жив, здоров и даже не стар, – напротив того, очень молод. Умирают люди и в молодости, это бывает, но это не нормально. Прошлое русского народа темно; его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее. Он не верит в свое настоящее положение… «Русский, – говорите вы, – лжет и крадет; постоянно крадет, постоянно лжет, и это совершенно невинно; это в его природе». (Мишле утверждал: «Россия – царство лжи. Ложь – в общине, которую следовало бы назвать мнимой общиной. Ложь – в помещике, священнике и царе. Крещендо обманов, мнимостей, иллюзий!» – *Б.С.*) Я не останавливаюсь на чрезмерном обобщении вашего приговора, но обращаюсь к вам с простым вопросом: кого обманывает, кого обкрадывает русский человек? Кого, как не помещика, не чиновника, не управляющего, не полицейского, одним словом, заклятых врагов крестьянина, которых он считает за басурманов, за отступников, за полунемцев? Лишенный всякой возможности защиты, он хитрит со своими мучителями, он их обманывает и в этом совершенно прав».

После критики Герцена Мишле назвал Россию «самым юным членом семейства европейских народов».

Франтишек Палацкий (1798–1876)

Франтишек Палацкий, чешский историк и политический деятель, одна из ключевых фигур чешского национального движения, родился 14 июня 1798 года в Годславице (Моравия). Его называют «отцом чешской историографии». Палацкий также считается одним из трех отцов чешской нации – первым является король Чехии и император Священной Римской империи Карл IV, вторым – Франтишек Палацкий, а третьим – президент Чехословакии Томаш Масарик. Отец Палацкого был школьным учителем и человеком довольно образованным. Палацкий учился в евангелической семинарии Пресбурга (Братиславы) и в университете Вены и собирался стать священником евангельского вероисповедания церкви Моравских братьев, но увлекся литературой, историей и философией. В 1817 году он перевел на чешский язык нескольких песен Оссиана. В 1823 году историк поселился в Праге, где давал частные уроки. Позднее Палацкий стал архивариусом графов Штернбергов и написал историю их рода. Это обеспечило ему стабильное материальное положение и известность. Палацкий был первым заведующим историческим отделом Национального музея (1818–1841), в 1827 году он добился, чтобы музей начал научные публикации на чешском языке. Палацкий был редактором немецкого журнала «Zeitschrift d. Nationalmuseums» до 1831 года и чешского «Casopis Ceského Museum» – до 1838 года. В 1831 году Палаций стал основателем Матицы чешской (Matice česká), чешского культурно-просветительского общества при Чешском национальном музее. Он был создателем концепции австрославизма, предусматривавшей преобразование Австрийской империи в триединую австро-венгерско-чешскую монархию и предоставление широкой автономии населяющим ее народам. Историк участвовал в революции 1848–1849 годов. Палацкий был одним из авторов декларации 21 марта 1848 года, требовавшей объединения Богемии, Моравии и Силезии в одну коронную землю. Он был членом временного правительства, председательствовал на славянском съезде в Праге в июне 1848 года и был членом имперского сейма в Вене, а

потом в Кромержиже (Кремзире), где входил в состав конституционной комиссии. Он стремился сохранить Австрийскую империю как противовес Пруссии (с 1871 года – Германской империи) и Российской империи. После либеральных реформ 1860–1861 годов Палацкий стал пожизненным сенатором и одним из основателей партии старочехов, а также депутатом ландтага Чехии. В 1866 году в России он был удостоен степени доктора русской истории. В 1867 году Палацкий во главе представителей Чехии ездил в Москву на славянский съезд, стал инициатором строительства Национального театра в Праге в 1868 году. Франтишек Палацкий умер в Праге 26 мая 1876 года.

Франтишек Палацкий. Гравюра 1855 г.

Главный труд Палацкого – «История народа чешского в Чехии и Моравии» (1836–1876) в 5 томах, вышедший на немецком («Geschichte Bohmens») и чешском («Dějiny narodu českého v Čechách a v Morave») языках, принадлежит к романтической исторической традиции. В 1827 году Палацкому предложили продолжить «Историю Чехии», начатую Франтишеком Пубичкой (1722–1807) («Chronologische Geschichte Böhmens», Прага, 6 т., 1770–1808, доведенной до правления императора Фердинанда II). Палацкий не захотел продолжать труд, который состоял из хронологических выписок, и предложил свой собственный, более обширный и научный план истории Чехии, который и был принят. Ученый был назначен историографом Чехии в 1829 году, но утвержден в этом звании австрийскими властями только через 10 лет. Он утверждал: «Были мы, чехи, до Австрии, будем и после неё». Палацкий совершил ряд зарубежных поездок в поисках источников и собрал богатейший материал. В 1829 году он опубликовал серию чешских средневековых летописей («Staří letopisové čeští od roku 1378 do roku 1527»), а в 1840-х годах по его инициативе были изданы многотомные серии «Archiv český» и «Fontes rerum Bohemicarum». Палацкий успел довести свою «Историю» только до 1526 года, когда на чешский трон вступили австрийские Габсбурги.

«История народа чешского» стала первой научной историей Чехии и сыграла большую роль в развитии чешской культуры и чешского национального движения. В то же время в стремлении удревнить историю чешского народа и сделать ее максимально героической Палацкий считал подлинными такие явные подделки, как Краледворская и Зеленогорская рукописи, и издал их со своими комментариями. В «Истории» он много внимания уделял Гуситскому движению, указывая на его важную роль в становлении чешской нации.

Михаил Петрович Погодин (1800–1875)

Михаил Петрович Погодин, русский историк, журналист и издатель, родился 11 (23) ноября 1800 года в Москве. Он был сыном дворового человека Петра Моисеевича Погодина, служившего главным управляющим у графа Ивана Петровича Салтыкова (1730–1805) и получившего вольную в 1806 году, по смерти своего господина. В дальнейшем он служил управляющим в помещичьих имениях. По мнению историка М.А. Полиевктов, «обстановка барского двора, искательство отца у знатных и богатых не остались без влияния на характер Погодина: он отличался большой практичностью, совмещавшейся в нём с немалой долей сентиментальности, с одной стороны, и критическим умом – с другой». В 1810–1814 годах Погодин воспитывался у приятеля своего отца, московского типографа А.Г. Решетникова, а в 1814–1818 годах учился в Московской губернской гимназии. В 1818 году поступил на словесное отделение Московского университета, которое окончил в 1821 году. Затем Погодин вплоть до 1825 года преподавал географию в университетском благородном пансионе и давал частные уроки в семействе князя И.Д. Трубецкого. Во второй половине 1820-х годов, являясь секретарём Общества любителей русской словесности, Погодин написал несколько повестей: «Нищий» (1825), «Как аукнется, так и откликнется» (1825), «Русая коса» (1826), «Суженый» (1828), «Сокольницкий сад» (1829), «Адель» (1830), «Преступница» (1830), «Васильев вечер» (1831) и др. В 1825 году Погодин защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси». С 1825 по 1828 год преподавал всеобщую историю на первом курсе словесного отделения Московского университета, а в 1828 году был утверждён адъюнктом на этико-политическом отделении, где читал историю XVI–XVIII веков. В 1833–1835 годах он был ординарным профессором кафедры всеобщей истории, географии и статистики отделения словесных наук, в 1835–1844 годах – ординарным профессором кафедры российской истории историко-филологического отделения философского факультета Московского университета. В 1826–1844 годах он был профессором Московского

университета, а в 1845 году стал почётным членом Московского университета. Погодин читал лекции по всеобщей и русской истории. В 1834 году он защитил докторскую диссертацию «Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей». В 1827–1830 годах Погодин издавал журнал «Московский вестник», а в 1841–1856 годах вместе с литературным критиком и историком литературы Степаном Петровичем Шевырёвым (1806–1864) выпускал и редактировал журнал «Москвитянин». В конце 1857 года Погодин предложил Александру II организовать Славянский благотворительный комитет и 1861 году возглавил его. Со временем невероятная скупость Погодина, неохотно выплачивавшего гонорары, стала притчей во языцех среди московских литераторов. Эта же скупость заставляла его собирать в свою коллекцию даже малоценные экспонаты – черепки, клочки бумаги, лоскутки и др. Оправдываясь, Погодин писал в одной из статей: «У нас не понимают еще, что такое памятник… Бугор земли, оторванный лоскуток пергамента, обветшалая стена, заржавевший крестик, чуть видный образ бывают часто драгоценными памятниками, кои беречь должно аки зеницу ока». В коллекции Погодина, знаменитом «Древлехранилище», было много ценных предметов старины: около 200 икон, лубочные картины, оружие, посуда, около 400 литых образов, около 600 медных и серебряных крестов, около 30 древних вислых печатей, до 2000 монет и медалей, 800 старопечатных книг, около 2000 рукописей, включая древние грамоты и судебные акты, а также автографы знаменитых людей, в том числе бумаги российских императоров начиная с Петра I. Погодин дружил с Гоголем (одно время писатель жил в доме историка у Девичьего Поля (ныне Погодинская улица, дом 12а) и послужил одним из прототипов Плюшкина в «Мертвых душах». В 1852 году Николай I приобрёл собрание Погодина для государства, заплатив за него 150 тысяч рублей серебром. Во время Крымской войны Погодин неоднократно подавал аналитические записки высокопоставленным чиновникам, которые доходили до императора Николая I и цесаревича Александра Николаевича. Историк критиковал ведение войны и призывал императора возглавить борьбу славянской Европы против Западной Европы. Анализируя обстоятельства, приведшие к войне, Погодин сделал неутешительный вывод: «Правительства нас предали, народы возненавидели, а порядок, нами поддерживаемый, нарушался,

нарушается и будет нарушаться».

М.П. Погодин. Гравюра 1860-х гг.

В 1871 году Погодин был произведен в тайные советники. Он был академиком Санкт-Петербургской академии наук (1841) и почетным доктором философии Карлова университета в Праге. Историк умер в Москве 8 (20) декабря 1875 года.

В своих исторических трудах он руководствовался принципами исторической критики Шлёцера. Он также был сторонником норманнской теории происхождения Руси. Историк был убежден, что славянам норманны «дали все политическое устройство». Погодин открыл и ввёл в научный оборот ряд важных исторических источников, в том числе Псковскую летопись, 5-й том «Истории Российской» В.Н. Татищева, «Казацкую летопись» Самуила Величко, «Книгу о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова (1652–1726). Он

признавал провиденциальные закономерности исторического развития, определяемые божественной волей. Вместе с тем Погодин считал, что «соединение, или лучше тожество законов необходимости с законами свободы – такое же таинство, как соединение мысли со словом, как соединение души с телом… нельзя определить, где оканчивается миг прошедший и начинается будущий, где оканчивается необходимость и начинается свобода». Он впервые поставил вопрос об источниках Повести временных лет. Историк уделял большое внимание причинам возвышения Москвы. Погодин доказывал постепенность процесса закрепощения русского крестьянства. Он сформулировал три основных отличия России от Запада: 1. Для славян государь, князь – это гость и защитник, в то время как на Западе – враг. 2. Вассалы – промежуточный слой между государем и народом, находящийся у трона, тогда как на Западе «вассал моего вассала – не мой вассал». 3. В России общинная земля находилась у народа, но под властью князя и его вассалов; на Западе земельные угодья принадлежали только вассалу. Как считал Погодин, огромная территория Руси не позволяла завоевателям осесть на ней и завоевать полностью. Историк положительно оценивал царствование Бориса Годунова и Петра Великого, полагая, что петровские преобразования позволили стране уйти от социального взрыва. В письме министру просвещения С.С. Уварову Погодин высказал глубокую мысль о роли национальности в истории: «Национальности никакой уничтожить нельзя, напротив, сила сия увеличивается по мере покушений против оной, и они, кроме вреда, ничего принести не могут». В лекции «Взгляд на русскую историю» в сентябре 1832 года Погодин так определил суть истории: «История всякого государства, отдельно взятая, представляет собою высокое, поучительное зрелище народных действий, устремленных к одной цели человеческого рода, цели, указанной ему благим Провидением. Всякий народ развивает своею жизнию особую мысль Его и содействует, более или менее, непосредственно или посредственно, к исполнению общих верховных его предначертаний. Но чем обширнее круг действий народа, чем сильнейшее влияние имеет он на другие народы и все человечество, чем более от него зависит судьба современников и потомства, чем необходимейшее звено составляет он в великой цепи; тем большую цену получает он в глазах историка». По мнению литературоведа князя

Д.П. Святополк-Мирского, Погодин был «один из самых любопытных и сложных характеров современной русской истории, соединяющий в себе самые противоречивые черты: патологическую скупость и бескорыстную любовь к Древней Руси; высокую культуру и склад ума провинциального купца; природную трусость и способность к гражданскому мужеству. Всем знавшим его он внушал более или менее сильное отвращение; и всё-таки была в нем значительность и внутренняя сила». Главные исторические сочинения Погодина: «Начертание русской истории: для гимназий» (1837); «Древние русские княжества с 1054 по 1240 год» (1848) в 4 томах и «Древняя русская история до монгольского ига» (1871) в 4 томах.

Томас Бабингтон Маколей (1800–1859)

Томас Бабингтон Маколей, барон Ротли, британский историк, государственный деятель и писатель, родился 25 октября 1800 года в Ротли-Темпл, графство Лестершир, в семье шотландского предпринимателя-аболициониста (сторонника отмены рабства) Захарии Маколея и его жены Селины Миллс из Бристоля. Он окончил Тринити-колледж (Кембридж), получив юридическое образование. Еще в студенческие годы Маколей начал писать стихи. Наиболее значительные из них вошли в сборник «Песни Древнего Рима» («Lays of Ancient Rome») (1842). Наиболее известные из этих стихотворений «Иври» («Ivry»), «Армада» («The Armada») и «Гораций» («Horatius»). Маколей также писал литературоведческие и исторические эссе, публиковавшиеся в 1820-х годах в «The Edinburgh Review» и составившие сборник «Критические и исторические эссе» («Critical and Historical Essays») (1843). В 1830 году он был избран в британский парламент от партии вигов и стал горячим сторонником парламентской реформы 1832 года, устранившей представительство «гнилых местечек» – почти не населенных территорий, посылавших депутатов в парламент наряду с крупными городами. Прежняя система была выгодна оппонентам вигов – тори, представленные в парламенте в основном землевладельцами, в том числе от «гнилых местечек». Ораторское мастерство Маколея скоро сделало его одним из лидеров партии вигов. Он сыграл большую роль в принятии закона об отмене рабства. В 1833–1838 годах Маколей был членом Верховного совета при генерал-губернаторе Индии. Он стремился уравнять англичан и индийцев перед законом. Маколей является автором проекта уголовного уложения, заложившего основы уголовного законодательства не только в Индии, но и в других британских колониях. Для сплочения многонационального индийского общества Маколей настоял на повсеместном введении английского в качестве обязательного языка обучения, стоял у истоков индийской системы образования. Усилия Маколея по просвещению индийского общества привели к формированию в Индии поколения проанглийски

настроенных интеллектуалов. Маколей настаивал, что индийцам нужно «полезное образование» (useful learning), под которым он понимал западное образование на английском языке. Ранее индийцы получали образование в школах Ост-Индской компании только на санскрите или персидском. В своем докладе об индийском образовании в феврале 1835 года Маколей утверждал, что «одна полка хорошей европейской библиотеки стоит всей туземной литературы Индии и Аравии. Выдающиеся достижения могут быть у нее в произведениях воображения, таких как поэзия, но когда мы переходим от произведений воображения к произведениям, в которых фиксируются факты и исследуются общие принципы, превосходство европейцев становится абсолютно неизмеримым». В том же докладе Маколей признавался: «Я не знаю ни санскрита, ни арабского. Но я сделал все, что мог, чтобы составить правильную оценку их стоимости. Я читал переводы самых знаменитых арабских и санскритских произведений. Я беседовал как здесь, так и дома с людьми, отличающимися знанием восточных языков. Я вполне готов принять восточное обучение по оценке самих востоковедов». Маколей полагал, что «вряд ли кто-то будет оспаривать, что род литературы, в котором восточные писатели занимают самое высокое место, – это поэзия. И я, конечно, никогда не встречал ни одного востоковеда, который осмелился бы утверждать, что арабскую и санскритскую поэзию можно сравнить с поэзией великих европейских народов. Я полагаю, не будет преувеличением сказать, что вся историческая информация, собранная из всех книг, написанных на санскрите, менее ценна, чем та, которую можно найти в самых примитивных хрестоматиях, используемых в подготовительных школах Англии. В каждой отрасли физической или моральной философии относительное положение двух наций почти одинаково».

Томас Маколей. Гравюра 1840 г.

В 1839 году Маколей был избран в парламент от Эдинбурга и в правительстве лорда Мельбурна (1839–1841) занимал пост государственного секретаря по вопросам войны, а в 1846–1848 годах возглавлял Ведомство генерального казначея. В 1848 году он был избран ректором университета Глазго, а в 1852–1856 годах вновь представлял Эдинбург в палате общин. В последние годы жизни Маколей страдал тяжёлой болезнью сердца. Незадолго до смерти, в 1857 году, королева Виктория пожаловала ему титул барона Ротли, но Маколей очень редко посещал заседания палаты лордов. Он был избран членом Лондонского королевского общества (1849), иностранным членом Французской академии моральных и политических наук (1857) и иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1858). Он был также награжден

прусским орденом Pour le Mérite («За заслуги»). Томас Бабингтон Маколей, барон Ротли, умер 28 декабря 1859 года в Лондоне.

Главный исторический труд Маколея – «История Англии от восшествия на престол Якова Второго» («The History of England from the Accession of James the Second») (1848–1861) в 5 томах. Историк собирался, начав повествование с восшествия на престол короля Якова II в 1685 году, завершить его началом правления короля Георга III в 1760 году. Однако после публикации двух первых томов решил довести повествование только до смерти королевы Анны Стюарт в 1714 году. Однако в пятом томе, изданном посмертно его сестрой леди Тревельян в 1861 году, изложение событий доведено только до смерти короля Вильгельма III Оранского в 1702 году.

Все пять томов истории Маколея разошлись по Британской империи рекордными тиражами и были переведены почти на все европейские языки. Маколей использовал большое количество разнообразных источников. В центре повествования – события Славной революции 1688–1689 годов. В своей «Истории Англии» Маколей стремился утвердить правоту либеральной идеологии и политической доктрины вигов, а также свою веру в социальный и политический прогресс. Приступая к своей истории, он утверждал: «Те, кто сравнивает эпоху, в которую выпала их судьба, с золотым веком, существующим только в воображении, могут говорить о вырождении и упадке; но ни один человек, который правильно информирован о прошлом, не будет склонен мрачно или уныло смотреть на настоящее». Маколей в победе Славной революции видел залог процветания Англии в Викторианскую эпоху: «Сейчас, если вообще когда-либо, мы должны быть в состоянии оценить всю важность позиции, которую заняли наши предки против дома Стюартов. Весь мир вокруг нас сотрясается от агонии великих наций. Правительства, которые недавно казались способными простоять века, были внезапно потрясены и свергнуты….Между тем на нашем острове регулярный ход правления ни на один день не прерывался. У немногих плохих людей, жаждавших вседозволенности и грабежа, не хватило мужества хоть на мгновение противостоять силе лояльной нации, сплотившейся вокруг родительского трона. И если спросить, что отличает нас от других, ответ будет таков: мы никогда не теряли того, что другие дико и слепо стремятся вернуть. Именно потому, что у нас была сохраняющая

революция в семнадцатом веке, у нас не было разрушительной революции в девятнадцатом. Именно потому, что у нас была свобода посреди рабства, у нас есть порядок посреди анархии. За авторитет закона, за сохранность собственности, за мир на наших улицах, за счастье в наших домах мы должны быть благодарны Тому, кто поднимает и низвергает нации по своему усмотрению, Долгому парламенту, Конвенту и Вильгельму Оранскому». Либеральный историк лорд Джон Эмерих Эдвард Далберг-Эктон, маркиз Триполи, писал в 1888 году, что Маколей «сделал больше, чем любой другой писатель в мировой литературе для распространения либеральной веры и он был не только величайшим, но и самым типичным англичанином из когда-либо живших на свете».

Алексис Шарль Анри де Токвиль (1805–1859)

Алексис Шарль Анри, граф де Токвиль, французский историк и политик, родился 29 июля 1805 года в Париже. Его отец Эвре Клерель, граф де Токвиль, был убежденным монархистом, офицером конституционной гвардии короля Людовика XVI, и только термидорианский переворот спас его от казни. Мать Алексиса Луиза Ле Пелетье де Росанбо также происходила из аристократической семьи. В период реставрации Бурбонов отец Токвиля стал пэром и префектом. Токвиль получил хорошее гуманитарное образование. Он учился в лицее Фабер в Меце и в Сорбонне и работал юристом, но вскоре переключился на общественно-политическую деятельность. Токвиль негативно относился к Июльской монархии. В 1831 году он отправился в 9-месячную командировку в США для изучения тюрем и исправительных учреждений. Он много путешествовал по Америке и посетил Канаду. В результате появилась книга «Демократия в Америке» («De la démocratie en Amérique») (1835–1840) в 2 томах. В 1839–1851 годах он был членом нижней палаты парламента от коммуны Валонь департамента Манш. Токвиль принадлежал к левоцентристской Партии движения, а после революции 1848 года – к консервативно-монархической Партии порядка. Он был противником рабства и сторонником свободной торговли. Токвиль также поддерживал французскую колонизацию Алжира. Он дважды посетил Алжир в 1841 и 1846 годах и критиковал французскую модель колонизации, направленную на ассимиляцию местного населения западной культурой, выступая за то, чтобы французское правительство вместо этого приняло форму косвенного правления, которая избегала смешивания разных групп населения. Токвиль открыто выступал за расовую сегрегацию между европейскими колонистами и арабами посредством внедрения двух разных законодательных систем для каждой этнической группы. В 1847 году он безуспешно пытался основать Партию молодых левых, которая выступала бы за повышение заработной платы и прогрессивный налог, чтобы подорвать привлекательность социалистов. После падения Июльской монархии в

результате революции 1848 года Токвиль был избран членом Учредительного собрания 1848 года, где стал членом комиссии, которой было поручено разработать проект новой конституции Второй республики (1848–1851). Он был сторонником двухпалатного парламента и выступал за избрание президента республики всеобщим голосованием. Он поддержал подавление генералом Луи Эженом Кавеньяком Июньского восстания 1848 года, возглавлявшегося социалистами. Со 2 июня 1849 по 30 октября 1849 года Токвиль был министром иностранных дел. Он также был избран генеральным советником департамента Манш в 1842 году и являлся президентом генерального совета департамента в 1849–1852 годах. Выступая против государственного переворота Луи Наполеона Бонапарта 2 декабря 1851 года, последовавшего за его избранием, Токвиль был среди депутатов, собравшихся в 10-м округе Парижа в попытке противостоять перевороту и привлечь Наполеона III к суду за «государственную измену», поскольку он нарушил конституционное ограничение срока полномочий. Токвиль выступал за реставрацию Бурбонов, против Второй империи Наполеона III. Задержанный в Венсене, а затем освобожденный, он ушел в отставку, поскольку отказался присягнуть на верность Второй империи, и в дальнейшем отошел от политической деятельности и сосредоточился на работе над книгой «Старый порядок и революция» («L'Ancien Régime et la Révolution») (1856) в 2 томах. Токвиль умер от туберкулеза 16 апреля 1859 года в Каннах.

Алексис де Токвиль. Гравюра 1848 г.

В «Демократии в Америке» Токвиль суммировал свои наблюдения над американским обществом. Он исследовал демократическую революцию, которая, по его мнению, происходила на протяжении нескольких сотен лет. Он полагал, что за предыдущие семьсот лет социальные и экономические условия жизни людей в мире стали более равными. Токвиль был уверен, что аристократия постепенно исчезает по мере того, как современный мир испытывает на себе благотворное влияние равенства. Факторами равенства он считал предоставление всем мужчинам разрешения на вступление в духовенство, широкие экономические возможности, возникающие в результате роста торговли и коммерции, продажу королевских дворянских титулов в качестве инструмента сбора средств и отмену права первородства.

Америка была для Токвиля примером демократической революции, вызванной индустриализацией. Он утверждал: «Американские институты демократичны не только по своим принципам, но и по всем их последствиям; и народ избирает своих представителей напрямую и по большей части ежегодно, чтобы обеспечить их зависимость. Следовательно, народ является реальной направляющей силой; и хотя форма правления является представительной, очевидно, что мнениям, предрассудкам, интересам и даже страстям общин ничто не мешает оказывать постоянное влияние на общество. В Соединенных Штатах большинство правит от имени народа, как и во всех странах, где народ является верховным сюзереном». Токвиль признавал, что «хотя женщины Соединенных Штатов ограничены узким кругом домашней жизни и их положение в некоторых отношениях является крайне зависимым, я нигде не видел женщин, занимающих более высокое положение; и… исключительное процветание и растущую силу этого народа следует приписать главным образом превосходству их женщин». Токвиль был убежден, что демократия имеет тенденцию вырождаться в «мягкий деспотизм» и что существует риск развития тирании большинства. Он подчеркивал, что сильная роль, которую религия играла в Соединенных Штатах, была обусловлена ее отделением от правительства, разделением, которое все стороны сочли приемлемым. Во Франции же, как считал Токвиль, существовал нездоровый антагонизм между демократами и религией. В предисловии к «Старому порядку» Токвиль писал: «В 1789 году французы совершили деяние, на которое не решился никакой другой народ; тем самым они разделили надвое свою судьбу, создав пропасть между тем, чем они были до сих пор, и тем, чем они желают быть отныне. Имея перед собою эту цель, они предприняли всякого рода предосторожности, дабы ничего не перенести из прошлого в новые условия своей жизни. Они всячески понуждали себя жить иначе, чем жили их отцы. Они ничего не упустили из виду, чтобы обрести неузнаваемый облик. Я всегда считал, что французы гораздо менее преуспели в этом своеобразном предприятии, чем это казалось со стороны и чем это считали они сами. Я был убежден, что, сами того не сознавая, они заимствовали у Старого порядка большинство чувств, привычек, даже идей, с помощью которых и совершили Революцию, разрушившую Старый порядок. Я уверен, что для возведения нового

здания они неосознанно воспользовались обломками Старого режима. Итак, чтобы понять Революцию и ее последствия должным образом, нужно на некоторое время забыть Францию, каковою мы ее видим, и воскресить Францию иную – ту, которой более не существует». В «Старом порядке» историк проанализировал французское общество до французской революции и исследовал силы, вызвавшие революцию. Токвиль утверждал, что целью Великой французской революции было разрушение всех форм Старого режима, главным символом которого была церковь. Но при этом революционеры совсем не хотели создавать хаос. По мнению историка, революцию следует рассматривать прежде всего как движение за политические и социальные реформы. Вопреки мнению, высказанному самими участниками революции, не произошло увеличения ни могущества, ни юрисдикции центральной власти. Контроль над властью был вырван у монархии и быстро передан сначала самому народу, а затем могущественной автократии. Революция никогда не ставила целью изменить всю природу традиционного общества. Главным достижением революции было подавление тех политических институтов, которые обычно называют феодальными и которые на протяжении многих веков имели неоспоримое влияние в большинстве европейских стран. Революция намеревалась заменить их новым социальным и политическим порядком, основанным на концепциях свободы и равенства. Во Франции как до, так и после революции люди полагались на центральную власть, вместо того чтобы самим проявлять экономическую или политическую активность. Напротив, в Америке политическая активность проникла даже в низшие слои общества. Там частные лица составляли основу экономической и политической жизни, но во Франции центр политической тяжести находился в хаотичной бюрократии, подотчетной только монархической форме правления. Токвиль также указал на полную разобщенность между французскими социальными классами, называемыми сословиями, – духовенством, дворянством и простым народом. Эта разобщенность возникла из-за социального разделения, навязанного феодальной системой, но постепенный распад этой системы после Средневековья привел к тому, что социальная разобщенность все усиливалась. В то время как феодал имел какую-то связь со своими крестьянами-арендаторами, постфеодальная знать оставила свои родовые поместья

в руках управляющих и устремилась в Версаль, где размещались король и правительство. Дворянство потеряло всякую связь с сельской беднотой, в то время как растущий средний класс подражал дворянству. К концу XVIII века разделение классов было полным, что породило классовую ненависть, проявившуюся в революции.

Токвиль утверждал, что важность французской революции заключалась в продолжении процесса модернизации и централизации французского государства, который начался при короле Людовике XIV. Он считал, что провал революции произошел из-за неопытности депутатов, которые были слишком преданы абстрактным идеалам Просвещения. Опираясь на ретроспективный анализ политического развития общества, Токвиль пришёл к выводу о неизбежности наступления демократии во всём мире.

Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855)

Тимофей Николаевич Грановский, русский историк, заложивший основы научной разработки западноевропейского Средневековья в России и признанный вождь западнического направления русской общественной мысли, родился 9 (21) марта 1813 года в Орле. Его отец Николай Тимофеевич был дворянином и советником соляного управления. Мать Анна Васильевна происходила из богатой малороссийской дворянской семьи. В 1826–1828 годах Грановский учился в московском частном пансионе Ф.И. Кистера. С января по июнь 1831 года служил в Департаменте иностранных дел, но вскоре подал в отставку и сумел после интенсивной самостоятельной подготовки поступить в 1832 году на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1835 году со степенью кандидата. В 1835–1836 годах Грановский работал секретарём 1-го отделения библиотеки Гидрогеографического депо Главного морского штаба. В 1836 году он познакомился с писателем и философом Н.В. Станкевичем, который представил его попечителю Московского учебного округа графу С.Г. Строганову. Тот командировал Грановского за границу для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории в Московском университете. В 1836–1839 годах историк находился за границей, в Берлине и Праге, проявил интерес к учению Г.Ф. Гегеля. Грановскому особенно понравились лекции Л. Ранке. Он вспоминал: «Ни Тьер, ни Минье не могут сравниться с Ранке. У него такой простой, не натянутый, практический взгляд на вещи, что после каждой лекции я дивлюсь, как это мне самому не пришло в голову… Ранке бесспорно самый гениальный из новых немецких историков». С сентября 1839 года Грановский начал читать на кафедре всеобщей истории Московского университета курс лекций по истории западноевропейского Средневековья, а затем – курсы по древней истории и истории Нового времени. В 1843–1844 годах он прочёл первый цикл публичных лекций по истории Средних веков, который имел большой успех. В феврале 1845 года Грановский защитил

магистерскую диссертацию по истории ганзейских городов «Юлин, Иомсбург и Винета» и был утверждён в звании и должности экстраординарного профессора.

В конце 1845 года он начал читать свой второй публичный курс лекций, посвящённый сравнительной истории Франции и Англии. Грановский стал настоящим кумиром студентов. На его лекции приходила молодежь со всех факультетов, аудитории бывали переполнены. Он стал самым популярным лектором в университете, несмотря на то что у него были слабый голос и плохая дикция. Популярности немало способствовала манера чтения лекций Грановским. Он утверждал: «При изложении я имею в виду пока только одно – самую большую простоту и естественность и избегаю всяких фраз. Даже тогда, когда рассказ в самом деле возьмет меня за душу, я стараюсь охладить себя и говорить по-прежнему». Грановский признавался: «Вообще хочу полемизировать, ругаться, оскорблять. Елагина сказала мне недавно, что у меня много врагов. Не знаю, откуда они взялись; лично я едва ли кого оскорбил, следовательно, источник вражды в противоположности мнений. Постараюсь оправдать и заслужить вражду моих врагов». Начальство на его популярность смотрело косо. Грановский свидетельствовал: «Я, может быть, поступил глупо, говоря совершенно прямо и открыто, но не раскаиваюсь. Он (С.Г. Строганов. – *Б.С.*) сказал мне, что при таких убеждениях я не могу оставаться в университете… Я возразил, что не трогаю существующего порядка вещей, а до моих личных верований ему нет дела. Он отвечал, что отрицательное отношение недостаточно, что им нужна любовь к существующему, короче, он требовал апологий и оправданий в виде лекций».

Т.Н. Грановский. Портрет 1850-х гг.

В 1849 году была опубликована докторская диссертация Грановского «Аббат Сугерий. Об общинах во Франции», после защиты которой он был утверждён в марте 1850 года в степени доктора и в июне ординарным профессором. В марте 1851 года Грановский прочитал третий и последний цикл публичных лекций – «Четыре исторических характеристики», посвящённый Тимуру, Александру Великому, Людовику IX и Ф. Бэкону. В мае 1855 года он был избран деканом историко-филологического факультета Московского университета, причем его поддержали как либералы-западники, так и консервативно настроенные профессора. В сентябре 1855 года Грановский начал добиваться разрешения на издание своего собственного печатного органа – «Исторического сборника», но умер от инфаркта 4 (16)

октября 1855 года в Москве. Грановский стал прототипом Степана Трофимовича Верховенского в романе Достоевского «Бесы».

Вслед за Гегелем главный смысл истории Грановский видел в развитии «духа рода человеческого». Хотя он и признавал ограниченность гегелевской философии. В 1837 году в одном из писем историк отмечал: «Есть вопросы, на которые человек не может дать удовлетворительного ответа. Их не решает и Гегель, но все, что теперь доступно знанию человека, и самое знание у него чудесно объяснено». Он отстаивал идею единства исторического процесса, в основе которого – стремление всех народов к свободе, к «гармоничному обществу», сообразному с требованиями «нравственной, просвещённой, независимой от роковых решений личности». Он полагал, что исторический процесс движим противостоянием противоречий, а на протяжении истории происходит постепенное развитие абсолютного духа. Также к изменениям человечество подталкивает высший нравственный закон.

Грановский утверждал, что «всякая жизнь условлена борьбою противоположных сил, которая, наконец, заключается каким-нибудь продуктом, полезным для целого». Великие личности, как думал Грановский, лишь выражают потребности эпохи. По мнению историка, «несмотря на расколы и реформации, западная цивилизация сохранила при всех разнообразных народных цивилизациях нечто общее, общую европейскую цивилизацию, в которую каждый из этих народов принес свою дань. Но эти борьбы религиозные, которых был свидетелем Древний мир, распространились еще в большем объеме в Средних веках; целые массы и системы религиозные боролись – такова была борьба христианства с исламом».

Народные восстания в эпоху поздних Средних веков он считал проявлением фанатизма со стороны необразованного населения. Грановский подвергал критике тезис славянофилов об исключительности русской общины. Историк утверждал, что многие современные события аналогичны событиям прошлого и благодаря историческим аналогиям можно пытаться решать современные проблемы. Грановский готов был поддержать монархию, если на троне оказался бы прогрессивный правитель, подобный Петру I, которого он защищал от критики славянофилов. В своей магистерской диссертации он доказал, что легендарная Винета – «величественная столица»

балтийских славян-венедов – в действительности всего лишь «фантазия», в которой сплелись смутные предания о реально существовавших славянском торговом городе Волине и норманнской крепости Иомсбург. В своей докторской диссертации Грановский исследовал создание союза между государством и церковью в средневековой Франции, в результате которого постепенно преодолевались «пороки феодализма», закладывался фундамент современной европейской цивилизации, основы «общественного порядка и безопасности граждан». Грановский был близок к кружку журнала «Современник», поддерживал дружеские связи с Николаем Алексеевичем Некрасовым и другими сотрудниками журнала. Некрасов вспоминал: «Хотя Грановский как профессор, как человек общественный далеко оставлял за собой Грановского-писателя, но сочинения его представляют достоинства первоклассные. Одна уж их живая, художнически прекрасная форма при строго учёном содержании сообщает им весьма важное значение. Издания сочинений Грановского с его биографией, портретом, с приложением всего замечательного, вызванного его смертью, – вот чего ждем теперь мы, ждёт вся публика от друзей покойного, между которыми есть люди, глубоко его любившие, которые при жизни готовы были многим для него жертвовать…» По словам А.И. Герцена, с которым Грановский был близок, «принимая историю за правильно развивающийся организм, он нигде не подчинял событий формальному закону необходимости… Необходимость являлась в его рассказе какою-то сокровенной мыслию, она ощущалась издали, как некий Deus implicitus [скрытое божество], предоставляющий полную волю и полный разгул жизни». В.О. Ключевский так оценил общественную роль Грановского: «Грановский создал для последующих поколений русской науки идеальный первообраз профессора. Это Грановский научил свою аудиторию ценить научное знание как общественную силу. С его времени, с его публичных лекций Московский университет стал средоточием лучших чаяний и помыслов для образованного русского общества. В эпоху общего нравственного колебания и общественного уныния Грановский, вещая правду и свободу, стоял на своем месте твердо и прямо. Имя его стало лозунгом, символом общественного возрождения, совершаемого переработкой слова науки в дело жизни».

В начале 1850-х годов Грановский писал учебник по всеобщей истории, но не успел его закончить. Другие сочинения Грановского – «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852), «Лекции по истории Средневековья» (1848–1849) и «Лекции по истории позднего средневековья» (1849–1850).

Николай Иванович Костомаров (1817–1885)

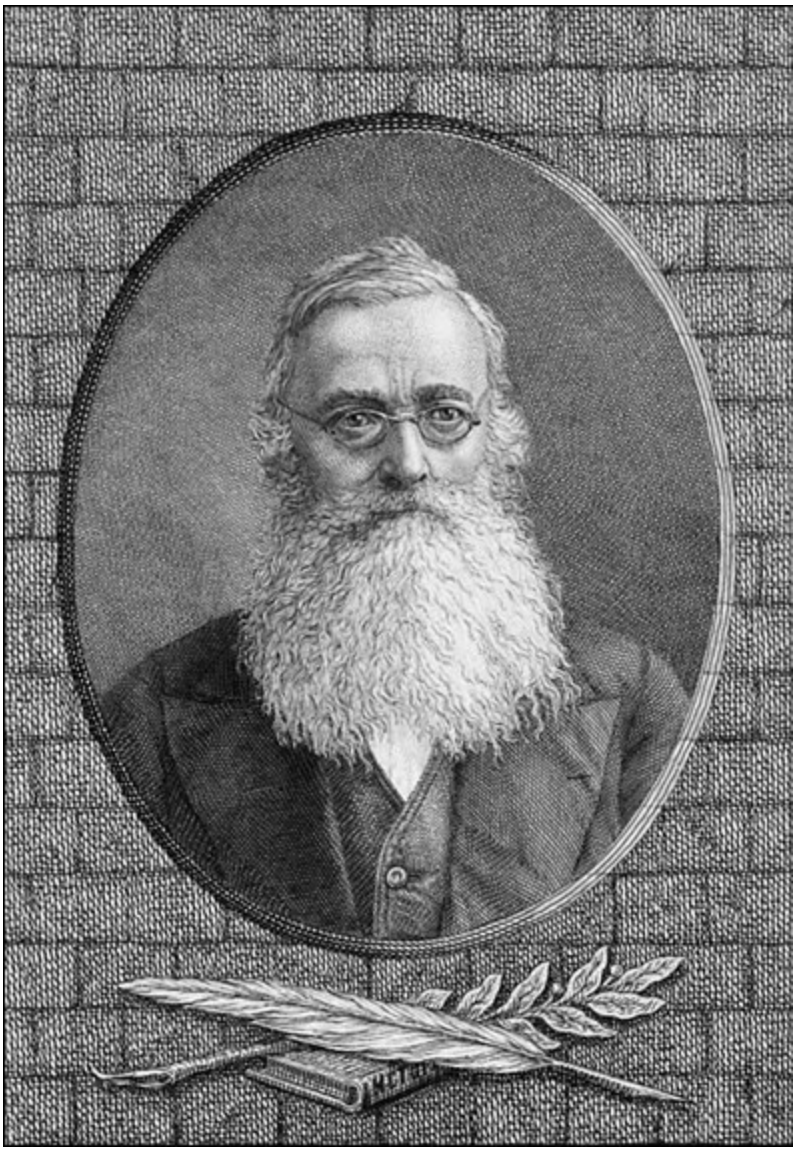
Николай Иванович Костомаров, украинский и русский историк, этнограф и писатель, родился 4 (16) мая 1817 года в слободе Юрасовке Острогожского уезда Воронежской губернии. Так как он был рождён до вступления в брак местного помещика Ивана Петровича Костомарова, представителя восходящего к XVI веку дворянского рода тюркского происхождения, с крепостной Татьяной Петровной Мельниковой, то считался крепостным собственного отца. Отец собирался усыновить Николая, но не успел этого сделать, так как 14 июля 1828 года был убит своими дворовыми людьми с целью грабежа, инсценированного как несчастный случай. Лишь несколько лет спустя, в 1833 году, кучер-убийца прилюдно признался в убийстве. На вопрос «Почему повинились?» кучер и его сообщники ответили: «Совесть замучила. Барин, мол, и так и сяк убеждал, что муки вечной нет, и совести нет, и Бога нет. Делай, говорил, что хочешь. Ну, мы и убили. А Бог, оказывается, есть. И совесть есть – она нас мучит. И ад есть – мы в нём живём. И чтоб от вечного ада уйти, решили повиниться». Эта история отразилась в романе Федора Достоевского «Братья Карамазовы» в линии Смердякова и Федора Карамазова.

Мать выкупила сына у наследников мужа. Оставшись с очень скромным доходом, она перевела Николая из московского пансиона в более дешевый пансион в Воронеже. Через два года будущий историк был отчислен из пансиона за плохое поведение, перешел в Воронежскую гимназию, которую окончил в 1833 году, и поступил сперва в Московский, а потом в Харьковский университет на историко-филологический факультет. В гимназии и позднее в университете Костомаров выучил украинский язык и полюбил украинский фольклор. После окончания университета в 1836 году Костомаров поступил юнкером в Кинбургский драгунский полк, но скоро его оставил и в 1837 году вернулся в Харьковский университет для подготовки к профессорскому званию.

В 1840 году он выдержал экзамен на магистра русской истории, но его первая магистерская диссертация «О причинах и характере унии в

Западной России» (1842) была уничтожена по распоряжению министра народного просвещения С.С. Уварова из-за доноса архиепископа Харьковского Иннокентия о возмутительном содержании книги и отрицательного отзыва петербургского профессора Н.Г. Устрялова. Но в переработанном виде эта диссертация потом дважды была напечатана, хотя и под другими названиями.

В начале 1844 году ему удалось защитить вторую магистерскую диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии» (1843). Костомаров собирал русский и украинский фольклор. В 1843 году он стал преподавателем истории в мужском пансионе Зимницкого в Киеве. Затем преподавал в гимназии в Ровно в 1844 году, в 1-й киевской гимназии, в Образцовом женском пансионе и в Институте благородных девиц в Киеве в 1845 году, а в 1846 году стал адъюнкт-профессором Киевского университета, где читал лекции по русской истории. Также Костомаров стал одним из руководителей Кирилло-Мефодиевского братства, члены которого хотели объединения всех славянских народов в виде федерации, с автономией славянских земель, включая Украину (Малороссию), с отменой крепостного права и принятием конституции. Весной 1847 года члены братства были арестованы вследствие ряда доносов. Костомаров был арестован 29 марта и заключен на год в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. «За составление тайного общества, в котором обсуждаемо было соединение славян в одно государство», Костомаров был выслан на службу в Саратов, с запрещением печатать свои произведения. Здесь он был определен переводчиком губернского правления; но переводить ему было нечего, и губернатор поручил ему заведывание сперва уголовным, а потом секретным столом, где сосредоточены были в основном раскольничьи дела. Он также редактировал «Саратовские губернские ведомости».

Н.И. Костомаров. Гравюра 1885 г.

В 1856 году было отменено запрещение печатать сочинения Костомарова. С 1858 года в качестве делопроизводителя Саратовского губернского комитета по улучшению быта крестьян он участвовал в подготовке крестьянской реформы. Весной 1859 года Петербургский университет избрал Костомарова экстраординарным профессором русской истории. Дождавшись закрытия Комитета по крестьянским делам, Костомаров отбыл в Петербург. Однако первоначально он не был утвержден в должности, так как Александру II доложили, что Костомаров написал неблагонадежное сочинение о Стеньке Разине. Но император сам прочел монографию «Бунт Стеньки Разина», отозвался

о ней очень одобрительно и разрешил утвердить Костомарова профессором.

В 1860 году Костомаров был избран членом Археографической комиссии, с поручением редактировать акты Южной и Западной России, и избран действительным членом Русского географического общества. Костомаров так формулировал основную идею своих лекций: «Вступая на кафедру, я задался мыслью в своих лекциях выдвинуть на первый план народную жизнь во всех её частных проявлениях… Русское государство складывалось из частей, которые прежде жили собственной независимой жизнью, и долго после того жизнь частей высказывалась отличными стремлениями в общем государственном строе. Найти и уловить эти особенности народной жизни частей русского государства составляло для меня задачу моих занятий историей». Он публиковался в ежемесячном журнале «Основа», издававшемся в Петербурге в период с января 1861 по октябрь 1862 года некоторыми бывшими членами Кирилло-Мефодиевского братства. Здесь Костомаров отстаивал тезис о существования «двух русских народностей». Он утверждал: «Оказывается, что русская народность не едина; их две, а кто знает, может быть, их откроется и более, и тем не менее они – русские… Очень может быть, что я во многом ошибся, представляя такие понятия о различии двух русских народностей, составившиеся из наблюдений над историей и настоящей их жизнию. Дело других будет обличить меня и исправить. Но разумея таким образом это различие, я думаю, что задачею вашей основы будет: выразить в литературе то влияние, какое должны иметь на общее наше образование своеобразные признаки южнорусской народности. Это влияние должно не разрушать, а дополнять и умерять то коренное начало великорусское, которое ведет к сплочению, к слитию, к строгой государственной и общинной форме, поглощающей личность, и стремление к практической деятельности, впадающей в материальность, лишенную поэзии. Южнорусский элемент должен давать нашей общей жизни растворяющее, оживляющее, одухотворяющее начало. Южнорусское племя в прошедшей истории доказало неспособность свою к государственной жизни. Оно справедливо должно было уступить именно великорусскому, примкнуть к нему, когда задачею общей русской истории было

составление государства. Но государственная жизнь сформировалась, развилась и окрепла. Теперь естественно, если народность с другим противоположным основанием и характером вступит в сферу самобытного развития и окажет воздействие на великорусскую». В то же время историк настаивал, что «историческое свойство не Руси, но собственно Москвы – нетерпимость к народным особенностям племен, находящихся под одной державой с московским народом». После вызванного студенческими беспорядками 1861 года закрытия Петербургского университета несколько профессоров, и в числе их Костомаров, устроили (в городской думе) систематические публичные лекции, известные в тогдашней печати под именем «вольного», или «подвижного», университета. Костомаров читал лекции по древней русской истории. Когда профессор Платон Васильевич Павлов (1823–1895) после публичного чтения о тысячелетии России был выслан из Петербурга, комитет по устройству думских лекций решил, в виде протеста, прекратить их. Костомаров отказался подчиниться этому решению, но на следующей его лекции 8 марта 1862 года обструкция публики и шум принудили его прекратить чтение, а дальнейшие лекции были воспрещены администрацией. После этого Костомаров вышел из состава профессуры Петербургского университета. В 1863 году его приглашал на кафедру Киевский университет, в 1864 году – Харьковский, в 1869 году – вновь Киевский университет, но Министерство народного просвещения отказалось согласовать эти назначения. В то же время Костомарову было назначено жалованье ординарного профессора за работу в Археографической комиссии.

Костомаров вынужден был основное внимание уделять литературной работе, и его книги и статьи благодаря его художественному таланту пользовались большой популярностью у читающей публики. В 1866 году Костомаров участвовал в создании журнала «Вестник Европы», где публиковал свои труды. Костомаров был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1876) и пожалован чином действительного статского советника (1870). Историк умер 7 (19) апреля 1885 года в Петербурге.

Костомаров главное внимание уделял изучения духовной жизни народа. Он также говорил о необходимости изучения племенных особенностей каждой части народа и создании областной истории.

Главной чертой средневековой русской истории историк считал противостояние государственного и народно-вечевого начал, окончившееся в XVII веке победой государственного начала в форме самодержавия. Государственное начало ассоциировалось Костомаровым с централизаторской политикой великих князей и царей, народное – с общинным началом, политическим выражением которого он считал народное собрание или вече. Именно вечевое начало воплощало в наиболее соответствовавшую, по мысли Костомарова, условиям России систему федеративного устройства.

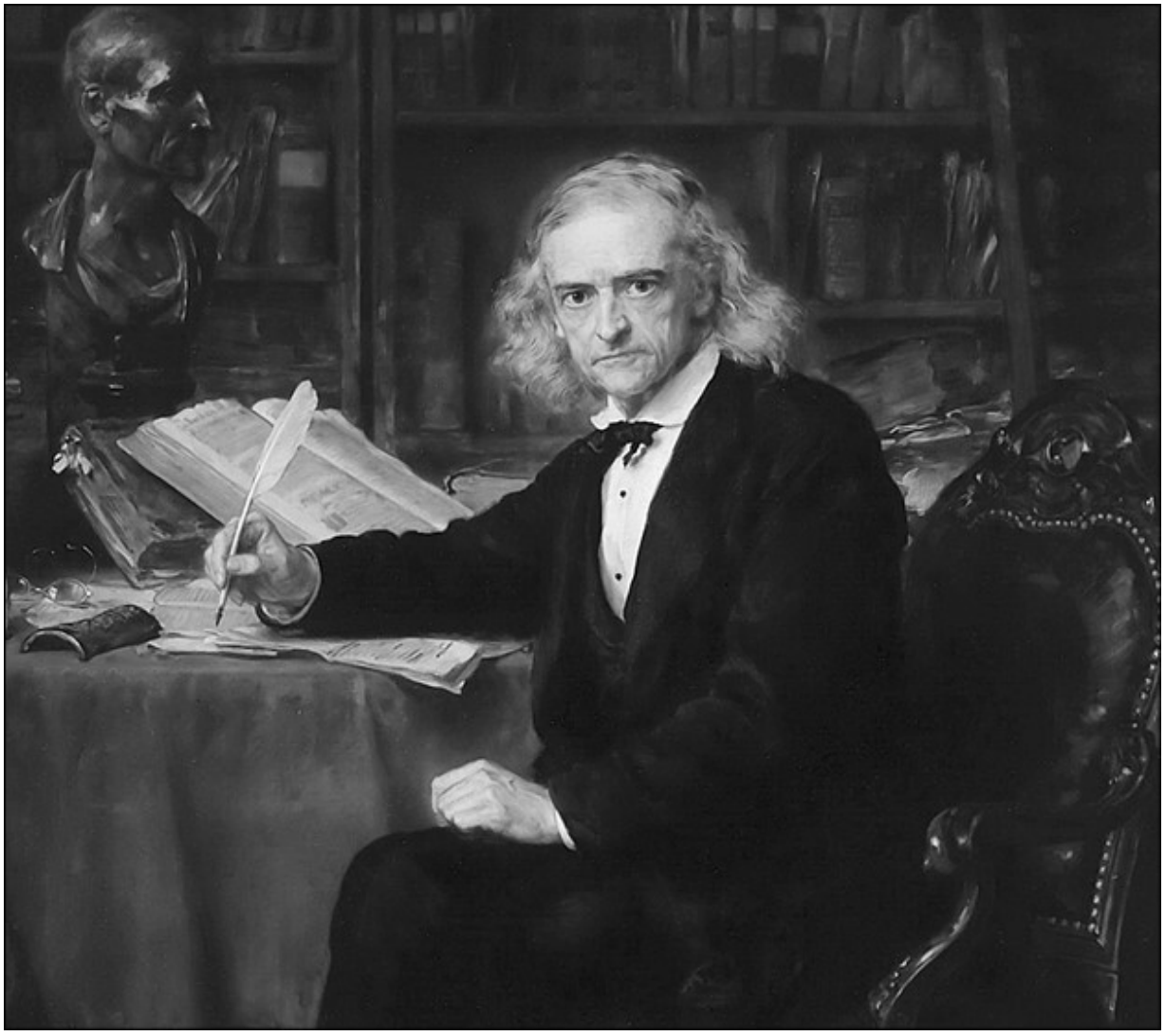
Костомаров спорил с М.П. Погодиным, в том числе на публичном диспуте 1860 года, отстаивая ныне отвергнутую наукой теорию литовского происхождения варягов-руси. В конце жизни ученый пришел к убеждению, что задача историка сводится прежде всего к передаче найденных им в источниках и проверенных фактов. В 1872 году Костомаров начал составлять свой главный труд «Русская история в жизнеописаниях главнейших ее деятелей», над которым трудился до конца жизни и в состав которого включил ряд ранее написанных сочинений. Он описал биографии князей, царей и императоров, а также видных государственных и церковных деятелей и украинских гетманов с X по XVIII век, вплоть до царствования императрицы Елизаветы Петровны включительно. При оценке исторических деятелей Костомаров стремился избегать однозначных оценок, находя у традиционно положительных героев истории отрицательные черты, а у тех, кто числился отрицательным, немалые достоинства. Другие известные работы Костомарова – «Руина», «Мазепа и мазепинцы», «Павел Полуботок», «Семейный быт в произведениях южнорусского народного песенного творчества», опубликованные по большей частью посмертно, а также «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» (1860), «Две русские народности» (1861), «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки)» (1863) и др.

Теодор Моммзен (1817–1903)

Теодор Моммзен, германский историк Античности, родился 30 ноября 1817 года в Гардинге, Шлезвиг, в семье лютеранского пастора Йенса Моммзена (1783–1851). В 1843 году он окончил Кильский университет, защитив докторскую диссертацию по римскому праву. Будучи в научной командировке, Моммзен 4 года путешествовал по Италии, изучая и копируя исторические источники, относящиеся к I тысячелетию до н. э. За несколько поездок он вместе со своими друзьями и учениками собрал, обработал и систематизировал более 100 тысяч документов по истории Древнего Рима. Их 20-томное издание он начала в 1863 году. В 1848 году в Киле Моммзен участвовал в восстании против датских властей (Шлезвиг-Гольштейн тогда принадлежал Дании) и был ранен. Затем он преподавал, став экстраординарным профессором, в Лейпцигском университете, но в 1851 году за участие в политических выступлениях против новой конституции Саксонии его лишили кафедры и запретили преподавать в Саксонии. В 1852–1853 годах Моммзен читал лекции по римскому праву в Цюрихском университете, а с 1854 года – в Бреслау, будучи ординарным профессором. В 1857 году он был приглашен профессором-исследователем в Прусскую академию наук, а в 1861 году возглавил кафедру древней истории Университета Фридриха Вильгельма в Берлине, где читал лекции до 1887 года, а профессуру сохранил до самой смерти.

Моммзен был депутатом палаты представителей Пруссии в 1863–1866 и 1873–1879 годах и германского рейхстага в 1881–1884 годах, представляя Германскую прогрессистскую партию, национал-либералов и Либеральный союз. В конце жизни он выступал за сближение либеральных партий с социал-демократами для противостояния консерваторам и клерикалам как сторонникам застоя и реакции. В 1902 году Моммзену была присуждена Нобелевская премия по литературе с формулировкой: «Одному из выдающихся исторических писателей, перу которого принадлежит такая монументальная работа, как «Римская история». Теодор Моммзен умер

1 ноября 1903 года в Шарлоттенбурге, близ Берлина. За академические достижения Теодор Моммзен в 1868 году был награждён высшим прусским орденом «За заслуги» (Pour le Mérite), а также в 1895 году медалью британского Королевского нумизматического общества. Моммзен был членом и многолетним секретарем (1874–1895) Прусской академии наук с 1858 года и членом целого ряда других академий, в том числе почётным членом Петербургской академии наук (1893), а также почетным гражданином Рима.

Теодор Моммзен. Художник Л. Кнаус, 1881 г.

Ученый опубликовал свыше 1500 работ и разработал новый подход к изучению римской истории, опираясь прежде всего на изучение римских надписей. Он вообще был пионером эпиграфики, изучения надписей на материальных артефактах. Главный труд историка – «Римская история» («Römische Geschichte») (1854–1856, 1885). Первые три тома охватывают период от ранней истории Италии (до основания Рима) до падения Республики (до битвы при Тапсе в 46 году до н. э. включительно). Пятый том был посвящён римским провинциям периода ранней империи, от Цезаря до Диоклетиана. Четвертый том, в котором предполагалось довести рассказ о событиях в Риме вплоть до правления императора Диоклетиана, при жизни Моммзена не был опубликован. Историк отложил окончание работы над ним до завершения 15-томной публикации римских надписей. 7 июля 1880 года в доме Моммзена произошёл пожар, и его библиотека была уничтожена. Четвёртый том его фундаментальной работы «Римская история» был очень испорчен, но не уничтожен полностью. Он был опубликован посмертно, будучи восстановлен по записям и черновикам Моммзена (по лекциям повествование было доведено до образования королевства вестготов при Валии в 418 году), только в 1992 году. Реконструкция была проведена германскими историками Барбарой и Александром Демандт на основе конспектов лекций 1882–1886 годов двух студентов Моммзена: Себастьяна и Пауля Хензелей, обнаруженных в 1980 году, и издана под названием «История римских императоров» («Römische Kaisergeschichte»).

«Римская история» была чрезвычайно популярна как в Германии, так и в других странах и была переведена практически на все основные европейские языки. Моммзен скрупулезно сравнивал политическую мысль и терминологию Римской республики, особенно в последнее столетие ее существования, с ситуацией своего времени, например с национальным государством, демократией и зарождающимся империализмом. Изложение событий ведется хронологически, а том о провинциях структурирован на 13 глав, каждая из которых посвящена отдельной провинции.

Как полагал Моммзен, изначально мощь Рима зависела от благополучия его семей, например, послушание римлянина государству было подобно послушанию сына отцу. Моммзен дает впечатляющую картину долгого развития Рима от сельского поселения

до мировой столицы. Источник стабильности и эффективности в ранний период римской истории ученый видел в упорно сохраняемой республиканской конституции. В частности, реформированный сенат, состоявший из патрициев и плебеев, как правило, успешно решал государственные дела города-государства. Но экспансия Рима и сопровождавшие ее внутренние перемены привели к краху прежнего порядка, поскольку республиканские институты уже не подходили для решения новых задач. Возрастала роль военных командиров, что в конечном счете способствовало установлению империи. Уменьшение же численности свободного крестьянства привело к необходимости все больше комплектовать армию представителями варварских племен, что в итоге закончилось падением империи. Историк обосновывал идею «демократической монархии», видя её идеал в диктатуре Цезаря и считая ее наиболее подходящей для Германской империи. Моммзен признавал Цезаря гением, чья гибель не позволила завершить преобразование Римской республики в «демократическую монархию». Начиная же с Августа власть все больше превращалась в произвол, а монархия – в деспотию. Кроме «Римской истории» Моммзен написал «Римскую хронологию до Цезаря» («Die römische Chronologie bis auf Caesar») (1858), «Римское уголовное право» («Römisches Strafrecht») (1890) и «Римское государственное право» («Römisches Staatsrecht») (1871–1887) в 3 томах. Он подготовил многотомные своды древнеримских источников, значительная часть которых была издана посмертно: «Свод латинских надписей» («Corpus Inscriptionum Latinarum») в 17 томах, «Свод римского гражданского права, или Кодификация Юстиниана» («Corpus iuris civilis») в 2 томах и «Кодекс Феодосия» («Codex Theodosianus»). Моммзен также опубликовал «Хроники» Кассиодора, сочинение Иордана «О происхождении и деяниях готов» и некоторые египетские папирусы.

Сергей Михайлович Соловьёв (1820–1879)

Сергей Михайлович Соловьёв, русский историк, родился 5 (17) мая 1820 года в Москве в семье протоиерея, законоучителя Московского коммерческого училища Михаила Васильевича Соловьёва (1791–1861). Его мать Елена Ивановна Шатрова была дочерью чиновника и племянницей ярославского епископа Авраама (Шумилина). В 1838 году он окончил с серебряной медалью 1-ю московскую гимназию и поступил на историко-филологическое отделение философского факультета. Лекции Т.Н. Грановского по всеобщей истории внушили Соловьёву мысль изучать русскую историю в тесной связи с судьбой других народностей и в рамках духовной жизни. В 1842 году он окончил университет и уехал на два года за границу в качестве домашнего учителя в семье графа С.Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа. Соловьев побывал в Берлине, Гейдельберге, Праге и Париже. В 1845 году он защитил магистерскую диссертацию «Об отношениях Новгорода к Московским великим князьям» и стал адъюнктом кафедры русской истории в Московском университете. Его докторская диссертация «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» была защищена в 1847 году. Соловьев стал экстраординарным профессором, а в 1850 году был утвержден в звании ординарного профессора. В 1851 году он издал первый том своей 29-томной «Истории России с древнейших времен до наших дней» (1851–1879).

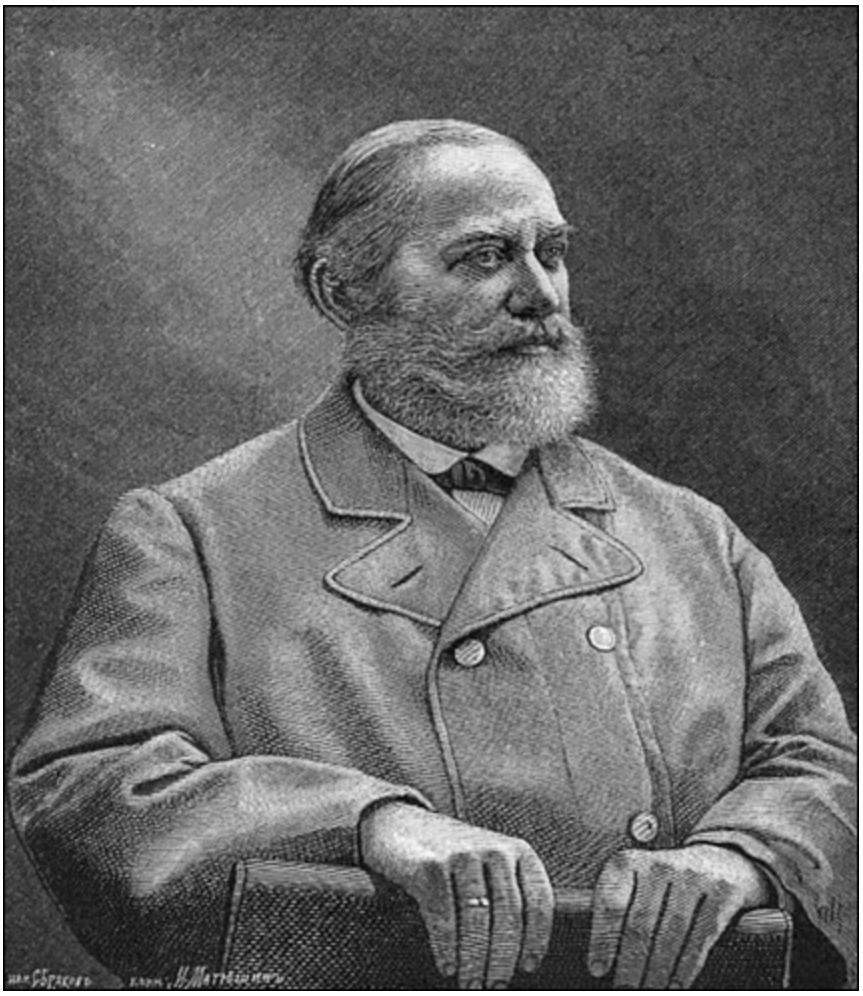
В 1856–1869 годах Соловьёв был деканом историко-филологического факультета Московского университета, а в 1871–1877 годах – ректором университета. Одновременно в 1860-х годах Соловьёв стал инспектором Московского Николаевского женского института, а в 1870–1879 годах – директором Оружейной палаты. Соловьев ушел в отставку в 1877 году в знак солидарности с открытым письмом 35 профессоров и преподавателей против намечавшихся реформ, ограничивающих автономию университета. Тогда же он ушел с поста профессора, оставшись «сторонним преподавателем».

В 1878 году Соловьев был избран почётным членом Московского университета. Он преподавал русскую историю членам императорской семьи, в том числе великому князю Александру Александровичу, будущему императору Александру III. В мае 1879 года Соловьев совсем оставил государственную службу и возглавил Московское общество истории и древностей российских. Он был заслуженным профессором Московского университета (1859), академиком Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности (1872) и тайным советником (1871). Сергей Михайлович Соловьёв скончался 16 октября 1879 года в Москве.

В главном своем труде «История России с древнейших времен до наших дней» (последний, 29-й том вышел посмертно) Соловьев довел изложение до 1775 года – до Кючук-Кайнарджийского мира России с Турцией. Он впервые применил термины «Новгородская Русь», «Киевская Русь», «Владимирская Русь», «Московская Русь» для обозначения четырех периодов становления Российского государства. Схему ранней русской истории Соловьев очерчивал следующим образом: «Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особного быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней средней и южной России. Здесь главный вопрос для историка состоит в том, как определились отношения между призванным правительственным началом и призвавшими племенами, равно и теми, которые были подчинены впоследствии; как изменился быт этих племен вследствие влияния правительственного начала – непосредственно и посредством другого начала – дружины, и как, в свою очередь, быт племен действовал на определение отношений между правительственным началом и остальным народонаселением при установлении внутреннего порядка или наряда. Замечаем именно могущественное влияние этого быта, замечаем другие влияния, влияние греко-римское, которое проникает вследствие принятия христианства от Византии и обнаруживается преимущественно в области права. Но, кроме греков, новорожденная Русь находится в тесной связи, в беспрестанных сношениях с другим

европейским народом – с норманнами: от них пришли первые князья, норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрестанно являлись при дворе наших князей, как наемники участвовали почти во всех походах, – каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые оставались в Руси навсегда, по своей численной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию. Таким образом, при начале русского общества не может быть речи о господстве норманнов, о норманском периоде». Вместе с тем историк не отрицал скандинавское происхождение названия «Русь» и династии Рюриковичей и был норманистом. Всю же российскую историю Соловьев делил на 4 периода: 1. Господство родового строя – от Рюрика до Андрея Боголюбского. 2. Период борьбы родовых и государственных начал, завершившийся полным торжеством государственного начала, – от Андрея Боголюбского до начала XVII века. 3. Вступление России в систему европейских государств – от первых Романовых до середины XVIII века. 4. Новый период истории России – с середины XVIII века. Начинается же повествование с V века до н. э., поскольку Соловьев исследовал происхождение славян и других народов России. По количеству отраженных в ней фактов российской истории соловьевская «История» не имеет себе равных. Часто текст его превращается в простой пересказ летописи (многие летописи XVII века были впервые введены историком в научный оборот). В томах по XVIII веку присутствуют многочисленные выписки из архивных документов, также впервые им обнаруженных. При описании деятельности какого-либо исторического лица Соловьев считал ошибкой «как чрезмерные похвалы, так и неумеренные порицания». Неисторичным считал он такой подход, когда «деятельность одного исторического лица отрывалась от исторической деятельности целого народа; в жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, действовавшая по своему произволу…». Смысл русской истории Соловьев видел в постепенном переходе родового быта в быт государственный, в последовательном превращении племён в княжества, а княжеств – в единое государственное целое. Как считал

Соловьев, задача историка заключается в том, чтобы «не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию». Соловьев полагал, что государство, являясь продуктом общественной жизни, есть общество в своём развитии: одно невозможно отделить от другого. Внутренние процессы, или, если использовать позднейшую терминологию, факторы развития, историк сводил к колонизации территории, возникновению новых городов и изменению взглядов власть имущих на собственность и характер своей власти. По мнению русского историка Владимира Ивановича Герье (1837–1919), «История» Соловьёва есть национальная история: впервые исторический материал, необходимый для такого труда, был собран и исследован с надлежащей полнотой, с соблюдением строго научных приёмов, применительно к требованиям современного исторического знания: источник всегда на первом плане, трезвая правда и объективная истина одни руководят пером автора. Монументальный труд Соловьёва впервые схватил существенные черты и форму исторического развития нации». При этом в натуре Соловьёва «глубоко коренились три великих инстинкта русского народа, без которых этот народ не имел бы истории, – его политический, религиозный и культурный инстинкты, выразившиеся в преданности государству, в привязанности к церкви и в потребности просвещения».

С.М. Соловьев. Гравюра 1881 г.

С географией страны и ее обширными просторами ученый связывал процесс зарождения и развития русской государственности, а также наиболее интенсивное хозяйственное освоение земель в центре Среднерусской возвышенности, борьбу «леса со степью» (земледельцев с кочевниками), ход и направление колонизации, взаимоотношения Руси с соседними народами. По его мнению, государство – это естественный продукт народной жизни, а история России – это не история правительства и органов власти, а история народной жизни в целом.

Соловьев также является автором книг: «История падения Польши» (1863), «Публичные чтения о Петре Великом» (1872), «Император Александр Первый. Политика, Дипломатия» (1877), «Учебная книга

русской истории» (1859), «Курс новой истории» (1869–1873) в 2 томах и «Общедоступные чтения о русской истории» (1874).

Генри Томас Бокль
(1821–1862)

Генри Томас Бокль, британский историк и шахматист, автор «Истории цивилизации в Англии» («History of Civilization in England»), которого называли «отцом научной истории», родился 24 ноября 1821 года в городе Ли (графство Кент) в семье богатого лондонского купца и судовладельца Томаса Генри Бокля (1779–1840) и его жены Джейн Миддлтон, умершей в 1859 году. Образование он получил посредством самостоятельно. Впоследствии он говорил: «Меня никогда особо не мучили тем, что называется образованием, но позволяли беспрепятственно идти своим путем…. Чему бы я к настоящему времени ни научился, я научился сам». В 14 лет он получил премию по математике. После смерти отца в 1840 году Бокль унаследовал 20 тысяч фунтов стерлингов и всю оставшуюся жизнь провел в чтении, написании статей и своей главной книги и путешествиях. В 25 лет он знал 19 языков и свободно читал на всех из них. Он также был выдающимся шахматистом и в 1849 году выиграл первый в Англии шахматный турнир. Бокль считался одним из лучших шахматистов в мире. 19 марта 1859 года он выступает с единственной в своей жизни публичной лекцией, посвященной влиянию женщин на прогресс знаний. Он доказывал, что женщина инстинктивно предпочитает дедуктивное мышление индуктивному и, влияя на мышление мужчин, способствует научному прогрессу. В 1861 году Бокль отправился в путешествие по святым местам, посетил Египет, Палестину и Сирию, но по дороге заболел тифом и умер в Дамаске 29 мая 1862 года.

Г.Т. Бокль. Гравюра 1880-х гг.

Свой главный труд «История цивилизации в Англии» Бокль писал всю свою сознательную жизнь, опираясь прежде всего на свою собственную богатейшую библиотеку из 22 тысяч книг. В ней отразились идеи позитивизма и географического детерминизма. Бокль начал работу над «Историей» в 1840 году, когда, по его словам, решил «направить все свое чтение и посвятить всю свою энергию подготовке какого-нибудь великого исторического труда». Следующие 17 лет он работал над историей по 10 часов в день. Ученый вспоминал: «Метод моих занятий был таков: утром я изучал естественные науки, после завтрака – языки, в которых был круглым невеждой, вечером – историю, юриспруденцию и всемирную литературу. Я никогда не писал ни для газет, ни для журналов, твердо решившись посвятить

свою жизнь более крупному труду». К 1851 году Бокль решил, что его «великий исторический труд» будет «историей цивилизации».

Последующие шесть лет Бокль провел, по его собственным словам, «в написании и переписывании, изменении и исправлении первого тома». Этот том был опубликован в июне 1857 года. Боклю пришлось издать его за свой счет, но успех книги превзошел все ожидания, и она принесла автору значительный доход. Второй том, плод изнурительной четырехлетней работы, был опубликован в 1861 году.

Труд Бокля был переведен на все основные европейские языки уже через год после выхода 1-го тома. Основная мысль его заключается в том, что цивилизация является необходимым результатом цепи причин и что основным фактором общественного развития в странах умеренного климата, где человек не находится в рабстве у природы, является разум, т. е. знание, наука, просвещение, тогда как в нецивилизованных странах жаркого климата общественная жизнь находится целиком во власти природы, которая дает человеку достаточно средств существования, чтобы не думать о прогрессе. Бокль придавал большое значение в общественном развитии таким географическим природным факторам, как климат, почва, ландшафт, характер пищи и др. Главным же фактором исторического развития он считал интеллектуальный прогресс и накопление практических знаний, тогда как нравственный уровень общества не подвержен изменениям. По мнению Бокля, политические и экономические преобразования в обществе являются следствием накопления знаний, которое возможно благодаря всесилию разума, а уровень экономического благосостояния «зависит не от благости природы, а от энергии человека». Разум же способен постичь научные законы, причем, как полагал историк, в общественных науках применимы законы естественных наук. Бокль полагал, что развитие общества – столь же закономерный процесс, как и развитие природы, но лишь гораздо более сложный и многообразный, а потому его значительно труднее постичь.

Тем не менее на основе собранного богатого эмпирического материала он пытался вывести основные законы истории, универсальные для всего человечества, распространяющиеся на действия больших масс людей, и первоначально собирался писать всеобщую историю цивилизации, но довольно быстро понял

неосуществимость этого проекта в сколько-нибудь разумные сроки. Великие исторические личности, согласно теории Бокля, играют подчиненную роль по отношению к действиям масс. Ученый считал, что чрезмерная централизация власти приводит к задержке умственного развития и цивилизации, поскольку избыточный контроль препятствует нормальной жизни общества. Историк был уверен, что действия людей не бывают непоследовательными, но всегда вытекают из предшествовавших им причин и, несмотря на кажущуюся произвольность, являются частью всеобщего порядка. Также и в нравственных действиях людей Бокль видел следствие предшествовавших обстоятельств. По его мнению, чувства и страсти играют определенную роль в поступках человека, но в совокупности действий больших масс людей их роль сглаживается и усредняется. Бокль полагал, что «действия людей разделяются легко и наглядно на два класса: на добродетельные и порочные; так как эти классы находятся в соотношении между собою и, взятые вместе, составляют весь итог нашей нравственной деятельности, то поэтому все, что увеличивает один класс, уменьшает, с относительной точки зрения, другой; так, если нам удастся в какой-нибудь период времени заметить однообразие и некоторую последовательность в проявлении пороков какого-нибудь народа, то должна быть соответствующая правильность и в проявлении его добродетелей, или если б мы могли доказать правильность в проявлении его добродетелей, то естественным образом предположили бы такую же правильность и в проявлении его пороков; ибо эти две категории действий, по условию самого деления их, служат дополнением одна другой; или, выражая это предположение иначе, ясно, что если б можно было доказать, что дурные действия людей видоизменяются под влиянием перемен, происходящих в окружающем их обществе, то мы должны были бы заключить из этого, что и хорошие действия их, составляющие как бы остаток за вычетом дурных, видоизменяются таким же образом; мы должны были бы прийти далее к тому заключению, что такие изменения составляют результат важных общих причин, которые, действуя на совокупность общества, должны произвести известные последствия, невзирая на волю отдельных людей, составляющих общество».

В 1-й том «Истории цивилизации в Англии» помимо методологических глав вошел очерк по истории интеллектуального

развития в Англии и Франции в XIV–XVIII веках. Во 2-й том включены очерк умственного движения в Испании с V до середины XIX века, очерки о состоянии (в XIV–XVIII веках) и интеллектуальном развитии (в XVII–XVIII веках) Шотландии.

Гастон Буассье (1823–1908)

Гастон Буассье, французский историк Древнего Рима, специалист по римской культуре и истории раннего христианства, родился 15 августа 1823 года в Ниме, департамент Гар. Римские памятники его родного города очень рано побудили Буассье к изучению древней истории. Особенно его привлекала эпиграфика.

Буассье окончил Высшую нормальную школу в 1846 году с преподавательской степенью по словесности, а в 1857 году стал доктором словесности. В 1846 году получил профессуру по риторике в коллеже Ангулема, а потом в коллеже Нима и в Лицее Карла Великого. В 1861–1906 годах Буассье являлся профессором латинской поэзии в Коллеж де Франс. В 1865–1899 годах он также был профессором Высшей нормальной школы, где преподавал римскую словесность. Буассье опубликовал ряд статей и рецензий в «Revue des Deux Mondes» и «Revue de l’instruction publique». Во время становления Третьей республики во Франции в 1870-х годах он стал страстным защитником христианства. Историк говорил о неизбежной и благодетельной для человечества победе христианства, которое считал истинным хранителем наследия античной цивилизации. Будучи многолетним членом и председателем Высшего совета народного образования, Буассье отстаивал сохранение гуманитарных традиций в среднем и высшем образовании. Он был членом Французской академии с 1876 года, а с 1895 года состоял её постоянным секретарем. Он также был членом Французской академии надписей и изящной словесности (1886) и членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1894). Буассье скончался 10 июня 1908 года в Вирофле под Парижем.

Буассье является автором фундаментальных работ по истории древнеримского общества, языческой религии и раннего христианства. Его произведения отличаются немалыми художественными достоинствами. Он очень живо и ярко рисует картины жизни всех классов римского общества, от императора, аристократов, писателей, художников до городских обывателей и рабов. Все они проходят перед

глазами читателя как живые, со своими привычками, страстями и характерным языком.

Первопричиной исторических событий он считал судьбу, провидение, предначертания которых познать нельзя, так как «намерения Божьи относительно мира нам неизвестны…». Буассье анализировал религиозную политику римских императоров эпохи принципата, стремившихся восстановить влияние традиционных римских культов, авторитет которых в поздней Римской республике был основательно подорван возобладавшим в обществе равнодушием к религии и конкуренцией со стороны восточных культов. Чтобы показать закономерность этих усилий римских императоров, равно как и неизбежность их конечной неудачи, Буассье прослеживает формирование языческих культов у римлян в связи с патриархальными началами римской общественной жизни, составной частью которых были культы предков и домашнего очага. Историк подчеркивал роль древних культов как гарантов традиционной гражданской морали.

Гастон Буассье. Фото 1909 г.

Буассье полагал, что ограниченность патриархального римского язычества, его внимание к внешней, обрядовой стороне обусловили кризис религиозного сознания в Риме на рубеже старой и новой эр и подготовили вытеснение язычества христианством. Усилия государства лишь приостановили на некоторое время этот кризис, который с большей силой разразился в IV веке. Историк утверждал: «История римского язычества, от времени Августа до последних минут своего существования, ясно распадается на два различные периода: в первом из них оно развивается самостоятельно, согласно своим началам и свойствам, во втором оно стремится преобразовать себя по образцу той религии, которая ему угрожает и с которою оно ведёт борьбу». Буассье стремился обозреть все явления как уходящего язычества, так и торжествующего христианства.

Он является автором более 430 опубликованных статей и рецензий и более 10 монографий, в том числе: «Исследование жизни и творчества

Марка Теренция Варрона» («Étude sur Terentius Varron») (1859), «Римская религия от Августа до Антонинов» («La religion romaine d'Auguste aux Antonius») (1874) в 2 томах, «Оппозиция при Цезарях» («L'opposition sous les Césars») (1875), «Археологические прогулки: Рим и Помпеи» («Promenades archéologiques: Rome et Pompée») (1880), «Цицерон и его друзья» («Cicéron et ses amis») (1884), «Новые археологические прогулки: Гораций и Вергилий» («Nouvelles promenades archéologiques: Horace et Virgile») (1886), «M-me де Севиньи» («M-me de Sevigny») (1887), «Падение язычества» («La fin du paganisme») (1891) в 2 томах, «Римская Африка. Археологические прогулки по Алжиру и Тунису» («L'Afrique romaine. Promenades archéologiques en Algérie et en Tunisie») (1895) и др.

Шандор Силадьи (1827–1899)

Шандор Силадьи, венгерский историк, сын историка Ференца Силадьи-младшего (1797–1876) и внук богослова Ференца Силадьи-старшего, родился 30 августа 1827 года в Коложваре (Клаузенберге, ныне Клуж) в Трансильвании (ныне Румыния). В 1841–1845 годах он изучал юриспруденцию в коллегиуме в Ноймаркте (ныне Тыргу-Муреш), а в 1846–1848 годах служил в суде Коложвара. Во время революции 1848–1849 годов Силадьи служил в продовольственном отделе венгерской армии (гонведа). Впоследствии он занимался журналистикой в Пеште.

В 1850 году Силадьи основал журнал «Венгерские мемориальные документы» («Magyar Emléklapok címmel»), призванный объединить венгерских историков. Журнал впоследствии подвергся преследованиям и был запрещен. В дальнейшем были запрещены еще несколько изданий, редактируемых Силадьи.

В 1852 году Силадьи преподавал математику и физику в колледже Кечкемета, а с 1853 года – географию и литературу в Надькёрёше. В 1867 году, после превращения Австрийской империи в двуединую императорско-королевскую Австро-Венгрию, Силадьи был назначен секретарем министерства религии и народного образования. В 1872–1875 годах он преподавал историю в военной академии «Людовика» в Пеште. С 1875 года Силадьи служил секретарём Венгерского исторического общества и редактором газеты «Századok» («Века»), которая под его руководством превратилась в ведущее историческое издание Венгрии. С 1878 года Силадьи возглавлял библиотеку Венгерского королевского научного университета в Будапеште. В том же году он основал ежеквартальное периодическое издание «Историческая библиотека» («Történelmi Tár című»), а в 1885 году – журнал «Венгерские исторические биографии» («Magyar Történelmi Életrajzok»). Он был избран действительным членом Венгерской академии наук. В 1895 году Силадьи стал почетным доктором философского факультета Коложварского университета, а в 1896 году – иностранным членом-корреспондентом Академии наук в Вене. В том

же году он получил чин министерского советника. Силадьи также был вице-президентом Венгерского геральдического и генеалогического общества. Шандор Силадьи умер 12 января 1899 года в Будапеште.

Силадьи специализировался на истории Венгрии и Трансильвании XVI–XVII веков. Он опубликовал в 1866 году двухтомный труд по истории Трансильвании «История Трансильвании» («Erdélyország története»), а также биографии князей Трансильвании. В 1895–1898 годах под руководством и редакцией Шандора Силадьи вышел 10-томный фундаментальный труд «История венгерской нации» («A magyar nemzet története»), приуроченный к празднованию тысячелетия обретения венграми родины. Этот труд по богатству отраженных в нем фактов и количеству привлеченных источников не утратил своего значения до настоящего времени. Посмертно был опубликован составленный Шандором Силадьи совместно с Дьюлой Паулером сборник «Истоки венгерского завоевания» («A magyar honfoglalás kútfői című») (1900) по ранней истории Венгрии.

Силадьи так формулировал принципы «Истории Венгрии»: «Этот труд, несомненно, станет одним из самых замечательных памятников духовных начинаний, прославляющих наше тысячелетнее прошлое. Какими бы разнообразными и значительными ни были проявления венгерского гения во всех отраслях культуры, прежде всего перед нашими историками стоит великая задача представить в ясном свете трудности эпохи, пережитые ныне живущим поколением. Мы можем с неподдельным энтузиазмом отпраздновать тысячелетие основания нашей страны только в том случае, если узнаем об истории прошлых веков, если будем знать, через какие тяжелейшие потрясения пришлось пройти нашему народу, чтобы не только сохранить, но и укрепить и приумножить свою государствообразующую мощь. Мы будем чтить память наших предков с искренним почтением только тогда, когда увидим перед своими глазами великую работу, которая была проделана, чтобы заложить основы сегодняшней Венгрии». Силадьи стал основателем первой научной школы венгерских историков.

Шандор Силадьи. Гравюра 1878 г.

Ипполит Адольф Тэн (1828–1893)

Ипполит Адольф Тэн, французский историк и литературный и художественный критик, один из основоположников позитивизма в исторической науке, родился 21 апреля 1828 года в Вузье, департамент Арденны, в семье адвоката. Он учился в парижском Коллеж Бурбон (лицее Кондорсе), а в 1848–1851 годах обучался на филологическом отделении Высшей нормальной школы, где стал сторонником идей позитивизма.

Впоследствии Тэн преподавал философию в лицее города Невера, а в 1853 году вернулся в Париж и защитил докторскую диссертацию в Сорбонне «Эссе о баснях Лафонтена» («Essai sur les fables de La Fontaine»), опубликованную в переработанном виде в 1861 году. Он также выступал как публицист и издал многочисленные философские, литературные и исторические статьи в двух крупнейших газетах того времени – «Revue des deux Mondes» и «Journal des débats». В 1863 году Тэн опубликовал «Историю английской литературы» («Histoire de la Littérature Anglaise»). Книга имела успех и позволила Тэну жить литературным трудом. С 1864 по 1884 год он преподавал историю искусства в Школе изящных искусств в Париже и параллельно был профессором истории и немецкого языка в военной школе Сен-Сир. В 1871 году Тэн стал одним из основателей Свободной школы политических наук. В том же году он преподавал в Оксфорде и был удостоен степени почетного доктора наук Оксфордского университета. Тэн был удостоен ордена Почетного легиона. Умер он 5 марта 1893 года в Париже.

Тэн выдвинул идею о зависимости изменений в искусстве от изменений общественных потребностей, быта, нравов и представлений. Он рассматривал искусство как органическую составную часть общественного целого. По мнению Тэна, высказанному в «Истории английской литературы», на искусство влияют раса, т. е. национальные особенности – врождённые и передаваемые по наследству склонности, связанные с особенностями темперамента и телесной конституции; среда обитания, под которой

понимается географическое местоположение страны, нравственные представления народа, быт и форма политического устройства; исторический момент, который рассматривался ученым как этап существования данной культуры во времени. Тэн требовал от историков строгой приверженности фактам. Главный исторический труд Тэна – «Происхождение современной Франции» («Les Origines de la France Contemporaine») (1876–1893) в 3 томах, где он критиковал Великую французскую революцию и якобинскую диктатуру. Толчком к созданию этого труда послужили глубоко потрясшие Тэна поражение Франции во Франко-прусской войне 1870–1871 годов и жестокое подавление выступлений Парижской коммуны 1871 года. Эта работа задумывалась в 6 томах и осталась неоконченной из-за смерти Тэна. В предисловии к книге он отмечал, что стремился исследовать документы глазами не ангажированного гуманитария, а бесстрастного натуралиста, «который следит за превращением личинки и куколки в совершенно новое насекомое». Историк также полагал, что «по природе своей и по строению человек – плотоядное существо; его предки терзали друг друга с каменными орудиями в руках из-за куска сырой рыбы; человек все тот же – нравы его смягчились, но природа не преобразилась». Одну из главных причин революции Тэн видел в вопросе сохранения сословных привилегий. Он осудил искусственность политических конструкций революции (например, абстрактные и рациональные идеи Робеспьера), которые, по его мнению, резко противоречили естественному и медленному росту государственных институтов. Тэн утверждал, что якобинцы ответили на чрезмерную централизацию старого режима еще большей централизацией. Исследование Тэна основывалось на большом числе разнообразных источников. В предисловии к первому тому историк отмечал, что «я мог перелистать массу рукописных документов, переписку огромного числа интендантов, директоров, откупщиков, генералов, судей, должностных и частных лиц всякого рода на протяжении последних тридцати лет существования старого порядка, рапорты и мемуары о различных частях королевского дома, протоколы и записки Генеральных штатов в ста семидесяти шести томах, переписку воинских начальников от 1789 и 1790 г., письма, воспоминания и подробные статистические данные духовного комитета, корреспонденцию в девяносто четырех связках

департаментских управлений и муниципалитетов с министрами от 1790 до 1799 года, рапорты государственных советников, посылаемых с различными миссиями в 1801 г., переписку префектов в эпоху Консульства, Империи и Реставрации до 1823 г., большое число других заметок, столь интересных и столь неизвестных, что поистине можно сказать, что история Революции кажется еще неизданной. По крайней мере, только эти документы рисуют нам живые образы мелких дворян, провинциальных священников, монахов и монахинь, адвокатов, старшин и горожан, деревенских судей и синдиков, рабочих и ремесленников, офицеров и солдат. Только благодаря им мы можем видеть вблизи, со всеми подробностями образ поведения людей, внутренность пресвитерского дома, монастыря, городского совета, познакомиться с заработной платой поденщика, с производительностью поля, с податным обложением крестьянина, ремеслом сборщика, расходами помещика или прелата, с бюджетом, с образом жизни и церемониалом двора. Благодаря им мы можем назвать точные цифры, знать час за часом распределение дня, даже более, перечислить блюда на большом обеде, восстановить парадный туалет. Мы имеем, кроме того, приколотыми на бумаге и расположенными по числам образчики платьев королевы Марии-Антуанетты; с другой стороны, мы можем представить себе одежду крестьянина, описать его хлеб, назвать сорта муки, из которого он пекся, и вычислить до последнего сантима, сколько ему стоит фунт. С такими ресурсами становишься почти современником людей, историю которых пишешь, и не раз в архивах, пробегая пожелтевшие листки с их старинным почерком, у меня являлось искушение заговорить громко с этими людьми».

Ипполит Тэн. Фото 1897 г.

«Происхождение современной Франции» по замыслу Тэна должно было состоять из трех частей. Первая часть – «Старый порядок» («L'Ancien Régime») (1876) – была посвящена предреволюционной Франции. Здесь Тэн пришел к выводу, что «старый порядок» давно пережил создавшие его условия. Вторая часть книги Тэна – «Революция» – состоит из трёх томов: «Анархия», «Якобинское завоевание» и «Революционное правительство» – и охватывает события 1789–1799 годов. Она была издана в первой половине 80-х годов. Тэн утверждал, что начало Великой французской революции было обусловлено голодом 1788–1789 годов и народными восстаниями, которые с начала 1789 года происходили по всей стране. После взятия Бастилии восстания усилились и вызвали полное падение государственной власти. Учредительное же собрание, руководствуясь кабинетными построениями в духе эпохи Просвещения, не смогло по-настоящему взять власть в свои руки и

лишь усиливало анархию. Результатом стали приход к власти радикалов-якобинцев и революционный террор.

Третью часть «Происхождения современной Франции» – «Новый порядок» – Тэн собирался сделать многотомной, но успел издать в 1891 году только первый том, посвященный Наполеону и его реформам. Бонапарта он относил к типу итальянских кондотьеров эпохи Ренессанса, а главной чертой его характера считал эгоизм. Второй, неоконченный, том третьей части, содержащий исследования о церкви и школе, был издан в 1893 году уже посмертно. Третий том третьей части «Происхождения современной Франции» Тэн предполагал посвятить отношениям государства и местных властей.

В основу «Философии искусства» («Philosophie de l'Art») (1865–1882) легли лекции, которые Тэн с 1864 года читал в Школе изящных искусств. Он утверждал, что художественное произведение находится в ряду других творений своего автора и все они объединены общим стилем художника. Художник, в свою очередь, принадлежит к той или иной школе и национальной художественной традиции, живет в конкретной стране и в конкретное время. Школа же художников существует в окружающем мире, который на нее влияет. Поэтому, чтобы понять какое-нибудь художественное произведение, художника или школу художников, необходимо ясно представлять себе общее состояние умственного и нравственного развития того времени, когда они творили.

Произведения человеческого ума, подобно произведениям живой природы, Тэн объяснял через среду обитания художника. Обновление же среды ведет к обновлению искусства. Эти методологические принципы Тэн применил к исследованию итальянской живописи, живописи Нидерландов и греческой скульптуры. Он рассматривал произведения искусства как факты и явления, характерные свойства которых можно обозначить и причины создания которых в том конкретном виде, в каком они существуют, можно выяснить. Таким образом, Тэн пытался распространить на гуманитарные науки исследовательские принципы естественных наук, игнорируя принципиальное различие между этими науками. Ведь если естественные науки имеют дело с формулами, которые всегда однозначны, то гуманитарные науки имеют дело с текстами в самом широком смысле слова (в этом отношении произведения искусства

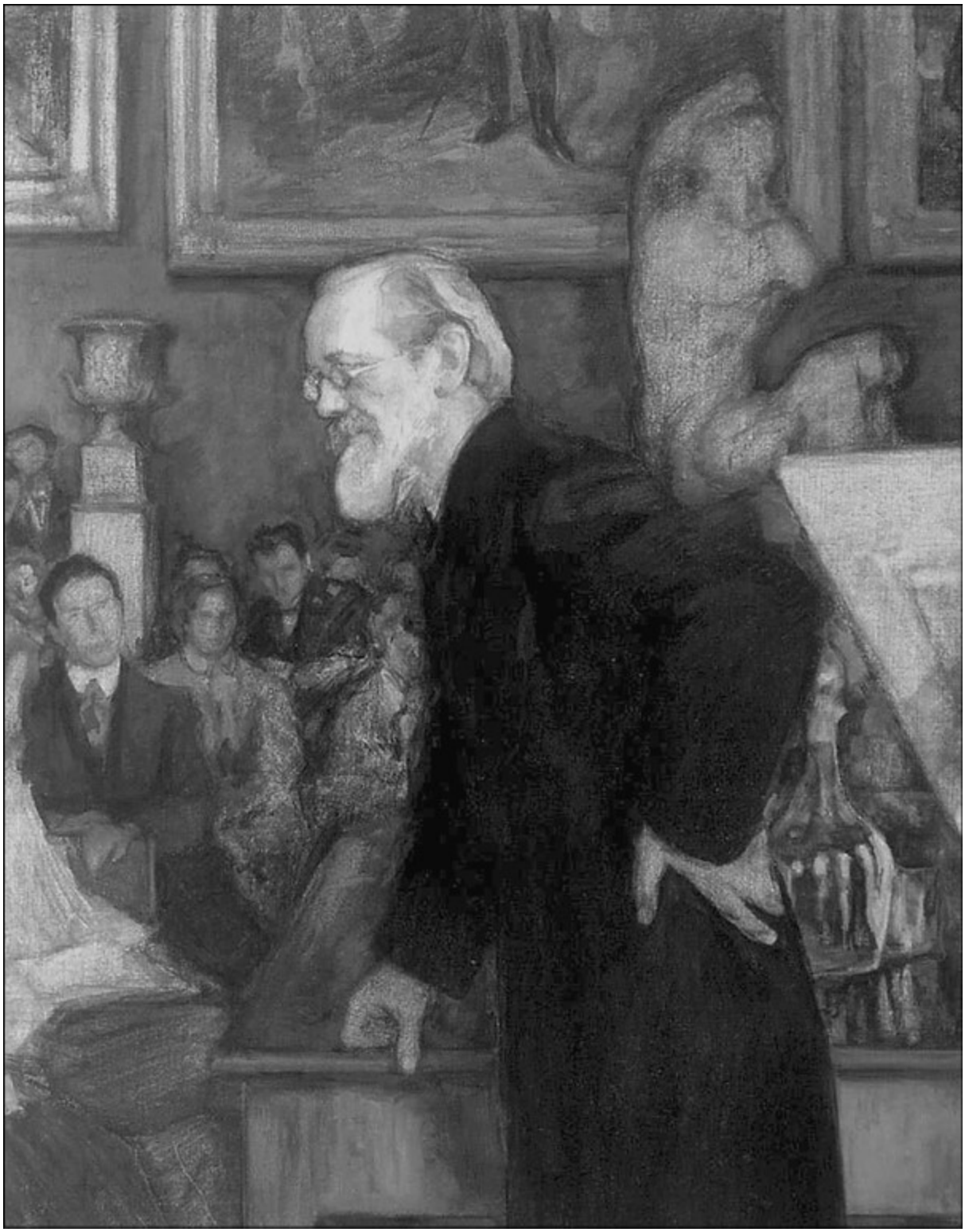
тоже тексты), которые всегда многозначны. Поэтому законы естественных наук оказываются принципиально не применимы к гуманитарным наукам. Тэн полагал, что цель искусства состоит в том, чтобы обнаруживать существенный характер вещей, их главную идею яснее и полнее, чем они проявляются в обычных предметах. Задача художника заключается в выражении существенных характеров. Художественное творение является тем более великим, чем характер, выражаемый им, глубже, долговечнее и благотворнее. Среди исторических работ Тэна можно отметить «Очерк о Тите Ливии» («Essai sur Tite-Live») (1856) и «Очерки критики и истории» («Essais de critique et d'histoire») (1858). Он также является автором сатирической повести «Парижские нравы. Жизнь и размышления Фридриха Томаса Грендоржа» («Notes sur Paris. Vie et opinions de M. Frédéric-Thomas Graindorge») (1867) и незавершённого романа «Этьен Мэйран» («Étienne Mayran») (1910).

Василий Осипович Ключевский (1841–1911)

Василий Осипович Ключевский, русский историк, автор «Курса русской истории», родился 16 (28) января 1841 года в селе Воскресеновка Пензенской губернии в семье сельского священника Осипа (Иосифа) Васильевича Ключевского (1815–1850), который погиб в результате несчастного случая, выпав из повозки, когда лошади понесли. После его смерти семья перебралась в Пензу, где Ключевский учился в Пензенском приходском духовном училище, а затем в Пензенском уездном духовном училище (1852–1856). После смерти отца он стал сильно заикаться, но впоследствии смог преодолеть этот недостаток. Ключевский поступил в Пензенскую духовную семинарию, откуда ушел в 1860 году. 1861 год он провёл в доме пензенского фабриканта И.И. Маршева, готовя двух его сыновей и готовясь сам к поступлению в университет. В том же году Ключевский поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Летом 1862 года он был репетитором в семье князя С.В. Волконского. Ключевский окончил университет в 1865 году со степенью кандидата. Его выпускная работа «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1866), где были систематизированы и сопоставлены сведения примерно 40 посольских отчётов, записок путешественников и писем иностранцев о Русском государстве, была отмечена золотой медалью, и по представлению С.М. Соловьёва он был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию.

В 1872 году он защитил магистерскую диссертацию «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871), а через 10 лет – докторскую диссертацию «Боярская дума Древней Руси» (1882). Ключевский проанализировал 166 житий святых и разработал методику их научной критики. Боярская дума, как полагал Ключевский, была «маховым колесом, приводившим в движение весь правительственный механизм», по существу – конституционным учреждением «с обширным политическим влиянием, но без

конституционной хартии».

Портрет историка В.О. Ключевского. Художник Л.О. Пастернак, 1909 г.

После смерти С.М. Соловьёва Ключевский начал читать курс русской истории в Московском университете, а в 1882 году стал ординарным профессором. В 1887–1889 годах Ключевский был деканом историко-филологического факультета и проректором университета. Также на протяжении 17 лет он читал лекции по всеобщей истории в Александровском военном училище и преподавал русскую историю в Московской духовной академии, на Московских женских курсах В.И. Герье и в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Ключевский был очень популярным лектором. Заикание, от которого не удалось избавиться полностью, он преодолевал, строя лекцию так, чтобы вызванные заиканием паузы, становились смысловыми. Благодаря этому он говорил медленно и отчетливо, и его легко было конспектировать, даже не прибегая к помощи стенографии. Историк также обладал уникальной памятью. А.А. Кизеветтер писал о Ключевском: «Талантливый до гениальности лектор-чародей… в нём удивительным образом сочетались сила научной мысли с художественной изобразительностью изложения и с артистическим искусством произнесения… Он был гениальным профессором, в котором органически слились глубокий учёный, тонкий художник слова и вдохновенный лектор-артист».

Ключевский вёл семинарские занятия: «Методология русской истории», «Терминология русской истории», «История сословий в России», «Источники русской истории», «Русская историография». В 1893–1895 годах он читал курс всеобщей и русской истории великому князю Георгию Александровичу. В конце 1894 года ему на лекции была устроена обструкция радикально настроенными студентами по причине выхода его брошюры с речью памяти Александра III. Этот инцидент привел к крупному конфликту студентов с администрацией. В 1889 году он был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук по разряду историко-политических наук, а в 1900 году – ординарным академиком Императорской академии наук (сверх штата) по истории и древностям русским; кроме того, он был и почётным академиком по разряду изящной словесности. В 1905 году Ключевский участвовал в работе Комиссии по пересмотру законов о печати и в совещаниях по проекту учреждения Государственной думы, выступал за ликвидацию цензуры. В 1905 году в «Наброске речи к 150-летию Московского университета» Ключевский писал: «В это 50-летие (после

1855 года. – *Б.С.*) десятки тысяч студентов вышли из университета и, расходясь по городам и усадьбам отечества, будили местные силы духовными интересами и знаниями, вынесенными из университета. Это был с каждым годом нараставший всесословный резерв русского просвещения, вербовавшийся из различных общественных состояний».

В апреле 1906 года историк был избран членом Государственного совета от Академии наук и университетов, но скоро вышел из его состава, поскольку не находил участие в нем «достаточно независимым для свободного… обсуждения возникающих вопросов государственной жизни». Ключевский говорил: «Я человек 19-го века и в ваш 20-й век попал совершенно случайно, по ошибке судьбы, позабывшей убрать меня вовремя». В 1893–1906 годах он был председателем Общества истории и древностей российских. Он был заслуженным профессором Московского университета (1897) и почётным членом Московского университета (1911).

Василий Осипович Ключевский умер 12 (25) мая 1911 года в Москве после неудачной операции по извлечению камней из мочевого пузыря.

Главное сочинение Ключевского – «Курс русской истории» в 5 частях (1904–1922). Основным фактором русской истории историк считал колонизацию: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней». Ключевский делил русскую историю на четыре периода. Первый период VIII–XIII веков он считал временем, когда Русь была политически разбита на обособленные города, в экономике господствовала внешняя торговля, а население концентрировалось на Среднем и Верхнем Днепре с притоками. Во втором периоде (XIII – середина XV века), времени татаро-монгольского ига, основная масса населения передвинулась в междуречье Верхней Волги и Оки. При этом страна была раздроблена на княжества – княжеские уделы. Третий период длился с середины XV века до второго десятилетия XVII века, т. е. до конца Смутного времени. В этот период русское население колонизировало юго-восточные донские и средневолжские черноземы и произошло политическое объединение Великороссии вокруг Московского царства. Четвёртый период, с воцарения Романовых и до середины XIX века

(«Курс» Ключевского доведен до реформ 1860–1870-х годов включительно), был временем, когда «русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Чёрного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала». В этот период образовалась Российская империя во главе с самодержцем, опирающимся на военно-служилый класс – дворянство. В экономике же к крепостному по преимуществу сельскому хозяйству добавилась обрабатывающая фабрично-заводская промышленность. Во введении к «Курсу» Ключевский писал: «Исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни, известия о которых сохранились в исторических памятниках или источниках. Явления эти необозримо разнообразны, касаются международных отношений, внешней и внутренней жизни отдельных народов, деятельности отдельных лиц среди того или другого народа. Все эти явления складываются в великую жизненную борьбу, которую вело и ведёт человечество, стремясь к целям, им себе поставленным. От этой борьбы, постоянно меняющей свои приёмы и характер, однако отлагается нечто более твердое и устойчивое: это – известный житейский порядок, строй людских отношений, интересов, понятий, чувств, нравов. Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменит его другим». Во всех этих изменениях историка занимают два основных предмета, которые он старается разглядеть в волнистом потоке исторической жизни, как она отражается в источниках: «Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой – устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми, – словом, выработка человека и человеческого общежития – таков один предмет исторического изучения. Степень этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его культурой, или цивилизацией; признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, истории культуры, или цивилизации. Другой предмет исторического наблюдения – это природа и действие исторических сил, строящих человеческие общества, свойства тех многообразных нитей, материальных и духовных, с помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолётным существованием складываются в

стройные и плотные общества, живущие целые века. Историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправлений их отдельных органов – словом, изучение свойств и действия сил, созидающих и направляющих людское общежитие, составляет задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе, которую также можно выделить из общего исторического изучения под названием исторической социологии. Существенное отличие её от истории цивилизации в том, что содержание последней составляют результаты исторического процесса, а в первой наблюдению подлежат силы и средства его достижения, так сказать, его кинетика. По различию предметов неодинаковы и приёмы изучения». Историку была свойственна некоторая идеализацией московской старины XVI–XVII веков, которую он прежде всего изучал. Ключевский идеализировал и русский народ, которому будто бы во все времена было присуще национальное единство, выражавшееся в единении власти и народа. Ключевский выделял географический, этнический, экономический, социальный и политический факторы исторического развития, ни один из которых не является безусловно преобладающим. Однако применительно к российской истории он особую роль придавал географическому фактору, непосредственно связанному с колонизацией. В целом же историю двигают «умственный труд и нравственный подвиг» человека.

В работе «Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему» (1884) Ключевский на основании анализа хлебных цен разработал методику оценки покупательной способности рубля в XVI–XVIII веках. Он также выступал со статьями популярного и публицистического характера, главным образом в умеренно-либеральной «Русской мысли». Ключевский также создал ряд исторических портретов деятелей русской истории.

Альбер Сорель (1842–1906)

Альбер Сорель, французский историк, родился 13 августа 1842 года в Онфлёре, департамент Кальвадос, в семье богатого фабриканта, который надеялся, что сын со временем возглавит семейный бизнес. Но у Сореля возобладали литературные интересы. Первоначально он служил в министерстве иностранных дел, участвовал в деятельности правительства национального спасения во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Как историк, Сорель занимался главным образом эпохой Великой французской революции. С 1872 года по рекомендации Ипполита Тэна он преподавал дипломатической истории в парижской Вольной школе политических наук. В 1875 году Сорель покинул министерство иностранных дел и стал генеральным секретарем вновь созданного управления президента сената. Интерес Сореля к исследованию истории был столь велик, что он отказался от предлагавшихся ему постов министра иностранных дел и посла Франции в Берлине. Он был членом Французской академии (1894), членом Академии моральных и политических наук (1889), иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1902) и кавалером ордена Почетного легиона. В 1906 году Сорель был удостоен приза Осириса в 100 тысяч франков, вручаемого раз в три года Французским институтом тому из французов, кто внес наибольший вклад в науку. Он был девять раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Альбер Сорель умер в Париже 29 июня 1906 года.

Главный труд Сореля – «Европа и Французская революция» («L’Europe et la Révolution française») (1885–1904) в 8 томах, охватывающий период 1792–1815 годов. Историк на большом архивном материале доказывает, что история Франции с 1789 года является естественным и необходимым следствием общественных условий, сложившихся при старом порядке. Сорель исследовал взаимоотношения революционной Франции и других государств Европы и стал одним из основоположников истории дипломатии. Но он также уделял много внимания и внутренней истории революции и

старался строго научно оценивать деятельность различных партий. Он рисовал своих героев с точки зрения как психолога, так и историка, наблюдая за ними и их окружением и стремясь показать, насколько они являются рабами фатальности истории. Именно эта фатальность привела к тому, что революционная пропаганда закончилась системой союзов и аннексий, которые продолжили дело Людовика XIV.

Сорель считал, что Наполеон Бонапарт боролся не за мировое господство, а только за «естественные границы» Франции и обеспечение их безопасности. Н.Е. Кареев в 1892 году в предисловии к русскому переводу труда Сореля отмечал, что «Сорель тем и важен, что он подходит к своему предмету без quasi-натуралистических претензий Тэна и без предвзятых мыслей в ту или другую сторону, подходит как ученый историк, имеющий перед собой определенную научную задачу и, нужно заметить, основательную подготовку».

Сорель в предисловии к первому тому «Европы и Французской революции» писал: «Я не имею притязаний на полное и всестороннее объяснение этих великих исторических событий, но сочту свой труд не бесполезным, если сумею показать, что французская революция, которая представляется для одних ниспровержением, для других – возрождением старого европейского мира, есть не что иное, как естественное и необходимое продолжение истории Европы, и доказать, что у революции не было ни одного следствия, даже самого необычайного, которое не вытекало бы из этой истории и не объяснялось бы прецедентами старого порядка».

Альбер Сорель. Фото 1909 г.

В 1873 году историк выпустил этюд «Парижский договор 20 ноября 1815 года» («Le traité de Paris du 20 nov. 1815»). Он также является автором исследований «Франко-германская война» («La guerre franco-allemande») (1875) в 2 томах, «Восточный вопрос в XVIII веке, раздел Польши и Кючук-Кайнарджийский договор» («La question d'Orient au XVIII s.; le partage de Pologne, le traité de Kainardji») (1878), «Очерки истории и критики» («Essais d'histoire et de critique») (1882), публиковавшиеся главным образом в «Revue des Deux Mondes», и «Бонапарт и Гоше в 1797 году» («Bonaparte et Hoche en 1797») (1896).

Оскар Монтелиус (1843–1921)

Густаф Оскар Аугустин Оскар Монтелиус, шведский археолог и историк культуры, один из основоположников современной научной археологии, родился 9 сентября 1843 года в Стокгольме в семье адвоката апелляционного суда Оскара Огюстена Монтелиуса и его жены Клары Октавии Норин. Окончил Уппсальский университет, специализируясь в области ботаники, химии и математики. После окончания университета, в 1863–1913 годах, Монтелиус работал в Государственном историческом музее, став в конце концов его директором. В 1888 году он получил звание профессора. Докторская диссертация Монтелиуса, представленная в 1869 году, была посвящена роли археологии в истории на примере железного века. В 1870–1880-х годах он много путешествовал по Европе и Северной Америки и выступал с публичными лекциями. В 1907–1913 годах являлся государственным антикварием Швеции. В 1898 году был награжден прусским орденом Pour le Mérite («За заслуги»). В 1917 году стал членом Шведской академии. Монтелиус умер 4 ноября 1921 года.

Монтелиус усовершенствовал концепцию типологии, относительного хронологического метода датировки артефактов. Этот метод предполагает систематизацию материальных остатков культурной традиции в порядке, который обеспечивает наиболее последовательное распределение их культурных черт. Ученый старался проследить эволюцию артефактов. Он разделил находимые предметы на типы и выстроил из типов эволюционные ряды по мере изменения предметов. В результате была создана хронологическая система, разделившая скандинавский неолит на четыре, а бронзовый век – на шесть пронумерованных периодов. Абсолютные даты этих периодов археолог установил посредством перекрестного сопоставления предметов с синхронными им египетскими находками, абсолютная дата которых была известна. Взяв календарные даты из недавно расшифрованных иероглифов Древнего Египта, Монтелиус использовал сложную систему перекрестных датировок с помощью типологий и связанных с ними находок, чтобы применить абсолютные

даты к археологическим находкам и объектам по всей Европе. Так, североевропейский бронзовый век в классификации Монтелиуса был разделен следующим образом: древний бронзовый век – I период (1800–1500 до н. э.), II период (1500–1300 до н. э.), III период (1300–1100 до н. э.); новый бронзовый век – IV период (1100—950/20 до н. э.), V период (950/20 −730/20 до н. э.); поздний бронзовый век (переход к железному веку) – VI период (730/20—550/30 до н. э.). Сначала историк стремился определить относительные даты для артефактов в музейных коллекциях посредством сравнения с другими артефактами в сопоставимой географической области. В дальнейшем с помощью письменных источников для некоторых артефактов удавалось определить абсолютные даты. Классификация Монтелиуса, установленная для Скандинавии, в дальнейшем получила универсальный характер и применялась для всей Европы и стран Средиземноморья.

Оскар Монтелиус. Фото 1910-х гг.

Монтелиус полагал, что вещи развиваются по тем же законам, что и животные организмы, что было явным упрощением и биологизацией истории. В истории культуры он придерживался диффузионистских взглядов. Также Монтелиус был первым, кто установил, что многочисленные шведские петроглифы относятся к скандинавскому бронзовому веку, путем сравнения топоров, изображенных на петроглифах, с археологическими находками. В 1884 году в статье «Метод исследования доисторического материала («Den förhistoriska foruforskarens metod och material») Монтелиус утверждал: «Методология преисторической археологии издавна та же, что и естественной науки. Как и последняя, археология ныне вступила в новую стадию. Естествовед более не довольствуется тем, чтобы описывать разные виды и изучать их жизнь. Он старается найти внутреннюю связь, которая соединяет их, и показать, как один вид развился из другого. Что вид для естествоиспытателя, то тип для археолога… Только сейчас посредством типологического метода

археолог научился не только правильно отличать один тип от другого, но и прослеживать развитие типов друг из друга». Основной труд «Памятники железного века в Скандинавии» (Remains from the Iron Age of Scandinavia») (1869). Другие произведения: «Доистория Швеции» («La Suède préhistorique») (1874), «Цивилизация Швеции в языческие времена» («The Civilisation of Sweden in Heathen Times») (1888), «Хронология древнейшего бронзового века в Северной Германии и Скандинавии» («Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien») (1900).

Фёдор Иванович Успенский (1845–1928)

Фёдор Иванович Успенский, русский и советский историк-византинист, родился 7 (19) февраля 1845 года в селе Горки Галичского уезда Костромской губернии в семье священника. Он окончил Костромскую духовную семинарию и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и в 1871 году был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории. Успенский защитил магистерскую диссертацию «Никита Акоминат из Хон» (1874) и был избран в штатные доценты Новороссийского университета (ныне Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова) и в этом звании командирован для научных занятий во Францию, Италию и другие страны Западной Европы. Во второй половине 1870-х годов он посетил библиотеки Парижа, Лондона и Оксфорда, Рима и Флоренции для ознакомления там с рукописями по византийской истории. В 1879 году он защитил докторскую диссертацию «Образование Второго Болгарского царства», после чего был избран профессором Новороссийского университета. В 1894–1914 годах он был директором Русского археологического института в Константинополе, созданного по его инициативе. Из Константинополя Успенский совершил несколько археологических экспедиций. Он и его коллеги проводили археологические исследования в Константинополе, Малой Азии, Македонии и Болгарии. Особенно значимой по своим результатам была экспедиция в Сирию и Палестину. Задачей института было изучать и охранять сохранившиеся памятники византийской древности. В предисловии к «Истории Византии» Успенский писал: «С 1895 г. живя в Константинополе, я имел случай изучать людей, предками которых создавалась история Византии, непосредственно знакомиться с памятниками и вникнуть в психологию константинопольского патриархата, который во многом несет ответственность за то, что большинство подчиненных культурному влиянию Византии народностей доселе находятся в столь жалком положении. Так как духовенство и монашество всегда занимали

первенствующее место в истории Византии, то, конечно, немаловажное значение имеет то обстоятельство, в каком освещении излагать церковные дела. Может быть, не живя столько времени среди греков и не изучая непосредственно жизнь патриархата, было бы невозможно и мне отрешиться от теоретических построений и фикций, которыми нас так обильно наделяют в школе. Между тем реальный взгляд на вселенский патриархат, бросающий отлучения на славянские народы, нарушающие его филетическую политику, в высшей степени благовременно установить нам как для русской церковной политики, так и для нашего народного самоопределения, хотя бы ввиду того соображения, что не за горами тот момент, когда он политическим ходом вещей и успехами католической и протестантской пропаганды будет доведен до положения александрийского или иерусалимского патриархата, т. е. когда потеряет почти весь Балканский полуостров и значительную часть восточных кафедр. Затем, только продолжительное пребывание на Востоке и соединенные с тем путешествия по Малой Азии, Сирии и Палестине могли для меня выяснить исторические судьбы Византийской империи, которая для своего существования связана более с Востоком, чем с Западом. Разумею не только то, что как константинопольская империя, так и заменившая ее турецкая главными своими материальными силами (военными людьми и доходами) обязана Востоку и всегда зависела от преданности восточных провинций, но и действительные традиции и исторические факты». 23 марта 1915 года историк составил докладную записку о Вселенском патриархате и храме Святой Софии. В 1915–1928 годах Успенский был редактором «Византийского временника», а в 1921–1928 годах возглавлял Российское Палестинское общество. В 1922–1927 годах он читал курс лекций в Ленинградском университете. В 1900 году Успенский был утверждён ординарным академиком Петербургской академии наук сверх штата (членом-корреспондентом состоял с 1893 года), а в 1917 году – академиком АН СССР. Он также был иностранным членом Болгарской академии наук (1928). Успенский умер 10 сентября 1928 года в Ленинграде.

Ф.И. Успенский. Фото 1911 г.

Главный труд Успенского – «История Византийской империи» (1913–1948) в 3 томах. Он стал уникальным в византинистике исследованием, основанным на многочисленных неопубликованных источниках, и беспрецедентным по масштабу охвата событий. Была изложена вся византийская история, вплоть до падения Константинополя и образования мелких греческих государств, возникших на ее обломках. Целью «Истории Византии» было прежде всего дать читателю «продуманную и тщательно взвешенную систему» в истории Византии в доступном изложении. Во введении к

«Истории Византии» Успенский сетовал на то, что «далеко не все отделы всемирной истории одинаково разработаны. И прежде всего существует громадная разница в этом отношении между западноевропейской и восточноевропейской историей. Изучение последней шло гораздо медленнее; во всех отделах истории, которые не имеют ближайшего отношения к Западу, господствует много произвольного и не обоснованного на тщательной обработке материала, который к тому же не вполне общедоступен, а частью и не издан. Вследствие этого постепенно получавшие в науке преобладание теоретические построения о ходе всемирной истории оказываются не совсем пригодными к разъяснению событий восточноевропейской истории». По его мнению, «личная инициатива и субъективизм сказываются не только в силе и группировке исторических факторов, но проникают в самую глубь истории и влияют на самое историческое творчество. История пишется людьми, привносящими в свои создания национальные и политические чувства и симпатии. Вследствие этого история является очень чувствительным показателем самосознания данного времени и народа, что придает особенный интерес изучению исторических систем. Господствующая над нашими умами и управляющая нашей волей западноевропейская культура пленяет нас своими историческими обобщениями и выводами. Невольно поддаваясь часто высказываемому на Западе взгляду на расовые различия, мы бываем склонны проводить резкую черту между высшими и служебными им народами, между нациями, которые создают культуру, и народами, которые способны лишь подражать и перенимать. Вследствие этого мы должны удовлетворяться скромным уголком, отведенным во всеобщей истории Восточной Европе. А между тем не только мировая, даже европейская культура не свила себе гнезда в одном излюбленном месте; культурные центры перемещаются с места на место, и, по-видимому, не существует в мире приобщившегося к культуре народа, который не участвовал бы в исторической эволюции».

Успенский специализировался на византийско-болгарских отношениях и исследовал роль славян в Византийской империи и их влияние на византийскую экономику, а также занимался историей крестовых походов. По своим воззрениям Успенский был близок к славянофилам. Он утверждал, что «Восток или собственно

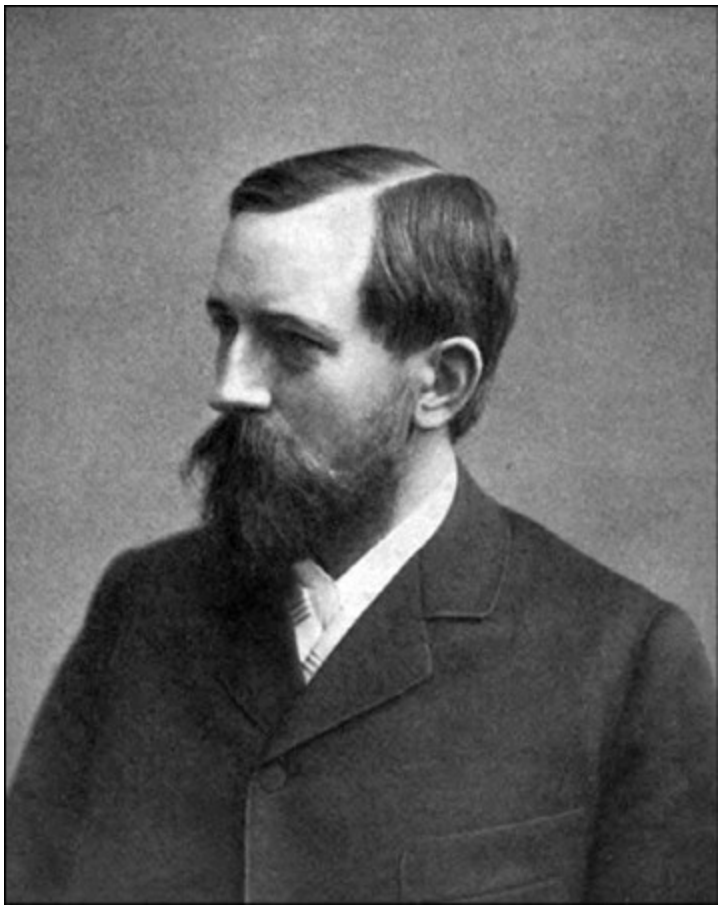
Византийская империя несравненно более имеет заслуги в деле распространения цивилизации, духовного и нравственного воспитания народов, чем Запад». Успенский настаивал, что «историческая наука не должна забывать и тех великих пожертвований, которые Византия принесла на пользу всей Европы, представляя в себе оплот цивилизации… Византия сделала для восточноевропейского мира с большим самоотвержением то же самое, что Рим для западного». В статье «К истории крестьянского землевладения в Византии» (1883) он писал: «Нельзя уже более приписывать византийской истории не принадлежащих ей качеств и придумывать для нее особенные формулы векового застоя или неудержимого стремления к падению. Обнаруживаются мало-помалу принципиальные элементы, обусловливавшие живучесть и развитие государства. Выступают на видный план борьба экономическая и сословная, интересы провинций и центра, состязание между греко-римскими понятиями и учреждениями и варварскими, выделяются периоды с преобладающим влиянием того или другого принципа; словом, усматривается смена направлений и становится очевидным основной закон развития человеческих обществ. С этой точки зрения своеобразие средневековой греческой истории не исключает аналогий и сближений с соответствующими периодами средневековой европейской истории». Успенский подчеркивал, что «византийская история имела свои стадии развития, представляющие параллелизм с западноевропейским развитием», и что «через всю историю Византии проходит живая и упорная борьба из-за религиозных и философских идей».

Успенский является автором книг «Первые славянские монархии на северо-западе» (1872), «Образование Второго Болгарского царства» (1879), «Очерки по истории Византийской образованности» (1891–1892), «История крестовых походов» (1901), «Очерки из истории Трапезундской империи» (1929).

Ханс Готлиб Леопольд Дельбрюк (1848–1929)

Ханс Готлиб Леопольд Дельбрюк, германский военный историк и политик, родился 11 ноября 1848 года в Бергене на острове Рюген (Пруссия) в семье члена апелляционного суда Бертольда Дельбрюка (1817–1868) и его жены Лауры, урожденной фон Хеннинг (1826–1911), дочери философа Леопольда фон Хеннинга. Он учился в Гейдельбергском и Боннском университетах. Дельбрюк воевал во Франко-прусской войне 1870–1871 годов в звании лейтенанта запаса 2-го Рейнского (28-го) пехотного полка и был награжден Железным крестом 2-й степени. После войны он защитил в 1873 года в университет Бонна диссертацию доктора философии, посвященную Ламберту Герсфельдскому, немецкому летописцу, агиографу и поэту XI века (über die Glaubwürdigkeit Lamprechts von Hersfeld) и был произведен в обер-лейтенанты. С 1874 года Дельбрюк был наставником принца Вальдемара Прусского до смерти последнего в 1879 года. Именно тогда он занялся историей военного дела. После 1879 года Дельбрюк читал в Берлине лекции об австро-прусской войне 1866 года, а также по военному делу Античности и Средних веков. В 1881 году он получил степень хабилитированного доктора истории в Берлинском университете Фридриха Вильгельма. В 1882–1885 годах он был депутатом прусского ландтага, а в 1884–1890 годах – депутатом германского рейхстага от Свободно-консервативной партии (впоследствии Германская имперская партия). По своим взглядам он стал близок к социал-демократам, выступал за демократизацию избирательного права в Пруссии и придерживался взглядов катедер-социализма (Kathedersozialismus), полагая необходимым вмешательство государства в экономику и социальные отношения. Дельбрюк также поддерживал право женщин на обучение в университете. Он был одним из редакторов влиятельного консервативного издания «Прусский ежегодник» («Preussische Jahrbücher») в 1883–1919 годах. В 1885 году Дельбрюк стал адъюнктом, а в 1895 году профессором Берлинского университета. Он считал неосуществимым господствовавшее в консервативно-

национальных кругах желание сделать Германию настолько сильной, чтобы она «могла бросить вызов всему миру». Дельбрюк доказывал, что «такого огромного превосходства, которое обеспечивало бы безопасность от любой политической комбинации, не может быть в современной системе государств», а кроме того, народы «ни при каких обстоятельствах не могли смириться с безусловным превосходством какого-либо государства». Во время Первой мировой войны Дельбрюк составлял ежемесячные комментарии о ходе войны для «Прусского ежегодника» и призывал Германию перейти к стратегии истощения. Он считал необходимым обороняться на западе и бить по слабым местам Антанты – по Италии и России. После вступления в войну США Дельбрюк осознал неизбежность поражения Германии и выступал за скорейшее заключение мира. На Парижской мирной конференции он был экспертом по вопросу об ответственности Германии за развязывание войны. При этом он искренне верил, что зачинщиком войны была Россия, а у Франции и Англии не было никаких оснований воевать против Германии. Эта схема была очень далека от исторической действительности, но Дельбрюк был прав в том, что на Германию нельзя было возлагать единоличную ответственность за развязывание Первой мировой войны. Версальский мир он считал несправедливым по отношению к Германии и вместе с Максом Вебером и другими подписал 27 мая 1919 года меморандум, в котором утверждалось, что Германия вела оборонительную войну против России. В комитете рейхстага по расследованию причин поражения в войне он выступал в качестве свидетеля-эксперта и, в частности, резко критиковал заместителя начальник Генерального штаба фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга генерала Эриха Людендорфа за его ошибки в войне и в том числе за приверженность стратегии сокрушения в 1918 году, когда у Германии не было ресурсов для ее реализации. После войны Дельбрюк решительно выступил против зарождавшейся легенды о «кинжальном ударе» в спину германской армии в 1918 году из-за революции. Дельбрюк был награжден почетным отличием «Орлиный щит Германского рейха» («Adlerschild des Deutschen Reiches») (1928). Он умер 14 июля 1929 года в Берлине.

Ханс Дельбрюк. Фото 1913 г.

Главный труд Дельбрюка – «История военного искусства в рамках политической истории» («Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte») (1900–1936) в 7 томах. Он одним из первых в мире стремился включить военную историю в рамки общей исторической науки. Он рассматривал войну как культурную особенность общества, причем военное дело эволюционирует и на него влияют экономика и политическая система. Он писал: «История военного искусства есть одна из нитей в ткани всеобщей истории и начинается вместе с последней. Но изучению она лучше всего поддается не с момента появления из доисторического полумрака первых мало-мальски ясных очертаний; лучше всего начать исследование с момента появления исторических источников, дающих полное и ясное представление о событиях. Такой момент наступает для нас впервые лишь с эпохой Персидских войн». Основываясь на данных о современных ему армиях, Дельбрюк применил новаторский

подход и показал, что данные историков древности о численности противоборствующих армий не имеют ничего общего с действительностью. Так, армию персидского царя Ксеркса во время похода на Балканы в 480 году до н. э. Геродот с комической точностью исчисляет в 4 200 000 человек, включая обозы. Дельбрюк доказал абсурдность этого числа простым примером. Прусский или баварский армейский корпус в конце XIX века, согласно уставу, при численности в 30 тысяч человек при походе растягивался примерно на 22 км. Если верить Геродоту, походная колонна армии Ксеркса должна была растянуться примерно на 3000 км. И это при том предположении, что персидская армия обладала той же дисциплиной марша, что и прусский армейский корпус. В действительности персидской армии времен Ксеркса до дисциплины марша германских войск начала XX века было как до звезд. И в тот момент, когда авангард персов высаживался в Греции, арьергард должен был находиться ещё в персидской столице Сузах, за рекой Тигр. В действительности и греческая и персидская армии вряд ли превышали по численности несколько десятков тысяч человек.

А описывая поражение римской армии в сражении с парфянами в битве при Каррах в 53 году до н. э., Дельбрюк совершенно справедливо замечает, что «конные стрелки из лука не могли особенно сильно досаждать сомкнутой и хорошо вооружённой для стрельбы пехоте. Жуткие описания наших источников об ужасных нападениях парфян, имевших в резерве целые караваны стрел, не должны вводить нас в заблуждение… У римлян было достаточно пеших лучников, которые с места стреляли более метко, чем парфяне с лошадей. Кроме того, оставалась ещё римская конница, которая могла отражать отряды неприятеля, подходившие на близкое расстояние». Можно предположить, что основные потери армия Красса понесла ещё до битвы при Каррах от болезней, голода и жажды во время изнурительного марша через пустыню, а не от парфянских стрел. Дельбрюк утверждал, что преимущество римской армии над армиями «варваров» было не столько в тактике, сколько в логистике, позволявшей римлянам достичь численного превосходства на поле боя.

Работая над биографией прусского фельдмаршала Гнейзенау, Дельбрюк обратил внимание на существенные отличия в

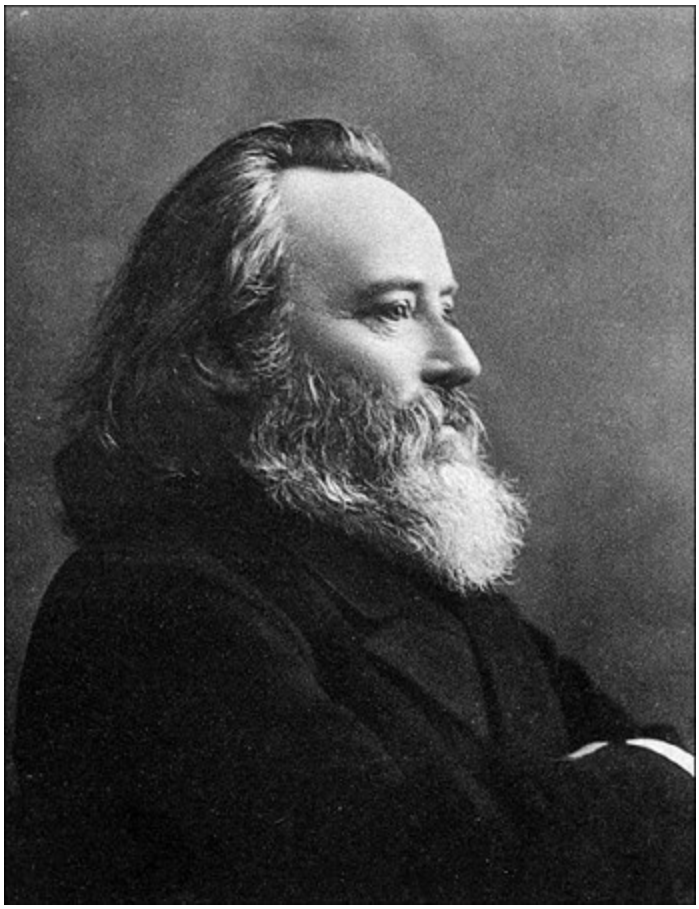
стратегическом мышлении людей типа Наполеона и Гнейзенау от мышления современных им полководцев, эрцгерцога Карла, Артура Веллингтона и Карла Шварценберга. Первую группу полководцев он назвал сторонниками стратегии сокрушения, а вторую группу – сторонниками стратегии истощения. Это разделение на два вида стратегий он впервые сформулировал в книге «Стратегия Перикла, описанная через стратегию Фридриха Великого» (1890). Приверженцами стратегии сокрушения, по его мнению, были Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь и Наполеон, а сторонниками стратегии измора – Перикл, Велизарий, Альбрехт Валленштейн, Густав II Адольф и Фридрих Великий. Дельбрюк доказал, что не существует стратегии на все времена, поскольку на стратегию сильно влияют меняющиеся политические обстоятельства. Ему возражали, что Фридрих Великий придерживался стратегии сокрушения, но Дельбрюк утверждал, что с точки зрения стратегии сокрушения король Фридрих является полководцем второго или даже третьего ряда.

Ученый также является автором книг «Персидские и Бургундские войны» («Die Perserkriege und die Burgunderkriege») (1887), «Стратегия Перикла, описанная через стратегию Фридриха Великого» («Die Strategie des Perikles erläutert durch die Strategie Friedrichs des Grossen») (1890), «Жизнь фельдмаршала графа Нейтхардта фон Гнейзенау» («Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithardt von Gneisenau») (1894) в 2 томах, «Война и политика, 1914–1919» («Krieg und Politik, 1914–1919») (1918–1919) в 3 томах, «Всемирная история» («Weltgeschichte») (1924–1928) в 5 томах (этот труд основан на курсе лекций, прочитанных Дельбрюком в Берлинском университете в 1896–1920 годах).

Николай Иванович Кареев (1850–1931)

Николай Иванович Кареев, русский и советский историк, родился 24 ноября (6 декабря) 1850 года в Москве. Он происходил из старинного дворянского рода тюркского происхождения. В 1873 году окончил историко-филологический факультет Московского университета. Оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, Кареев также преподавал историю в 3-й московской гимназии. Выдержав в 1876 году магистерский экзамен, он был отправлен в заграничную командировку во Францию, которой воспользовался для написания магистерской диссертации «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (1879), которую защитил в 1879 году. В 1878–1879 годах на историко-филологическом факультета Московского университета Кареев читал курс истории XIX века в качестве приглашенного преподавателя, а с осени 1879 года по конец 1884 года состоял экстраординарным профессором Варшавского университета. Докторская диссертация «Основные вопросы философии истории» (1883) была защищена Кареевым в 1884 году. В 1885 году он возглавил кафедру всеобщей истории сначала в Александровском лицее, а потом в Санкт-Петербургском университете (в 1885–1886 годах – приват-доцент, с 1886 года – экстраординарный профессор, с 1890 года – ординарный профессор и на Высших женских курсах). Кареев был председателем Исторического общества при Петербургском университете в 1890–1917 годах и редактором издаваемого обществом «Исторического обозрения». С 1896 года он также преподавал историю на Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования П.И. Лесгафта. В сентябре 1899 года Кареев был уволен по политическим причинам от должности профессора в Петербургском университете и на Высших женских курсах из-за того, что поддержал требование студентов об отставке ректора (возобновил преподавание в 1906 году), но продолжил преподавать в Александровском лицее. С 1902 года он читал лекции на экономическом отделении Петербургского политехнического института, а в 1901–1906 годах – в Русской высшей

школе общественных наук в Париже. С 1904 года состоял гласным Петербургской городской думы и некоторое время был редактором исторического отдела Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. 8 января 1905 года участвовал в депутации из десяти человек, явившейся к министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому с требованием отмены некоторых предпринимаемых военных мер. Святополк-Мирский отказался принять эту депутацию. Тогда депутация явилась на приём к С.Ю. Витте, убеждая его принять меры, чтобы царь явился к рабочим и принял петицию, но тоже получила отказ. После «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года Кареев был подвергнут 11-дневному заключению в Петропавловской крепости. В 1905 году он вступил в ряды кадетской партии и был избран членом I Государственной думы. Кареев выступал за переход России к парламентской демократии, введение демократических свобод, ратовал за формирование правительства, ответственного перед Думой. В июле – августе 1914 года историк пять недель находился в немецком плену. В середине сентября 1918 года после объявления «красного террора» Кареев был арестован вместе со всей семьёй в Зайцеве (в имении своего родственника О.П. Герасимова в Смоленской губернии), находился под домашним арестом пять дней. В 1919-—1923 годах – профессор факультета общественных наук Петроградского университета. В 1923–1929 годах Кареев состоял сверхштатным профессором на кафедре этнографии географического факультета Ленинградского университета. 18 декабря 1930 года он был подвергнут академиком Н.М. Лукиным идеологической критике на заседании методологической секции Общества историков-марксистов. Отвечая на эти обвинения, Кареев писал президенту АН СССР А.П. Карпинскому, что академик Н.М. Лукин вышел за рамки чисто научной полемики и его «заявления и фактически погрешают правдой, потому что во всех моих писаниях академик Лукин не может указать ни одного листа, который отражал бы упомянутые реставрационные стремления, как и не существует и ряда антимарксистских работ моих в иностранной печати, с какими бы то ни было методологическими выкриками».

Н.И. Кареев. Фото 1906 г.

В 1910 году он был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук, а в 1929 году – почётным членом Академии наук СССР. Кареев скончался 18 февраля 1931 года в Ленинграде. Мемуары «Прожитое и пережитое» были опубликованы только в 1990 году.

Кареев придерживался идей позитивизма французского философа и социолога Огюста Конта. Русский историк считал, что социология как «общая абстрактная наука о природе и генезисе общества» устанавливает законы, тогда как история – это наука, исследующая конкретные комбинации событий прошлого. При этом Кареев преувеличивал роль психологического фактора в истории. Он полагал, что социальные явления имеют психическую основу и возникают в результате духовного и эмоционально-волевого взаимодействия индивидов. Главным в истории Кареев считал взаимоотношения личности и социальной среды, ограничивающей произвол индивидов.

Он критиковал марксистскую теорию, но признавал ее заслуги во внимании к экономическому фактору истории и в советское время думал о синтезе марксистской экономической истории и психологизма, но так и не осуществил этот синтез. На огромном источниковом материале ученый исследовал историю французского крестьянства и впервые детально проанализировал документы Парижской коммуны. В мемуарах он писал: «Я всегда отрицал и продолжаю также теперь отрицать существование исторических законов в смысле законов, действие которых предрешало бы самое течение исторических событий, и за это по поводу своих «Основных вопросов философии и истории» подвергался нападкам со стороны критиков, не хотевших понять, что своим отрицанием исторических законов я отнюдь не исключал признания психологической и социологической закономерности. Вот именно с точки зрения последней для меня и было ясно, что русская политическая, интеллектуальная и экономическая жизнь развивается в направлении все более и более назревавшей революции. Пришествие ее было естественным и необходимым, т. е. законосообразным, моментом нашей исторической эволюции, ее неизбежной неотвратимой стадией, потому что предотвратить ее могло бы только чудо – отказ царя от самодержавия, а высших сословий от привилегий, но и это чудо, в сущности, повлекло бы за собою тот же самый результат. Но эта психологическая и социологическая необходимость, в зависимости от внешних и внутренних событий, от соотношения общественных сил, от лиц, наконец, могла перейти в действительность весьма различными способами. Никто не станет отрицать, что, не будь войны и ее неудач, будь Николай II не тем, чем он был, и окружай его не такие люди, которые его окружали и от его имени правили Россией, ее история пошла бы несколько иным путем, хотя бы в более или менее определенном эволюционном направлении. Делая различие между якобы особыми историческими законами и законами социальной эволюции, я отказываюсь видеть в русской революции какое бы то ни было повторение хода событий, например, революции французской или германской 1848 года, в силу какого-то мистического закона революций, но допускаю только аналогии, когда одинаковые причины порождали одинаковые следствия».

Кареев был автором книг: «Очерк истории французских крестьян с древнейших времён до 1789 года» (1881), «Падение Польши в исторической литературе» (1889), «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» (1886), «Causes de la chute de la Pologne» («Причины падения Польши») (1893), «Философия культурной и социальной истории Нового времени» (1893), «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1890), «Историко-философские и социологические этюды» (1895), «История Западной Европы в Новое время» (1892–1917) в 7 томах (изложение доведено до 1914 года), «Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох» (1903), «Историки французской революции» (1924–1925) в 3 томах и др.

Шарль Сеньобос (1854–1942)

Шарль Сеньобос, французский историк, родился 10 сентября 1854 года в Ламастре, департамент Ардеш, в протестантской семье советника Ламастра и депутата парламента Шарля Андре Сеньобоса. Он окончил лицей в Турнон-сюр-Роне в 1871 году со степенью бакалавра, а затем – Высшую нормальную школу в Париже. По поручению французского правительства Сеньобос в 1877–1879 годах изучал в германских университетах способы изложения истории, посетив Геттинген, Берлин, Мюнхен и Лейпциг. В 1879 году он стал преподавателем истории в университете Дижона, а затем профессором в Школе международных и политических исследований. В 1881 году Сеньобос защитил докторскую диссертацию. С 1883 года он преподавал в Сорбонне свободный курс по европейским институтам, а в 1890–1897 годах – педагогику. В 1897 году он стал доцентом и преподавал курс современной истории, а в 1904 году – адъюнкт-профессором Сорбонны на кафедре всеобщей истории. В 1921–1925 годах Сеньобос являлся профессором политической истории Нового и Новейшего времени. Он был президентом Общества современной истории и членом Лиги прав человека. Награжден орденом Почетного легиона. Он умер 24 апреля 1942 года в Плубаланеке, Бретань, будучи незадолго до смерти помещен под домашний арест германскими оккупационными властями.

Историю Сеньобос рассматривал не как науку, а как особый процесс познания. Совместно с Шарлем Виктором Ланглуа он написал «Введение в изучение истории» («Introduction aux études historiques») (1897). Там авторы, в частности, утверждали: «История пишется по документам. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей. Лишь очень немногие из человеческих мыслей и поступков оставляют после себя заметные следы; к тому же следы эти редко бывают долговечными: чтобы стереть их, достаточно простой случайности. Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если

бы он никогда и не существовал. За неимением документов, история обширных периодов прошлого человечества останется навсегда неизвестной. Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории». Сеньобос придерживался идей позитивизма. Его работы насыщены конкретным историческим материалом. Коллеги высоко ценили его искусство критически читать средневековые рукописи. В предисловии к «Политической истории современной Европы» Сеньобос писал: «Наибольшим препятствием, отнимающим смелость писать историю XIX столетия, является страшное изобилие источников. Строгий исторический метод требует непосредственного изучения их; между тем не хватило бы целой жизни отдельного человека – я не говорю, чтобы изучить или критически разобрать, – а просто чтобы прочесть все официальные документы хотя бы только одной страны Европы. Поэтому физически невозможно писать современную историю Европы, следуя критическому методу. Не предпочли ли даже профессиональные историки, считая этот метод неприменимым к изучению XIX столетия, вовсе не затрагивать данного периода. Так публика и не знает современной истории, потому что у ученых слишком много способов знать ее. Мне же казалось возможным смягчить эту строгость критического метода и заменить непосредственное изучение документов, что желательно, но явно неудобоисполнимо, другим, логически менее совершенным, но более практическим способом, достаточным для получения по крайней мере хоть части исторической истины. Все факты современной политической истории изложены в монографиях, в специальных историях или в ежегодниках, и притом все они взяты из первых рук; извлечения из официальных документов и критические разборы их, встречающиеся в этих трудах, достаточны для верной передачи фактов и в большинстве случаев могут избавить от ознакомления с оригиналами. Точность и подлинность, свойственные современным документам, в значительной степени облегчают работу критики. Наконец, сходство между работами, сделанными в различных странах по одинаковым вопросам, ускоряет проверку – при условии введения в выбор и изучения этих работ строгой критикой, которая в идеале должна бы быть приложена к источникам».

Шарль Сеньобос. Фото начала 1940-х гг.

Основные работы Сеньобоса: «Феодальный режим в Бургундии до 1360» («Le régime féodal en Bourgogne Jusqu'en 1360») (1882), «История народов Востока» («Histoire des peuples de l'Orient») (1890), «Политическая история современной Европы» («Histoire politique de l'Europe contemporain») (1897), «Исторический метод, применяемый в социальных науках» («La Méthode historique appliquée aux sciences sociales») (1901), «История цивилизации» («Histoire de la civilisation») (1905) в 3 томах, «Повествовательная и описательная история древности» («Histoire narrative et descriptive de l'Antiquité») (1914), «Подлинная история французской нации. Очерк истории эволюции французского народа» («Histoire sincère de la Nation française. Essai d'une histoire de l'évolution du peuple français») (1933), «Очерк сравнительной истории народов Европы» («Essai d'une histoire comparée des peuples de l'Europe») (1938) и др.

Павел Николаевич Милюков (1859–1943)

Павел Николаевич Милюков, русский историк и политик, родился 15 (27) января 1859 года в Москве. Он происходил из старинного дворянского рода Милюковых, восходящего к XIV веку. Отец историка Николай Павлович Милюков (1826–1878/79) был архитектором, профессором архитектуры в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Мать Милюкова Мария Аркадьевна Султанова также происходила из дворян. Милюков окончил 1-ю московскую гимназию. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов он служил в московском санитарном отряде в Закавказье.

В 1882 году Милюков окончил историко-филологический факультет Московского университета, из которого исключался в 1881 году за участие в студенческой сходке. В 1892 году он получил степень магистра русской истории за диссертацию «Государственное хозяйство России первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого». Докторскую диссертацию Милюков защищать не стал, по одной из версий, из-за отказа ученого совета присудить ему сразу докторскую степень за магистерскую диссертацию. За такое решение выступили многие члены совета, но против него категорически возражал научный руководитель Милюкова В.О. Ключевский, после чего отношения между ними были безнадежно испорчены. С начала 1890-х годов Милюков являлся членом Общества истории и древностей российских, Московского археологического общества, Общества естествознания, географии и археологии, работал в Московском комитете грамотности. В своих исследованиях Милюков в значительной мере опирался на позитивизм Огюста Конта. В 1886–1895 годах он был приват-доцентом Московского университета, где читал спецкурсы по историографии и исторической географии. Параллельно Милюков преподавал историю в 4-й женской гимназии и на Высших женских курсах и вёл занятия по истории и истории русской литературы в Земледельческом училище. 18 марта 1895 года за «намёки на общие чаяния свободы и осуждение самодержавия» в лекции, прочитанной в Нижнем Новгороде, Милюков был отстранён департаментом полиции от преподавания в Московском

университете и выслан в Рязань с запретом преподавания, что побудило его заняться археологией. В 1897 году он был приглашён в Софийское высшее училище для чтения лекций по истории, но уже в 1898 году по требованию русского посольства его отстранили от преподавания. В 1897–1899 годах Милюков участвовал в археологической экспедиции в Македонии. В 1899 году вернулся в Россию, где стал одним из признанных вождей русского либерализма. В 1901 году он был арестован и шесть месяцев провел в тюрьме за политическую речь на студенческом собрании памяти народника П.Л. Лаврова. В 1903 и 1904–1905 годах Милюков посетил США, где читал лекции в Чикагском университете. Он вернулся в Россию, получив известие о «кровавом воскресенье». В октябре 1905 года Милюков стал одним из основателей конституционно-демократической партии (Партия народной свободы), а с марта 1907 года – председателем ее Центрального комитета, редактировал партийную газету «Речь». В 1907–1917 годах он был членом Государственной думы III и IV созывов от Санкт-Петербурга, руководителем фракции кадетов. Был сторонником доведения Первой мировой войны «до победного конца» и требовал передачи России Черноморских проливов. В 1916 году Милюков стал почетным доктором (honoris causa) Кембриджского университета. После Февральской революции Милюков был членом Временного комитета Государственной думы и выступал за сохранение в стране конституционной монархии. В марте – мае 1917 года он был министром иностранных дел Временного правительства и вынужден был уйти в отставку в результате массовых протестов против его ноты союзникам с подтверждением намерения вести войну до победного конца. После Октябрьской революции Милюков уехал на Дон к генералам Л.Г. Корнилову и М.В. Алексееву, а затем в занятый немцами Киев, где безуспешно пытался убедить германское командование выступить против большевиков. В ноябре 1918 года он выехал в Турцию, а оттуда – в Западную Европу. Жил в Англии, а с 1920 года – во Франции, где возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Париже и Совет профессоров во Франко-русском институте. С апреля 1921 по июнь 1940 года редактировал выходившую в Париже газету «Последние новости» – одно из наиболее популярных эмигрантских изданий, а в 1937–1939 годах был также главным редактором журнала «Русские записки». Милюков

умер 31 марта 1943 года в Экс-ле-Бене, департамент Савойя.

П.Н. Милюков. Фото 1910-х гг.

Главный исторический труд Милюкова – «Очерки по истории русской культуры» (1896–1903, 1930–1937) в 3 томах, где он доказывал, что Россия, несмотря на ряд особенностей, шла европейским путём развития. Во введении к последнему прижизненному изданию «Очерков» Милюков писал: «Понятия закономерности и эволюции должны быть распространены из области естественных наук в область наук гуманитарных. В приложении к истории культуры этот тезис отчасти противополагается, отчасти исключает другие понятия о задачах исторического изложения. Он противополагается так называемой повествовательной истории – истории «событий», истории «случившегося» – термин, который сам по себе указывает на элемент «случайного», преобладающий в такой истории. Это не значит, что повествовательная история отрицается сторонниками закономерного объяснения истории. Она скорее занимает по отношению к последнему роль подготовительного подбора фактов, получая значение конкретной науки по отношению к абстрактной, по системе Конта. Я обхожу здесь значение художественного элемента в повествовательной истории, так же как и вопрос об отношении в ней случайного элемента к существенному, которые оба могут в ней совмещаться. Естественно, что личная история «вождей» народов, их деяния и судьба, их взаимные отношения, их внутренняя и внешняя политика будут главным содержанием такой истории. Но социолог не исключает возможности закономерного объяснения даже и того, что придает рассказу его индивидуальный характер».

Историк утверждал, что реформы Петра Великого были выражением логики внутреннего развития России, а также высказал мысль о том, что эти реформы были процессом спонтанным, подготовленным ходом времени, а не запланированным изначально. Под культурной историей Милюков понимал совокупность экономической, социальной, политической, духовной сторон исторической эволюции национального организма. Основным историографическим трудом Милюкова стала книга «Главные течения русской исторической мысли», основанная на курсе лекций. Милюков полагал, что на ход и результаты исторического развития «национального организма» влияют внутренние законы развития, особенности природной среды, внешнее окружение и отдельные исторические личности. По мнению

Милюкова, в России государство играло гораздо большую роль, чем на Западе, и оно в борьбе за существование было вынуждено прибегать к мобилизации всех сил посредством жесткого политического режима. Он не без оснований полагал, что рост политического и военного могущества России при Петре закономерно сопровождался экономическим упадком в гражданских отраслях хозяйства (при одновременном росте военного производства) и падением уровня жизни населения: «Дефицит в бюджете и огромная убыль населения обнаружились почти одновременно. То и другое вызвано было огромным ростом государственных нужд и соответственным увеличением податного бремени, тем более чувствительным, что параллельно с ним правительство принуждено было отрывать от земли лучшую часть плательщиков. Истощение платежной способности населения ускорило финансовый кризис, а оскудение казны требовало от населения новых жертв. Царю приходилось заботиться об увеличении своих доходов; но дальше этой невольной заботы и не шли его реформационные стремления в сфере внутреннего государственного устройства. С 1714 года кругозор законодателя расширился; его внутренняя политика перестала быть исключительно фискальной, но и тут неподготовленность, отсутствие общего взгляда, системы продолжали сказываться в бесчисленных противоречиях, беспрестанно обнаруживавшихся не только между заимствованными формами и туземной действительностью, но даже и в заимствованных формах между самими собою – между различными их частями. Следя по архивным данным за этой непрерывной цепью ошибок и недоразумений, мы невольно вспоминаем слова, вырвавшиеся у лица, компетентность которого в данном случае не подлежит сомнению, – у императрицы Екатерины II, впервые и хорошо изучившей кабинетные бумаги Петра Великого: «Он сам не знал, какие законы учредить для государства надобно». Ученый утверждал в «Истории государственного хозяйства», что «средняя убыль населения в 1710 году сравнительно с последней Московской переписью, равняется 40 %». Однако другие историки пришли к выводу, что оценки людских потерь за время правления Петра были им значительно завышены.

Милюков также написал несколько книг, посвященных революции 1917 года: «История второй русской революции» (1921–1924) в 3 томах, «Россия на переломе: Большевистский период русской

революции» (1927) в 2 томах, «Воспоминания (1859–1917)» (1955) в 2 томах.

Сергей Фёдорович Платонов (1860–1933)

Сергей Фёдорович Платонов, русский историк, родился 16 (28) июня 1860 года в Чернигове в семье заведующего Черниговской губернской типографией Фёдора Платоновича Платонова и его жены Клеопатры Александровны, урождённой Хрисанфовой. В 1869 году они переехали в Петербург, где отец стал управляющим типографией Министерства внутренних дел и выслужил в 1878 году потомственное дворянство. В 1882 году Платонов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1883–1916 годах он преподавал русскую историю на Бестужевских курсах. В 1888 году Платонов защитил магистерскую диссертацию «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник». С 1889 года он являлся приват-доцентом, а с 1890 года – профессором по кафедре русской истории Петербургского университета. В 1895–1902 годах Платонов преподавал русскую историю великим князьям Михаилу Александровичу, Дмитрию Павловичу, Андрею Владимировичу и великой княгине Ольге Александровне. В 1899 году в Киеве в университете Святого Владимира историк защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». В 1900–1905 годах Платонов был деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, а в 1903–1916 годах возглавлял вновь созданный Женский педагогический институт. В 1909 году он был избран членом-корреспондентом Петербургской академии и в 1911 году произведен в тайные советники, а в 1912 году был утверждён в звании заслуженного ординарного профессора. После этого в 1913 году ученый вышел на пенсию и стал сверхштатным профессором, оставаясь в этой должности вплоть до 1927 года. К Октябрьской революции 1917 года Платонов отнёсся отрицательно, посчитав её случайным событием. В 1918–1929 годах он был председателем Археографической комиссии, в 1918–1922 годах –

директором Археологического института и в 1918–1923 годах – заведующим петроградским отделением Главархива. 3 апреля 1920 года Платонов был избран действительным членом Российской академии наук. В 1922 году он был назначен председателем Постоянной исторической комиссии Академии наук. В 1925 году Платонов стал директором Пушкинского Дома и в том же году был избран директором Библиотеки АН СССР (БАН). 11 июля 1928 года Платонов выступил в Берлине перед немецкими учёными с докладом «Проблема Русского Севера в новейшей историографии». В Берлине он также встречался с некоторыми представителями русской эмиграции, в том числе со своим бывшим учеником великим князем Андреем Владимировичем. В сентябре 1928 года Платонов отказался от директорства в БАН, а в марте 1929 года – от директорства в Пушкинском Доме, поскольку тогда же был избран академиком-секретарём Отделения гуманитарных наук (ОГН) и членом Президиума академии. В рамках сфабрикованного ОГПУ т. н. «Академического дела» Платонов был обвинен в сокрытии от правительственных учреждений важнейших документов. В одной из комнат БАН комиссией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР были обнаружены нигде не зарегистрированные списки лиц, получавших «особое вознаграждение за борьбу с революцией», а также запечатанный пакет, в котором оказались подлинники отречения от престола Николая II и его брата великого князя Михаила Александровича. В рукописном отделении БАН были найдены материалы департамента полиции, Корпуса жандармов, царской охранки и контрразведки. В Пушкинском Доме были изъяты переписка Николая II с петербургским генерал-губернатором Д.Ф. Треповым по поводу «кровавого воскресения» 9 января 1905 года, архив московского губернатора и шефа жандармов В.Ф. Джунковского, материалы посла Временного правительства в Лондоне В.Д. Набокова. В Археографической комиссии были найдены архив ЦК партии кадетов, архив ЦК партии эсеров, архив Объединённой социал-демократической организации Петербурга, списки членов Союза русского народа, шифры жандармского управления, дела провокаторов, материалы Учредительного собрания и комиссии по его роспуску и часть архивов П.Б. Струве и А.Ф. Керенского. Платонов был назван основным виновником случившегося и был вынужден

подать в отставку 8 ноября 1929 года. Он пытался оправдаться: «Так как директор не имеет возможности знать все огромное содержание рукописного отдела, то я лишь случайно узнал о содержании этого пакета и, осмотрев его, сообщил о нем непременному секретарю» – академику С.Ф. Ольденбургу, однако «как непременный секретарь, так и сам я не придали особой актуальности документам и подвели их под действие постановления 16.II.1926 г.», т. е. постановления Комиссии по содействию работам Академии наук при ВЦИК СССР под председательством А.С. Енукидзе, которая временно приостановила передачу принадлежавшего ей имущества учреждениям союзных республик. По словам Платонова, «о том, что правительство их ищет 12 лет, нам известно не было. О том, что это подлинные экземпляры из нескольких существовавших вариантов, мы не считали важным устанавливать, ибо практической нужды в этом не видели, да ее, несомненно, и не было». Оправдания не помогли. В ночь на 12 января 1930 года Платонов был арестован вместе со своей младшей дочерью Марией по подозрению «в активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации». Его обвинили в создании подпольной антисоветской монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», ставившей якобы своей целью подрыв и свержение советской власти в СССР и реставрацию монархии. Эта организация была придумана следствием. Платонов на допросе заявил: «Касаясь своих политических убеждений, должен сознаться, что я монархист. Признавал династию и болел душой, когда придворная клика способствовала падению б. царствующего Дома Романовых». По всей вероятности, это признание соответствовало истине. Историк также показал в ОГПУ: «Миросозерцание моё, сложившееся к концу XIX века, имело базой христианскую мораль, позитивистскую философию и научную эволюционную теорию… В сущности, я остаюсь таким и в настоящую минуту. Атеизм чужд мне столько же, сколько и церковная догма». Кроме того, следователи выбили из Платонова признание под придуманную ими схему заговора, согласно которой во главе конституционной монархии должен был встать великий князь Андрей Владимирович, а сам Платонов якобы должен был занять пост председателя Совета министров России. Всего по сфабрикованному Ленинградским управлением ОГПУ делу «Всенародного союза борьбы

за возрождение свободной России» было привлечено к ответственности 115 человек. 2 февраля 1931 года на чрезвычайном общем собрании Платонов был исключен из академиков АН СССР. Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года учены после 19-месячного тюремного заключения был сослан на 3 года в Самару. Здесь он умер от острой сердечной недостаточности 10 января 1933 года. Сергей Федорович Платонов вместе с другими осужденными был полностью реабилитирован по «Академическому делу» определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 июля 1967 года, а 5 апреля 1968 года восстановлен в звании академика АН СССР.

С.Ф. Платонов. Фото 1913 г.

Платонов полагал, что основной чертой российской истории является «военный характер» Московского государства, окруженного со всех сторон врагами и действовавшего наступательно. Оно вынуждено было принять чисто военную организацию и вести

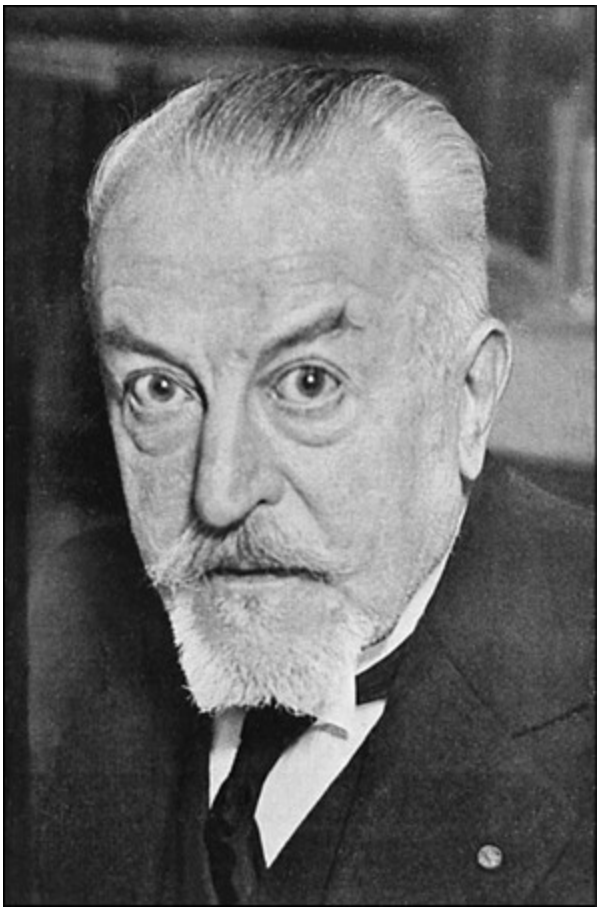
постоянные войны. Следствием стало закрепощение сословий, что на много столетий предопределило внутреннее развитие России, в том числе Смуту начала XVII века. «Раскрепощение» началось с «Жалованной грамоты дворянству» 1785 года, а закончилось крестьянской реформой 1861 года. Но сословия получили личные и экономические, но не политические свободы, что выразилось в «умственном брожении радикального политического характера», в терроре «народовольцев» и революционных потрясениях начала XX века. Опричнину Ивана Грозного Платонов рассматривал как государственную реформу в интересах служилого дворянства и посадского населения против родовой княжеской знати. Он считал, что «наукою история стала только в начале XIX века, когда из Германии, в противовес французскому рационализму, развился идеализм: в противовес французскому космополитизму распространились идеи национализма, деятельно изучалась национальная старина и стало господствовать убеждение, что жизнь человеческих обществ совершается закономерно, в таком порядке естественной последовательности, который не может быть нарушен и изменен ни случайностями, ни усилиями отдельных лиц. С этой точки зрения главный интерес в истории стало представлять изучение не случайных внешних явлений и не деятельности выдающихся личностей, а изучение общественного быта на разных ступенях его развития. История стала пониматься как «наука о законах исторической жизни человеческих обществ». Историк также отмечал: «Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый со своею историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться – долг, национальной историографии заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию. Оставаясь в сфере строго научной, выделяя те господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собою различные стадии русской исторической жизни, исследователь раскроет обществу

главнейшие моменты его исторического бытия и этим достигнет своей цели. Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него. Так, и отвлеченные соображения, и практические цели ставят русской исторической науке одинаковую задачу – систематическое изображение русской исторической жизни, общую схему того исторического процесса, который привел нашу национальность к ее настоящему состоянию».

Платонов является автором книг: «Лекции по русской истории» (1899) в 3 томах, «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.» (1899), «Статьи по русской истории: (1883–1912)» (1912), «Руса» (1920), «Борис Годунов» (1921), «Иван Грозный» (1923), «Смутное время: очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков» (1923), «Прошлое Русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья» (1924), «Москва и Запад в XVI–XVII веках» (1925) и др. Многократно переиздавался его учебник по истории для средних школ. Платонов также издал сборник рукописей «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени» (1891).

Анри Пиренн
(1862–1935)

Анри Пиренн, бельгийский историк, крупнейший специалист по истории средневековых городов, родился 23 декабря 1862 года в Вервье, провинция Льеж, Валлония, в семье бизнесмена. Он окончил Льежский университет и обучался в аспирантуре в Лейпциге и Берлине. В 1886–1930 годах Пиренн был профессором и в 1918–1921 годах – ректором Гентского университета. За участие в ненасильственном сопротивлении германской оккупации в Первую мировую войну историк подвергался арестам и в 1916 году был отправлен в лагерь для интернированных до конца войны. Он содержался в Крефельде, Хольцминдене и в Йене. Ему было отказано в книгах, но он выучил русский язык у солдат, захваченных в плен на Восточном фронте, и впоследствии читал сочинения по истории на русском языке, предоставленные ему русскими пленными. По его инициативе в 1920 году в Гентском университете была создана кафедра русской истории. Во время интернирования Пиренн начал по памяти писать свою историю средневековой Европы, начав с падения Римской империи и доведя ее до середины XVI века. После войны он критиковал расовую теорию и национализм как причины германских военных преступлений. С 1931 года историк являлся председателем совета Королевской библиотеки в Брюсселе. Пиренн был членом Бельгийской королевской академии наук, литературы и изящных искусств (1903, в 1919 году он был избран ее президентом), иностранным членом-корреспондентом Российской академии наук (1918, с 1925 года – АН СССР), Британской академии (1921) и Американской академии медиевистики (1927). Он был удостоен бельгийской премии Франки в области гуманитарных наук (1933). Пиренн умер 24 октября 1935 года в Уккеле, Брюссельский столичный регион.

Анри Пиренн. Фото 1937 г.

Ученый утверждал, что глубокие социальные, экономические, культурные и религиозные движения в долгосрочной перспективе были вызваны столь же глубокими и основательными причинами. После Первой мировой войны он считался самым выдающимся и влиятельным историком Бельгии. К тому времени из-за пережитого в годы войны его прежняя вера в неизбежный прогресс человечества рухнула, поэтому он начал придавать большое значение случайности в истории и пришел к признанию роли отдельных великих личностей в определенные моменты истории. В своём наиболее известном труде «Магомет и Карл Великий» (1937) («Mahomet et Charlemagne»), изданном посмертно, высказал тезис, известный теперь как «тезис Пиренна», о том, что культурное и экономическое единство античного Средиземноморья было разрушено не в результате Великого переселения народов, а под влиянием исламской экспансии VII – начала VIII века. В «Истории Европы от вторжений варваров до XVI

века» (1936) («Histoire de l’Europe, des invasions au XVIe siècle») в 2 томах Пиренн вместо последовательной хронологии войн, династий и событий представил целостный подход к социальным, политическим и торговым тенденциям. Хотя «История» была написана во время заключения ее автора в германском лагере для интернированных, Пиренн излагал свои мысли и факты максимально объективно, без какой-либо предвзятости по отношению к германским народам. Он отмечал, что в IX веке в Европе торговля на большие расстояния была в упадке. Единственными поселениями, которые не были чисто сельскохозяйственными, были церковные, военные и административные центры, которые служили феодальному классу как крепости, епископские резиденции, аббатства и иногда как королевские резиденции для странствующего монарха. Когда торговля возродилась в конце X и в XI веке, торговцы и ремесленники потянулись в существующие центры, образовав пригороды, в которых были сосредоточены торговля и производство. Это были «новые люди» вне феодальной структуры, жившие на периферии установленного порядка. Феодальное ядро оставалось статичным и инертным. Пришло время, когда развивающийся торговый класс стал достаточно силен, чтобы сбросить феодальные обязательства или выкупить прерогативы «старого порядка». Лидеры торгового класса сформировали буржуазный патрициат, в руках которого была сосредоточена экономическая и политическая власть в городах. Пиренн принимал как аксиому то, что естественные интересы феодальной знати и городского патрициата, столкновения которых хорошо документированы в XIII и XIV веках, изначально были несовместимы. Традиционно историки датировали начало Средних веков падением Западной Римской империи в V веке, этот рубеж обозначил еще Э. Гиббон, который говорил об упадке Рима по сравнению с классическим идеалом. Пиренн же отложил гибель римской цивилизации до VIII века. Он оспаривал мнение о том, что вторжение германских варваров привело к падению Западной Римской империи, и не считал, что конец Западной Римской империи следует приравнивать к концу правления римского императора в Европе в 476 году. Он указал на существенную преемственность экономики римского Средиземноморья даже после нашествия варваров и на то, что римский способ ведения дел принципиально не изменился сразу

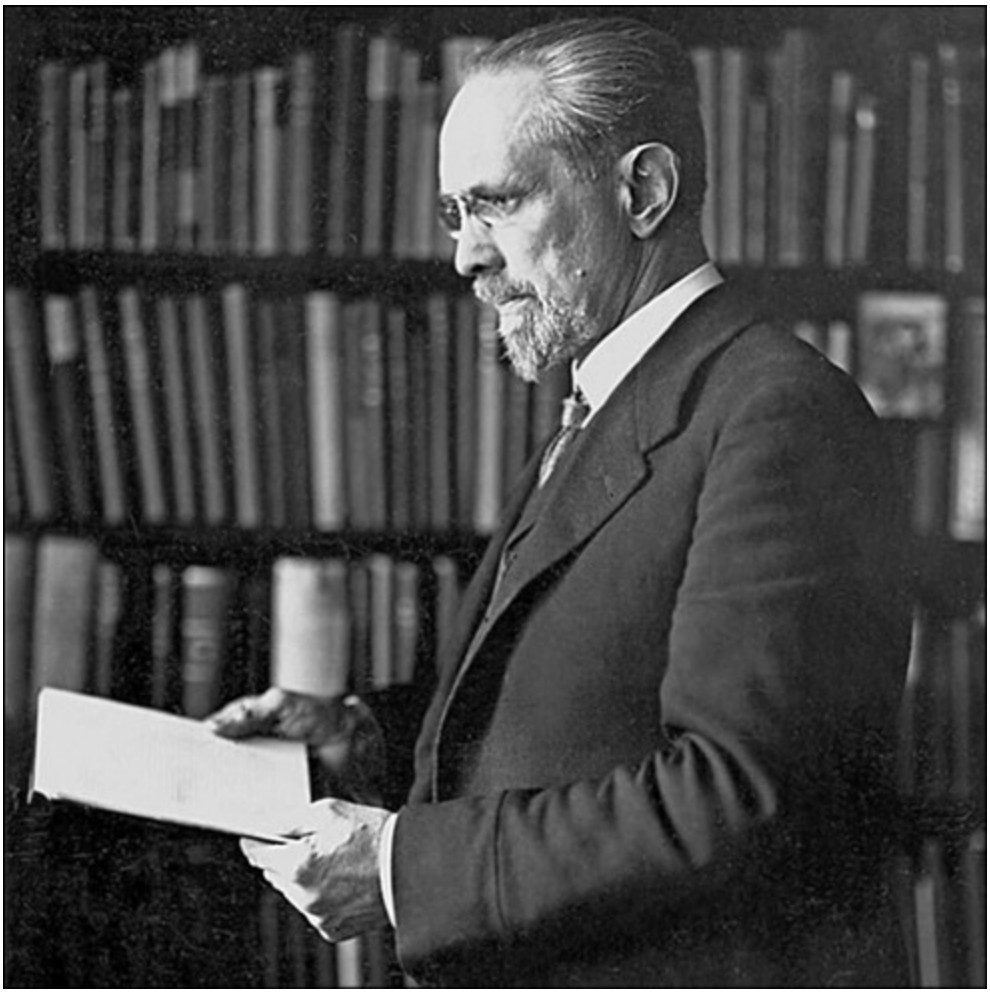
после «падения» Рима. Варвары-готы пришли в Рим не для того, чтобы разрушить его, а чтобы воспользоваться его благами. Они пытались сохранить римский образ жизни. В исторический период «поздней Античности» происходила трансформацию древнего мира в средневековый при сохранении культурной преемственности. Европейские археологические исследования I тысячелетия н. э., целенаправленно проводимые в конце XX века, расширили наши представления о преемственности в материальной культуре и моделях расселения, вплоть до XI века. Согласно Пиренну, подлинный переворот произвело исламское завоевание территории современной Юго-Восточной Турции, Сирии, Палестины, Северной Африки, Испании и Португалии. Оно разорвало экономические связи этих территорий с Западной Европой, отрезав регион от торговли и превратив его в застойную заводь, где богатство вытекает в виде сырьевых ресурсов и ничего не возвращается взамен. Это привело к неуклонному упадку и обнищанию, так что ко времени Карла Великого Западная Европа стала почти полностью аграрной, на уровне прожиточного минимума, с натуральным хозяйством, без торговли на большие расстояния. Как считал Пиренн, «без ислама Франкская империя, вероятно, никогда бы не существовала, а Карл Великий без Мухаммеда был бы немыслим». Мусульманское завоевание Северной Африки отрезало Западную Европу от Востока, что позволило Каролингам, особенно Карлу Великому, создать новую, отчетливо западную форму правления. Пиренн использовал статистические данные о деньгах в поддержку своего тезиса. Большая часть его аргументации основывается на исчезновении из Западной Европы предметов импорта. Так, чеканка золотых монет к северу от Альп прекратилась после VII века, что указывает на потерю доступа к источникам золота. Папирус, изготовленный только в Египте, больше не появлялся в Северной Европе после VII века; письменность вернулась к использованию пергамента.

Пиренн является автором книг: «История Бельгии» («Histoire de Belgique») (1899–1932) в 7 томах, где сделана попытка доказать существование единой «бельгийской цивилизации» в социальном, политическом и этническом смысле, «Города Средневековья, очерк экономической и социальной истории» («Les villes du Moyen-Age, essai d’histoire économique et sociale») (1927) и др.

Вернер Зомбарт (1863–1941)

Вернер Зомбарт, германский историк экономики и социолог, родился 19 января 1863 года в Эрмслебене, в прусской провинции Саксония, в кальвинистской семье, ведущей своё происхождение от французских гугенотов. Его отец Антон Людвиг Зомбарт, землевладелец и промышленник, в 1862–1893 годах был членом прусской палаты депутатов, в 1867–1876 годах – депутатом северогерманского и германского рейхстагов от национал-либеральной партии. В 1882–1885 годах Зомбарт изучал юриспруденцию, экономику и историю в Пизанском, Берлинском и Римском университетах. В 1888 году он получил степень доктора философии в Берлинском университете. В 1888–1889 годах Зомбарт служил в Бременской торговой палате, а в 1890 году стал адъюнкт-профессором Бреславского университета. С 1906 года он являлся профессором Высшей торговой школы Берлина, а с 1917 по 1931 год – профессором Берлинского университета. Затем он преподавал там до 1940 года. Зомбарт умер 18 мая 1941 года в Берлине.

Основные его работы были посвящены экономической истории Западной Европы, в особенности возникновению капитализма и проблемам социализма и социалистических движений. Он испытывал сильное влияние идей Карла Маркса.

Вернер Зомбарт

Зомбарт первоначально называл себя «убежденным марксистом», но позже признал, что «Маркс допустил ошибки по многим важным пунктам». Ученый предложил деление ментальностей на «естественные» и «экономические». Он видели роль экономики в первую очередь в поиске решений социальных проблем и одним из первых начал проводить масштабные статистические исследования по экономической истории. Для Зомбарта растущее рабочее движение было результатом внутренних противоречий капитализма. Он проповедовал презрение к «торгашеству» англичан, которое преследует лишь индивидуальное благополучие, и противопоставлял ему готовность к самопожертвованию немцев. Предназначением индивида, как считал Зомбарт, является принесение себя в жертву высшим ценностям, война – воплощение героизма, а война против

Великобритании – это война с коммерческим идеалом, идеалом личной свободы и комфорта. Он настаивал на особой роли евреев в становлении капитализма. Зомбарт утверждал, что еврейские торговцы и производители, которых не принимали в гильдии, испытывали особую антипатию к принципам средневековой торговли, которые они считали примитивными и непрогрессивными: стремление к «справедливой» (и фиксированной) заработной плате и ценам; к справедливой системе, в которой доли рынка были согласованы и неизменны; прибыль и средства к существованию скромные, но гарантированные и прочие ограничения, наложенные на производство. Евреи, исключенные из системы, утверждал историк, разрушили ее и заменили современным капитализмом, в котором конкуренция была неограниченной, а единственным законом было угодить клиенту. Одним из важных факторов развития капитализма Зомбарт признавал уникальное положение женщины в западноевропейской культуре и последовавший из-за этого перевес эгоистической роскоши над протестантским альтруизмом. Он впервые стал рассматривать моду и роскошь как экономические категории.

Главный труд Зомбарта – «Современный капитализм. (Историко-систематическое описание общеевропейской экономической жизни с момента ее зарождения до настоящего времени)» («Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart») (1902–1927) в 3 томах. Ученый выделял 4 стадии капитализма. В первом томе рассказывается о протокапитализме, т. е. о происхождении капитализма, о переходе от феодального общества к капитализму и о раннем капитализме, который существовал до промышленной революции. Во втором томе Зомбарт описал высокий капитализм, начавшийся около 1760 года, т. е. со времени промышленного переворота в Англии и завершившийся с началом Первой мировой войны. В третьем томе речь идет о позднем капитализме, наступившем после начала Первой мировой войны. В 1934 году в книге «Германскийкий социализм» («Deutscher Sozialismus») Зомбарт утверждал, что «новый дух» начинает «править человечеством». Эпоха капитализма и пролетарского социализма закончилась, и пришел черед германскому социализму, который ставит «благосостояние целого выше благосостояния отдельного человека»

и должен привести к «полному упорядочению жизни» с «плановой экономикой в соответствии с государственными правилами». В новой правовой системе обязанности будут выше прав, и «государство никогда не должно оценивать отдельных людей как таковых, а только группу, которая представляет этих людей».

Основные работы Зомбарта: «Римская Кампания» («Die Römische Campagna») (1888) (очерк итальянской торговой политики периода объединения Италии), «Дело жизни Карла Маркса» («Das Lebenswerk von Karl Marx») (1909), «Евреи и современный капитализм» (Die Juden und das Wirtschaftsleben») (1911), «Исследования истории развития современного капитализма» («Studien zur Entwicklungsgeschichte des modernen Kapitalismus») (1913) в 2 томах, «Будущее капитализма» («Die Zukunft des Kapitalismus») (1932), «Ноо-Социология» («Noo-Soziologie») (1956).

Макс (Максимилиан Карл Эмиль) Вебер (1864–1920)

Макс (Максимилиан Карл Эмиль) Вебер, германский историк и социолог, о котором его друг философ Карл Ясперс говорил как о «величайшем немце своего века», родился 21 апреля 1864 года в Эрфурте, Тюрингия (королевство Пруссия), в семье чиновника Макса Вебера-старшего. Его мать Элен, урожденная Фалленштейн, имела французские гугенотские корни. Вебер получил домашнее образование. В 1882 году он поступил на юридический факультет Гейдельбергского университета, а позднее перевелся в Берлинский университет, который окончил в 1886 году и стал адвокатом. Он получил степень доктора юридических наук в 1889 году, защитив диссертацию «История коммерческих партнёрств в Средневековье» («Zur Geschichte der Handelgesellschaften im Mittelalter»). В 1891 году Вебер стал хабилитированным доктором, защитив диссертацию «Сельскохозяйственная история Рима и её воздействие на публичное и частное право» («Die Römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats – und Privatrecht»). В 1893–1899 годах учёный входил в крайне правую политическую организацию «Пангерманский союз». В 1894 году Вебер стал преподавателем экономики в университете Фрайбурга, а в 1896 году занял ту же должность в Гейдельбергском университете. В 1897 году, через два месяца после тяжёлой ссоры с Максом Вебером-младшим, скончался Макс Вебер-старший. Это привело к последующей депрессии, повышенной утомляемости и психическому расстройству Вебера (вероятно, у него был род шизофрении). В 1899 году он даже вынужден был прервать курс лекций. В 1902 году Вебер возобновил преподавание, но в 1903 году вынужден был прервать лекции и до 1919 года не вел занятий со студентами. В 1898–1902 годах из-за болезни он не опубликовал ни одной работы.

В 1903 году Вебер стал заместителем редактора в журнале «Архив социальных наук и общественного благосостояния» («Archiv für

Sozialwissenschaft und Sozialpolitik»). В 1904 году он посетил США и принял участие в Конгрессе искусств и наук, приуроченном к Всемирной выставке в Сент-Луисе. Состояние здоровья Вебера улучшилось, но он по-прежнему не мог возобновить преподавание. В 1909 году он стал одним из основателей Германской социологической ассоциации. В 1912 году предпринял безуспешную попытку создать политическую партию, которая объединила бы социал-демократов и либералов.

Макс Вебер. Фото 1918 г.

После начала Первой мировой войны пятидесятилетний Вебер добровольно поступил на военную службу и получил чин офицера резерва и до конца 1915 года служил в госпитальной комиссии в Гейдельберге. Он искренне разделял настроения национального

подъема конца лета 1914 года и утверждал, что «эта война великая и прекрасная». Но уже с конца 1915 года он начал критиковать правительство, публикуя статьи прежде всего во «Франкфуртер цайтунг». Вебер выступал за заключение мира без аннексий и был противником аннексии Бельгии и неограниченной подводной войны. Он также был сторонником конституционной реформы, демократизации Германской империи и введения всеобщего избирательного права в Пруссии. В летнем семестре 1918 года он возобновил свою преподавательскую деятельность, предварительно приняв должность профессора политической экономии Венского университета, чтобы проверить, позволяет ли состояние здоровья читать лекции, но вскоре вынужден был ограничить чтение лекций тремя месяцами. После Ноябрьской революции 1918 года Вебер вошёл в состав гейдельбергского Совета рабочих и солдатских депутатов. Он участвовал в Парижской мирной конференции в составе германской делегации и выступал против ратификации Версальского договора, который несправедливо возлагал вину за развязывание войны на Германию, поскольку в этом, по его мнению, виновны многие страны, а не только Германия. Вебер участвовал в разработке Веймарской конституции 1919 года, будучи советником при Секретном комитете по конституционной реформе. Он безуспешно баллотировался в парламент от Немецкой демократической партии. В 1919 году он переехал в Мюнхен, где возглавил первый германский институт социологии. 14 июня 1920 года Макс Вебер умер от испанского гриппа в Мюнхене.

Главные труды Вебера – «Протестантская этика и дух капитализма» («Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus») (1904–1905) и «Хозяйство и общество» («Wirtschaft und Gesellschaft») (1921–1922). В «Протестантской этике» Вебер указывал на решающее влияние протестантской религии на развитие капитализма. Он обратил внимание на то, что, согласно данным статистики, в Германии держателями капитала являются преимущественно протестанты. Он указал на союз протестантизма и буржуазии, поскольку протестантское мировоззрение способствует большему «экономическому рационализму», тогда как католики были более «отчуждены от мира» и равнодушны к земным благам. Хотя английские, голландские и американские пуритане не менее

аскетичны, чем католики, в протестантах аскетизм сочетался с богатством, что находит свое выражение в лютеровском понятии «призвания» (Beruf). Только в протестантизме добывание денег отрывается от их растраты благодаря протестантской трудовой этике.

Влияние религии на экономику Вебер прослеживал и в других своих трудах. Например, в книге «Религия Китая: конфуцианство и даосизм» («Konfuzianismus und Taoismus») (1915) он обратил внимание на те черты китайского общества, которые отличали его от западного, подчеркнув противоречие некоторых из них протестантской этике. Этим он объяснял то, что капитализм в Китае не получил самостоятельного развития, а был заимствован с Запада. Вебер отмечал, что роль субъективного фактора в социальных науках осложняет процесс выведения общих законов той или иной стороны общественной жизни. Он полагал, что объём объективного знания в сфере общественных наук исчезающе мал, но стремился построить объективную систему гуманитарных знаний, хотя и понимал, что эта цель недостижима. Вебер определял государство как институт, обладающий монопольным делегируемым правом на легитимное применение насилия. Политику же он рассматривал как процесс распределения государственной власти между различными группами. Политики, по мнению Вебера, должны действовать согласно этике убеждений и этике ответственности, быть верным своим идеалам и отвечать за свои действия.

В «Хозяйстве и обществе» Вебер рассматривал все иррациональные, аффективно детерминированные элементы поведения как факторы отклонения от концептуально чистого типа рационального действия. Например, панику на фондовой бирже удобнее всего проанализировать, попытавшись сначала определить, каким был бы способ и основное направление действий, если бы на него не повлияли иррациональные факторы. Ученый также старался формализовать иррациональные факторы, объясняющие отклонения от гипотетического рационального курса. Построение же чисто рационального образа действий служит идеальным типом, который понятен и однозначен. Сравнивая с идеальными типами фактический ход событий, можно понять, каким образом на него влияют иррациональные факторы всех видов, такие как случайные события и ошибки, которые объясняют отклонение от линии поведения, которое

можно было бы ожидать, если бы действие было чисто рациональным. Вебер считал, что в истории действуют различные факторы: экономические, политические, социальные, психологические, религиозные и т. д. Для иллюстрации действия того или иного фактора он часто прибегал к статистике. Проблема, однако, заключается в том, что очень трудно, а порой невозможно определить, какие факторы являются решающими для того или иного события или явления и как сопоставить относительный вес тех или иных факторов друг с другом.

В книге «Экономическая история» («Wirtschaftsgeschichte») (1924) Вебер так иллюстрировал действие фактора сельскохозяйственных земель в истории на примере рабства негров в США: «Окончательно судьба рабства негров была, однако, решена с того момента, когда конгресс (1787 года) запретил ввоз рабов после 1808 г. и когда земли, находившейся в распоряжении американских поселенцев, начало не хватать. Превращение рабского хозяйства в систему аренды отчасти, вероятно, завершилось бы и без гражданской войны, которая вспыхнула только благодаря выходу южных штатов из союза. Неудачная хозяйственная политика северян-победителей, которые открыто давали преимущества неграм, имела то последствие, что после отозвания их войск негры почти повсюду были лишены права голоса и воцарилось строго кастовое отделение черных от белых. Негры стали арендаторами-издольщиками и впали в долги. Так как железные дороги зависели от крупного землевладения белых, можно было затруднить неграм обмен, и их свобода передвижения оставалась лишь на бумаге. Таким образом, эмансипация рабов привела беспорядочным образом к состоянию, которое могло бы более органически наступить само собой, когда был бы исчерпан фактор «земля». А вот как Вебер определял факторы разложения поместного хозяйства: «Решающие силы, приводившие в разложение поместный строй, действовали изнутри поместья и были в первую очередь экономическими. Это были возможности и выгоды сбыта как для крестьян, так и для помещиков и постоянное расширение рынка для продуктов земледелия благодаря развитию денежного хозяйства. Но эти факторы не приводили все же вообще к разложению поместного строя, а если и приводили, то исключительно в интересах барина, который экспроприировал крестьян и пользовался захваченной у них землей, чтобы завести на ней крупное производство. Другие интересы

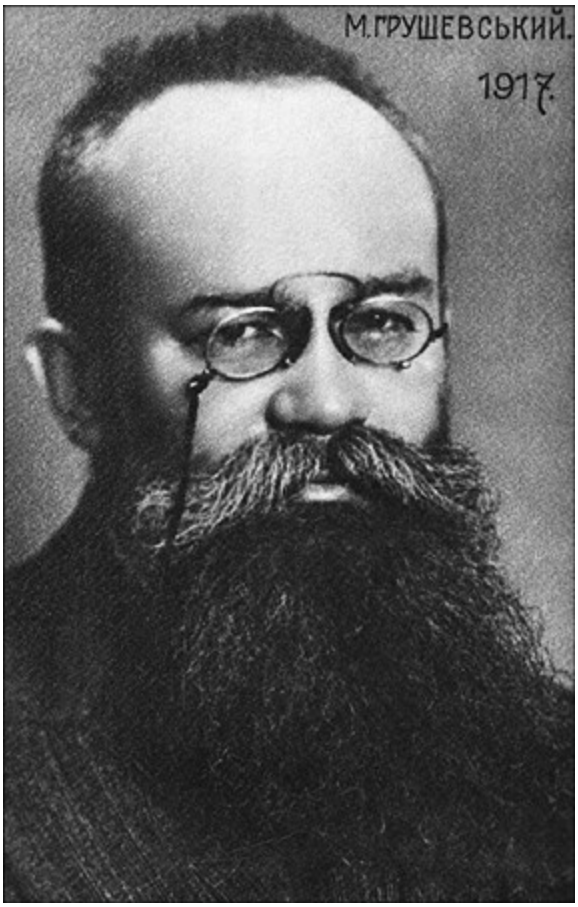
должны были присоединиться извне: интерес к рынку вновь возникшей городской буржуазии, которой было выгодно ослабление и подрыв именно помещичьего землевладения, ибо оно ставило преграду ее стремлениям к сбыту». Важнейшим же фактором промышленного переворота в Европе Вебер считал железо.

Он также написал книги: «Национальное государство и экономическая политика» («Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik») (1895), «Собрание сочинений по социологии религии» («Gesammelte Aufsatze zur Religionssoziologie») (1920–1921), «Политические сочинения» («Gesammelte Politische Schriften») (1921), «Собрание сочинений по социологии и социальной политике» («Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik») (1924), «Социология государства» («Staatssoziologie») (1956) и др. Большинство книг было издано уже после смерти Макса Вебера его вдовой Марианной Вебер, урожденной Шнитгер (1870–1954).

Михаил Сергеевич Грушевский (1866–1934)

Михаил Сергеевич Грушевский, украинский историк и политик, родился 17 (29) сентября 1866 года в Холме, Царство Польское Российской империи, в семье профессора русской словесности действительного статского советника Сергея Фёдоровича Грушевского и Глафиры Захаровны, урожденной Опоковой. В 1886–1890 годах Грушевский учился на историко-филологическом факультете Киевского университета. За свою студенческую работу «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в.» он получил золотую медаль и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому знанию. В 1894 году Грушевский защитил магистерскую диссертацию «Барское староство. Исторические очерки». В 1894 году во Львовском университете (Австро-Венгрия) была открыта кафедра всеобщей истории со специальным обзором истории Восточной Европы, которую возглавил Грушевский. В 1895 году он стал редактором «Записок Научного общества имени Шевченко», а в 1897 году был избран председателем этого общества. В 1899 году Грушевский активно участвовал в создании Украинской национально-демократической партии в Галиции. В 1906 году Харьковский университет присвоил ему степень почётного доктора русской истории. Грушевский выставил свою кандидатуру на кафедру русской истории в Киевском университете, но был отвергнут властями. 11 декабря 1914 года Грушевский был арестован в Киеве по обвинению в австрофильстве и причастности к созданию Легиона украинских сичевых стрельцов в австро-венгерской армии. После нескольких месяцев заключения он был выслан в Симбирск «на время состояния местностей, из коих он выслан, на военном положении». Вскоре он получил разрешение поселиться в Казани. Год спустя, в сентябре 1916 года, Грушевский получил разрешение поселиться в Москве, где встретил Февральскую революцию. 13(26) марта он вернулся в Киев. 7(20) марта 1917 года Грушевский был заочно избран в Киеве председателем Украинской Центральной рады. В начале апреля 1917 года состоялся

Учредительный съезд Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), одним из основателей которой стал Грушевский. 7 (20) ноября 1917 года Центральная рада, по инициативе Грушевского, провозгласила Украинскую народную республику в составе федеративного государства. После разгона большевиками Учредительного собрания 6 (18) января 1918 года Центральная рада провозгласила полную независимость УНР. Под руководством Грушевского разрабатывалась конституция УНР. 29 апреля 1918 года Центральная рада была упразднена в результате государственного переворота гетмана П.П. Скоропадского, совершенного при помощи германских войск. Но Грушевский еще в конце марта 1919 года уехал в Австрию и создал в Вене Украинский социологический институт. В 1924 году советское правительство разрешило ему вернуться после публичного осуждения им своей деятельности по созданию УНР. Грушевский был назначен профессором истории в Киевском государственном университете, избран академиком Всеукраинской академии наук (ВУАН), руководителем ее историко-филологического отдела и главой Археографической комиссии ВУАН. В 1929 году он был избран действительным членом АН СССР. В 1931 году Грушевский был арестован по обвинению в руководстве мифическим контрреволюционным Украинским национальным центром, но в том же году освобожден. Ему было запрещено возвращаться на Украину, и он работал в Москве. 24 ноября 1934 года Грушевский скончался в Кисловодске после проведения несложной хирургической операции. Существует версия, что он был умерщвлен сотрудниками НКВД.

М.С. Грушевский. Фото 1917 г.

Главный труд Грушевского – «История Украины-Руси» («Історія України-Руси») (1898–1936) в 10 томах, где изложение событий доведено до 1659 года. Ученый отстаивал тезис о том, что история украинцев начинается в IV веке со славянских племён антов. Киевскую Русь он рассматривал как украинское государство. Преемницей Киевской Руси Грушевский, в отличие от большинства российских историков, считал не Владимиро-Суздальское княжество, а Галицко-Волынское княжество. Его концепция противоречила взглядам большинства российских историков, рассматривавших все население Киевской Руси, включая Новгородскую землю и северо-восточные княжества, как единую древнерусскую народность, из которой в конце XVI и в XVII веке выделились русские (великороссы), белорусы и украинцы (малороссы). Грушевский утверждал, что монгольское нашествие якобы не привело к запустению Приднепровья и к усиленному оттоку населения на северо-восток и что в Приднепровье

сохранялось многочисленное местное население, которое «до конца никогда не исчезало». Генетическую же основу великороссов Грушевский видел в финно-угорском населении. Великое княжество Литовское (ВКЛ) историк считал продолжением Киевской Руси, поскольку восточнославянское население играло в нём весьма значительную роль. Последующее принятие Литвой католичества и полонизация ВКЛ, по мнению Грушевского, толкнуло украинцев к Москве. Он также считал, что Москва якобы в дальнейшем не исполняла статей Переяславского договора, на основе которого произошло вхождение Украины в состав Московского государства. В Речи Посполитой, Московской Руси и Российской империи украинцы, как считал Грушевский, не имели доступа к управлению государством и находились в оппозиции к государству. Он говорил о природном демократизме украинцев, выразившемся в устройстве Гетманщины и противостоявшем преобладавшему в России монархическому началу. Для Грушевского была свойственна определенная идеализация Гетманщины, да и более ранних периодов украинской истории. Историк утверждал: «Широкой и мощной, интенсивной политической жизнью жил украинский народ в первые века своего исторического существования. Созданная им политическая организация служила созидательным центром для всей Восточной Европы, создавала ее политическую, социальную и культурную жизнь, закладывала их основу на долгие времена: в основе всей нынешней жизни Восточной Европы и доныне лежат устои, заложенные Киевским государством. Очевидно, что процесс, которым создавался этот политический, государственный организм в его развитии, принимая во внимание его глубокие и далекоидущие последствия, представляет большой исторический интерес и стоит того, чтобы его изучать. Но он довольно быстро вырождается, его политическая сторона слабеет, и интерес к ней утрачивается. Основной интерес представляют те социальные и культурные процессы, которые развивались на этой политической основе благодаря однажды данному импульсу. И процессы эти имеют уже чем дальше, тем больше местный, локальный, а не общегосударственный характер. Государственная жизнь интенсивно продолжается только в Западной Украине, в Галицко-Волынском государстве. Затем, с середины XIV века, украинский народ уже входит в состав других, чужих государств, то составляя пассивный объект

чужой власти, чужого, на иных основаниях созданного права, то находясь в более или менее внятной и острой оппозиции к этой чужой власти и чужому праву. Если раньше, в период самостоятельной политической жизни украинского народа, политика, конечно, находилась в руках правящего меньшинства, правившего народом, часто против его воли, то теперь на политику не имели влияния ни высшие, ни низшие слои украинского общества, и поэтому политические обстоятельства этих времен могут интересовать нас лишь постольку, поскольку они непосредственно влияли на национальное, экономическое и культурное положение украинского народа. Общественно-экономическая и культурная история украинского народа в те времена только и является его историей. Политическое движение и затем вооруженная борьба – ряд восстаний украинского народа под предводительством казачества в первой половине XVII века – дает возможность вырвать часть Украины из-под власти чужого права и жить снова государственной, хотя и не суверенной жизнью в течение этого периода. Но социальные и культурные процессы в этот период политического возрождения украинского народа скрывают свою доминирующую роль, а с упадком политической жизни снова становятся единственной историей украинского народа. Социальный и культурный процесс составляет, таким образом, ту путеводную нить, которая ведет нас неизменно через все колебания, через все флуктуации политической жизни – через стадии ее подъема и упадка, и связывает воедино историю украинского бытия, несмотря на различные пертурбации и даже катастрофы, которые приходилось переживать украинскому народу. Конечно, делалось наоборот: прослеживалась история политических организаций, пришивали куски истории украинского народа к истории государственной жизни польского, или великорусского народа, и она распадалась на ряд разорванных, лишенных преемственности и какой-либо связи эпизодов. Наоборот, она становится органической целостностью, когда в основу исследования кладется социальный и культурный процесс, где преемственность не прерывалась никогда, где даже самые резкие изменения накладывались на старую, жизненную основу, которая лишь медленно изменялась под их воздействием. Она определяет нам главную дорогу от наших времен до времен самых дальних, исторических и даже доисторических, насколько они

начинают поддаваться исследованию и насколько прослеживается их эволюция».

Грушевским также написаны книги: «Движение политической и общественной украинской мысли в XIX столетии» (1907), «Освобождение России и украинский вопрос» (1907), «Очерк истории украинского народа» (1911), «Культурно-национальное движение на Украине в XVI–XVII веках» («Культурно-національний рух на Україні в XVI–XVII віці») (1912), «Иллюстрированная история Украины» (1913), «Этюды экономической истории Украины» («Студії з економичної історії України») (1917), «Из Україні») (1925) и др.

Борис Александрович Тураев (1868–1920)

Борис Александрович Тураев, русский историк-египтолог, создатель российской школы истории Древнего Востока, в особенности Древнего Египта и Нубии, которого называли «отцом русской египтологии», родился 24 июля (5 августа) 1868 года в Новогрудке Минской губернии в дворянской семье. По окончании историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Во время заграничной командировки 1893–1895 годов Тураев вёл научную работу в музеях Берлина, Парижа, Лондона и в Италии. Магистерская диссертация Тураева «Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры», защищенная в 1898 году, была посвящена древнеегипетскому богу письма и мудрости. В 1900–1907 годах Тураев был хранителем музея Русского археологического общества. Докторскую диссертацию «Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии» он защитил в 1902 году.

Б.А. Тураев. Фото конца 1910-х гг.

С 1896 года Тураев состоял приват-доцентом, с 1904 года – экстраординарным, а с 1910 года – ординарным профессором по кафедре всеобщей истории Петербургского университета, где читал лекции по древневосточной истории и преподавал древнеегипетский язык. Он также преподавал на Московских высших женских курсах. С 1902 года Тураев состоял членом учёного комитета и Археографической комиссии Министерства народного просвещения. В 1914 году его произвели в действительные статские советники. В 1914 году Тураев пытался организовать российскую экспедицию в Египет с целью приобретения папирусов, но этому помешало начало Первой мировой войны.

Тураев первым в России начал систематическое изучение и публикацию древнеегипетских памятников, преимущественно из отечественных музейных коллекций. Он занимался описанием собраний древнеегипетских древностей в музеях Российской империи

– в Таллине, Риге, Вильнюсе, Казани и Одессе, а также в музеях Москвы и Петербурга. В 1909 году ученый принимал участие в работе II Международного конгресса классической археологии в Каире и Александрии. С 1912 года Тураев являлся хранителем собрания египетских древностей Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина) в Москве. Здесь он с 1911 года занимался описанием коллекции В.С. Голенищева, одним из инициаторов приобретения которой он был, и подготовкой экспозиции отдела Востока, основу которой составила эта коллекция. В 1912 году Тураев основал при Академии наук журнал «Христианский Восток». Он также редактировал учреждённую им серию «Культурно-исторические памятники Древнего Востока».

В 1913 году Тураев был избран членом-корреспондентом историко-филологического отделения Санкт-Петербургской АН по разряду восточной словесности, а в 1918 году – академиком РАН по Отделению исторических наук и филологии (литература и история азиатских народов). Он был псаломщиком и старостой университетского Петропавловского храма. В 1917–1918 годах Тураев состоял членом Предсоборного совета и Всероссийского поместного собора и профессором по кафедре литургики Петроградского богословского института. В 1919 году он возглавил кафедру египтологии Петроградского университета. 7 июня 1920 года Тураев был заочно избран председателем Общества по изучению древних культур. Он скончался от саркомы 23 июля 1920 года в Петрограде. Свою богатейшую коллекцию египетских древностей он завещал Эрмитажу.

Самый известный труд Тураева – «История Древнего Востока» (1911) в 2 томах, за 2-е издание этого труда в 1916 году Тураев был удостоен Большой золотой медали Русского археологического общества. Книга впервые в России освещала общий ход истории на территории «от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии, страны африканских озёр, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов» и со времени возникновения первых цивилизаций до эпохи македонского и римского завоевания. Тураев много внимания уделял политическим и культурно-религиозным аспектам древней истории, а также географическому и экономическому факторам. Он высоко оценивал достижения древнеегипетской цивилизации. Кроме египтологии Тураев занимался

историей Нубии и Аксума, средневековой Эфиопии и Эфиопской ортодоксальной и Коптской церквей, а также семитологией, ассириологией, шумерологией, коптологией, хеттологией и урартоведением. Основным фактором исторического развития он считал религию и духовную культуру, придавая экономическим и социальным факторам второстепенное значение, но серьезно учитывал географический фактор. Историк писал: «Новые находки и более тщательное изучение памятников ведут к реабилитации Египта, и великому народу берегов священной реки снова усвояется великая роль в создании нашей цивилизации. Действительно, какую бы сторону нашей жизни мы ни взяли, исследование её истории нас по большей части в конце концов приводит в Египет, который был отцом европейской государственности, европейского искусства, многих явлений нашей религиозной жизни и быта. Египет – родина архитектурных форм колонны, базилики; он же создал наши иконы и монашество, к его иллюстрированным папирусам приходится восходить, чтобы объяснить происхождение наших книг с рисунками, в нём следует искать исходный пункт распространения многих сюжетов и мотивов наших сказок. Росписи стен, выродившиеся в наши обои, флаги, выкидываемые на мачтах в праздники, весы на изображениях Страшного суда, представления апокрифического характера о загробных чудовищах и вратах, различные средства народной медицины и многое иное, разнообразное и иногда неуловимое, может быть объяснено только как наследие великой культуры, накоплявшей и развивавшей своё духовное достояние в течение тысячелетий». В последние годы жизни Тураев выучил демотическое письмо и посвятил демотической литературе значительную часть монографии «Египетская литература». Он также является автором книги «Очерк истории изучения финикийской древности» (1893). Посмертно были изданы книги: «Египетская литература» (1920) (второй том рукописи с переводами текстов утрачен и напечатан не был), «Древний Египет» (1922).

Михаил Николаевич Покровский (1868–1932)

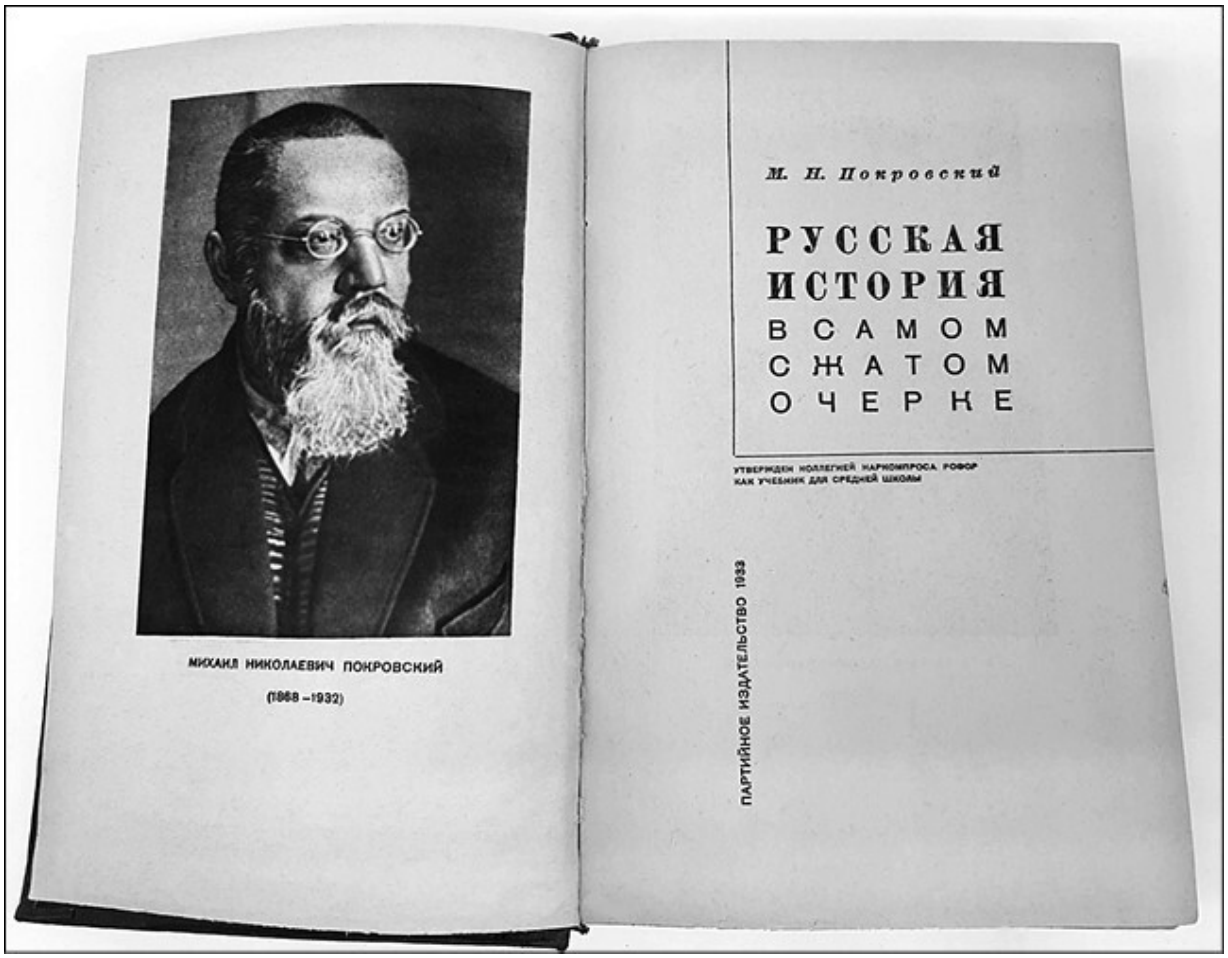
Михаил Николаевич Покровский, русский и советский историк и политик, родился 17 (29) августа 1868 года в Москве в семье статского советника, помощника управляющего Московской складской таможней. Он окончил 2-ю московскую гимназию и в 1887 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1891 году. Покровский был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию сразу на двух кафедрах – русской и всеобщей истории. В 1891–1905 годах он преподавал в гимназиях и на женских Московских педагогических курсах, а также заведовал семинарской библиотекой в Московском университете. В 1902 году ему вообще было запрещено читать лекции из-за политической неблагонадежности. Покровский примыкал к «легальным марксистам» и был привлечён к работе возглавлявшейся П.Н. Милюковым Комиссии по организации домашнего чтения, а также к левому крылу либеральной политической организации «Союз освобождения». В 1904 году он начал публиковаться в близком к большевикам журнале «Правда». В апреле 1905 года Покровский стал членом РСДРП, присоединившись к большевистской фракции. Летом 1905 года он посетил В.И. Ленина в Женеве. Вернувшись в Москву, Покровский стал одним из руководителей лекторской группы Московского комитета, революционного издательства «Колокол» и редакции большевистской газеты «Борьба» и членом Московского комитета РСДРП. Он активно участвовал в Декабрьском вооружённом восстании в Москве и после его подавления был арестован, но после нескольких месяцев заключения отпущен за недостатком улик. Покровский сотрудничал в большевистской газете «Пролетарий». В октябре 1906 года он принимал участие в кампании по выборам депутатов от РСДРП во II Государственную думу. На 5-м (Лондонском) съезде РСДРП Покровский был избран кандидатом в члены ЦК и членом Большевистского центра и редакции газеты «Пролетарий». Скрываясь от полиции, он в 1907 году уехал в Финляндию, а в 1909 году эмигрировал во Францию. Там Покровский вошёл в группу

«Вперёд». Он преподавал в школах для рабочих этой группы сначала на острове Капри, потом в Болонье. По конспектам курса, прочитанного в каприйской школе, впоследствии была написана книга «Очерки русской культуры» (1915–1918). Весной 1911 года Покровский порвал с группой «Вперёд» и объявил себя «внефракционным» социал-демократом. В 1913 году примкнул к группе Л.Д. Троцкого, пытавшейся объединить большевиков и меньшевиков. После начала Первой мировой войны он поддерживал ленинский лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Он был издательским редактором книги Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916). Наиболее плодотворными в научном творчестве Покровского стали годы эмиграции. С 1907 года он много публиковался в «Энциклопедическом словаре Гранат» и коллективной 9-томной «Истории России в XIX века», издававшейся братьями Гранат. В 1910–1913 годах в первом издании в московском издательстве «Мир» вышло главное произведение историка – 1–5-й тома «Русской истории с древнейших времён».

После Февральской революции 1917 года Покровский был избран товарищем (заместителем) председателя исполкома парижского Совета представителей 23 политических и профсоюзных организаций России в эмиграции и в этом качестве содействовал возвращению на родину эмигрировавших на Запад русских революционеров. Он сам возвратился в Россию и восстановился в партии большевиков в августе 1917 года и был избран депутатом Моссовета. Во время Октябрьского вооружённого восстания в Москве Покровский был членом Замоскворецкого революционного штаба Красной гвардии, комиссаром Московского военно-революционного комитета (ВРК) по иностранным делам и редактором газеты «Известия Московского Совета рабочих депутатов»; разрабатывал проекты постановлений и декретов Московского ВРК. Вечером 27 октября, получив ультиматум командующего Московским военным округом полковника К.И. Рябцева и поняв, что войска под его командованием готовы выступить против сил Красной гвардии, Покровский первым высказался на заседании Московского ВРК за необходимость решительных действий с применением оружия. С ноября 1917 по март 1918 года Покровский был председателем Моссовета. Он участвовал в мирных переговорах в

Брест-Литовске и поддерживал позицию «левых коммунистов», отвергавших мир на германских условиях и выступавших за «революционную войну» против Центральных держав. В марте – мае 1918 года Покровский возглавлял Совнаркома Московской области, а в мае был назначен заместителем наркома просвещения РСФСР.

Он отвечал за сферу науки и высшего образования. Покровский настаивал на введении бесплатного обучения; уничтожении дипломов как документального свидетельства привилегии (отныне дипломы не требовались для поступления в университет и не выдавались при окончании университета), уничтожении учёных степеней, открытом конкурсе для замещения должностей на кафедре, выборности профессуры на срок не более 5 лет, коллегиальности управления как университетом, так и всеми его учреждениями, обязательном участии учащихся в управлении университетом, обязательном участии университетов в распространении «научного образования» среди широких масс, создании факультетов общественных наук для разработки и распространения идей научного социализма и ознакомления широких масс с переменами в общественно-политическом строе России и на автономии университетов в организации учебного процесса. Он был одним из организаторов Социалистической (1918, с 1924 года – Коммунистической) академии, Государственного учёного совета (1919), Института истории и Института красной профессуры (1921). С 1925 года он избран председателем Общества историков-марксистов и являлся редактором исторических журналов «Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов». Покровский был членом ВЦИК и ЦИК СССР, членом Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б). В 1922–1932 годах он возглавлял Центрархив. В 1928 году был избран академиком Белорусской АН (1928), а в 1929 году – академиком АН СССР. Покровский был награжден орденом Ленина (1930).

Книга М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке. Три части», 1933 г.

Он ограничивал возможности для творчества и публикаций историков-немарксистов, утверждая, что «в нашей науке специалисту-немарксисту грош цена». Покровский умер от рака 10 апреля 1932 года в Москве. Урна с прахом захоронена в Кремлёвской стене.

После революции Покровский выпустил книгу «Русская история в самом сжатом очерке» (1920–1923) в 3 томах, впоследствии неоднократно переиздававшуюся в одном томе. Он утверждал, что в основе развития России лежат экономические процессы. К российской истории Покровский применил марксистское учение об общественно-экономических формациях, рассматривая последовательную смену первобытно-общинной, феодальной, капиталистической стадий развития. Это приводило к упрощению и схематизации реальных исторических процессов. С другой стороны, Покровский стремился разрушить мифы, созданные «буржуазной историографией», но порой

сам при этом конструировал новые мифы. Покровский придавал преувеличенное значение роли торгового капитала в развитии российской государственности. Правда, в 1930 году он отказался от этого тезиса. Для него история России начиная с XVI века была частью истории мирового капитализма. Он исходил из того, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое». По мнению российского историка и политолога Б.Ю. Кагарлицкого, «теория торгового капитала, которую мы находим в работах Покровского, подвергалась самой большой критике, ее обвиняли в «вульгарном социологизме». Но именно она оказалась, быть может, наиболее перспективной и интересной сегодня частью его наследия. Оценивая роль России в формирующейся глобальной капиталистической экономике, Покровский не только во многом сходился с идеями своей современницы Розы Люксембург, но и предвосхитил исследования западных историков и социологов конца XX века – Фернана Броделя, Иммануила Валлерстайна, Джованни Арриги». Историк В.Б. Кобрин, напротив, оценивал Покровского весьма критически: «Он никогда не был строгим исследователем: начав как популяризатор, он сразу перешёл к созданию концепций, широких обобщений. Да, он очень много прочёл, очень много знал, но его эрудиция была эрудицией знатока, а не исследователя. Когда знакомишься с его трудами, возникает впечатление, что Покровский искал в трудах своих предшественников и в источниках факты, подтверждающие уже сложившиеся у историка концепции».

Покровский является автором книг: «Борьба классов и русская историческая литература» (1923), «Внешняя политики России в XX веке. Популярный очерк» (1926), «Марксизм и особенности исторического развития России. Сборник статей. 1922–1925 гг.» (1925), «Историческая наука и борьба классов. (Историографические очерки, критические статьи и заметки)» (1933) в 2 томах, «Очерки русского революционного движения XIX–XX вв.» (1924), «Дипломатия и войны России в XIX столетии» (1923), «Октябрьская революция. Сборник статей, 1917–1927» (1927), «Империалистическая война. Сборник статей» (1934) и др.

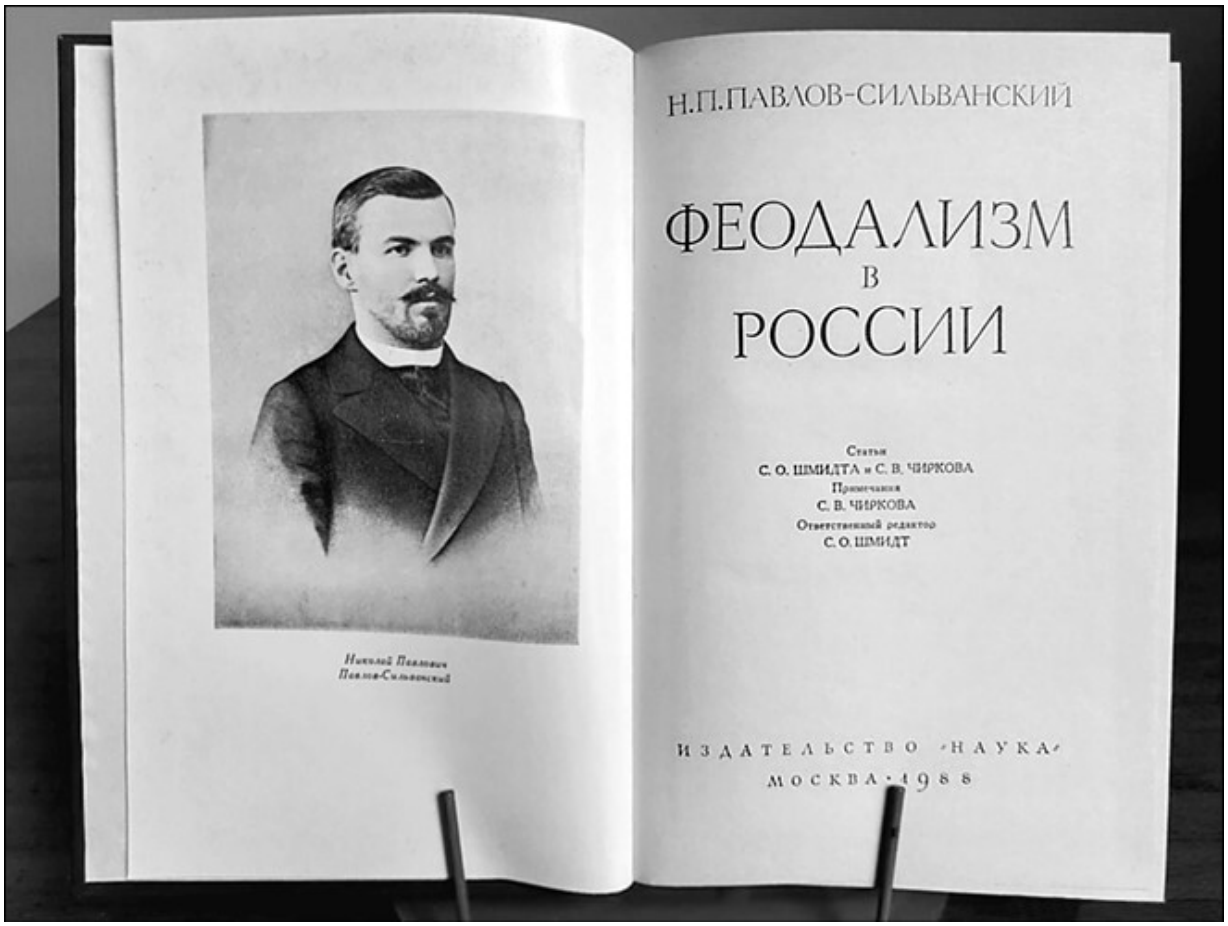
Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908)

Николай Павлович Павлов-Сильванский, русский историк, родился 1 (13) февраля 1869 года в Кронштадте в семье военного врача 2-го флотского экипажа Павла Николаевича Павлова-Сильванского (1833–1897), впоследствии дослужившегося до чина действительного статского советника по Министерству финансов, что дало ему право на потомственное дворянство. После окончания гимназии при Петербургском историко-филологическом институте он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и окончил его в 1892 году. Павлов-Сильванский был оставлен на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. Одновременно историк был принят на службу в департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел. В 1895 году Павлов-Сильванский провалил экзамен по всеобщей истории и тем самым не прошёл магистерские испытания, что не позволило ему начать преподавание в государственных университетах. С 1899 года и до конца жизни он служил в архиве МИД. Будучи в должности делопроизводителя VI класса, Павлов-Сильванский фактически являлся помощником директора архива и дослужился до чина коллежского советника. По делам службы он часто бывал в заграничных командировках, посетил Рим, Вену, Париж, Лондон, где знакомился с местными архивами. В 1906–1908 годах он читал курсы русской истории и истории русского права в нескольких учебных заведениях Санкт-Петербурга, в частности в Высшей вольной школе П.Ф. Лесгафта, а в 1907 году получил должность профессора истории русского права на Высших женских курсах. С 1900 года Павлов-Сильванский был сотрудником Археографической комиссии. Он также был членом Исторического общества при Санкт-Петербургском университете и являлся одним из авторов и редакторов юбилейной публикации «Очерки истории Министерства иностранных дел. 1802–1902» (1902). В 1890-х годах

Павлов-Сильванский увлекался социологическими идеями «легального марксизма», но счел марксистский подход к истории слишком узким. С 1905 года историк состоял в партии конституционных демократов. Павлов-Сильванский умер от холеры в Петербурге 17 (30) сентября 1908 года.

Главной заслугой Павлова-Сильванского в исторической науке является доказательство существования в России в XII–XVI веках феодального общества, идентичного феодальному строю Западной Европы, произведённое методом сравнительно-исторического анализа в работах «Феодализм в Древней Руси» (1907) и «Феодализм в удельной Руси» (1910) на большом актовом материале. Он утверждал: «Природа страны оказала свое влияние на русское историческое развитие, но она не изменила его в корне, до полной противоположности, а только ослабила проявление тех начал средневекового порядка, которые ярче выразились в истории Запада». Павлов-Сильванский полагал, что все явления западного феодализма повторялись в России с некоторым запозданием: «Петровская реформа не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад. Историю нашу никак нельзя делить на две эпохи: допетровскую и петровскую, как делали прежде. Время Петра Великого есть только один из этапов развития государства Нового времени, которое в основных своих устоях сложилось у нас в XVI в. и просуществовало до половины XIX. XVII и XVIII столетия, а частью и XIX тесно связываются в один период. Они связываются в одно целое, как сословная и абсолютная монархии, лежавшим в основе государственного порядка сословным строем. Их объединяет образовавшееся в начале Московского государства, только усилившееся после Петра и просуществовавшее с 1600 г. (приблизительно) до 1861 г. крепостное право. Это – один период сословного государства с монархическою властью, которая постепенно превращается в абсолютизм, получая перевес над стеснявшею ее раньше силой сословий. В общем ходе нашего общественного и государственного развития выделяются как основные переходные эпохи не время петровской реформы, а XVI век, век образования Московского государства, и раньше – эпоха перехода к удельному порядку в XII–XIII вв. В этих переходных эпохах, продолжавшихся по нескольку десятилетий, так как в социальном развитии центр тяжести

очень медленно перемещается с одного учреждения на другое, выделяются два исторических события, знаменательные социологически: в XVI в. – опричнина Ивана Грозного 1565 г. и в XII в. – взятие Киева Андреем Боголюбским в 1169 г. Это последнее историческое военное событие знаменательно как поворот стрелки весов, указывающий на переместившийся центр тяжести отношений. Оно свидетельствует, что Северо-Восточная Русь в это время уже достаточно населилась и развилась экономически, раз она могла восторжествовать над Русью Южной, с богатой столицей Киевом. А тот факт, что, взяв Киев, Андрей отдал его младшему брату, а сам остался на севере, во Владимире-на-Клязьме, знаменует начало вотчинного порядка, появление князей-вотчинников, начало землевладельческой оседлости князей и дружин. Столь же знаменательным с общеисторической точки зрения событием является в позднейшее время опричнина 1565 г., грандиозная конфискация наследственных княжеских земель, завершившая вместе с террором Ивана Грозного постепенный упадок политического значения княжат и знаменующая торжество нового государственного порядка. Как в удельном периоде главной движущей силой развития является крупное землевладение на основе натурального хозяйства, так в образовании государства основное значение имеет рост денежного народного хозяйства, которое обусловливает объединение отдельных районов страны и господство центральной власти над обширной территорией».

Книга Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в России», 1988 г.

Историк считал, что «чрезвычайная близость, даже формальная и терминологическая, некоторых наших учреждений удельной эпохи к феодальным объясняется именно живучестью родственных юридических форм и терминов, унаследованных нами одинаково с германцами из арийской прародины и приноровленных нами и ими к новым отношениям, которые развились сходно, при сходных условиях – географических и экономических».

Павлов-Сильванский является автором книг: «Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты» (1897), «Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства» (1898), «Декабрист Пестель пред Верховным уголовным судом» (1907), «Акты о посадских людях-закладчиках» (1909) и др.

Василий (Вильгельм) Владимирович Бартольд (1869–1930)

Василий (Вильгельм) Владимирович Бартольд, российский и советский историк-востоковед, один из основателей российской школы востоковедения, родился 3 (15) ноября 1869 года в Петербурге в семье немца – богатого биржевого маклера, лютеранина. В 1891 году он окончил факультет восточных языков Петербургского университета и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1896 году он стал приват-доцентом и начал преподавать в Петербургском университете на кафедре Востока. На средства отца Бартольд совершил ряд зарубежных поездок и путешествий. В 1899 году он перевел на русский язык книгу Стенли Лэн-Пуля «Мусульманские династии». В 1900 году Бартольд защитил диссертацию «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1898–1900) в 2 томах и стал доктором истории. В 1901 году он был назначен экстраординарным, в 1906 году – ординарным профессором Петербургского университета. Бартольд также стал секретарём основанного в 1903 году Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. В 1904 году он производил археологические раскопки в окрестностях Самарканда. В мае 1913 года Бартольд предпринял научную поездку по Южному Уралу, Сибири и Средней Азии. В 1910 году ученый был избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1913 году – ординарным академиком по разряду «Литература и история азиатских народов». В 1912–1913 годах он являлся организатором и редактором журнала «Мир ислама», а в 1917 году – журнала «Мусульманский мир». В феврале 1917 года Бартольд вошёл в состав академической Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Он преподавал в Центральном институте живых восточных языков в 1920–1930 годах. В 1921 году он возглавил Коллегию востоковедов при Азиатском музее.

Бартольд участвовал в создании письменности для бесписьменных народов СССР и замене арабского алфавита на кириллицу. В 1918–1921 годах историк был директором Музея антропологии и этнографии Петра Великого. Он был одним из организаторов Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку в 1926 году и восточного факультета в Азербайджанском университете. Бартольд впервые ввел в научный оборот этноним «азербайджанцы», который был официально зафиксирован только во Всесоюзной переписи населения 1937 года. Ученый также был одним из организаторов Среднеазиатского университета в Ташкенте. В ходе поездок за границу и по Российской империи, а затем по Советскому Союзу Бартольд занимался исследованием восточных рукописных собраний. В 1927–1930 годах он был консультантом Восточного отделения Ленинградской публичной библиотеки и занимался описанием рукописей на персидском, арабском, тюркских и некоторых других восточных языках. Он успел описать около 500 рукописей. Ученый умер 19 августа 1930 года в Ленинграде.

В.В. Бартольд

Бартольд специализировался на истории ислама и тюркских народов. Будучи позитивистом, он считал целью труда историка «построение общей картины фактов в их причинной связи». Главными факторами общественного развития он считал культурные влияния и заимствования и географическую среду. Бартольд был первым, кто опубликовал малоизвестную информацию ранних арабских историков о Киевской Руси. Он также ввел в научный оборот многие другие неизвестные ранее материалы. Бартольд считал, что монгольское завоевания и создание монгольского государства содействовало политической стабилизации Средней Азии. В 1912 году в работе «Халиф и султан» Бартольд доказал, что представление о передаче духовной власти последним аббасидским халифом Мутаваккилем османскому султану Селиму Явузу в XVI веке является легендой, появившейся не ранее XVIII века. Он отмечал, что «изучение истории турок по первоисточникам требует таких знаний, которые редко

соединяются в одном лице. Разумеется, для понимания истории народа и его культурной жизни нужно знать его язык, но письменные источники по истории турок большей частью написаны не на турецком языке, и в этом отношении специалист по истории турок находится в совершенно ином положении, чем, например, специалист по русской истории или по истории одного из западноевропейских народов. История кочевых турецких племен нам известна, конечно, преимущественно по рассказам их культурных соседей, но даже там, где турки в завоеванных ими культурных странах переходили к оседлости и где возникали культурные государства под властью турецких династий, влияние культуры побежденных было настолько сильно, что языком литературы, в особенности прозаической, становился их язык, а не турецкий. История турок, живших в Восточной Азии, особенно в Монголии, откуда они были вытеснены, вероятно, в X в. н. э., нам известна почти исключительно по китайским источникам; о турках, переселившихся в западную часть Средней Азии и подчинившихся влиянию мусульманской культуры, мы получаем сведения из арабских и больше всего из персидских источников. Сверх того, в Туркестане в Средние века вообще не было или по крайней мере не дошло до нас никаких произведений собственной исторической литературы; например, история монгольских ханов Средней Азии, история Тимура и его потомков нам известны почти исключительно по сочинениям, написанным в пределах Ирана. Более значительная историческая литература появилась в Туркестане только с XV в., при узбеках».

Бартольд доказал синкретизм мусульманской культуры, проанализировал причины ее взлетов и падений. Известный лингвист Н.Я. Марр утверждал, что «востоковедов-историков калибра Бартольда на Западе не было ни одного».

Бартольд является автором книг: «О христианстве в Туркестане в домонгольский период» (1893–1894), «Образование империи Чингисхана» (1896), «Очерк истории Семиречья» (1894), «Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времён до XVII века» (1902), «Историко-географический обзор Ирана» (1903), «История изучения Востока в Европе и России» (1911, 1925), «Культура мусульманства» (1918), «Ислам» (1918), «Улугбек и его время» (1918), «Мусульманский мир» (1922), «История культурной

жизни Туркестана» (1927), «Тюрки. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии» и др.

Йосеф Пекарж (1870–1937)

Йосеф Пекарж, чешский историк и политик, родился 12 апреля 1870 года в деревне Малы-Рогозец в Либерецком районе Чехии. Он окончил в 1893 году Карлов университет в Праге, затем два семестра провёл в университетах Эрлангена и Берлина. В дальнейшем Пекарж преподавал в гимназиях в Млада-Болеславе и Праге. С 1895 года он сотрудничал в историческом журнале «Českého časopisu historického», а в 1898–1928 годах являлся его главным редактором. В 1901 году Пекарж стал экстраординарным профессором истории в Карловом университете, а в 1905 году – ординарным профессором. В 1900 году он был избран членом-корреспондентом, а в 1916 году – действительным членом Чешской академии наук. Историк был также членом Чешского королевского научного общества. Пекарж защищал Габсбургскую монархию, доказывая, что только в составе Австро-Венгрии и с сохранением господства католической церкви Чехия сможет процветать. После провозглашения независимости Чехословакии Пекарж стал консервативным националистом и выступил одним из авторов школьного учебника истории. В 1931–1932 годах Пекарж был ректором Пражского Карлова университета. Он умер 23 января 1937 года в Праге.

Свою первую статью Пекарж опубликовал в журнале «Athenaeum» в 1890 году. В ней он доказал, что знаменитая «Краледворская рукопись», посвященная ранней чешской истории и датировавшаяся XIII веком, является подделкой XIX века. В 1903 году в работе «Старейшая чешская хроника» Пекарж доказал, что так называемая «Легенда Кристиана» (сочинение на латыни о происхождении христианства на чешских землях и первых чешских святых, святой Людмиле и святом Вацлаве), происхождение которой ранее относили к XIII веку, на самом деле была создана в X веке, вероятно, ранее 994 года. В 1909 и 1911 годах он опубликовал «Книгу о Косте» («Kniha o Kosti») в 2 томах, представляющую собой точное описание жизни обитателей замка Кост во время 30-летней войны и о положении крестьян в XVII и XVIII веках. Его интерес к деталям повседневной

жизни и экономическим условиям был совершенно новым и опередил то время.

Следующей была книга о чешских кадастрах 1654–1789 годов, где Пекарж показал процесс постепенной централизации в Австрийской империи. Пекарж изучал историю чешского крестьянства, а также Тридцатилетнюю войну 1618–1648 годов на территории Чехии и Гуситские войны. К последним он относился отрицательно, считая их трагедией в истории страны, идеологию гуситов называл чуждой чешскому национальному духу, а Яна Жижку и других предводителей гуситов характеризовал как жестоких религиозных фанатиков, хотя и признавал их полководческий талант. Пекарж был убежден в негативном влиянии религиозных конфликтов на историю Чехии. Он значительно идеализировал историю Чехии, но отверг идею, что религия была основой чешского исторического развития. Он отстаивал тезис о неоднородности идей различных эпох, утверждая, что необходимо оценивать каждое историческое событие в первую очередь с точки зрения современников этого события. Пекарж стремился понять историческую эпоху саму по себе, познать и почувствовать ее дух. Он считал, что историография должна иметь научную основу, но личный вклад историка должен заключаться в понимании и точном описании древних времен: «Историография – это не точная наука, трезвое вскрытие вопроса, а наука, исследующая жизнь отдельных людей во всей ее сложности». Поэтому историк не может оставаться незаинтересованным наблюдателем, а должен занять свою собственную позицию по отношению к прошлому. Исторические события должны интерпретироваться в современном контексте, учитывая разнородность идей разных эпох.

Йосеф Пекарж. Фото 1930-х гг.

Пекарж уважал права немецкого населения, проживающего на территории Чехии, но был против исторической интерпретации чешско-германских отношений в контексте «великой Германии». Согласно его концепции, история нации формируется из множества слоев, порожденных культурными, экономическими и политическими изменениями.

Основные работы Пекаржа: «Чешские кадастры, 1654–1789» («České katastry 1654–1789») (1915), «Три главы о святом Яне Непомуцком» («Tři kapitoly o sv. Janu Nepomuckém») (1921), «Белая Гора» («Bílá Hora») (1921), «Ошибки и опасности земельной реформы» («Omyly a nebezpečí pozemkové reformy») (1923), «Жижка и его время» («Žižka a jeho doba») (1928–1933) в 4 томах, «Валленштейн» («Valdštejn») (1933–1934) в 2 томах.

Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952)

Михаил Иванович Ростовцев, русский и американский историк Античности, родился 29 октября (10 ноября) 1870 года в Киеве в семье филолога-классика, действительного тайного советника Ивана Яковлевича Ростовцева (1831–1917) и Марии Ивановны Монаховой. В 1888 году он окончил киевскую 1-ю гимназию с серебряной медалью, причём за сочинение «Об управлении римскими провинциями в последний период республики» Ростовцев получил Пироговскую премию. По окончании гимназии он поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, где стал специализироваться по классической древности. Но в связи с назначением отца попечителем Оренбургского учебного округа Ростовцев перевёлся в Санкт-Петербургский университет, историко-филологический факультет которого окончил в 1892 году и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В том же году он совершил свою первую поездку в Италию, а в 1892–1895 годах преподавал в царскосельской Николаевской гимназии. В 1895–1898 годах Ростовцев находился в учёной командировке за границей, посетил Италию, Грецию, Австрию, Испанию, Францию и Англию. В 1899 году он защитил магистерскую диссертацию (об откупной системе в Риме) и стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, а также преподавателем Бестужевских курсов и Александровского лицея. В 1902 году Ростовцев был избран профессором университета по кафедре древней истории и классической филологии, а в 1903 году защитил докторскую диссертацию (о римских тессерах).

Он много публиковался в журналах «Мир Божий», «Русская мысль» и «Вестник Европы», а также в немецких научных журналах. С 1905 года Ростовцев был активным деятелем кадетской партии, придерживался либеральных взглядов и был противником социалистов, в особенности большевиков. В 1914 году историк был избран членом-корреспондентом Берлинской академии наук, в 1908 году членом корреспондентом, а в 1917 году – академиком

Петербургской академии наук. В 1917 году он также стал членом-корреспондентом Британской академии.

М.И. Ростовцев

Ростовцев категорически не принял Октябрьскую революцию. 27 декабря 1917 года он писал поэту Вячеславу Иванову: «Как Вы поживаете? Как переносите крушение? Черкните, если найдете время, два слова. Очень хотелось бы повидать Вас и побеседовать. Но это, очевидно, в области мечтаний. Утешаюсь мыслью, что в истории бывали времена, когда людям жилось еще хуже. Вряд ли, однако, можно найти эпоху, когда бы в одном месте собралось столько людской подлости. Побиваем рекорд». Летом 1918 года ученый эмигрировал в

Швецию, затем, в начале 1919 года, в Англию, а в 1920 году переехал в США. В 1919 году он получил звание почетного доктора Оксфордского университета. В 1920–1925 годах Ростовцев преподавал в Висконсинском университете Мэдисона, а с 1925 года до конца жизни – в Йельском университете, с 1939 года являясь заслуженным (emeritus) профессором. В 1935 году он стал президентом Американской исторической ассоциации. В СССР Ростовцев был исключён в 1928 году из Академии наук и восстановлен посмертно только в 1990 году. Он был одним из самых переводимых на европейские языки историков Античности в 20-х и 30-х годах XX века. В последние годы жизни ученый страдал от тяжелой депрессии. Ростовцев умер 20 октября 1952 года в Нью-Хейвене, штат Коннектикут.

Ростовцев исследовал социально-экономическую историю Древнего Рима и эллинизма, а также занимался историей и археологией юга России. Он был сторонником модернизации исторического процесса, говорил о наличии капитализма в начале эллинизма и в начале Римской империи и использовал термины «буржуазия» и «пролетариат» для описания классов в античном обществе. А описывая Египет эпохи Птолемеев как «просвещённую социалистическую монархию», обладавшую развитой плановой экономикой, Ростовцев сравнивал его с Советским Союзом. Упадок Римской империи он рассматривал как результат борьбы крестьянства, составлявшего основную силу римской армии, против городской буржуазии. Остававшиеся вне высокой культуры крестьяне при поддержке императоров восстали против городов, бывших основой экономической мощи державы, и разрушили эту основу. При этом ученый видел всю разницу между «буржуазией», «пролетариатом» и «крестьянством» античного мира и теми классами, которые носили эти названия в XIX–XX веках. Ростовцев был одним из первых историков Античности, кто объединил археологические свидетельства с литературными источниками. В предисловии к книге «Социальная и экономическая история Римской империи» он отмечал, что «до сих пор еще никем не написана монография, где была бы представлена целостная картина социальной и экономической жизни Римской империи и выявлены основные тенденции общего развития. Есть ряд ценных работ, проливающих свет на те или иные частные проблемы

этого плана или отдельные исторические периоды. Но большинство из них… написаны с позиции антиквара, а не историка, и нельзя назвать ни одного труда, где была бы сделана попытка связать ход социального и экономического развития империи с историческим развитием ее государственного и административного устройства или с внутренней и внешней политикой императоров. Настоящая книга представляет собой первый опыт в этом направлении. Я отнюдь не обольщаюсь относительно достигнутого результата и не испытываю полного удовлетворения. Передо мной стояла непростая задача, которая сложно поддается решению, а скудный материал приходилось собирать по крохам. Соответствующие статистические данные отсутствуют. Немногочисленные факты, доступные наблюдению, всегда допускают спорные толкования, а выводы, которые из них делают ученые, носят гипотетический характер и зачастую представляются весьма произвольными. Однако, невзирая на все трудности, эта тема крайне увлекательна. Я убежден в том, что настоящая всеобъемлющая история Римской империи может быть написана лишь на основе глубокого изучения социальных и экономических отношений этой эпохи». Завершая же этот труд, ученый пришел к выводу о связи древности и современности: «То развитие, которое претерпел древний мир, означает для нас и поучение, и предостережение. Нашей культуре суждена недолгая жизнь, даже если ее носителем будет не один-единственный класс, а массы. Восточные культуры были устойчивее и долговечнее, чем культура греко-римская, поскольку они, покоясь в основном на религиозном основании, были доступнее народу. Следующий урок заключается в том, что попытки насильственного нивелирования никогда не приводили к возвышению масс. Они погубили высшие классы и привели лишь к ускорению процесса варваризации. Но, словно призрак, назойливый и неотступный, преследует нас главный вопрос: возможно ли приобщить низшие массы к высокой культуре, не снижая ее уровня, не ухудшая ее качества до полного обесценивания? И приговорена ли к упадку всякая культура, как только она начинает проникать в массы?»

Ростовцев был одним из авторов «Кембриджской истории Древнего мира» («The Cambridge Ancient History») (1911–1936). В 1928–1937 годах он руководил раскопками античного города Дура-Европос в Сирии.

Ростовцев является автором книг: «История государственного откупа в Римской империи: От Августа до Диоклетиана» (1899), «Социальная и экономическая история Римской империи» («Social and Economic History of the Roman Empire») (1926), «История Древнего мира» («A History of the Ancient World») (1926–1927) в 2 томах, «Социальная и экономическая история эллинистического мира» («A Social and Economic History of the Hellenistic World») (1941) в 3 томах, «Античная декоративная живопись на Юге России» (1914), «Эллинство и иранство на юге России» (1918), «Скифия и Боспор» («Skythien und der Bosporus») (1925), «Мистическая Италия» («Mystic Italy») (1926), «Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж» (1908), «Караванные города» («Caravan Cities») (1932), «Дура-Европос и его искусство» («Dura-Europos and Its Art») (1938) и др.

Йохан Хёйзинга (1872–1945)

Йохан Хёйзинга, нидерландский историк культуры и философ, родился 7 декабря 1872 года в Гронингене в семье Дирка Хейзинги, профессора физиологии, и Якобы Тонкенс. В Гронингенском университете он начал изучать индоевропейские языки, получив магистерскую степень в 1895 году. Затем он изучал сравнительную лингвистику. В 1897 году Хёйзинга защитил диссертацию, посвящённую образу видушаки в индийской драме. Только в 1902 году он обратился к истории Средневековья и эпохи Возрождения. В 1905–1915 годах он был профессором всеобщей и нидерландской истории Гронингенского университета, а в 1915–1942 годах – профессором всеобщей истории Лейденского университета. В 1916 году Хёйзинга стал членом Королевской академии искусств и наук Нидерландов. В 1920 году он был удостоен нидерландской литературной премии Дирка Тиме.

За негативные отзывы о национал-социализме германскими оккупационными властями Хёйзинга был заключен в концлагерь, где находился с августа по октябрь 1942 года. В дальнейшем он был освобожден, но ему было запрещено жить в Лейдене. Хёйзинга умер в деревне Де Стиг вблизи Арнема 1 февраля 1945 года.

Главными историческими трудами Хёйзинги являются «Осень Средневековья» («Herfsttij der Middeleeuwen») (1919), «Эразм Роттердамский» («Erasmus of Rotterdam») (1924) и «Homo Ludens: Опыт определения игрового элемента культуры» («Homo Ludens: Proeve eener bepaling van het spel-element der cultuur») (1938). В изучении истории Хёйзинга стремился не извлечь уроки для будущего, а выделить нечто, имеющее вечную ценность, независимо от той или иной идеологии. По его мнению, «история – это духовная форма, в которой культура отдаёт себе отчёт о своём прошлом». Историю Хёйзинга понимал как живой, многогранный процесс, для которого всегда были возможны альтернативные варианты развития. У истории нет ни цели, ни движущей силы, а каждое событие имеет целый ряд причин, а не какую-либо одну. История для него – это не процесс,

поддающийся рациональному объяснению, а результат проводимого ученым расследования, результат которого невозможно предсказать заранее. Хёйзинга отрицал исторический фатализм, а также познаваемость и само наличие исторических законов. Как считал Хёйзинга, историк должен сохранять верность истине, стараясь возвыситься над собственными субъективными представлениями, поскольку стремление к истине – это его нравственный долг. Каждая культура, как полагал историк, имеет своё собственное прошлое и, соответственно, будет создавать свою собственную историю. Для Хёйзинги культура – это прежде всего мир общепринятых представлений, образов, чувств. Он доказывал, что преувеличенный формализм и романтизм позднесредневекового придворного общества были защитным механизмом от постоянно растущего насилия и жестокости общества в целом. Он рассматривал позднее Средневековье скорее как период пессимизма, культурного истощения и ностальгии, а не возрождения и оптимизма. Для Хёйзинги «Осень Средневековья» – это, по его словам, «попытка увидеть в XIV–XV вв. не возвещение Ренессанса, но завершение Средневековья; попытка увидеть средневековую культуру в ее последней жизненной фазе, как дерево, плоды которого полностью завершили свое развитие, налились соком и уже перезрели. Зарастание живого ядра мысли рассудочными, одеревенелыми формами, высыхание и отвердение богатой культуры – вот чему посвящены эти страницы. Мой взгляд, когда я писал эту книгу, устремлялся как бы в глубины вечернего неба, но было оно кроваво-красным, тяжелым, пустынным, в угрожающих свинцовых прогалах и отсвечивало медным, фальшивым блеском». Особое значение в возникновении и развитии мировой культуры Хёйзинга придавал игре, которую считал основой человеческого общежития в любую эпоху. Согласно его определению, игра – это «действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы и необходимости. Настроение игры есть отрешенность и воодушевление – священное или праздничное, смотря по тому, является ли игра сакральным действием или забавой. Само действие сопровождается чувствами подъема и напряжения и несет с собой радость и разрядку». Игру историк считал явлением антиавторитарным и хорошей иллюстрацией наличия альтернатив и

свободы выбора. Хёйзинга полагал, что культурной болезнью современности являются авторитарные государства, опирающиеся на массы, имея в виду прежде всего германский национал-социализм.

Йохан Хёйзинга. Рисунок 1930-х гг.

Хёйзинга является автором книг: «Мужчина и женщина в Америке» («Mensch en menigte in Amerika») (1918), «Культурно-исторические исследования» («Cultuur-historische verkenningen») (1929), «В тени завтрашнего дня» («In de schaduw van morgen») (1935), «На волне истории» («Im Banne der Geschichte») (1943), «Поруганный мир» («Geschonden wereld») (1946), «Мой путь к истории» («Mein Weg zur Geschichte») (1947) и др.

Альбер Матьез
(1874–1932)

Альбер Матьез, французский историк, наиболее известный своей марксистской интерпретацией Великой французской революции, родился 10 января 1874 года в Ла-Брюйере, департамент Верхняя Сона, в крестьянской семье. Среднее образование он получил в коллеже Люра и лицеях Везуля и Лаканоля. В 1897 году Матьез окончил Высшую нормальную школу в Париже, куда поступил в 1894 году. После этого он преподавал в различных лицеях, а в 1904 году, получив степень доктора философии, назначен профессором в университетах Нанси, Безансона и Дижона. В 1908 году он стал основателем и редактором журнала «Annales révolutionnaries» (с 1924 года – «Annales historiques de la Révolution française»). До начала Первой мировой войны он был пацифистом, но в 1914 году превратился в ярого националиста. Матьез утверждал, что точно так же, как революционная Франция разгромила коалицию союзников в 1790-х годах, и Третья республика победит Германию. Он был активным членом Французской коммунистической партии в 1920–1922 годах. В 1926 году Матьез получил приглашение на очень престижную кафедру Сорбонны по исследованиям французских революций. Он был иностранным членом-корреспондентом АН СССР (1928). Однако в 1930 году он подвергся критике со стороны советских историков, которые осудили его за поддержку якобинцев, которые, как утверждалось в сталинской интерпретации марксизма, были противниками пролетарской революции. В ответ Матьез выступил с резкой критикой сталинизма. Он также защищал советских академиков и профессоров, ставших жертвами сфабрикованного «Академического дела». Матьез умер 26 февраля 1932 года в Париже от кровоизлияния в мозг.

Альбер Матьез

Основной труд Матьеза – «Французская революция» («La Révolution française») (1922–1924) в 3 томах, где подчеркивал классовые конфликты в ходе революции. Он восхищался Максимилианом Робеспьером, главным героем его «Французской революции», прославлял эпоху террора и создал Общества робеспьеристских исследований в 1907 году, но не проявлял полного сочувствия к борьбе пролетариата. Под влиянием трудностей, вызванных Первой мировой войной, в том числе нормирования продовольствия, Матьез написал книгу «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» («La Vie chère et le mouvement social sous la Terreur») (1927). Он рассматривал французскую революцию как первый этап в пролетарском движении, которое набрало силу в революции 1848 года, Парижской коммуне 1871 года, русской революции 1905 года и достигло своей высшей точки во время большевистской революции 1917 года в России, которая установила диктатуру пролетариата. Матьез отверг распространенное мнение о Робеспьере как о демагоге, диктаторе и фанатике. Он идеализировал своего героя и утверждал, что Робеспьер был выдающимся оратором, представлявшим интересы бедных и угнетенных, врагом интриг роялистов, бдительным противником нечестных и коррумпированных политиков, защитником Французской республики, бесстрашным лидером французского

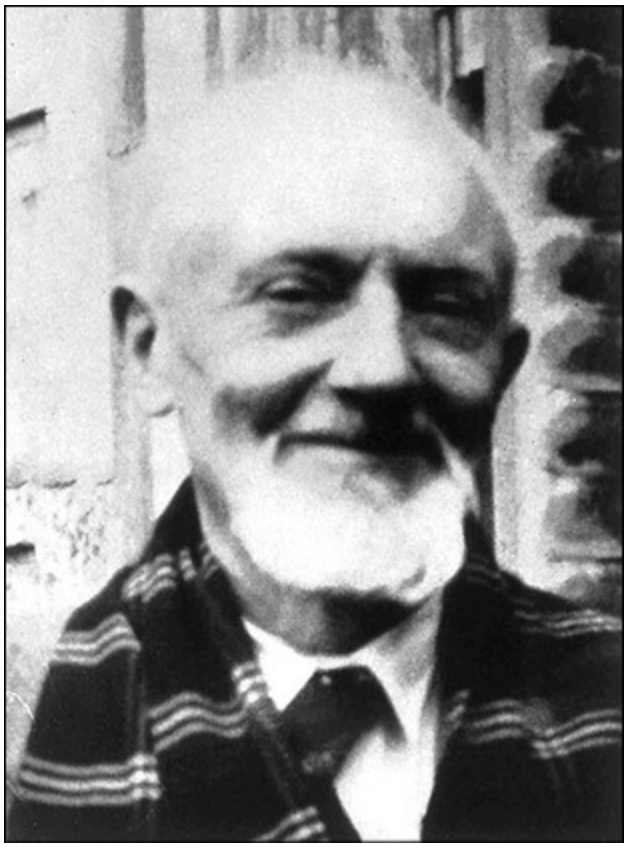
революционного правительства и пророком социально ответственного государства.

В 1920 году историк выпустил брошюру «Большевизм и якобинизм» («Le Bolchévisme et le Jacobinisme»), в которой провел ряд параллелей между 1917 и 1793 годами, между большевиками и якобинцами, между Лениным и Робеспьером. Матьез утверждал, что в условиях войны с внешними врагами и гражданской войны террор был одинаково необходим как в 1793, так и в 1917 году. Советские «комитеты бедноты» он сравнивал с якобинскими революционными комитетами 1793 года, равно как и борьбу с бюрократизмом, которую вели Ленин и Сен-Жюст. Незадолго до смерти Матьез пересмотрел свое отношение к революционному террору. В одном из писем он утверждал, что террор эпохи французской революции «задержал развитие демократии в Европе по крайней мере на целое столетие».

Матьез является автором книг: «Термидорианская реакция» («La Réaction thermidorienne») (1929), «Жирондисты и Монтаньяры» («Girondins et Montagnards») (1930), «Как побеждала Великая французская революция» (перевод оригинального названия: «Победа во втором году: исторические очерки национальной обороны») («La victoire en l'an II: esquisses historiques sur la defense nationale») (1916) и др.

Жорж Лефевр (1874–1959)

Жорж Лефевр, французский историк марксистского толка, специалист по аграрной истории Великой французской революции, родился 6 августа 1874 года в Лилле, департамент Нор, в небогатой семье мелкого чиновника. В 1898 году он окончил университет в Лилле, где особое внимание уделял современным языкам, математике и экономике, и потом более 20 лет преподавал в лицеях. В 1924 году Лефевр защитил докторскую диссертацию «Крестьяне Севера Франции во время революции» («Les paysans du Nord pendant la Révolution française»), где применил статистические методы обработки архивных материалов. На ее написание Лефевр потратил 20 лет. Работа Лефевра над диссертацией была основана на анализе тысяч налоговых списков, нотариальных записей и реестров сельских муниципалитетов, материалы которых были использованы для отслеживания последствий отмены феодализма и церковной десятины, последствий передачи прав собственности, перемещения буржуазии в сельскую местность и уничтожения коллективных прав крестьян в деревнях. После 1924 года он преподавал в университетах Клермона и Страсбурга, а в 1935–1945 годы – в Сорбонне, где с 1937 года руководил кафедрой истории Великой французской революции. С 1932 года, после смерти А. Матьеза, Лефевр был бессменным председателем Общества робеспьеристских исследований и редактором журнала «Annales historiques de la Révolution française». Жорж Лефевр умер в парижском пригороде Булонь-Бийанкур 28 августа 1959 года.

Жорж Лефевр

Лефевр внес большой вклад в изучение экономической и социальной, в первую очередь аграрной, истории французской революции. Идеи Маркса, по его мнению, «понемногу проникли в умы всех историков в том смысле, что даже самые упрямые из них должны сегодня учитывать экономические и социальные факты». Без статистики, как считал Лефевр, «не существует науки». Особое внимание он уделял роли крестьянства в революции и классовой борьбе в деревне в годы якобинской диктатуры.

Главный труд Лефевра – «Аграрный вопрос в эпоху террора (1793–1794)» («Questions agraires au temps de la terreur») (1932). Историк полагал, что сельское крестьянство активно участвовало в революции, причем буржуазия не имела на крестьянство значительного влияния. Он также считал, что в 1790-х годах крестьянам в значительной мере было присуще антикапиталистическое мышление. Лефевр рассматривал историю французской революции такой темой, которая утверждает традиции и ценности демократии и равенства. В своих

работах он высоко оценивал историческую роль якобинцев и Робеспьера, которого называл «самым выдающимся из первых вождей французской демократии». Но при этом Лефевр не идеализировал Робеспьера и якобинцев. Он выдвинул идею изучения истории революции «снизу», т. е. исследования народных компонентов революционной истории. Лефевр первым из французских ученых занялся углубленным изучением того, какова была роль крестьян в революции и какое влияние оказала революция на исторические судьбы крестьянства. Крестьянскую революцию он считал автономной частью Великой французской революции, целью которой было сохранение и укрепление крестьянского хозяйства, образа жизни, социальных и духовных ценностей. По Лефевру, именно крестьяне принудили буржуазную революцию уничтожить феодальный строй. Но они были противниками безоговорочного торжества частной земельной собственности, настаивали на сохранении общинных институтов и ограничении крупного землевладения. Поэтому капиталистическое развитие сельского хозяйства было очень медленным.

Лефевр является автором книг: «Великий страх 1789 года» («La grande Peur de 1789») (1932), где исследуется феномен массовой паники, охватившей во второй половине июля 1789 года почти всю территорию Франции из-за ложных слухов о появлении банд разбойников, «Наполеон» («Napoleon») (1935), «Термодорианцы» («Les Thermidoriens») (1937), «Восемьдесят девятый, пожалуйста» («Quatre-Vingt-Neuf») (1939), «Директория» («Le Directoire») (1946), «Французская революция» («La Révolution Française») (1951–1957) в 2 томах, «Этюды о французской революции» («Etudes sur la Révolution française») (1963) и др.

Евгений Викторович (Григорий Вигдорович) Тарле (1874–1955)

Евгений Викторович (Григорий Вигдорович) Тарле, русский и советский историк, родился 27 октября (8 ноября) 1874 года в Киеве в еврейской семье. Его отец Вигдор Герцевич (Виктор Григорьевич) Тарле был купцом 2-й гильдии, а уже после рождения сына стал купцом 1-й гильдии, что снимало с него все ограничения по свободе передвижения, накладываемые на евреев законодательством Российской империи о «черте оседлости». Вигдор Тарле владел магазином, но фактически управляла магазином его жена Розалия Арнольдовна, происходившая из раввинской семьи. Позднее отец Тарле служил коммерческим агентом общества «Волга» в Херсоне. Окончив в 1892 году 1-ю херсонскую гимназию, будущий историк поступил в Императорский Новороссийский университет, но уже в 1893 году перевелся на историко-филологический факультет Киевского университета, который окончил в 1896 году и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В августе 1893 года Тарле крестился в православие, чтобы иметь возможность жениться на Ольге Григорьевне Михайловой, русской девушке из дворянской семьи, и был наречен Евгением. В феврале 1900 года учёный совет Киевского университета присвоил Тарле учёное звание приват-доцента. 1 мая 1900 года ученый был арестован вместе с другими членами кружка «легальных марксистов» и выслан под гласный надзор полиции по месту жительства своих родителей в Херсон. Ему было запрещено преподавать в императорских университетах и в казённых гимназиях, поэтому он преподавал в киевских и херсонских частных гимназиях. В 1901 году Тарле защитил магистерскую диссертацию «Общественные воззрения Томаса Мора». В 1903 году ему было разрешено преподавать на почасовой основе приват-доцентом в Петербургском университете. В феврале 1905 года Тарле был арестован вновь за участие в студенческой сходке и снова отстранён от преподавания в университете. 18 октября 1905 года он

был ранен конными жандармами у Технологического института в Петербурге на митинге в поддержку манифеста 17 октября. В связи с объявленной манифестом амнистией Тарле смог вернуться к преподаванию в университете. В 1909–1910 годах он состоял консультантом при социал-демократической фракции в Государственной думе III созыва, занимаясь экономическими и финансовыми вопросами. В 1898–1914 годах Тарле регулярно посещал архивы Германии и Франции. В 1903–1917 годах (с небольшим перерывом с февраля по октябрь 1905 года) он состоял приват-доцентом Петербургского университета. В 1911 году Тарле защитил докторскую диссертацию на основе двухтомного исследования «Рабочий класс во Франции в эпоху Революции» (1909–1911). В 1913–1918 года Тарле также состоял профессором университета в Юрьеве (Тарту).

Е.В. Тарле

После Февральской революции 1917 года Тарле был членом Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по преступлениям царского режима. В июне 1917 года он также был членом официальной российской делегации на III Международной конференции пацифистов и социалистов в Стокгольме. С 1918 года Тарле являлся одним из трёх руководителей Петроградского отделения Центрархива РСФСР. Он также был активным членом Российской ассоциации научных институтов по исследованию общественных наук (РАНИОН).

В октябре 1918 года Тарле был избран ординарным профессором Петроградского университета, затем стал профессором Московского университета и переехал в Москву. 10 декабря 1921 года он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по Отделению исторических наук и филологии, а 7 мая 1927 года – действительным

членом Академии наук СССР. В 1926 году при активном участии Тарле в Париже был создан первый научный комитет по связям с учёными СССР. В январе 1930 года ученый был арестован по «Академическому делу». ОГПУ обвинило его в том, что он должен был занять пост министра иностранных дел в правительстве, которое после свержения советской власти и реставрации монархии должен был возглавить академик С.Ф. Платонов. Одновременно чекисты назначили Тарле министром иностранных дел в правительствах «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии». Решением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года Тарле был сослан в Алма-Ату, где провёл около двух лет. Он также был исключен из состава Академии наук. 17 марта 1937 года Президиум ЦИК СССР снял с Тарле судимость. Вскоре он был восстановлен в звании академика. В 1918–1930 и в 1933–1955 годах Тарле был профессором Петроградского (Ленинградского) университета, в 1943–1955 годах – профессор МГУ и в 1944–1955 годах – профессором МГИМО. В 1941–1943 годах он находился в эвакуации в Казани, где работал профессором кафедры истории историко-филологического факультета Казанского государственного университета. С 1942 года Тарле являлся членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Он был членом-корреспондентом Британской академии. Тарле был награжден 3 орденами Ленина и был удостоен трех Сталинских премий 1-й степени – в 1942 году за коллективный труд «История дипломатии» (1-й том, 1941), где Тарле был редактором и одним из основных авторов, в 1943 году – за книгу «Крымская война» (1941) и в 1945 году – за 2-й и 3-й тома «Истории дипломатии» (1945). В конце своей жизни, по поручению Сталина, ученый работал над трилогией «Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII–XX вв.», посвященной Великой Северной войне, Отечественной войне 1812 года и Великой Отечественной войне, но успел написать лишь первый том. Тарле считался любимым историком Сталина. Ученый умер 5 января 1955 года в Москве.

Наиболее известные работы Тарле, кроме перечисленных: «Наполеон» (1936), «Талейран» (1939), «Жерминаль и прериаль» (1937), «Крымская война» (1941–1944) в 2 томах, «Северная война и шведское нашествие на Россию» (1958). Ученого интересовала прежде всего история Франции XVIII–XIX веков и история внешней политики.

Тарле полагал, что история не способна помочь спрогнозировать будущее. В статье «К вопросу о границах исторического предвидения» (1902) он утверждал, что до тех пор, пока не будут выработаны «новые точки зрения и отправные пункты при постановке прогнозов» и пока не будут добыты новые, доказательные материалы в области статистики, социальной психологии и т. д., «до тех пор каждый добросовестный социолог признает почти полное свое бессилие, подавляющую ограниченность пределов предвидения, сводящую почти к нулю практическое значение социальных предсказаний». Падение абсолютных монархий в европейских странах Тарле объяснял ростом как численности беднейшего населения, так и политической активности общества. Подобные кризисные явления, как полагал историк, приводят к революционным взрывам. Схожие процессы Тарле видел в России на рубеже XIX – XX веков, поэтому падение самодержавия он считал неизбежным и закономерным. Привлекая обширный статистический материал, он показал большую роль во французской экономике XVIII века сельских мануфактур. «Континентальная блокада», по мнению Тарле, рассматривалась Наполеоном прежде всего как экономическая мера, направленная на рост благосостояния Франции. Под империализмом историк понимал объединение банковского, промышленного и торгового капитала в рамках одной страны, при этом борьба империалистических государств за сферы влияния должна была приводить к военным столкновениям. Описывая жизнь Наполеона, Тарле также подробно описывал политическую и социально-экономическую ситуацию во Франции на рубеже XVIII–XIX веков. Выдающуюся историческую роль Наполеона историк объяснял тем, что он выражал и защищал интересы передового буржуазного класса. Захватническая же внешняя политика Бонапарта была следствием экономического соперничества Франции и Англии. В книге о Наполеоне Тарле свою основную цель видел в том, чтобы «дать возможно отчетливую картину жизни и деятельности первого французского императора, его характеристику как человека, как исторического деятеля, с его свойствами, природными данными и устремлениями. Автор предполагает в читателе этой книги хотя бы общее знакомство с эпохой, с движущими историческими силами ее, с классовой структурой общества в послереволюционной Франции и в феодально-абсолютистской

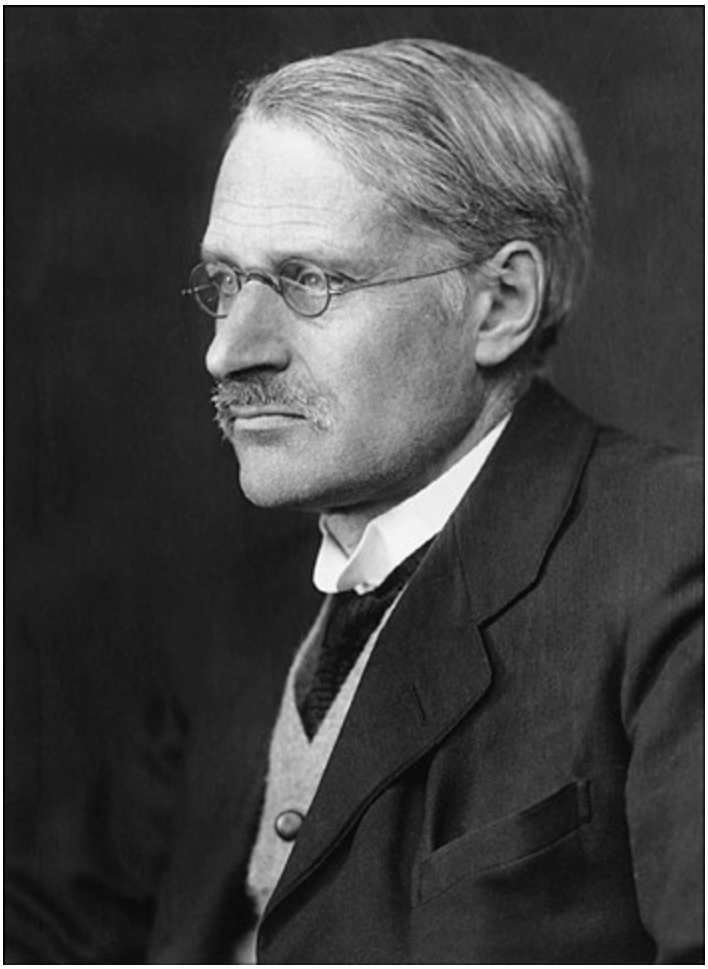
Европе». По поводу возникновения Крымской войны историк писал: «В том, что Николай I был непосредственным инициатором дипломатических заявлений и действий, поведших к возникновению войны с Турцией, не может быть, конечно, сомнений. Царизм начал, и он же проиграл эту войну, обнаружив свою несостоятельность и в дипломатической области, и в организации военной обороны государства, страдавшего от технической отсталости и от общих последствий господства дворянско-феодального крепостнического строя. Однако война была агрессивной не только со стороны царской России. Турецкое правительство охотно пошло на развязывание войны, преследуя определенные агрессивные реваншистские цели – возвращение северного побережья Черного моря, Кубани, Крыма. Позднейшие деятели – и откровенный Энвер-паша, и тонкий лукавец Ататюрк – могли бы в некотором отношении назвать кое-кого из турецких дипломатов 1853–1856 гг. своими духовными предками. Война оказалась грабительской с обеих сторон, если судить по мотивам, руководившим «политикой далекого прицела» обоих противников. Но были ли дипломатические, а потом и военные выступления Англии и Франции продиктованы, как упорно до сих пор пишут публицисты и историки этих стран, одним лишь желанием защитить Турцию от нападения со стороны России? На это должен быть дан категорически отрицательный ответ. Обе западные державы имели в виду отстоять Турцию (и притом поддерживали ее реваншистские мечтания) исключительно затем, чтобы с предельной щедростью вознаградить себя (за турецкий счет) за эту услугу и прежде всего не допустить Россию к Средиземному морю, к участию в будущем дележе добычи и к приближению к южноазиатским пределам. Обе западные державы стремились захватить в свои руки и экономику, и государственные финансы Турции, что им полностью и удалось в результате войны; обе деятельно между собой конкурировали и враждовали после Крымской войны (а отчасти даже и во время самой войны), взапуски стараясь обогнать друг друга на путях систематического обирания турецкой державы. У обеих западных держав были еще и другие разнохарактерные, большие цели, и на жестокий промах русской дипломатии и Пальмерстон и Наполеон III посмотрели как на счастливый, неповторимый случай выступить вместе против общего врага».

Тарле также является автором книг: «История Италии в Средние века» (1901), «Континентальная блокада» (1913), «Запад и Россия» (1918), «Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции (воспоминания современников и документы)» (1918), «Европа в эпоху империализма, 1871–1919 гг.» (1927), «Нашествие Наполеона на Россию» (1937), «Гитлеровщина и наполеоновская эпоха» (1942), «Нахимов» (1944), «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769–1774 гг.» (1945), «Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800)» (1948), «Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина в Средиземное море (1805–1807 гг.)» (1954), «Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств» (1965) и др.

Джордж Маколей Тревельян (1876–1962)

Джордж Маколей Тревельян, британский историк, внучатый племянник Т.Б. Маколея, родился 16 февраля 1876 года, в Стратфорд-апон-Эйвоне, Уорикшир, в семье сэра Джорджа Отто Тревельяна. Он был убежденным сторонником либеральной партии, и это отразилось в его работах. Тревельян пропагандировал партию вигов и ее преемницу, либеральную партию. После учебы в колледжах Виксенфорд и Харроу, где он специализировался на истории, Тревельян учился в Тринити-колледже в Кембридже, где был членом тайного общества «Апостолы Кембриджа» и основателем существующего до сих пор Общества Озерной охоты, члены которого устраивали охоты на зайцев с помощью собак, причем в роли собак и зайцев выступали люди. В 1898 году он получил стипендию в университете Тринити за диссертацию «Англия во времена Виклифа, 1368–1520» («England in the Age of Wycliffe, 1368–1520») (1899). Он читал лекции в Кембридже до 1903 года. Во время Первой мировой войны Тревельян командовал подразделением скорой помощи Британского Красного Креста на итальянском фронте, поскольку из-за плохого зрения был не годен к строевой службе. Он вернулся в Кембриджский университет в 1927 году в качестве профессора современной истории. В 1930 году историк стал первым президентом Ассоциации молодежных хостелов. В 1940–1951 годах Тревельян был главой Тринити-колледжа. В 1950–1958 годах историк являлся канцлером Даремского университета. Тревельян-колледж в этом университете был назван в его честь.

Тревельян был избран в 1925 году членом Британской академии, а в 1950 году – членом Королевского общества. Он был почётным доктором многих университетов, включая Кембриджский. Ученый умер 21 июля 1962 года в Кембридже.

Джордж Тревельян. Фото 1926 г.

Тревельян представлял либеральную традицию в британской историографии. Он положительно оценивал роль в истории партии вигов и ее преемницы либеральной партии. Историк верил, что демократическое правительство обеспечивает устойчивый социальный прогресс. Главный труд Тревельяна – «Английская социальная история: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории» («English Social History: A Survey of Six Centuries: Chaucer to Queen Victoria») (1944). Историк утверждал: «Социальная история может быть определена отрицательно: как история народа, из которой исключена политическая история. Может быть, трудно исключить политическую историю из истории любого народа, и особенно английского. Но так как до сих пор слишком много было написано исторических книг, состоящих из политических анналов, лишь с незначительными ссылками на социальное окружение, то обратный

метод может быть полезен для того, чтобы восстановить равновесие. Уже в период моей жизни возникло третье, весьма бурно развивающееся направление – экономическая история, которая очень помогает серьезному изучению социальной истории, потому что социальные явления порождаются экономическими условиями почти в такой же степени, как политические события, в свою очередь, порождаются социальными условиями. Без социальной истории экономическая история бесплодна и политическая история непонятна». Он также утверждал: «Викторианское процветание и викторианская цивилизация, схожие и в более грубых, и в более высоких проявлениях, были обязаны своим существованием тому, что целое столетие Англия не вела крупных войн и не подвергалась какой-либо серьезной национальной опасности. Пользуясь безопасностью под защитой флота, англичане думали обо всех проблемах жизни в условиях мира и безопасности, которые были на деле результатом временных и местных обстоятельств, а не являлись частью всеобщего порядка природы. Ни одна из великих стран, за исключением говорящей по-английски Америки, никогда не была столь крайне штатской по своим мыслям и практике, как викторианская Англия».

Говоря о своих работах, посвященных Джузеппе Гарибальди, Тревельян писал: «Без пристрастия я бы их никогда не написал. Написать их меня побудила поэтическая симпатия к страстям итальянских патриотов того периода, которые я ретроспективно разделял». Эти работы очень высоко оценивает современный британский историк Дэвид Каннадайн, полагавший, что «великой работой была его трилогия о Гарибальди (1907–1911), которая создала ему репутацию выдающегося книжного историка своего поколения. В нем Гарибальди изображался как герой в понимании Карлейля – поэт, патриот и человек действия, чье вдохновенное лидерство создало итальянскую нацию. Для Тревельяна Гарибальди был защитником свободы, прогресса и терпимости, который победил деспотизм, реакцию и мракобесие Австрийской империи и неаполитанской монархии. Книги также отличались ярким воспроизведением пейзажа (Тревельян сам следил за ходом маршей Гарибальди), новаторским использованием документальных и устных источников, а также энергичными описаниями сражений и военных кампаний». Каннадайн также полагал: «В первой половине XX века Тревельян был самым

известным, самым уважаемым, самым влиятельным и самым читаемым историком своего поколения… Он был знаком и переписывался со многими из величайших личностей своего времени… В течение 50 лет Тревельян выступал в качестве моралиста, поучавшего общество, и благотворителя, обладая неоспоримым культурным авторитетом среди правящих и образованных классов своего времени».

Тревельян также является автором книг: «Англия при Стюартах» («England Under the Stuarts») (1904), «Защита Гарибальди Римской Республики» («Garibaldi's Defence of the Roman Republic») (1907), «Гарибальди и его Тысяча» («Garibaldi and the Thousand») (1909) «Гарибальди и создание Италии» («Garibaldi and the Making of Italy») (1911), «Клио: муза и другие эссе» («Clio, A Muse and Other Essays») (1913), «Лорд Грей периода законопроект о реформе избирательной системы» («Lord Grey of the Reform Bill») (1920) (удостоена мемориальной премии Джеймса Тейта Блэка за биографию), «Британская история в XIX веке, 1782–1901» («British History in the Nineteenth Century, 1782–1901») (1922), «История Англии» («History of England») (1926), «Англия при королеве Анне» («England Under Queen Anne») (1930–1934) в 3 томах, «Английская революция, 1688–1698» («The English Revolution, 1688–1689») (1938) и др.

Люсьен Февр
(1878–1956)

Люсьен Февр, французский историк, родился 22 июля 1878 года в Нанси в семье университетского профессора-филолога. В 1902 году окончил Высшую нормальную школу в Париже, а в 1911 году защитил докторскую диссертацию «Филипп II и регион Франш-Конте. Этюды политической, религиозной и социальной истории» («Philippe II et la Franche-Comté. Étude d'histoire politique, religieuse et sociale»). В этой работе Февр реконструировал жизнь сельских и городских жителей в небольшой традиционной провинции Франции, рассматривая исторические события с точки зрения географии и окружающей среды того времени. Описывая реки, соляные копи, виноградники и другие географические особенности Франш-Конте, историк дает достоверное представление об атмосфере и мировоззрении того времени. Он также смог выявить негативное влияние, которое французское правительство оказало на жизнь этой провинции.

В 1911–1919 годах Февр был профессором университета Дижона, в 1919–1933 годах – профессором Университета Страсбурга, с 1933 года – профессором Коллеж де Франс. После начала Первой мировой войны в 1914 году Февр был вынужден оставить преподавание и поступить в армию, где он оставался до конца войны и был награжден Военным крестом. В Страсбургском университете Февр познакомился с историком Марком Блоком, ставшим его близким другом. В 1929 году они основали журнал «Анналы экономической и социальной истории» («Annales d'histoire économique et sociale»), с 1946 года называвшийся «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации» («Annales. Économies, Sociétés, Civilisations»), вокруг которого сформировалась в дальнейшем «новая историческая наука», или школа «Анналов». Целью «Анналов» было разрушить междисциплинарные «перегородки» между географами, экономистами, социологами и историками. В 1947 году Февр возглавил 6-ю секцию Практической школы высших исследований, посвящённую экономическим и социальным наукам. В 1945–1950 годам он был представителем Франции в ЮНЕСКО. Он был награжден орденом Почетного легиона

трех степеней – кавалера, офицера и командора (1924–1948). Февр был членом Академии морали и политики (1948). Ученый умер 11 сентября 1956 года в Сент-Амуре, департамент Юра.

Февр утверждал: «История – наука о Человеке; она, разумеется, использует факты, но это – факты человеческой жизни. Задача историка: постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать. История, разумеется, использует тексты, но это – человеческие тексты. Сами слова, которые их составляют, насыщены человеческой сутью. И у каждого из этих слов – своя история, каждое в разные эпохи звучит по-разному, и даже те из них, что относятся к материальным предметам, лишь изредка полностью совпадают по смыслу, лишь изредка обозначают равные или равноценные свойства». Он изучал исторические события в контексте географии, психологии и культуры того времени, когда они происходили. Такой подход стали называть «тотальной историей», или «простой историей» (histoire tout court), в том смысле, что в ней больше внимания уделялось монархам, правителям, полководцам и политической истории в целом, а не повседневной жизни простых людей. В книге «Неправильно заданный вопрос» («Une Question Mal Posée») Февр попытался изучить популярную религию, наблюдая и количественно оценивая поведение человека. Он собрал большой объем информации из монастырей и часовен, чтобы изучить влияние философии протестантов на религию и подход духовенства к пониманию и распространению своих взглядов среди мирян.

Люсьен Февр

Позднее Февр считал, что люди могут быть связаны силами, не подвластными их контролю. Он пришел к выводу, что религия и старые способы мышления непрактичны и даже могут быть опасны в современных условиях. Он сетовал, что «в общей неразберихе нашего времени старые идеи отказываются умирать и все еще находят признание в массах населения». Историк полагал, что изменить религиозные взгляды и установки так же сложно, как попытаться повлиять на исход любого рода политических или социальных потрясений. Он считал, что просвещение поможет избежать опасностей старого образа мышления.

Февр верил, что, сообщая об опасностях мышления старого мира, можно избежать возможных будущих экономических и политических катастроф. Он утверждал, что необходимо тщательно изучать настоящее, чтобы «достичь более глубокого понимания прошлого».

Февр является автором книг: «Земля и эволюция человека» («La Terre et l'évolution humaine») (1922), «Судьба. Мартин Лютер» («Un Destin. Martin Luther») (1928), «Цивилизация. Эволюция слова и группы идей» («Civilisation. Évolution d'un mot et d'un groupe d'idées») (1930), «Рейн. Проблемы истории и экономики» («Le Rhin. Problèmes d'histoire et d'économie») (1935), «Проблема неверия в XVI в. Религия Рабле» («Le Problème de l'incroyance au XVIe. La religion de Rabelais») (1942), «Бои за историю» («Combats pour l'histoire») (1953), «Для полноценной истории» («Pour une histoire à part entière») (1962) и др. Февр также был главным редактором «Французской энциклопедии» («Encyclopédie française») (1935–1940).

Туре Йонсон Арне (1879–1965)

Туре Йонсон Арне, шведский археолог и историк, родился 7 мая 1879 года в Сёдерчёпинге, лен Эстергётланд. В 1900 году он окончил Уппсальский университет. С 1909 года был куратором Шведской академии словесности. В 1902–1944 годах Арне работал в Государственном историческом музее в Стокгольме. Он путешествовал по Малой Азии и Сирии, а в 1911–1913 годах трижды посетил Россию. В 1914 году в Уппсале он получил степень доктора философии по археологии за работу по исследованию контактов Скандинавских стран и России в эпоху викингов в монографии «Швеция и Восток. Археологические исследования взаимоотношений Швеции и Востока в эпоху викингов» («La Suéde и l'orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings»), где показал важное значение торговых и иных связей Швеции и Руси с внешним миром и друг с другом. Всего с 1903 года Арне совершил свыше 50 археологических поездок и экспедиций. В 1921 году Арне был избран членом Шведской академии изящной словесности, истории и археологии, а в 1938 году он был удостоен звание профессора. В 1920–1930-х годах Арне был председателем Шведско-русского общества. Он умер 2 августа 1965 года в Оскаре, Швеция.

В 1911 году Арне принял участие в работе XV Археологического съезда в Новгороде. На нём он выступил с докладами «Сношения Швеции с Россией в эпоху викингов по свидетельствам археологии» и «Новгород во время шведского владычества по Балтийскому Поморью». Арне вспоминал об этой поездке: «В России меня часто спрашивали: «Что вы думаете о нашей стране и нашем народе?» На это я отвечал, что не могу дать исчерпывающего ответа на такой вопрос; 15-месячного пребывания в России недостаточно для того, чтобы составить достоверное представление о жизни народа, впрочем, даже не одного народа, а более чем 100 народов, населяющих эту огромную страну. Что вообще можно сказать о России, так это то, что она – страна контрастов, полная противоречий, обнаруживающая величайшее богатство и глубочайшую бедность, высокую

образованность и безмерное невежество, изысканный вкус и варварскую культуру, любовь к свободе и энтузиазм, с одной стороны, и рабскую психологию, жестокость и мошенничество – с другой».

Туре Арне. Фото 1910 г.

Он собрал коллекцию фотографий археологических памятников, сделанных им в 1913 году во время поездки в Российскую империю к берегам Днепра. Арне много сделал для упорядочения и издания скандинавских могильных древностей железного века. Он опубликовал результаты раскопок двух крупнейших шведских некрополей у Венделя и Туны. В русских древностях IX–XI веков Арне обнаружил много произведений северных и восточных мастеров. Он впервые начал изучать русско-скандинавские отношения по археологическим данным, подробно изучил материалы крупнейших русских могильников Ярославля, Гнездова, Киева и Чернигова. Арне выдвинул теорию норманнской колонизации на территории Древней Руси. Он рассматривал памятники материальной культуры как

свидетельство культурных и экономических связей. Арне писал о значительном вкладе выходцев из Скандинавии в мировую торговлю того периода. Он считал, что норманны, переселившиеся в Восточную Европу, создали свои колонии вдоль торговых путей в наиболее важных в экономическом и стратегическом отношении пунктах.

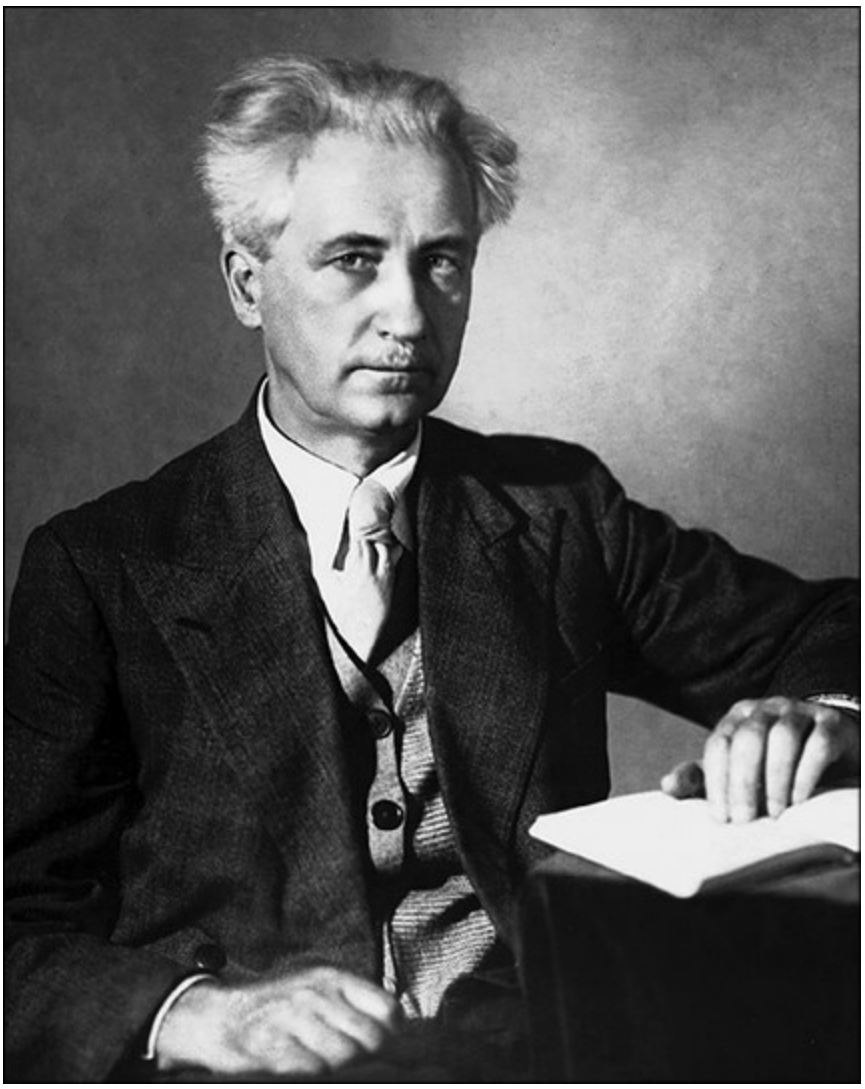
В 1928 году Арне участвовал в раскопках курганов в Юго-Восточном Приладожье, а в 1931 году опубликовал некоторые комплексы Шестовицкого могильника. Он изучал астрабадский бронзовый век в Юго-Восточном Закаспии в районе Шах-Тепе, обрабатывал китайские находки III тысячелетия до н. э., в 1929 году посетил Туркмению, а в 1932–1933 годах участвовал в азиатской шведской экспедиции Свена Гедина, издал материалы сибирского финно-угорского поселения VIII–X веков «Барсов городок». Арне считал, что Россия – это «большая дверь в Азию» для шведской экономики и науки, поскольку «через Россию идут пути для изучения греческой и исламской культуры. Русская земля и русские архивы хранят сокровища для изучения шведской истории». Всего Арне написал около 400 работ. Он владел русским, финским, венгерским, персидским и китайским языками.

Историк является автором книг: «Великий Свитьод. Очерки о прошлых шведско-российских культурных отношениях» («Det stora Svitjod. Essauer om gangna tiders svensk-ruska kulturfobindelser») (1917) и «Раскопки в Шах-Тепе, Иран» («Excavations at Shah Tepé, Iran») (1945).

Борис Дмитриевич Греков (1882–1953)

Борис Дмитриевич Греков, русский и советский историк, родился 21 апреля (3 мая) 1882 года в Миргороде Полтавской губернии в семье почтового чиновника Дмитрия Игнатьевича Грекова. В 1911 году он поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета, а в 1905 году перевёлся в Московский университет. После окончания Московского университета в 1907 году Греков преподавал историю в гимназиях Холма и Петербурга, а в 1910–1913 годах работал директором библиотеки Шереметевых в селе Михайловском (Подольский уезд Московской губернии). Также с 1907 года он преподавал в Петербургском коммерческом училище и в 1909–1916 годах – на Бестужевских курсах. В 1913 году ученый стал сотрудником Императорской археографической комиссии. В 1913–1915 годах Греков описал архив Большого Тихвинского монастыря, а в 1916–1917 годах – архива Соловецкого монастыря и вывез его в Пермь. 7 декабря 1914 года в Петроградском университете Греков защитил магистерскую диссертацию «Новгородский дом Святой Софии (Опыт организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины)». В 1914–1916 годы он был приват-доцентом Петроградского университета. В годы Первой мировой войны историк был командирован в Пермь, где открылось отделение Петербургского университета. В 1916–1918 годах Греков был приват-доцентом, а затем ординарным профессором, основателем кафедры русской истории историко-филологического факультета Пермского университета и заведующим ею. В 1918 году захватившими Пермь красными Греков был внесен в списки заложников, о чем его предупредил кто-то из бывших студентов. Ему пришлось спешно уехать в Крым, где жила его сестра и где он стал профессором Таврического университета в Симферополе. В 1919–1921 годах он занимал должность товарища председателя Таврической учёной архивной комиссии и являлся первым заведующим Крымского центрального архива, а 1920–1921 годах – деканом историко-филологического факультета Таврического университета. В 1921 году Греков вернулся в Петроградский

университет и вновь стал членом Археографической комиссии.

Б.Д. Греков

8 сентября 1930 году он был арестован по «Академическому делу». Его обвинили в принадлежности к «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России», а также в том, что, находясь в 1918–1920 годах в Крыму, он служил в белой армии. В действительности Греков ни в Вооруженных силах Юга России, ни в Русской армии барона П.Н. Врангеля не служил, но в числе профессоров Таврического университета подписал приветственный адрес Врангелю по случаю его назначения главнокомандующим. Кроме того, он

произнес приветственную речь на приеме, организованном Врангелем для интеллигенции Крыма, а ранее, на торжественном обеде, данном в честь пребывания в Крыму командующего Добровольческой армией А.И. Деникина, Греков от лица профессуры также произнес речь о «светлых рыцарях, борющихся против черной рати большевиков». Через месяц с небольшим заключения Греков был освобожден под поручительство коллег, в том числе М.Н. Покровского.

В 1934 году он без защиты диссертации получил степень доктора исторических наук и стал членом-корреспондентом, а в 1935 году – академиком АН СССР. В 1939 году его избрали академиком Академии архитектуры СССР. В 1936–1938 годах Греков являлся директором Института истории АН СССР в Ленинграде, а с 1938 года возглавлял этот же институт в Москве. С 1943 по 1947 год он состоял по совместительству директором Института истории материальной культуры, а с 1947 по 1951 год – директором Института славяноведения. С 1944 года Греков был президентом исторической секции Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. В 1946–1953 годах историк являлся академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР. Греков был депутатом Ленсовета (1927–1928), Верховного совета РСФСР (1947–1950) и Верховного Совета СССР (1950–1953). В 1950 году он стал заместителем председателя Советского комитета защиты мира. С 1947 года Греков являлся членом Болгарской и Польской академий наук. Он также был почётным членом АН Белорусской ССР и доктором философии Пражского университета. Он был дважды лауреатом Сталинской премии 1-й степени (1943, 1948) и один раз был удостоен Сталинской премии 2-й степени (1952). Греков был награжден 2 орденами Ленина. Греков умер в Москве 9 сентября 1953 года.

Греков был одним из любимых историков Сталина. Он создал концепцию феодализма в Древней Руси. С конца 1930-х годов он считался фактическим руководителем советских историков. Согласно Грекову, восточные славяне перешли от общинного строя к феодальным отношениям, минуя рабовладельческую формацию. Историк также полагал, что основой хозяйственной деятельности Древней Руси кроме охоты и промысла было высокоразвитое пашенное земледелие, что также выглядит некоторым преувеличением. Ученый отрицал, что восточные славяне отставали в

своем развитии от народов Запада. Греков преувеличивал степень развития государственности в Древней Руси и полагал, что Киевская Русь была вполне сложившимся и сильным для своего времени государством задолго до появления в ней варягов (норманнов), несмотря на то что до появления норманнов на территории восточных славян в начале IX века письменные, равно как и археологические источники признаков государственности здесь не фиксируют.

В своих трудах историк использовал богатейший материал, найденный им в архивах северных монастырей. Греков был автором концепции о том, что Киевская Русь была общей колыбелью для русского, украинского и белорусского народов. Он утверждал: «История Киевского государства – это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны». Как писал ученый, «под власть Киева были втянуты все восточнославянские и многие неславянские племена. Киевское государство стало обороноспособным в полной мере и грозным для своих соседей. Вражда племенных вождей прекратилась, появились условия для дальнейшего развития страны. Это, несомненно, важное достижение. Русский народ не случайно так хорошо запомнил этот период своей истории».

Греков глубоко исследовал историю русского крестьянства с IX века и вплоть до окончательно установившего крепостное право Соборного уложения 1649 года. Он сделал следующий вывод: «Русский крестьянин со своим топором и сохой привел в культурное состояние необозримые пространства Восточно-Европейской равнины и сумел перенести свои трудовые навыки на Урал, в далекую Азию. Крестьянин с оружием в руках оборонял свою родную землю в борьбе с многочисленными врагами и заслужил славу непобедимого. Крестьянин, несмотря на очень неблагоприятные условия, в которых он веками жил, дал своей стране сотни великих людей в области науки, искусства и литературы».

Роль Золотой Орды в русской истории Греков оценивал отрицательно: «Не при содействии татар, а именно в процессе тяжелой борьбы русского народа с золотоордынским гнетом создавалось Русское государство с Москвой во главе. Не Золотая Орда его создала,

а родилось оно вопреки воле татарского хана, вопреки интересу его власти». Ученый видел все серьезные методологические трудности изучения древней истории: «Вполне понятную для древнейшей поры нашей истории скудость письменных источников наша современная наука пытается восполнить путем привлечения к решению стоящих перед нею задач новых и самых разнообразных материалов. Это – памятники материальной культуры, данные языка, пережитки самого русского народа, а также пережитки и быт народов нашего Союза, еще недавно стоявших на низших ступенях общественного развития, и пр. Но и расширение круга источников все же еще не дает нам возможности полностью разрешить стоящие перед нами проблемы и проникнуть в покрытое мраком далекое прошлое. Археология при всех своих больших успехах, особенно за последнее время, все же, в силу специфичности своего материала и методов его изучения, часто бессильна ответить на ряд стоящих перед нами вопросов; лингвистика не только ограничена в своих возможностях, но далеко не всегда дает нам даже то, что может дать. Сочетание данных археологии и лингвистики с привлечением фольклора, конечно, очень расширяет границы исторического знания, но тем не менее и этого недостаточно, чтобы спорные суждения превратить в бесспорную очевидность. Нельзя себя утешать и тем, что с момента появления письменных памятников положение историка делается совершенно иным, что письменные источники способны окончательно вывести нас из области более или менее обоснованных предположений. Письменный источник имеет свои особенности, требует специального подхода и далеко не всегда гарантирует возможность решения спорных вопросов, исключающую вполне законные сомнения». Греков осуществил академическую публикацию Русской Правды (1940–1947) в 2 томах и ряда других исторических источников.

Греков является автором книг: «Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне» (1934), «Феодальные отношения в Киевском государстве» (1936), «Культура Древней Руси» (1944), «Крестьяне на Руси: с древнейших времён до XVII века» (1946), «Золотая Орда и ее падение» (1937, 1950) (в соавторстве с А.Ю. Якубовским), «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVIII века» (1952–1954) в 2 томах и др.

Марк Блок
(1886–1944)

Марк Блок, французский историк, родился 6 июля 1886 года в Лионе в еврейской семье профессора истории Густава Блока и Сары Блок, урождённой Эбштейн. По этому поводу Блок писал: «Я – еврей, но не в силу своих верований, которых я не разделяю; я еврей потому, что я им родился. Я не испытываю по этому поводу ни гордости, ни стыда. Я считаю себя довольно хорошим историком, чтобы не знать, что расовая предрасположенность – это миф и само понятие чистой расы – это величайшая глупость, особенно когда это понятие употребляется в отношении группы верующих, собравших в себе средиземноморские, тюрко-хазарские и славянские крови. Я буду отстаивать свое происхождение лишь в том случае, если столкнусь с антисемитом». В 1903 году он с отличием окончил лицей Людовика Великого в Париже, в 1908 году – Высшую нормальную школу. В 1905–1906 годах Блок служил в армии. В 1908–1909 годах он проходил стажировку по истории и географии в Лейпциге и Берлине на стипендию министерства иностранных дел. В 1909–1912 годах Блок являлся стипендиатом Фонда Тьера. В 1914–1918 годах он служил во французской армии, получил ранение, начал войну сержантом, закончил капитаном и был награжден двумя бронзовыми и двумя серебряными Военными крестами.

С 1919 года Блок преподавал историю Средних веков в университете Страсбурга, где с 1921 года был экстраординарным, а в 1927–1936 годах – ординарным профессором истории. В 1920 году в Париже он защитил диссертацию «Короли и сервы» («Rois et serfs»). В 1936–1937 годах Блок являлся доцентом, а потом экстраординарным профессором истории экономики в Сорбонне. В 1938 году он был избран профессором кафедры экономики. В 1929 году Блок вместе с Люсьеном Февром основал журнал «Анналы экономической и социальной истории» («Annales d’histoire économique et sociale»), с 1946 года называвшийся «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации» («Annales. Économies, Sociétés, Civilisations»), вокруг которого сформировалась в дальнейшем «новая историческая наука»,

или школа «Анналов». В 1939–1940 годах Блок служил во французской армии, был награжден позолоченным Военным крестом и в 1940 году был эвакуирован из Дюнкерка в Англию, но в том же году вернулся в неоккупированную часть Франции, где оставалась его семья, и преподавал в 1940–1942 годах в Страсбургском университете, переведенном сначала в Клермон-Ферран, затем в Монпелье. О боевых действиях в 1939–1940 годах историк написал книгу «Странное поражение» («L'etrange defaite») (1946). Там он с горькой иронией заметил: «Мы потерпели сокрушительное поражение. Чья в этом вина? Государственного режима, армии, английских войск, пятой колонны – такой ответ дают наши генералы. Виноватыми оказались все, кроме них самих».

Получив предложение уехать в США, Блок отверг его и с конца 1942 или с начала 1943 года участвовал в движении Сопротивления, находился на нелегальном положении под именем Мориса Бланшара. Он занимался выпуском пропагандистских материалов, редактировал подпольную газету «Cahiers Politique» и стал региональным руководителем Сопротивления. 8 марта 1944 года Блок был арестован в Лионе полицией Виши во время облавы и передан гестапо. Несмотря на пытки, он не дал никаких показаний и был расстрелян 16 июня 1944 года в Сен-Дидье-де-Форман, департамент Эн. Он умер со словами: «Да здравствует Франция!» Посмертно Блок был награжден орденом Почетного легиона степени кавалера и медалью Сопротивления.

Марк Блок

Блок рассматривал историю как науку, способную установить между явлениями логические связи. Предметом исторического исследования он считал человека во времени. Блок полагал, что сознание человека изменяется во времени под воздействием различных факторов, причем «когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая жизнь превращается в чёрно-белую картину». Исследователю же следует научиться понимать человека прошлого и не приписывать свои собственные черты этому сознанию. Блок предлагал рассматривать человека как продукт своего времени, так как нельзя подходить с одинаковыми установками к человеку, действовавшему в Античности, в Новое или в Новейшее время. Ученый полагал, что «время истории – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты». Он утверждал, что некоторые явления современности можно понять, только зная их истоки в прошлом, причём иногда весьма

далёком, а понять прошлое помогает наблюдение настоящего, поскольку «в современности непосредственно доступен нашим чувствам трепет человеческой жизни, для восстановления которого в старых текстах нам требуется большое усилие воображения». Блок был уверен в том, что «история – прежде всего наука об изменениях. При изучении различных проблем я стремился никогда не терять из виду эту истину. Однако мне пришлось, особенно в отношении различных хозяйственных распорядков, разъяснять очень далекое прошлое» в свете значительно более близких к нам времен. «Чтобы познать настоящее, надо прежде всего от него отвлечься», – сказал недавно Дюркгейм, начиная курс лекций по истории семьи. Согласен. Но бывают также случаи, когда для истолкования прошлого надо рассмотреть сначала настоящее или по крайней мере более близкое к современности прошлое». По мнению историка, «каждому типу явлений присуща своя, особая мера плотности изменения, своя специфическая… система счисления. Преобразования социальной структуры, экономики, верований, образа мышления нельзя без искажения втиснуть в слишком узкие хронологические рамки».

Историческому времени свойственны отрезки времени, согласующиеся с внутренним ритмом явлений. Блок полагал, что для объяснения того или иного явления, необходимо понять его природу, а это возможно лишь при знакомстве с ним в наиболее зрелом виде. Он подчеркивал, что нашему непосредственному наблюдению доступны только следы прошлого – исторические источники: текстовые и материальные, географические, языковые и так далее – «всё, что человек говорит или пишет, всё, что он изготавливает, всё, к чему он прикасается, может и должно давать о нём сведения». Блок считал, что критика источника не должна ограничиваться одной лишь достоверностью сообщения, поскольку надо разделять сообщения источника на намеренные и ненамеренные, причем вторые обычно являются более ценными для историка. Например, порой жития святых не содержат детальной информации об их жизни, но могут указывать на особый склад мышления их автора и образ жизни той эпохи, когда создавался текст жития. Следует проверять достоверность источника при помощи других документов, способных подтвердить или опровергнуть его сообщение. Необходимо принимать во внимание язык источника, адекватность источника описываемому времени и

месту, а также упоминаемые в источнике политические институты. Если хотя бы по одному из указанных параметров выявлено несоответствие, то источник признается недостоверным, но при этом необходимо также объяснить, с какой целью автор источника прибег к обману. Надо также учитывать психологию автора источника, что позволит понять, является ли ошибка в источнике случайной или намеренной. При совпадении информации, сообщаемым данным источником, с информацией другого источника, речь может идти как о заимствовании, так и о независимом подтверждении достоверности информации. Но в последнем случае надо проверить, не восходит ли совпадающая в двух источниках информация к общему третьему источнику. Блок считал, что исторический источник, если задавать ему правильные вопросы, может дать показания о многих сферах человеческой жизни, но следует стремиться к воссозданию единого сознания человека прошлого. Блок был сторонником единой терминологии исторического исследования, с точными, отражающими исторические реалии понятиями. По его мнению, «в отличие от других, наша цивилизация всегда многого ждала от своей памяти. Этому способствовало все – и наследие христианское, и наследие античное. Греки и латиняне, наши первые учителя, были народами-историографами. Христианство – религия историков. Другие религиозные системы основывали свои верования и ритуалы на мифологии, почти не подвластной человеческому времени. У христиан священными книгами являются книги исторические, а их литургии отмечают – наряду с эпизодами земной жизни Бога – события из истории церкви и святых. Христианство исторично еще и в другом смысле, быть может, более глубоком: судьба человечества – от грехопадения до Страшного суда – предстает в сознании христианства как некое долгое странствие, в котором судьба каждого человека, каждое индивидуальное «паломничество» является в свою очередь отражением; центральная ось всякого христианского размышления, великая драма греха и искупления, разворачивается во времени, т. е. в истории. Наше искусство, наши литературные памятники полны отзвуков прошлого; с уст наших деятелей не сходят поучительные примеры из истории, действительные или мнимые. Наверное, здесь следовало бы выделить различные оттенки в групповой психологии… Несомненно также, что цивилизации меняют свой облик. В принципе

не исключено, что когда-нибудь наша цивилизация отвернется от истории. Историкам стоило бы над этим подумать. Дурно истолкованная история, если не остеречься, может в конце концов возбудить недоверие и к истории, лучше понятой. Но если нам суждено до этого дойти, это совершится ценою глубокого разрыва с нашими самыми устойчивыми интеллектуальными традициями». Как считал историк, «документы недавнего прошлого будят любознательность. Старые тексты далеко не всегда оставляют ее неудовлетворенной. Исследованные надлежащим образом, они дают значительно больше, чем можно было от них ожидать на первый взгляд, в особенности памятники юридической практики – постановления, акты судебных процессов, – разбор которых, к сожалению, так плохо осуществлен при современном состоянии нашего исследовательского аппарата. И все-таки они могут ответить далеко не на все вопросы. Отсюда искушение сделать на основе данных этих упрямых источников более определенные выводы, чем те, для которых имеются основания, а в результате – ошибки в истолковании источников, забавные образцы которых было бы нетрудно привести».

Блок является автором книг: «Иль де Франс» («L'Ile de France») (1913), «Короли и чудотворцы» («Rois et Thaumaturges») (1924), где, отталкиваясь от «распространённой в Средние века вере в способности французских и английских королей исцелять золотушных больных», Блок исследовал политические и социальные аспекты коллективной психологии, «Оригинальные черты французской сельской истории» («Les caractéres originaux de l'histoire rurale francaise») (1931) и «Феодальное общество» («La Société Féodale») (1939) в 2 томах, «Апология истории, или Ремесло историка» («Apologie pour l’Histoire ou Metier d’Historien») (1941–1942).

Самуэль Элиот Морисон (1887–1976)

Самуэль Элиот Морисон, американский военно-морской историк, родился 9 июля 1887 года в Бостоне (Массачусетс) в весьма состоятельной и влиятельной в Бостоне буржуазной семье Джона Холмса Морисона (1856–1911) и Эмили Маршалл (Элиот) Морисон (1857–1925). Он учился в Школе Нобла и Гринафа и Школе Святого Павла. Морисон получил степень бакалавра искусств в Гарвардском университете в 1908 году, затем в течение года обучался в Свободной школе политических наук в Париже и вернулся в Гарвардский университет в 1909 году, где в 1912 году получил степень доктора философии по истории США. Диссертация Морисона была посвящена биографии его прадеда, американского политика Харрисона Грея Отиса (1765–1848).

В 1912–1915 годах Морисон преподавал в Калифорнийском университете в Беркли, а с 1915 года – в Гарвардском университете. В годы Первой мировой войны он служил в американской армии рядовым, но не участвовал в боевых действиях. Он также был американским делегатом в Балтийской комиссии Парижской мирной конференции до 17 июня 1919 года. В 1922–1925 годах Морисон был первым хармсвортским профессором по истории США в Оксфордском университете, в 1925 году он стал полным профессором Гарвардского университета и оставался им до 1955 года, а в 1941–1942 годах преподавал историю США в Университете Джонса Хопкинса. В 1939–1940 годах Моррисон организовал экспедицию, пересёкшую Атлантический океан на парусных судах по маршруту Христофора Колумба. По результатам этой экспедиции он написал биографию Колумба «Адмирал океана» («Admiral of the Ocean Sea») (1942), получившую в 1943 году Пулитцеровскую премию в номинации биографий и автобиографий. Позднее Морисон обследовал берега Карибского моря с воздуха и опубликовал иллюстрированную книгу «Картюское море, как его увидел Колумб» («The Caribbean as Columbus Saw It») (1964), в соавторстве с Маурисио Обрегоном.

После начала Второй мировой войны он предложил своему другу, президенту США Франклину Рузвельту, написать историю Военно-морских сил США с точки зрения человека, который сам служит в них, и 5 мая 1942 года был произведен в лейтенант-коммандеры резерва (соответствует званию майора в армии) и сразу же призван на действительную службу во флот. Всем соединениям и частям Военно-морского флота США было приказано предоставить в распоряжение Морисона требуемые им материалы. Историк находился с американским флотом на Тихоокеанском театре военных действий с марта 1943 по июль 1945 года, за исключением перерыва с ноября 1944 по январь 1945 года, когда он наблюдал боевые действия в Европе, и в ноябре 1942 года, когда он находился на Средиземноморском театре. За время войны он выходил на боевые задания на 12 различных военных кораблях – на патрульных катерах, эсминцах, на тяжёлых крейсерах. Морисон участвовал в совещаниях по планированию операций; своими глазами наблюдал морские сражения; чудом избежал смерти во время атаки пилота-камикадзе и проводил интервью с командирами на Тихоокеанском театре военных действий, а также имел доступ к секретным документам.

Самуэль Морисон

Морисон в качестве члена экипажа американского крейсера «Бруклин» участвовал в высадке союзников в Северной Африке в ноябре 1942 года. Некоторые проблемы военно-морской стратегии историк обсуждал лично с президентом Рузвельтом. К концу войны он был произведен в капитаны (соответствует полковнику в армии) и был награжден орденом очёта».

Морисон работал с группой исследователей над подготовкой «Истории военно-морских операций Соединенных Штатов во Второй мировой войне» («History of U.S. Naval Operations in World War II») (1947–1962) в 15 томах. Труд Морисона является основополагающим в историографии Второй мировой войны на море, а описание боевых операций на Тихоокеанском театре военных действий до сих пор не

имеет аналогов. Написанная Морисом «История» заслуженно считается лучшим трудом по военно-морской истории Второй мировой войны.

По окончании войны Морисон получил доступ к трофейным архивам держав оси. Именно он первым ввел в научный оборот архивы германского флота, оказавшиеся в оккупационной зоне американской армии. Морисон также использовал протоколы допросов японских офицеров и их воспоминания об участии в боевых действиях. Он исследовал вопросы стратегии и тактики, технологические проблемы и подвиг отдельных солдат, матросов и офицеров. Он признавал доблесть не только американских, британских и советских моряков, но и их противников из Германии, Японии и Италии. Он также достаточно критически подходил к используемому материалу и, в частности, выражал сомнения в правдивости ряда американских донесений.

Изданный в 1948 году 3-й том «Истории» – «Восходящее солнце над Тихим океаном» («Rising Sun in the Pacific»), посвященный войне на Тихом океане, – получил премию Бэнкрофта в 1949 году. Весь 15-томник в 1963 году был удостоен премии Бальцана.

1 августа 1951 года Морисон был переведен в список почетных отставников военно-морского резерва и получил звание контр-адмирала. В 1964 году он был удостоен Президентской медали свободы. Морисон скончался от инфаркта в Бостоне 15 мая 1976 года.

Морисон так характеризовал значение битвы за Атлантику: «За исключением сражения с линкором «Бисмарк» и нескольких боев меньшего значения, имевших место в Баренцевом море, в течение периода, затрагиваемого в настоящем томе, в Атлантике не было морских боев в полном смысле этого слова. Битва за Атлантику явилась в основном борьбой за защиту жизненно важных коммуникаций. Эта борьба велась американским Атлантическим флотом и флотами союзников с подводными лодками держав оси, осуществлялась авиацией поддержки и несколькими надводными кораблями и была борьбой за сохранение связи с нашими силами в Европе и Африке и нашими заокеанскими союзниками, включая Россию. Только Рузвельт и Черчилль – главы двух государств, участвовавших в войне, – полностью осознали важность и значение океанских коммуникаций. Во всех предыдущих войнах торговля

вызывала необходимость наличия действующего торгового флота. Как доказал Мэхен, побеждает та нация, которая торгует и сражается. Во Второй мировой войне эта аксиома продолжала в основном оставаться справедливой, однако частная торговля с целью наживы почти целиком пошла на убыль. Масштабы и характер торговых отношений между союзниками определялись исключительно военными усилиями. Все торговые суда, которые не использовались как войсковые транспорты или для переброски снабжения, были направлены на доставку огромного количества стратегических материалов с отдаленных островов и континентов, чтобы обеспечить живую силу различным вооружением, строить самолеты, корабли и танки, столь необходимые для ведения современной войны». Касаясь разгрома американского флота в Перл-Харборе и последующих неудач первых месяцев войны на Тихом океане, Морисон подчеркивал: «Я считаю своим долгом перед теми храбрецами, которые сдерживали натиск превосходящих сил противника, столь же подробно описать неудачи, как и последующие победы».

Он так характеризовал японскую стратегию после Перл-Харбора: «Японцы знали, что Америка имела возможность вернуть потерянное, но они предполагали, что благодаря изоляции Австралии и Новой Зеландии, а также операциям японского военно-морского флота на внутренних коммуникационных линиях союзников любая попытка английского или американского флотов пробиться через оборонительную линию сможет быть отбита в течение как минимум 18 месяцев, аможет быть, и двух лет. Японцы надеялись, что к этому времени англоязычные державы будут настолько истощены войной на двух океанах, что согласятся на заключение мира и оставят за Японией все завоеванные ею территории. Затем Япония смогла бы без помех заняться полным подчинением Китая. Более половины населения мира находилось бы в экономической, политической и военной зависимости от Страны восходящего солнца. Если не восемь углов мира, то по крайней мере пять из них оказались бы под «одной крышей», как когда-то предсказывал император Дзимму».

Труды Морисона отличались хорошим литературным стилем. Он писал: «Американские историки в своем стремлении представить факты и похвальном стремлении говорить правду пренебрегли

литературными аспектами своего ремесла. Они забыли, что существует искусство написания истории».

Морисон является автором книг: «Морская история Массачусетса, 1783–1860» («The Maritime History of Massachusetts, 1783–1860») (1921), «Три века Гарварда, 1636–1936» («Three Centuries of Harvard: 1636–1936») (1936), «Португальские путешествия в Америку в XV веке» («Portuguese Voyages to America in the Fifteenth Century») (1940), «История как литературное искусство: Обращение к молодым историкам» («History as a Literary Art: An Appeal to Young Historians») (1946), «Христофор Колумб, мореплаватель» («Christopher Columbus, Mariner») (1955), «Свобода в современном обществе» («Freedom in Contemporary Society») (1956), «Стратегия и компромисс» («Strategy and Compromise») (1958), «Джон Пол Джонс: Биография моряка» («John Paul Jones: A Sailor's Biography») (1959), удостоенная Пулитцеровской премии, «Весенние приливы» («Spring Tides») (1965), «Оксфордская история Соединенных Штатов» («Oxford History of United States») (1965), «Сэмюэль де Шамплен: отец Новой Франции» («Samuel de Champlain: Father of New France») (1972), «Европейское открытие Америки» («The European Discovery of America») (1971–1974) в 2 томах, «Консервативная американская революция» («The Conservative American Revolution») (1976) и др.

Василий Васильевич (Вильгельм Вильгельмович (Фридрихович) Струве (Мейснер) (1889–1965)

Василий Васильевич (Вильгельм Вильгельмович (Фридрихович) Струве (Мейснер), русский и советский историк-востоковед, основатель советской школы историков Древнего Востока, родился 21 января (2 февраля) 1889 года в Петербурге в семье немцев, выходцев из Дании. Российское дворянство выслужил еще прадед историка, известный астроном Василий Яковлевич Струве (1793–1864), приехавший в Российскую империю еще в 1808 году. Отец историка Василий (Вильгельм) Бернгардович Струве (1854–1912) руководил Константиновским межевым институтом. Он усыновил Струве, рано лишившегося родителей. Отцом же Струве был дворянин, помещик Казанской губернии Фридрих-Карл Константинович Мейснер. В 1907–1911 годах Струве обучался на историко-филологическом факультете Петербургского университета и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1913 году он проходил стажировку в Германии по египтологии. Струве овладел всеми видами египетского иероглифического письма, включая демотическое.

После начала Первой мировой войны ему было разрешено именоваться Василием Васильевичем вместо Вильгельма Вильгельмовича. В 1916 году Струве стал приват-доцентом Петроградского университета, а в 1920 году – профессором кафедры Древнего Востока Петроградского университета, где и преподавал до конца жизни. Он был заведующим отделом искусства и культуры Египта в Эрмитаже в 1918–1933 годах. С 1919 года Струве на восточном факультете Петроградского университета занимался аккадским, древнееврейским и другими семитскими языками, а также шумерским языком. Он владел практически всеми языками народов Древнего мира и почти все источники мог читать в оригинале. В 1928 году В.В. Струве защитил магистерскую диссертацию о

древнеегипетском историке Манефоне, жившем в IV–III веках до н. э., – «Манефон и его время». Степень доктора исторических наук была присуждена ему без защиты диссертации.

В 1934 году Струве был избран академиком АН СССР. В 1937–1940 годах он возглавлял Институт этнографии АН СССР, в 1941–1950 годах – Институт востоковедения АН СССР, а с 1959 года заведовал древневосточным отделом института. В 1952–1965 годах историк был заведующим кафедрой Древнего Востока ЛГУ. Он был награжден орденом Ленина (1945) и орденом Трудового Красного Знамени (1959). Струве был почетным членом-корреспондентом Пражской академии наук и заслуженным деятелем науки Узбекской ССР (1943). Ученый скончался 15 сентября 1965 года в Ленинграде.

Струве доказал, что египетский историк Манефон, написавший на греческом языке историю своей родины для ее новых повелителей Лагидов, опирался на подлинные египетские тексты, был знаком с содержанием архивов фараонов, а искажение данных, содержащееся в отрывках его трудов, дошедших до нас в передаче других античных авторов, исходят не от Манефона, а от тех, кто знакомился с его трудом и цитировал его еще в древности.

После 1917 года Струве перешел на марксистские позиции. Он следовал марксистской теории чередования 5 общественно-экономических формаций как универсальных этапов исторического развития человечества: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической ив перспективе социалистической (коммунистической). Он создал собственный оригинальный курс истории Древнего Востока, впервые строившийся на основании анализа характера социально-экономических отношений и экономического базиса древневосточных обществ. Струве также включил в понятие «Древний Восток» древнейшие государства Китая, Индии и прилегающих к ним территорий. Он полагал, что основной формой эксплуатации труда на Древнем Востоке, как и в античном мире, было использование рабов (но позднее он признал, что основой экономической жизни в древневосточных странах все же была эксплуатация крестьян-общинников, так как долговое рабство у этих народов было развито неравномерно, а завоевательные походы ещё не являлись основным источником пополнения количества рабов). Он определял древневосточные общества как раннерабовладельческие,

основываясь на собственном анализе структуры шумерского общества, тогда как Б.А. Тураев считал их феодальными, исходя из схожих черт в политической организации древневосточных обществ в определенные периоды их развития (например, Египта в эпоху Среднего царства) с некоторыми чертами политической организации средневековых европейских и азиатских обществ.

В.В. Струве. Фото 1938 г.

Струве утверждал, что во всех классовых обществах Древнего Востока в той или иной степени существовали рабовладельческие отношения, причем восточное рабство походило на античное. Но при этом классических рабов все же было немного по сравнению с массой

в той или иной степени свободных непосредственных производителей. Он писал: «Говоря о древневосточном обществе как о рабовладельческом, мы не должны под этим определением забывать о специфических особенностях конкретных исторических обществ. Неправильно вместе с тем было бы подчеркивать, как это до самого последнего времени делалось в трудах некоторых советских историков, абсолютное отличие древневосточных обществ от обществ Греции и Рима. Также не можем мы говорить о всем Древнем Востоке в целом, стирая всякие отличия в истории отдельных стран, как не следует, например, стирать отличия в истории Аттики, Спарты, Беотии, Македонии. Мы должны иметь в виду в каждом отдельном случае исследования какое-либо конкретное государство. На Древнем Востоке были такие государства, как Египет, Хеттское царство, Ассирия, финикийские города, отличающиеся своими особенностями. Все же некоторые общие черты для древневосточных рабовладельческих обществ, черты, отличающие их от античных обществ Греции и Рима, следует отметить. Эти особенности заключаются прежде всего в сохранении некоторых черт первобытно-общинного строя, в сохранении сельской общины, сохранении некоторых элементов патриархальных отношений, в несколько замедленном, застойном характере развития общества, в чрезвычайной стойкости общинных форм собственности на землю». По мнению историка, «на Древнем Востоке рабство сохраняет характер домашнего рабства, оно еще не проникает во все сферы хозяйственной жизни, количество рабов относительно невелико, производство носит преимущественно натуральный характер».

Впоследствии многие советские историки отрицали тезис Струве о наличии частной собственности на Древнем Востоке. Он утверждал: «Только на более высокой ступени развития производительных сил общества начинают осваиваться земли, не орошаемые общинной системой ирригации, и эти земли становятся частной собственностью тех, кто их использует. Отсутствие частной земельной собственности, сохранение общинных форм собственности, деспотическая власть царя – все это придает древневосточным обществам застойный характер развития. Они отрываются от основ первобытно-общинного строя чрезвычайно медленно, лишь постепенно переходя к рабовладельческому способу производства».

В 1930 году Струве впервые издал «Московский математический папирус» из Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве, разбив его на 25 задач и найдя решение каждой задачи («Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der Schönen Künste in Moskau»).

Струве является автором книг: «Петербургские сфинксы» (1912), «Заупокойный культ Древнего Египта: «Путеводитель по выставке в залах Эрмитажа» (1919), «Происхождение алфавита» (1923), «История Древнего Востока» (1941), «Очерки социально-экономической истории Древнего Востока» (1954), «Государство Лагаш. Борьба за расширение гражданского права в Лагаше. XXV–XXIV вв. до н. э.» (1961), «Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии» (1968), «Манефон и его время» (2003) и др.

Робин Джордж Коллингвуд (1889–1943)

Робин Джордж Коллингвуд, британский историк, философ-неогегельянец и археолог, родился 22 февраля 1889 года в Картмел-Фелле, графство Камбрия, в семье художника и искусствоведа, профессора Редингского университета Уильяма Гершома Коллингвуда (1854–1932) и художницы и пианистки Эдит Мэри Айзек (1857–1928). У.Г. Коллингвуд был личным секретарем искусствоведа, философа и писателя Джона Рёскина (1819–1900) в последние годы его жизни.

Колингвуд-младший получил образование в школе регби и Университетском колледже Оксфорда, где изучал древние языки, древнюю историю и философию. По окончании университета в 1912 году он стал сотрудником колледжа Пембрук в Оксфорде. В 1913 году Коллингвуд впервые провел самостоятельные раскопки римского форта в Эмблсайде. В 1927 году он получил профессуру Уэйнфлита по метафизической философии в колледже Магдалины в Оксфорде. В политике он придерживался идей либерализма. Коллингвуд перенес несколько инсультов и скончался в Конистоне, Ланкашир, 9 января 1943 года.

Главной книгой Коллингвуда стала изданная посмертно «Идея истории» («The Idea of History») (1946), которую часто называют главным источником вдохновения для философии истории в англоязычном мире. Автор ее считал, что история хотя и не является аналогом естественных наук, но в некотором смысле может считаться наукой, поскольку ориентирована на понимание явлений и поиск нового знания и является «организованной совокупностью знаний». Поскольку внутренние мыслительные процессы исторических личностей не могут быть восприняты физическими чувствами, а прошлые исторические события нельзя наблюдать непосредственно, история должна методологически отличаться от естественных наук. История, будучи исследованием человеческого разума, интересуется мыслями и мотивами действующих лиц в истории и первую очередь является историей мысли. Главная задача историка – реконструировать историю, с помощью исторического воображения воссоздать

мыслительные процессы исторических личностей на основе информации и свидетельств из исторических источников. Историческое сознание, по Коллингвуду, является промежуточным звеном между естествознанием и философией. Научная история противостоит таким квазиисториям как миф и теократическая история. Иногда историк сталкивается с «историей, в которую он просто не может поверить, историей, характерной для суеверий или предрассудков того времени когда создавался источник, или для того круга, к которому принадлежал автор источника, но не заслуживающей доверия в более просвещенный век», и поэтому ее не следует принимать во внимание. Источники, в которых выдвигаются утверждения, не соответствующие современным представлениям о мире, в свое время были созданы рационально мыслящими людьми, у которых были причины для их создания. В этом заключается ценность таких источников, и они должны быть исследованы, чтобы понять исторический контекст, в котором они были созданы, и по какой причине в них появились представления, не соответствующие позднейшим представлениям ученых.

Коллингвуд отмечал: «В процессе развития европейской цивилизации люди в известной степени мыслили исторически; однако мы редко задумываемся над теми видами деятельности, которые даются нам очень легко. Только наталкиваясь на трудности, мы начинаем прилагать усилия, чтобы их преодолеть. Так и предмет философии, понимаемой как организованное и научное развитие самосознания, зависит время от времени и от тех особых проблем, при решении которых люди определенной эпохи сталкиваются с особыми трудностями. Вникая в вопросы, особенно значимые в философии какого-нибудь народа в тот или иной период его истории, мы получим известное представление о том, на какие конкретные проблемы люди считали необходимым направить всю энергию мысли. Периферийные же и второстепенные темы свидетельствуют о том, что по отношению к ним не испытывалось никаких особых трудностей». Он полагал: «В известном смысле сегодня мы все – историки. Все образованные люди прошли через обучение, включавшее в себя некоторые элементы исторического мышления. Однако это отнюдь не дает им права высказывать свои суждения о природе, предмете, методе и значении исторического мышления. Прежде всего, потому, что опыт

исторического мышления у них, по всей вероятности, очень поверхностен и мнения, основывающиеся на нем, будут поэтому не более основательными, чем мнения о французах у человека, которому раз в жизни случилось провести субботу и воскресенье в Париже. Во-вторых, любой опыт, приобретаемый через обычные образовательные каналы, всегда оказывается не только поверхностным, но и устаревшим. Опыт исторического мышления, приобретаемый таким образом, формируется учебниками, а учебники всегда описывают не то, что сейчас думают настоящие современные историки, а то, что думали историки прошлого, историки того времени, когда создавался тот исходный материал, на базе которого и были составлены учебники. К моменту включения в учебники устаревают не только результаты исторического мышления. Устаревают также и его принципы, т. е. идеи о природе, предмете, методе и ценности исторического мышления. И в-третьих, с этим связана и своеобразная иллюзия, характерная для всех знаний, приобретаемых через образовательные каналы, – иллюзия завершенности».

Робин Коллингвуд. Фото 1936 г.

Коллингвуд также был ведущим специалистом-археологом по римской Британии. Он начал раскопки вдоль Стены Адриана. А в дальнейшем выдвинул теорию о том, что Стена Адриана была не столько боевой платформой-заграждением, сколько возвышением для часовых. Он также предположил, что оборонительная система Адриана также включала в себя ряд фортов вдоль побережья Камберленда. Последними раскопками Коллингвуда в Камбрии стали раскопки в 1937 году круглого кольцевого рва близ Пенрита, известного как Круглый стол короля Артура, памятник хенджа эпохи неолита.

Коллингвуд подготовил свод римских надписей Британии. Для этого он объездил всю страну, чтобы увидеть надписи и перерисовать их. В результате он собрал рисунки почти 900 надписей. Этот свод был

полностью опубликован в 1965 году учеником Коллингвуда Р.П. Райтом.

Коллингвуд также является автором книг: «Религия и философия» («Religion and Philosophy») (1916), «Римская Британия» («Roman Britain») (1923), «Очерки философии искусства» («Outlines of a Philosophy of Art») (1925), «Археология римской Британии» («The Archaeology of Roman Britain») (1930), «Принципы искусства» («The Principles of Art») (1938), «Новый Левиафан» («The New Leviathan») (1942), «Идея природы» («The Idea of Nature») (1945) и др.

Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975)

Арнольд Джозеф Тойнби, британский историк, социолог и культуролог, автор 12-томного труда «Исследование истории» («A Study of History») (1934–1961), родился 14 апреля 1889 года в Лондоне в семье Гарри Валпи Тойнби (1861–1941), секретаря общественной благотворительной организации, и его жены Сары Эдик Маршал (1859–1939). Он получил стипендию в Винчестерском и Бейлиол-колледже, а также в Оксфорде (1907–1911). Тойнби также обучался в Британской школе в Афинах. В 1912 году начал преподавать античную историю в Бейлиол-колледже, а с 1915 года работал в разведывательном департаменте министерства иностранных дел Англии. Тойнби был делегатом на Парижской мирной конференции в 1919 году, после чего был назначен профессором кафедры Кораеса византийских и современных греческих исследований в Лондонском университете, учитывая его прогреческую позицию в годы Первой мировой войны. Однако после войны он перешел на протурецкие позиции, обвинив армию Греции в зверствах и массовых убийствах на оккупированной турецкой территории. Это вызвало к нему неприязнь со стороны богатых греков, которые предоставили ему кафедру, и в 1924 году он был вынужден уйти в отставку.

В 1915 году в книге «Национальности и война» («Nationality & the War») он выступал за послевоенное урегулирование на основе «принципа национальностей» и, в частности, за создание единой автономной Польши под российским правлением. При этом он отвергал федерализацию Российской империи и полное самоуправление для Украины, вроде гомруля (home rule) для Индии, чтобы это не ослабило Российское государство и не вызвало гражданской войны и распада империи. Тойнби предлагал вместо этого сделать украинский язык вторым официальным языком не только на Украине, но и на остальной, великорусской территории империи, чтобы украинцы (или малороссы) могли стать членами российского политического целого как равные великороссам, а не как подчиненные им. Он выступал за завоевание Россией Внешней Монголии и за

раздел Афганистана между Россией и Британской Индией примерно по горной системе Гиндукуша, что привело бы к объединению афганского Туркестана с преимущественно тюркскими народами российской Центральной Азии, а также к воссоединению афганских пуштунов с пакистанскими пуштунами в Британской Индии. Тойнби рассматривал Гиндукуш как идеальную и непроходимую границу между Россией и Британской Индией, которую ни одна из сторон не сможет пересечь и которая, таким образом, была бы отличной для обеспечения безопасности обеих империй. В 1921–1922 годах он служил корреспондентом газеты «Гардиан» на театре греко-турецкой войны, что помогло созданию книги «Западный вопрос в Греции и Турции. Исследование контакта цивилизаций» («The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilisations») (1922).

Арнольд Тойнби. Фото 1967 г.

В 1925 году Тойнби стал профессором-исследователем в области международной истории в Лондонской школе экономики и директором Королевского института международных отношений в Лондоне в 1924–1954 годах. Там он выпустил 34 тома ежегодного «Обзора

международных отношений» («The Survey of International Affairs»). В 1943 году он возглавил исследовательский отдел британского МИД по вопросам послевоенного устройства мира. После Второй мировой войны Тойнби был постоянным обозревателем на Би-би-си. Он был удостоен ордена Кавалеров Почёта и избран членом Британской академии (1937) и иностранным членом Французской академии моральных и политических наук (1965). Тойнби умер 22 октября 1975 года в Йорке, Норт-Йоркшир.

Тойнби был одним из самых популярных историков в мире в XX веке. В 1947 году он появился на обложке журнала «Тайм» под заголовком: «Самая дерзкая историческая теория, созданная в Англии со времён «Капитала» Карла Маркса». Тойнби является создателем цивилизационной теории. Он рассматривал всемирную историю как систему условно выделяемых цивилизаций, проходящих фазы от рождения до гибели. В разное время историк выделял от 21 до 39 цивилизаций, из которых только 13 являются независимыми, или первичными, а остальные – зависимыми, или вторичными. Цивилизация, по Тойнби, – это замкнутое общество, обладающее собственной религией и занимающее определенную территорию. Он считал, что цивилизации возникли в ответ на ряд вызовов чрезвычайной сложности, когда «творческие меньшинства» разработали решения, которые переориентировали все общество. Трудности могли быть природного характера, например, когда шумеры эксплуатировали труднопроходимые болота Южного Ирака, организуя неолитических жителей в общество, способное осуществлять крупномасштабные ирригационные проекты. Трудности могли быть социальными, например, когда католическая церковь преодолела хаос в постримской Европе, объединив новые германские королевства в единую религиозную общину. Когда цивилизация отвечала на вызовы, она росла. Цивилизации распадаются, когда их лидеры перестают творчески реагировать на вызовы, а затем цивилизации гибнут из-за национализма, милитаризма и тирании деспотичного меньшинства.

Тойнби считал, что общества всегда гибнут вследствие самоубийства или убийства, а не от естественных причин, причем чаще имеет место самоубийство. Он утверждал: «Человек достигает цивилизации не в результате выдающихся биологических способностей или географической среды, а в качестве ответа на вызов

в ситуации особой сложности, которая побуждает его предпринять доселе беспрецедентные усилия». Тойнби писал: «Западное общество ныне отнюдь не занимает того господствующего положения, которое характеризовало ситуацию прошлого века – века, отлившего форму умов современных историков. Приблизительно до 1875 г. два господствовавших тогда института – индустриализм и национализм – действовали сообща, созидая великие державы. После 1875 г. начался обратный процесс: индустриальная система стала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер, тогда как система национализма стала проникать вглубь, в сознание национальных меньшинств, побуждая их к созданию своих собственных суверенных национальных государств, хотя те вопреки проектам их лидеров порой не только не были способны оформиться в великие державы, но и были не в состоянии образовать даже малые экономически, политически и культурно независимые государства». Историк подчеркивал: «Следует сказать, что общество в своей жизни сталкивается с серией задач, которые оно и решает наиболее приемлемым для себя образом. Каждая такая проблема – это вызов истории. Посредством этих испытаний члены общества все больше и больше дифференцируются. Каждый раз одни проигрывают, другие успешно находят решение, но вскоре некоторые из решений оказываются несовершенными в новых условиях, тогда как другие проявляют жизнеспособность даже в изменившихся обстоятельствах. Испытание следует за испытанием. Одни утрачивают свою оригинальность и полностью сливаются с основной массой, другие продолжают борьбу в сверхъестественном напряжении и тщетных ухищрениях, третьи, достаточно умудренные, достигают высот совершенства, строя свою жизнь на новых путях. В этом процессе невозможно понять индивидуальное поведение в условиях единичного испытания, но необходимо сопоставить его с поведением других в условиях последовательности вызовов как последовательности событий в жизни общества, взятого в целом».

Тойнби является автором 67 книг, в том числе: «Британский взгляд на украинский вопрос» («British View of the Ukrainian Question») (1916), «Турция: прошлое и будущее» («Turkey: A Past and a Future») (1917), «Путешествие в Китай, или Вещи, которые мы увидели» («A Journey to China, or Things Which Are Seen») (1931), «Испытание

цивилизации» («Civilization on Trial») (1948), «Мир и Запад» («The World and the West») (1953), «Исторический подход к религии» («An Historian's Approach to Religion») (1956), «Демократия в атомный век» («Democracy in the Atomic Age») (1957), «С востока на Запад: Путешествие вокруг света» («East to West: A Journey round the World») (1958), «Америка и мировая революция» («America and the World Revolution») (1962), «Наследие Ганнибала: влияние войны Ганнибала на римскую жизнь» («Hannibal's Legacy: The Hannibalic War's Effects on Roman Life») (1965) в 2 томах и «Греки и их наследие» («The Greeks and Their Heritages») (1981).

Гу Цзеган
(1893–1980)

Гу Цзеган, китайский историк и литературовед, один из основоположников современной китайской историографии, родился 8 мая 1893 года в Сучжоу, провинция Цзянсу, в семье потомственных конфуцианских учёных. Его отец Гу Цзыцю (1870–1938) получил образование в Японии и был директором начальной школы в Сучжоу, в которой обучение велось по западным стандартам. Когда началась Синьхайская революция 1911 года, Гу Цзыцю стал чиновником монетного двора в Нанкине и в 1913 году перешёл на должность начальника транспортного управления соляной монополии в Ханчжоу. Мать Гу Цзегана, урождённая Чжоу Куньхэ, рано умерла от туберкулеза. Гу Цзеган рано научился читать. Первоначально он получил домашнее образование и пользовался богатейшей домашней библиотекой. В 1905 году Гу Цзегана отдали в китайско-европейскую школу Сучжоу. После начала Синьхайской революции он стал членом социалистической партии и сотрудником отдела пропаганды вплоть до роспуска партии в 1913 году. В 1912 году Гу Цзеган поступил на философский факультет Пекинского университета, который окончил в 1920 году и был оставлен в университете библиотекарем. С 1921 года он также работал ассистентом кафедры китайского языка в Институте китайских исследований. В 1923–1924 годах Гу Цзеган проводил археологические раскопки в Хэнани. В 1924 году он стал доцентом Исследовательского института и был назначен редактором университетского ежеквартальника по разделу этнографии и фольклора. По совместительству он работал в средней школе «Кундэ» при университете.

Гу Цзеган. Фото 1954 г.

В 1926 году началась публикация сборников «Гу-ши-бянь» («Критика древней истории») под редакцией Гу Цзегана, завершенная в 1941 году. Всего было опубликовано 7 томов. Там исследовались наиболее сложные проблемы древней истории, философии и источниковедения Китая. В результате публикации 1-го тома «Гу-ши-бянь» Гу Цзеган получил всекитайскую известность. Он был приглашён в университеты Шанхая и Сямэня, совмещая курсы лекций и работу в древлехранилищах. В 1927 году он стал профессором и деканом исторического факультета университета Сунь Ятсена в Гуанчжоу. В феврале 1929 года он вернулся в Пекин и занял место научного сотрудника Гарвард-Яньцзинского института и в 1931 году стал читать лекции на историческом факультете Пекинского университета. Его лекции для Пекинского университета в 1950-х годах были опубликованы под названием «Краткая история династии Хань». В 1936 году Гу Цзеган был избран деканом исторического факультета

Яньшанского университета и главным редактором исторического журнала Пекинского университета. В 1937 году он был избран председателем Общества фольклористов. После начала японо-китайской войны Гу Цзеган был эвакуирован в Суйюань, а далее отправился в Ланьчжоу, будучи назначен главой инспекции образования китайского северо-запада, финансируемой Англией. В 1938 году он стал профессором Юньнаньского университета в Куньмине, а в 1939 году – профессором Университета Цилу в Чэнду. В марте 1941 года Гу Цзеган назначен председателем вновь основанного Общества по изучению границ Китая. В июне 1941 года его перевели во временную столицу Китая – Чунцин, где Гу Цзеган стал заместителем главного редактора журнала «Вэньши» и работал в эвакуированном из Нанкина Университете Чжунхуа, где в 1942 году был избран ординарным профессором. В 1944 году он стал профессором эвакуированного Фуданьского университета, а в 1946 году был командирован в Пекин (тогда Бэйпин) для оценки ущерба, который нанесли японские оккупанты Национальной библиотеке. Он также возглавлял издательство «Великий Китай» в 1946–1953 годах. В 1946 году Гу Цзеган стал сотрудником в Институте социального образования, а также был избран деканом исторического факультета университета в Ланьчжоу. В 1948 году он переехал в Шанхай и был действительным членом Академии наук Китая по отделению гуманитарных наук. В 1949–1950 годах Гу Цзеган был членом комитета по культурным реликвиям Шанхая и городского отделения Общества новой истории. В 1950 году он был избран членом провинциального собрания народных представителей от Сучжоу. В 1951 году Гу Цзеган участвовал в идеологической кампании «Против трёх зол» (империализма, феодализма, бюрократического капитала). В 1952 году он вернулся на штатную должность в Фуданьский университет и был избран председателем шанхайского отделения Китайского исторического общества.

В 1953 году был закончен «Атлас истории Китая», одним из главных консультантов и редакторов которого был Гу Цзеган. В августе 1954 года Гу Цзеган был переведён на должность научного сотрудника Института истории Академии наук в Пекине, который оставался основным местом его работы до конца жизни. В феврале – марте 1955 года Гу Цзегану пришлось участвовать в кампании Академии наук по

критике работ историка Ху Ши. В ходе этой кампании Гу Цзеган утверждал, что не признавал «феодальной историографии» и стремился к раскрытию объективной истины, а текстологические исследования, за которые его критиковали, не имеют с «феодальными пережитками» ничего общего. После этого от него потребовали «разоблачения» и «самокритики» в письменном виде, осуждения Ху Ши и подвергли проработке на бюро Единого фронта 26 марта 1955 года. В 1956 году было ликвидировано общество «Юйгун».

Во время «Великой пролетарской культурной революции» Гу Цзеган был объявлен «буржуазно-реакционным академическим авторитетом». 25 августа 1966 года квартира учёного была разгромлена хунвэйбинами-школьниками, погибло много писем и фотографий, а 29-го числа группа культурной революции Академии наук опечатала библиотеку Гу Цзегана и тем спасла её от уничтожения; однако пользоваться книгами стало на долгое время невозможно. Травля ученого прекратилась только в 1971 году, когда премьер Госсовета Чжоу Эньлай предложил осуществить современное издание «24 династических историй». 1 января 1972 года Гу Цзеган был назначен главой комитета по современному изданию «24 династических историй», которое завершилось в 1978 году. Учёному были возвращены конфискованные рукописи и библиотека. Также он был избран в ВСНП.

Ученый не скрывал радости от смерти Мао Цзэдуна и ареста «Банды четырёх». В 1979 году, после начала процесса над «Бандой четырёх», Гу Цзегану была заказана передовая статья в газету «Гуанмин жибао» на тему исторической критики. В том же году историк принял участие в дискуссии о древнейшем названии китайской этнической общности Ся, или Чжунхуа. В апреле 1980 года Китайское историческое общество избрало его своим председателем. 25 декабря 1980 года Гу Цзеган скончался в Пекине от ишемического инсульта. Библиотека Гу Цзегана, насчитывавшая более 46 тысяч томов, была сохранена в Информационном центре Академии общественных наук Китая.

Гу Цзеган первым предложил теорию стадийного формирования историографии китайской древности. Он полагал, что чем позже появляется мифологический персонаж в литературных текстах, тем к более древнему периоду относится его деятельность. А чем позже сложился миф, тем более детальным он является и тем более могучим

изображается его главный персонаж. Причины искажения древней китайской истории Гу Цзеган видел в четырех идолах конфуцианства: идол расового единства китайской нации и ханьцев как её основы; идол исторической непрерывности китайской цивилизации; идол монархии как единственный политический принцип; идол конфуцианского канона как единственной основы науки и образования. Очистка информации древних текстов от влияния «идолов», по мнению ученого, позволяет создать истинную картину древней истории Китая. Он считал, что одному человеку не под силу охватить все аспекты древней истории Китая, а комплексное исследование палеографии, исторической лингвистики, религии, общества и этноса – это мечта о далёком будущем. Историк чаще ставит вопросы, чем дает ответы. Конфликты и интеллектуальное недовольство Гу Цзеган считал важной составной частью процесса познания, поскольку они стимулируют поиск решений проблемы. В автобиографии 1926 года ученый утверждал, что прогресс в Китае исходил не из имперского центра и высокой культуры правящих меньшинств, а от простого народа, не отравленного официальным конфуцианством, и представителей этнических меньшинств с периферии. В соединении необразованного ханьского большинство и периферийного этнического многообразия он видел возможность обновления страны. Главную задачу правительства ученый видел в «перенесении периферии в центр» посредством мобилизации масс и подъёма их культурно-образовательного уровня. Ши Ху и другие историки обвиняли Гу Цзегана в том, что он отверг академическую науку в пользу древнекитайской мифологии.

В январе 1933 года, отвечая на вопросы анкеты шанхайского журнала «Дунфан цзачжи» «Каким господин мечтает видеть будущий Китай? Какие мечты у господина относительно собственной жизни?», Гу Цзеган заявил, что мечтает о тех временах, когда в Китае не останется наркоманов, будет ликвидирована деспотическая семейная система, будет поощряться миграция и каждый получит профессию, а интеллигенция «пойдёт в народ». Ученый считал, что марксизм – «это не приправа, которую можно добавлять в любое блюдо» и он не настолько применим к области древнейшей хронологии или биографии, чтобы во имя него отказаться от принципов текстологии и других вспомогательных дисциплин. Он полагал, что задачей историка

является не установление истины, а воссоздание комплексной картины изменений исторического сознания. Историк утверждал, что историческое исследование всегда политически обусловлено вследствие социального заказа и личных убеждений ученого. Но он протестовал против монополизации политического дискурса государством для продвижения определённой доктрины в массы, что имеет катастрофические последствия для исторической науки.

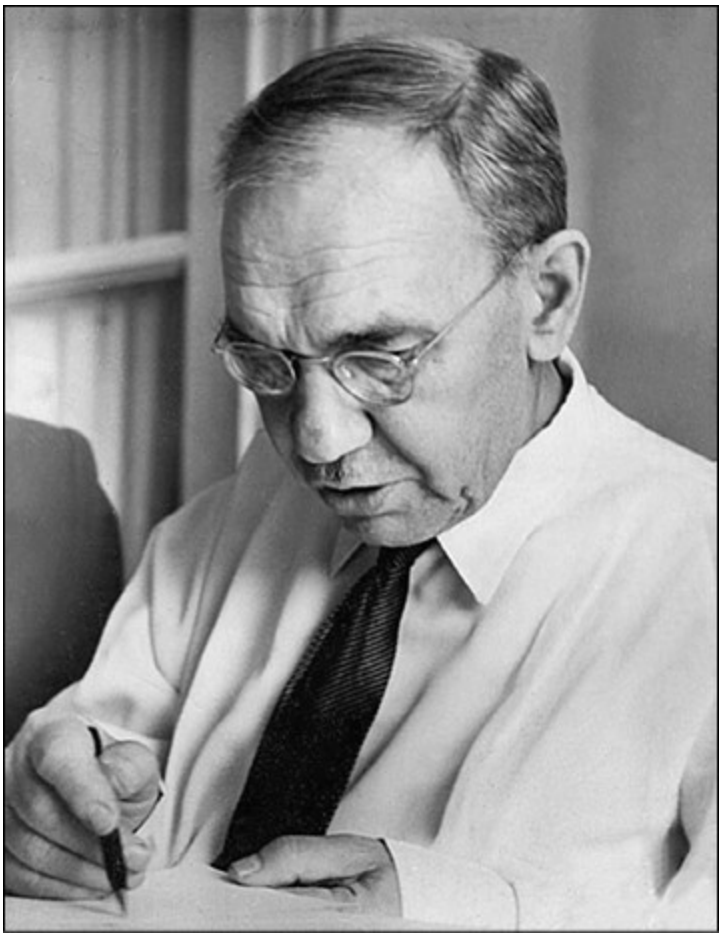
Гу Цзеган является автором следующих работ: «Гуцзи каобянь цункань (Собрание исследований о древних книгах)» (1955), «Цинь-Хань-ды фанши юй жушэн» («Знахари и ученые конфуцианцы периодов Цинь и Хань») (1957) и др.

Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965)

Михаил Николаевич Тихомиров, русский и советский историк, родился 19 (31) мая 1893 года в Москве в семье конторского служащего Никольской мануфактуры фабрикантов Морозовых Николая Константиновича Тихомирова. В 1911 году он окончил с золотой медалью Императорское коммерческое училище в Петербурге, а в 1917 году историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета. С октября 1917 года он работал практикантом по внешкольному образованию при культурно-просветительном отделе дмитровского Союза кооперативов, был организатором Дмитровского музея родного края и его заведующим (1918–1919). С февраля 1919 года Тихомиров преподавал палеографию в Саратовском университете. В 1921–1923 годах он был преподаватель Самарского университета, а затем работал в средней школе в Москве, одновременно преподавал на Едином художественном рабфаке при Вхутемасе, в Химическом техникуме (1925–1931) и Книжном политехникуме (1931–1934). Тихомиров также был секретарем культурно-исторической секции Общества изучения Москвы (1925–1930). В 1940 году он стал заведующим отделом рукописей ГИМ. С 1934 года он являлся доцентом, в 1939–1952 годах – профессором, а с марта 1953 года – заведующим кафедрой источниковедения истории СССР исторического факультета МГУ. Степень кандидата исторических наук Тихомиров получил в 1936 году за монографию «Псковское восстание 1650 г.» (1935), а степень доктора исторических наук – в 1939 году за диссертацию, посвященную происхождению текстов Русской Правды. В 1945–1947 годах он был деканом исторического факультета МГУ. В 1935–1953 годах Тихомиров являлся старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, а с 1957 года – Института славяноведения. С 1959 года ученый возглавлял группы по публикации Полного собрания русских летописей и «Очерков истории исторической науки в СССР», был председателем Археографической комиссии в 1956–1965 годах. В 1946 году Тихомиров был избран членом-корреспондентом, а в 1953 году –

академиком АН СССР. В 1953–1957 годах он был академиком-секретарем Отделения исторических наук АН СССР. Историк также являлся действительным членом Польской академии наук (1959) и почётным членом Американской ассоциации историков (1964). Он был награжден орден Ленина (1963) и двумя орденами Трудового Красного Знамени (1945, 1953). Тихомиров скончался 2 сентября 1965 года в Москве.

Ученый занимался социально-экономической, политической и культурной историей древнерусского города, народных движений в России XI–XVII веков, историей государственных учреждений средневековой России, земских соборов XVI–XVII веков, приказного делопроизводства. Ученый опубликовал важные источники по истории русского права: «Соборное уложение 1649 года» (1961), «Мерило праведное» (1961) и др. Тихомиров считал достоверными так называемые «татищевские известия». Он утверждал, что народные массы выступают движущей силой исторического прогресса. Тихомиров полагал, что русские города превратились в торгово-ремесленные центры одновременно с европейскими городами. Историк отмечал: «Ремесленники и торговцы составляли преобладающую часть населения Москвы, и во время больших восстаний, например в 1547 г., они иногда являлись опасной силой, выступавшей против самодержавия. Московские черные люди, «чернь», как их иногда называли, порой решали судьбу правительства. Когда послы Дмитрия Самозванца прочитали его грамоты в Красном Селе, одной из московских слобод, «чернь вся» вместе с дворянами арестовала царицу Марью и царевича Федора Борисовича и принесла присягу Самозванцу. «Шубники и пирожники» посадили Василия Шуйского на престол. Позже Красносельская слобода принимала участие в восстании Болотникова, выступая против Шуйского». Тихомиров считал, что города у восточных славян выросли из племенных укреплений, которые сначала превратились в княжеские замки-крепости, а затем в центры ремесла и торговли.

М.Н. Тихомиров

Ученый выделил три редакции Русской Правды, а их происхождение связывал с социальными движениями. Тихомиров расшифровал, прокомментировал и опубликовал вместе с А.В. Арциховским тексты берестяных грамот («Новгородские грамоты на бересте») (1953). Он утверждал: «По своему экономическому развитию Киевская Русь была передовой страной Европы. Ремесло Киевской Руси достигло высокого развития, что доказано раскопками советских археологов в Киеве, Новгороде, Смоленске и других городах. Ремесленные изделия Киевской Руси XI–XII вв. достигали высокого совершенства, особенно производство дорогих изделий из серебра и золота. Большой спрос на серебряные и медные украшения доказывается находкой литейных форм для массового производства. Среди раскопок и случайных находок в различных русских городах имеется большое количество каменных литейных форм для самых разнообразных предметов.

Найдены формы, в которых отливались: височные кольца, перстни, браслеты – запястья, браслеты ложновитые, колты для чернового орнамента, лоты с ложной зернью и сканью, бусы с ложной сканью, диргемы (подражания), подвески к ожерелью, пуговицы, кресты «энколпионы» и др. Производство ряда изделий достигло в Киевской Руси высокого совершенства, в частности оружейное дело. Недаром во французском средневековом эпосе прославляется «кольчуга», сделанная на Руси. На целом ряде предметов, сделанных в XI–XII вв., имеются надписи русских мастеров. Наиболее известны кратиры новгородских мастеров Братилы и Косты: «Братило делал», на другом – «Коста делал». Первый сосуд по своим палеографическим данным датируется концом XI – началом XII в., второй – концом XII – началом XIII в.».

Тихомиров является автором книг: «Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов» (1941), «Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв.» (1955), «Древнерусские города» (1946, 1956), «Средневековая Москва в XIV–XV вв.» (1957), «Присоединение Мерва к России» (1960), «Россия в XVI столетии» (1962), «Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII в.» (1962), «Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв.» (1966), «Русская культура X–XVIII вв.» (1968), «Исторические связи России со славянскими странами и Византией» (1969), «Классовая борьба в России XVII в.» (1969), «Российское государство XV–XVII вв.» (1973), «Древняя Русь» (1975), «Русское летописание» (1979), «Русская палеография» (1982) и др.

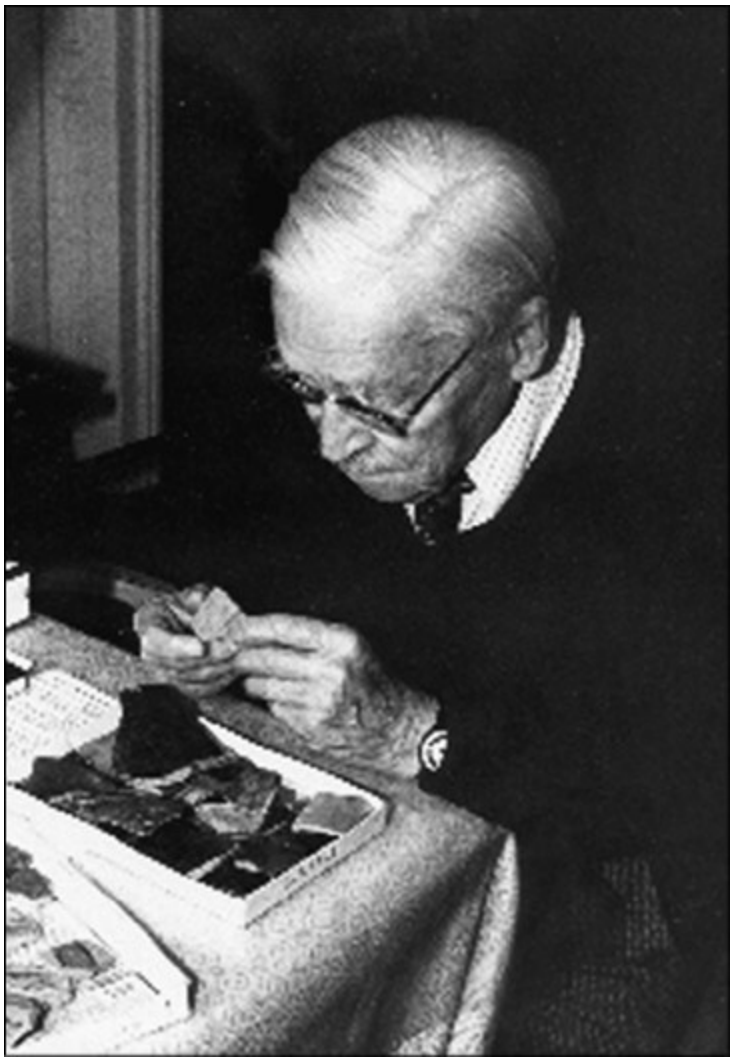
Фриц Шахермайр (1895–1987)

Фриц Шахермайр, австрийский историк, прославившийся своими биографиями Александра Македонского, родился 10 января 1895 года в Урфаре, Верхняя Австрия. Он изучал античную историю с 1914 года в Граце, Берлине и Вене. Учеба была прервана в конце 1915 года призывом на военную службу. Шахермайр служил офицером австро-венгерской армии в Трансильвании, Малой Азии и Месопотамии, где стал интересоваться историей Древнего Востока. Он завершил свое высшее образование в Инсбруке в 1920 году, защитив диссертацию об отношениях между Египтом и Передней Азией в древности.

С 1919 по 1929 год Шахермайр работал школьным учителем в женской гимназии Инсбрука. В 1928 году он получил степень доктора философии по ранней этрусской истории в Инсбрукском университете. В 1931 году Шахермайр был назначен профессором древней истории Йенского университета, сначала экстраординарным, а затем в том же году ординарным. Шахермайр был деканом философского факультета Йенского университета с октября 1934 по март 1936 года. В 1936 году он стал профессором Гейдельбергского университета. В 1937 году Шахермайр вступил в национал-социалистическую партию. В 1941 году он перешел в Грацский университет. В 1945–1952 года Шахермайр был вынужден уйти в отставку из-за членства в НСДАП. В 1952 году он был назначен профессором кафедры греческой истории, древностей и эпиграфики Венского университета. Он был удостоен звания почетного профессора в 1963 году, но продолжал занимать кафедру до 1970 года.

В 1930–1940-х годах Шахермайр был убежденным нацистом и помогал НСДАП еще до ее прихода к власти посредством лекций и публикаций. Он был соучредителем «Национал-социалистического боевого объединения немецких австрийцев в Рейхе», гауляйтером которого он стал в Тюрингии в 1933 году. В 1933 году Шахермайр опубликовал в «Фелькишер беобахтер», партийном органе нацистской партии, статью о «нордической личности фюрера». Также в 1933 году Шахермайр попытался в небольшой статье определить «задачи

древней истории в контексте скандинавской всемирной истории». Как он писал в письме рейхсминистру внутренних дел Вильгельму Фрику, необходимо «попытаться обосновать национал-социалистскую идею как неизбежное следствие хода истории». Шахермайр утверждал, что Писистрат и Ганнибал являются «арийцами». Но позднее он пришел к выводу, что не раса, а культура является главным фактором исторического развития.

Фриц Шахермайр

Он был действительным членом Австрийской академии наук с 1957 года и членом-корреспондентом Гейдельбергской академии наук. Шахермайр был удостоен звания почетного доктора Афинского (1961)

и Венского (1984) университетов и был награжден Австрийским крестом почета за заслуги в науке и искусстве I степени. В 1963 году он получил премию Вильгельма Хартеля за достижения в области науки и искусства, Большой золотой почетный знак со звездой за заслуги перед Австрийской республикой, Золотую почетную медаль федеральной столицы Вены и Золотую медаль за заслуги в области науки Линца. Шахермайр умер 26 декабря 1987 года в Айзенштадте, Бургенланд.

Ученый внес большой вклад в исследование минойской и микенской культуры, а также часто обращался к древним ближневосточным соседям греков. Он также изучал хеттов и этрусков, а также археологическую культуру ленточной керамики. Шахермайр оставил Микенской комиссии свою коллекцию керамических черепков различного, прежде всего средиземноморского и переднеазиатского, происхождения, одну из самых значительных учебных коллекций такого рода, собранную во многих археологических поездках, начиная со времен учебы в университете.

Шахермайр считал: «Высшая цель исторического труда – передать события прошлого в назидание будущему». Его наиболее полная биография Александра, опубликованная в 1973 году, считается одной из лучших. Шахермайр пришел к выводу, что Александр оставил довольно мрачный след во всемирной истории. Он полагал: «Занимаясь историей какой-либо страны, периода, народа или жизнеописанием исторической личности, нельзя забывать о необходимости соблюдения двух принципов: точного изложения фактов с учетом всех, казалось бы, незначительных моментов и умения излагать их в художественной форме. Еще в древности Геродот, Фукидид, Саллюстий и Тацит руководствовались этими принципами. И сейчас многие крупные историки сочетают исторически правильное изложение фактов с художественной формой. Это особенно важно для нашего времени, когда обнаруживается явная тенденция к разрыву между специальными трудами и популярными книгами, в которых основное внимание уделяется форме изложения. Если такие известные ученые прошлого, как Эдуард Мейер, Юлиус Керсг и Карл Юлиус Белох, знакомили читателя с ходом своих мыслей, давая в виде подстрочных примечаний выводы из предварительно проведенных исследований, то в наше время примечания, столь необходимые для

правильной оценки изложения фактов, оказываются зачастую в конце книги, где они не получают уже должного звучания. Неудивительно, что и в специальных исследованиях все больше проявляется тенденция не считаться с литературной формой изложения и их стали публиковать только в специальных научных журналах или монографиях. Это привело к тому, что историки уже не воспринимают всерьез те работы, которые написаны сторонниками литературного изложения исторических проблем, независимо от того, какое значение они имеют для науки. Эту категорию ученых упорно призывают к тому, чтобы результаты своих изысканий они публиковали на страницах лишь сугубо научных журналов, поскольку с точки зрения узких специалистов все обобщающие работы в наше время пишутся только для широкого круга читателей».

Шахермайр является автором книг: «Ранняя история этрусков» («Etruskische Frühgeschichte») (1929), «О расе и культуре минойского Крита» («Zur Rasse und Kultur im minoischen Kreta») (1939), «Закономерность жизни в истории. Попытка введения в историко-биологическую мысль» («Lebensgesetzlichkeit in der Geschichte. Versuch einer Einführung in das geschichtsbiologische Denken») (1940), «Индогерманцы и восточные народы. Их культурное и политическое противостояние в древности» («Indogermanen und Orient. Ihre kulturelle und machpolitische Auseinandersetzung im Altertum») (1944), «Александр Великий. Гений и сила» («Alexander der Grosse. Ingenium und Macht») (1949), «Александр в Вавилоне и организация государства после его смерти» («Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode») (1970), «Александр Великий. Проблема личности и его деятельности» («Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens») (1973), «Греческая история. С особым вниманием к духовно-историческим и культурно-морфологическим связям» («Griechische Geschichte. Mit besonderer Berücksichtigung der geistesgeschichtlichen und kulturmorphologischen Zusammenhänge») (1960), «Интеллектуальная история времени Перикла» («Geistesgeschichte der Perikleischen Zeit») (1971) и др.

Сэмюэл Ноа (Симха Ной) Крамер (1897–1990)

Сэмюэл Ноа (Симха Ной) Крамер, американский историк-востоковед, один из ведущих шумерологов мира, родился 28 июля 1897 года в городе Жашкове Таращанского уезда Киевской губернии в ортодоксальной еврейской семье Вениамина и Йетты Крамер, которая в 1905 году эмигрировала в США. Там отец открыл школу по изучению Талмуда.

Крамер окончил Школу педагогики в Филадельфии. Он преподавал в школе своего отца, а потом пытался стать писателем и бизнесменом, но без особого успеха. В 1927 году он увлекся востоковедением и поступил на восточное отделение, где в колледже Дропси Университета Пенсильвании изучал иврит и родственные ему языки и овладел основами египтологии, затем перевелся на факультет востоковедения и занялся ассириологией и расшифровкой клинописных надписей. В 1930 году Крамер защитил диссертацию по аккадскому глаголу, а затем занялся шумерологией. В том же году он участвовал в археологических раскопках в Ираке. После возвращения с Ближнего Востока в 1932 году Крамер участвовал в составлении ассирийского словаря. Он участвовал в раскопках вплоть до 1950-х годов. Крамер перевел один из первых в истории законодательных сборников – законы Ур-Намму. Он детально изучил шумеро-аккадский эпос и отстаивал прогрессивность реформ Уруинимгины – царя шумерского государства Лагаш, правившего приблизительно в 2319–2311 годах до н. э. Крамер умер 26 ноября 1990 года в Филадельфии, Пенсильвания, от рака горла.

Ученому удалось собрать, реклассифицировать и перевести с шумерского языка множество памятников шумерской литературы, иногда находя мелкие обломки одной и той же глиняной таблички в музеях разных континентов. Он сделал шумерскую литературу доступной для массового читателя. Крамер незадолго до смерти так оценил свой вклад в науку: «Во-первых, и это самое важное, это роль, которую я сыграл в восстановлении и возрождении шумерской литературы, или, по крайней мере, репрезентативного раздела…

Благодаря моим усилиям несколько тысяч шумерских литературных табличек и фрагментов, написанных клинописью, стали доступны для изучения, и они являются основным источником достоверных данных, которые сохранятся на многие десятилетия вперед. Во-вторых, я старался… сделать доступными достаточно надежные переводы многих из этих документов для академического сообщества, и особенно для антропологов, историков и гуманитариев. В-третьих, я помог распространить имя Шумера по всему миру и донести до людей информацию о решающей роли, которую шумеры сыграли в становлении цивилизованного человека».

Сэмюэл Ноа Крамер. Фото 1955 г.

Его работы – это настоящий панегирик шумерам. Он утверждал: «Шумеры обладали особым техническим изобретательским талантом. Уже древнейшие поселенцы пришли к идее орошения, что дало им возможность собирать и направлять по каналам богатые илом воды Тигра и Евфрата, чтобы орошать и оплодотворять поля и сады. Восполняя отсутствие минералов и камня, они научились обжигать

речную глину, запас которой был практически неисчерпаем, и превращать ее в горшки, блюда и кувшины. Вместо древесины они использовали нарезанный и высушенный гигантских размеров болотный тростник, росший здесь в изобилии, вязали его в снопы или плели циновки, а также, применяя глину, строили хижины и загоны для скота. Позже шумеры изобрели изложницу для формовки и обжига кирпича из неисчерпаемой речной глины, и проблема строительного материала была решена. Здесь появились такие полезные орудия, ремесла и технические средства, как гончарный круг, колесо, плуг, парусное судно, арка, свод, купол, медное и бронзовое литье, шитье иглой, клепка и пайка, скульптура из камня, гравирование и инкрустация. Шумеры изобрели систему письма на глине, которая была заимствована и использовалась на всем Ближнем Востоке на протяжении почти двух тысяч лет. Практически все сведения о ранней истории Западной Азии почерпнуты нами из тысяч глиняных документов, покрытых созданной шумерами клинописью, которые были найдены археологами за прошедшие сто двадцать пять лет. Шумер замечателен не только высокой материальной культурой и техническими достижениями, но также идеями, идеалами и ценностями. Зоркие и разумные, они имели практический взгляд на жизнь и в рамках своего интеллектуального развития никогда не путали факт с вымыслом, желание с воплощением и тайну с мистификацией. Шумерские мудрецы разработали веру и кредо, в известном смысле оставлявшие «богу богово», а также признали и приняли неизбежность ограничений бытия смертных, особенно их беспомощность перед лицом смерти и Божьим гневом. Что касается воззрений на материальное бытие, они высоко ценили достаток и собственность, богатый урожай, полные житницы, овины и конюшни, удачную охоту на суше и хорошую рыбную ловлю в море. Духовно и психологически они делали упор на честолюбие и успех, превосходство и престиж, почет и признание. Житель Шумера глубоко осознавал свои личные права и противился всякому покушению на них, будь то сам царь, кто-либо старший по положению или равный. Неудивительно поэтому, что шумеры первыми установили закон и составили своды, чтобы четко отмежевать «черное от белого» и таким образом избежать непонимания, неверного толкования и

двусмысленности». Крамер опубликовал более 250 работ и до своей смерти считался ведущим шумерологом в мире.

Он является автором книг: «Шумерская мифология: Изучение духовных и литературных достижений в Третьем тысячелетии до н. э.» («Sumerian Mythology: Study of Spiritual and Literary Achievement in the Third Millennium B.C.») (1944), «История начинается в Шумере: тридцать девять первых событий в истории человечества» («History Begins at Sumer: Thirty-Nine Firsts in Man's Recorded History») (1956–1981), «Шумеры: их история, культура и характер» («The Sumerians: Their History, Culture and Character») (1963), «Колыбель цивилизации. История, политика, религия и культурные достижения Древнего Шумера, Вавилонии и Ассирии» («Cradle of civilization. The history, politics, religion and cultural achievements of ancient Sumer, Babylonia and Assyria») (1967), «В мире Шумера. Автобиография» («In the World of Sumer. An Autobiography») (1988) и др.

Генрик Ловмянский (1898–1984)

Генрик Ловмянский, польский историк, автор монументального 6-томного труда «Начала Польши» («Początki Polski») (1963–1985), родился 22 августа 1898 года в деревне Даугудза близ Вилькомира Виленской губернии Российской империи (ныне Укмергский район Литвы). Его родителями были шляхтич Константин Ловмянский и Казимира Рудзинская. Среднее образование Генрик получил в Вильно и Чернигове. В 1916 году Ловмянский поступил в Киевский университет Святого Владимира. Затем он перешел в Виленский университет Стефана Батория, где изучал историю. После окончания университета Ловмянский был оставлен там для продолжения научной работы. В 1924 году историк защитил докторскую диссертацию по истории литовских городов XVI века («Wschody miast litewskich w XVI wieku»). Ловмянский стал первым доктором истории в обновлённом Виленском университете в независимой Польше. В 1932 году он стал хабилитированным доктором за «Исследование начал общества и государства литовского» («Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego») в 2 томах. В 1929–1933 годах Ловмянский работал директором архива города Вильно. В 1933–1939 годах он заведовал кафедрой истории Восточной Европы Виленского университета. В 1938 году был избран членом Польской академии знаний. Во время Второй мировой войны ученый работал в виленском архиве. В 1945 году Ловмянский переселился в Польшу, некоторое время жил и работал в Лодзи, а затем переехал в Познань. Он работал профессором на кафедре истории Восточной Европы (названной позже кафедрой истории народов СССР) Университета имени Адама Мицкевича в Познани. В 1952 году Ловмянский стал членом-корреспондентом, а в 1956 году – полноправным членом Польской академии наук. С 1963 года он являлся руководителем отдела истории Средневековья Института истории Польской академии наук. В 1951–1957 годах он был председателем исторических кафедр, а в 1957–1968 годах – директором института истории Познанского университета. Он был награжден орденом «Знамя Труда» II степени (1954), медалью 10-

летия народной Польши (1955), орденом Строителей Народной Польши (1974) и Государственной премией ПНР I степени (1964). Из-за плохого зрения Ловмянский трагически погиб под трамваем в Познани 4 сентября 1984 года.

В Вильно ученый сосредоточился на истории Восточной Европы, а в ее рамках – в первую очередь на истории Литвы и Белоруссии. Он провел анализ истории племен литовцев-жмуди, латышей и пруссов начиная с конца XIII века. Ловмянский также изучал историю языческой Пруссии, а в конце 1930-х годов – Белоруссии, особенно города Могилева. После войны он в значительной степени переориентировался на польскую праисторию и раннесредневековую историю Польши.

Ловмянский исследовал экономические основы формирования славянских государств. Он стремился ответить на вопрос о том, насколько продуктивными должны быть производственные мощности общины, чтобы она могла сначала прокормить и поддержать аппарат администрации и отряд вождя, а затем и весь правящий класс с князем во главе. В результате исследований античных и раннесредневековых источников и результатов археологических работ Ловмянский выдвинул тезис о том, что внеплеменное государство может возникнуть и поддерживать свою организацию, если его племена перейдут на оседлый образ жизни и сделают основным средством производства сельское хозяйство. Он также показал, что в славянских странах такие условия возникли между VI и VIII веками. Переход к пахотному земледелию увеличил урожайность настолько, что образовался избыток, предназначенный не для потребления, а для экономического оборота. Ловмянский проводил исследования генезиса Киевской Руси и пястовской Польши.

Он является автором книг: «Заметки о социально-экономической основе Ягеллонского Союза» («Uwagi o sprawie podłoża społecznego i gospodarczego Unii Jagiellońskiej») (1934), «Древние пруссы» («The Ancient Prussians») (1936), «Экономические основы формирования славянских государств» («Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich») (1953), «Вопросы о роли норманнов в генезисе славянских государств» («Zagadnienia roli Normanów w genezie państw słowiańskich») (1957), «Польская история до 1764 года» («Historia Polski do roku 1764») (1957–1958), «Религия славян и ее падение (VI–

XII вв.)») («Religia Słowian i jej upadek (w. VI–XII)») (1979), «Пруссия – Литва – крестоносцы» («Prusy – Litwa – Krzyżacy») (1989) и др.

Генрик Ловмянский

Фернан Бродель (1902–1985)

Фернан Бродель, французский историк, родился 24 августа 1902 года в деревне Люмевиль-ан-Орнуа, департамент Мёз, в семье учителя математики. Высшее образование он получил в Сорбонне на гуманитарном факультете. Затем в 1923–1932 годах Бродель преподавал историю в коллеже в Алжире, с перерывом на службу в армии в 1925–1926 годах. В 1932 году он вернулся в Париж преподавать в лицее Кондорсе, а затем в лицее Генриха IV. В 1935 году его и антрополога Клода Леви-Стросса пригласили преподавать в только что созданном Университете Сан-Паулу в Бразилии, и Бродель провёл там три года. Возвращаясь из Бразилии в 1937 году, Бродель познакомился с Люсьеном Февром, с которым они оказались на одном пароходе. В начале Второй мировой войны он служил лейтенантом резерва в артиллерии и в конце Французской кампании 1940 года попал в плен, где провел 5 лет – сначала в лагере для военнопленных офицеров в Майнце, а с 1942 года – в лагере особого режима в Любеке.

В 1947 году Бродель защитил докторскую диссертацию о внешней политике короля Испании Филиппа II. С 1948 года он руководил французским Центром исторических исследований, а в 1949 году стал профессором Коллеж де Франс, заняв кафедру современной цивилизации. В 1956–1972 годах Бродель заведовал VI секцией («Экономические и социальные науки») в Практической школе высших исследований. В 1956–1972 годах он был редактором журнала «Annales, Economies, Sociétés, Civilisations». В 1962 году Бродель и Гастон Бергер использовали грант Фонда Форда и государственные средства для создания нового независимого фонда – Фонда дома наук о человеке, которым Бродель руководил с 1970 года до самой смерти. Целью фонда было создание международных сетей для распространения подхода школы «Анналов» в Европе и мире. Он был почетным доктором университетов Брюсселя, Оксфорда, Женевы, Кембриджа, Лондона, Лейдена, Мадрида, Чикаго и др. Бродель был награжден орденом Почетного легиона степени коммандора. В 1983 году он был избран членом Французской академии, а также членом

Американской академии искусств и наук, Баварской академии наук и гуманитарных наук, Гейдельбергской академии наук и гуманитарных наук, Венгерской академии наук и Сербской академии наук и искусств. Бродель умер 27 ноября 1985 года в Клюзе, департамент Верхняя Савойя.

Фернан Бродель

В книге «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» («La Méditerranée et le Monde Méditerranéen a l'époque de Philippe II») (1949) в 3 томах, в значительной мере написанной в лагерях для военнопленных, Бродель делал упор на экономические и географические факторы, а не на политические события и великие исторические личности. Самой известной работой ученого считается его трёхтомник «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» («Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle») (1979), где рассматривается переход от феодализма к капитализму. Особенно много внимания историк уделил здесь

развитию торговли и денежного обращения, а также роли географического фактора. Историк делал упор на то, как обычные люди заставляли экономику работать. Он описывал социальное воздействия экономических событий на различные аспекты повседневной жизни, включая еду, моду и другие общественные обычаи. Бродель обосновывал идею долгосрочных циклов в капиталистической экономике Европы. Отдельные города, а позже и национальные государства последовательно сменяют друг друга в качестве центров этих циклов: Венеция в XIII–XV веках (1250–1510), Антверпен и Генуя в XVI веке (1500–1569 и 1557–1627 соответственно), Амстердам в XVII–XVIII веках (1627–1733) и Лондон (и Англия) в XVIII–XIX веках (1733–1896).

Бродель утверждал, что социальные структуры, созданные в Европе в Средние века, способствовали успехам современных европейских культур. Он приписывал большую часть этого давней независимости городов-государств, которые, хотя позже и были подчинены более крупными географическими государствами, не всегда были полностью подавлены – вероятно, по соображениям полезности. Он утверждал: «Повседневная жизнь – это обязательная школа цифр: словарь дебета и кредита, натурального обмена, цен, рынка, колеблющихся курсов денег захватывает и подчиняет любое мало-мальски развитое общество».

Историческое время Бродель разделял на короткое время смены событий, главным образом политических; среднюю продолжительность, или циклическое время, описывающее циклы подъёмов и спадов значимых социальных и культурных процессов: экономических, миграционных, демографических и т. д.; и на длительную продолжительность, характерную для крупных структур совместного существования людей, поддерживающих целостность больших социокультурных образований (цивилизаций). Бродель утверждал, что большинство сохранившихся исторических источников исходят от грамотных богатых классов и не отражают точку зрения беднейших слоев населения. Он уделял особое внимание жизни рабов, крепостных, крестьян и городской бедноты, подчеркивая их вклад в развитие общества.

Бродель является автором книг: «Динамика капитализма» («La Dynamique du Capitalisme») (1985), «Идентичность Франции» («L’identité de la France») (1986) в 3 томах и др.

Пётр Андреевич Зайончковский (1904–1983)

Пётр Андреевич Зайончковский, советский историк, родился 5 (18) сентября 1904 года в Уральске, Уральская область, где его отец Андрей Чеславович Зайончковский служил военным врачом. Мать А.Ч. Зайончковского приходилась племянницей адмиралу П.С. Нахимову. Он принадлежал к дворянскому роду польского происхождения. В 1914–1918 годах Зайончковский учился в 1-м Московском кадетском корпусе, в 1918–1919 – в Киевском кадетском корпусе. Затем он работал пожарным, железнодорожным служащим и рабочим на машиностроительном заводе в Москве, где в 1931 году вступил в ВКП(б). В 1935 году Зайончковский поступил в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ), который окончил экстерном в 1937 году. В 1940 году он защитил кандидатскую диссертация по истории Кирилло-Мефодиевского общества и стал преподавателем русской истории в Московском областном педагогическом институте. В начале Великой Отечественной войны Зайончковский пошёл добровольцем в армию, хотя, как кандидат наук, не подлежал призыву. Хорошо зная немецкий язык, он занимался спецпропагандой, направленной на разложение войск противника. Зайончковский участвовал в сражениях под Сталинградом, на Курской дуге и на Правобережной Украине. Он вспоминал что самое страшное, что он увидел на войне, – это «мертвая дивизия», полностью уничтоженная под Сталинградом. Было солнечное утро, и вся земля была усеяна трупами.

В 1944 году в связи с тяжелой контузией Зайончковский был демобилизован в звании гвардии майора. За годы войны он был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. В 1944–1952 годах Зайончковский был заведующий отделом рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. С 1948 года он преподавал в Московском государственном университете, а в 1951–1983 годах являлся профессором исторического факультета. В 1950 году Зайончковский защитил докторскую диссертацию по истории военных реформ в России 1860–1870-х годов. В 1952–1954

годах по совместительству он был директором Научной библиотеки МГУ. В 1959–1972 годах Зайончковский также работал профессором Горьковского университета. Он был почётным членом Американской ассоциации историков (1967), членом-корреспондентом Британской академии (1973), лауреатом Гарвардской премии Масквейна (1968), заслуженным деятелем науки РСФСР (1980). Ученый умер 30 сентября 1983 года в Москве.

П.А. Зайончковский

По своим методологическим принципам Зайончковский был позитивистом. Как утверждал американский историк Ричард Уортман, «не кто иной, как П.А. Зайончковский проложил путь к серьёзным научным исследованиям Российского имперского государства. Благодаря его многочисленным монографиям, изданиям дневников и

мемуаров стало ясно, что государство являло собой целый культурный мир, с собственными ценностями, устремлениями, политической жизнью и идеологией. Зайончковский признавал роль «субъективного фактора» в истории, выносил эту проблему на обсуждение, хотя, разумеется, не мог делать это в печати. Он рассматривал подготовку великих реформ 1860-х годов не как вынужденный ответ на пресловутую «революционную ситуацию» (пусть даже он и должен был официально разделять этот взгляд в своих публикациях), но как процесс, протекавший в самой среде бюрократии, представители которой… разработали планы преобразований России, открывавших новую эру… Зайончковский полагал, что для понимания субъективного фактора необходимо изучать взгляды и идеи правительственных деятелей». Ученый подчёркивал прогрессивный характер крестьянской реформы, тогда как ранее советские историки рассматривали преимущественно её негативные моменты, поскольку реформу проводили «крепостники». Значительное внимание историк уделял как эволюции государственных институтов, так и роли личности в истории. Он показал самостоятельную роль бюрократии в подготовке и проведении Великих реформ 1860–1870-х годов.

Зайончковский высоко оценивал военные реформы, проводимые в царствование Александра II под руководством военного министра Д.А. Милютина, дневник которого он издал. Зайончковский также опубликовал дневники русских государственных деятелей П.А. Валуева и А.А. Половцова и два очень важных библиографических указателя: «Справочники по истории дореволюционной России: Библиография» (1971, 1978) и многотомную «Историю дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах» (1976–1989) в 5 томах и 13 книгах. О первом из них Зайончковский говорил: «Это лучшее, что я придумал в своей жизни».

Историк является автором книг: «Военные реформы 1860–1870-х гг. в России» (1952), «Отмена крепостного права в России» (1954, 1968), «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.» (1958), «Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847)» (1959), «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг.» (1964), «Российское самодержавие в конце XIX столетия» (1970), «Самодержавие и русская

армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903» (1973), «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» (1978).

Борис Фёдорович Поршнев (1905–1972)

Борис Фёдорович Поршнев, советский историк и социолог, родился 22 февраля (7 марта) 1905 года в Петербурге в семье крупного бизнесмена, владельца Ижорского кирпичного завода Фёдора Ивановича Поршнева (1878–1920) и Аделаиды Григорьевны, урождённой Тинтуриной (1873–1959). Поршнев получил домашнее образование, а в 1922 году окончил Тенишевское училище. После смерти отца и конфликта с матерью он сбежал из дома и провёл пару месяцев в труппе бродячего цирка в качестве жонглера. В начале 1920-х годов Поршнев играл в самодеятельной труппе М.И. Ромма «Тр. без режиссёра». В 1922 году он поступил в 1-й Петроградский университет по общественно-педагогическому отделению факультета общественных наук (ФОН). Поскольку мать по работе в Наркомпросе перебралась в Москву, Поршнев перевёлся на аналогичный факультет 1-го МГУ. Он окончил ФОН в октябре 1925 года, при этом он так и не сдал дипломной работы. Весной 1926 года Поршнев поступил в аспирантуру Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН) по секции новой русской истории. При поступлении им была представлена квалификационная работа «К истории Бакунина и бакунизма». Аспирантуру Поршнев окончил в 1929 году без защиты диссертации. В 1930–1932 годах он преподавал в качестве доцента кафедры всеобщей истории в Северо-Кавказском комвузе в Ростове-на-Дону и в некоторых других ростовских вузах. В сентябре 1932 года Поршнев стал научным консультантом в Публичной библиотеки имени В.И. Ленина. В 1935 году – профессором Московского областного педагогического института. В 1938 году Поршнев в Московском институте истории, философии и литературы получил кандидатскую степень за диссертацию «Из истории народных движений во Франции в XVII веке». Тогда же он возглавил кафедру истории Древнего мира и Средних веков в МОПИ. В том же году он также стал профессором МИФЛИ. Основным местом работы Поршнева с осени 1935 года было Московское отделение Государственной академии материальной культуры (МОГАИМК), где

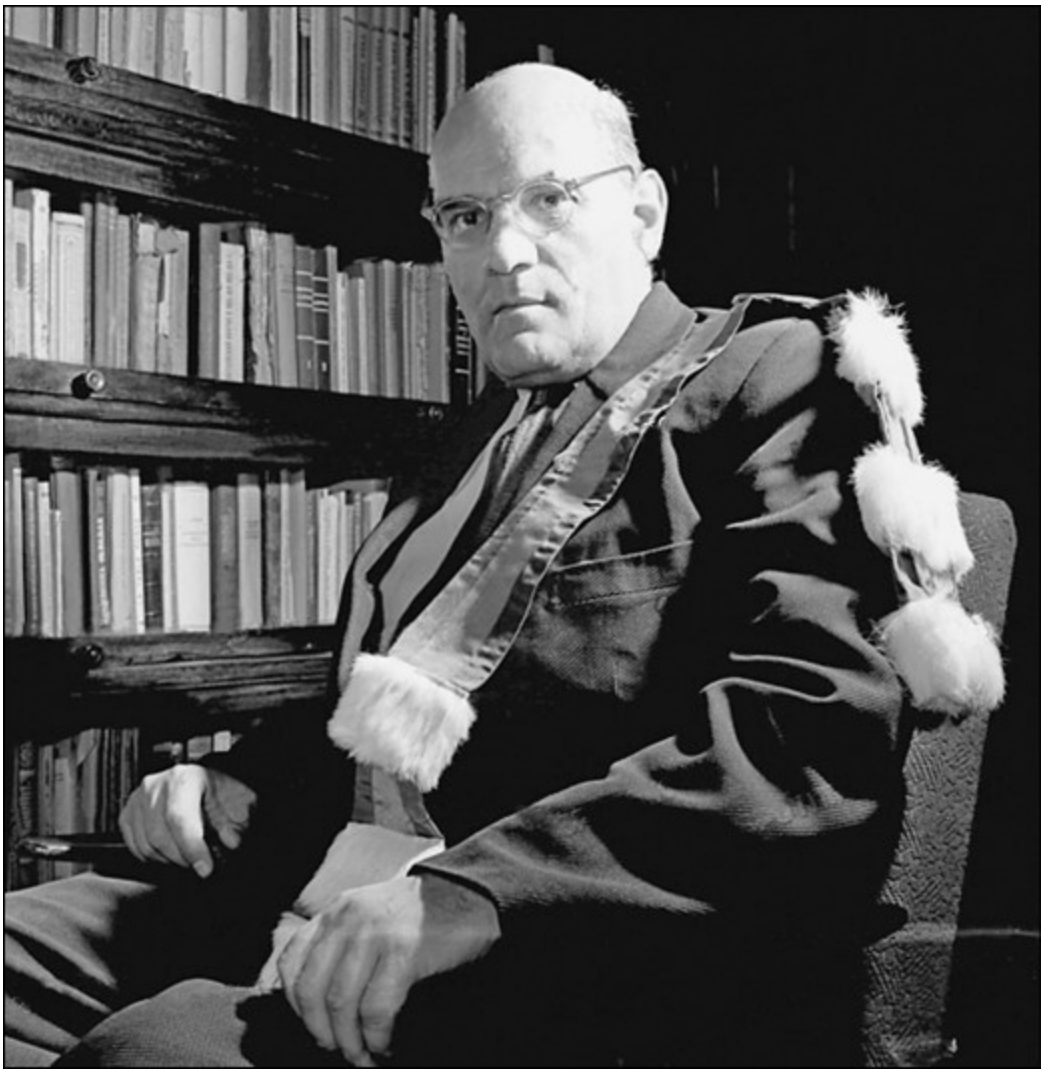
он был старшим научным сотрудником. В 1940 году в МИФЛИ Поршнев защитил докторскую диссертацию «Народные восстания во Франции в XVII веке». В 1941–1943 годах он заведовал кафедрой истории Казанского университета.

В 1943 году Поршнев начал работать в Институте истории АН СССР старшим научным сотрудником. С 1957 по 1966 год он заведовал сектором новой истории западноевропейских стран Института истории АН СССР, а затем возглавлял сектор истории развития общественной мысли. В 1946–1962 годах он был профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1947 году Поршнев был заведующим кафедрой новой и новейшей истории МГУ и в дальнейшем преподавал на ней. В 1966 году он защитил монографию «Феодализм и народные массы» (1964) как диссертацию на соискание учёной степени доктора философских наук. Он был почётным доктором Клермон-Ферранского университета во Франции (1957). В 1949 году Поршнев был удостоен Сталинской премии 3-й степени. Историк умер от инфаркта 26 ноября 1972 года в Москве.

Еще в школе Поршнев пришел к выводу, что «существующие книги описывают события, но не саму историю». Фронду он включал в контекст народных движений и сравнивал с английской революцией. На первом этапе Фронда – это «движение, протекающее под революционно-демократическими лозунгами и богатое революционными выступлениями масс», когда обиженная правительством Мазарини чиновная буржуазия сделала попытку «возглавить и развить народные революционные силы для буржуазной революции». Однако на втором этапе буржуазия, испугавшись народа, капитулировала и «пошла на сближение с абсолютизмом». Фронда, таким образом, была неудавшейся буржуазной революцией.

Поршнев пытался выработать общий «закон феодального общества», в котором главную роль должна была играть классовая борьба, которую он считал универсальным носителем энергии исторического процесса. Он утверждал, что «с того момента, как капиталистический уклад появился и более или менее созрел в недрах феодального общества, крестьянская борьба против феодальной эксплуатации уже не является такой бесперспективной, как прежде: налицо объективные экономические предпосылки для замены старого способа производства новым. Следовательно, с зарождением

капитализма в недрах феодального общества крестьянские восстания приобрели новый исторический смысл: отныне они могли привести к отмене феодальной эксплуатации, хотя и не к отмене всякой эксплуатации. Отныне каждое крестьянское восстание потенциально содержало в себе возможность буржуазной революции, дело зависело только от готовности буржуазии смело его возглавить. Изменился не принципиальный характер крестьянских восстаний, наполняющих Средневековье, изменился их возможный исход. Но для этой победы буржуазия должна была отказаться от роли «среднего класса» и не только открыто стать на сторону народного антифеодального лагеря, но и возглавить его. Чем более капиталистическому укладу становилось тесно среди господствовавших феодальных производственных отношений, тем более стихийно возрождался союз буржуазии с крестьянством, из рядов которого она некогда вышла. Только руками крестьянско-плебейской массы буржуазия могла опрокинуть феодализм. Только под руководством буржуазии крестьянство в ту эпоху могло опрокинуть феодализм. Несмотря на долгие колебания, буржуазии и ее попытки цепляться за выгоды прежнего положения в феодально-абсолютистском мире, этот союз неумолимо складывался. Все сильнее становились влияния крестьянства на буржуазию, а буржуазии на крестьянство».

Б.Ф. Поршнев

Поршнев отстаивал тезис о существовании системы международных отношений в Средневековье в позднейшие эпохи и утверждал, что без хлебных субсидий со стороны Московского государства Швеция не смогла бы вступить в Тридцатилетнюю войну. Касаясь начал человеческой истории, Поршнев искал признаки сосуществования Homo troglodytes и Homo sapiens в мифах, преданиях, верованиях, культах. Он писал об отражении сосуществования людей и неандертальцев в исторические времена в археологических памятниках, предметах искусства и в описаниях представителей зарождавшейся науки. Согласно поршневской теории, а вернее, гипотезы, люди появились благодаря изобретению языка, орудия

суггестии (внушения), которое позволило им подчинить животных и другие человеческие группы своей воле, а также сопротивляться воле других людей. Поршнев полагал: «Историзм приводит к тезису: на заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным человеком, но и представлял его противоположность. Только если понимать дело так, между этими полюсами протягивается действительная, а не декларируемая словесно дорога развития».

Он утверждал: «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического. В книге я предлагаю решение этой антиномии. Оно основано на идее инверсии. Последняя кратко может быть выражена так: некое качество (А/В) преобразуется в ходе развития в свою противоположность (В/А), – здесь все не ново, но все ново. Однако надлежит представить себе не одну, а две инверсии, следующие одна за другой. Из них более поздняя та, о которой только что шла речь: последовательный историзм ведет к выводу, что в начале истории все в человеческой натуре было наоборот, чем сейчас (если отвлечься от того, что и сейчас мы влачим немало наследства древности): ход истории представлял собой перевертывание исходного состояния. А этому последнему предшествовала и к нему привела другая инверсия: «перевертывание» животной натуры в такую, с какой люди начали историю». Подавляющее большинство исследователей выдвинутую ученым гипотезу о начале человеческой истории отвергает.

Поршнев является автором книг: «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)» (1948), «Очерк политической экономии феодализма» (1956), «Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах» (1963), «Мелье» (1964), «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века» (1970), «О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии» (1974–2007), «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» (1976), «Социальная психология и история» (1966, 1979), «Загадка «снежного человека»: современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах» (2012) и др.

Альберт Захарович Манфред (1906–1976)

Альберт Захарович Манфред, советский историк, наиболее известный биографией Наполеона и трудами по истории Великой французской революции, родился 15 (28) августа 1906 года в Петербурге в еврейской семье адвоката Захара Львовича Манфреда и переводчицы Розы Самуиловны Розенберг, сестры художника Леона Бакста. Манфред учился в гимназии Нечаева и в Тенишевском училище, окончил вечернюю школу в Саратове. В 1926 году он поступил в аспирантуру РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов по общественным наукам) со вступительной работой «Бланки в революции 1848 года». В 1930–1932 годах, после окончания аспирантуры, Манфред преподавал в Ярославском педагогическом институте, в 1932–1937 годах – в Ивановском педагогическом институте. С 1933 года он являлся профессором. В 1937 году он был исключен из партии и уволен с должности. С 1938 года он преподавал в Якутском педагогическом институте, однако через несколько месяцев работы был арестован без предъявления обвинения и возвращён в Иваново, а позднее переведён во Владимирскую тюрьму. В 1940 году Манфред был освобождён за отсутствием состава преступления. В 1940–1949 годах он преподавал в Московском областном педагогическом институте, в 1945–1948 годах – на историческом факультете МГУ, в 1945–1961 годах – в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков и в 1945–1949 годах – в МГИМО. В 1950 году Манфред защитил докторскую диссертацию «Внешняя политика Франции от Франкфуртского мира до союза с Россией (1871–1891)». С 1945 года Манфред являлся старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, в 1966–1968 годах был заведующим сектором новой истории западноевропейских стран Института истории АН СССР, а с 1968 года заведующий сектором истории Франции Института всеобщей истории АН СССР. С 1966 года он являлся вице-президентом, а с 1972 года – президент Общества «СССР – Франция».

Он был почётным доктором Клермон-Ферранского университета (1967). Ученый умер 16 декабря 1976 года в Москве.

Манфред считал, что глубинные национальные интересы России и Франции всегда требовали их сотрудничества во внешней политике, экономике, торговле, культуре, что географическое положение этих государств делало их естественными союзниками в борьбе против германского милитаризма и это сотрудничество может успешно продолжаться после установления в СССР коммунистического строя. Реальное содержание Великой французской революции он видел в переходе от феодализма к капитализму. Манфред верил, что эта революция обеспечила большой прогресс в раскрепощении человека и защите его прав и свобод. Он идеализировал Максимилиана Робеспьера и вслед за ним полагал, что революционное насилие – «справедливое и необходимое средство борьбы народа». Однако историк осуждал политику террора на позднем этапе, когда она превратилась в «инструмент расправы с неугодными лицами, грабежа, личного обогащения и бесчестных злоупотреблений». Манфред искренней сочувствовал Робеспьеру, «человеку действия, человеку железной воли и неукротимой энергии», и Жан-Полю Марату.

Он является автором весьма обстоятельной биографии Наполеона Бонапарта (1971), отличающейся немалыми художественными достоинствами и пользовавшейся огромным читательским успехом. Манфред значительное внимание уделил молодости Наполеона, когда тот находился под сильным влиянием якобинцев. По его мнению, «наполеоновские войны, полностью утратив свойственные им ранее, несмотря на их завоевательный характер, элементы прогрессивного, превратились в чисто захватнические, империалистические войны, нёсшие народам Европы порабощение и гнёт». Манфред не идеализирует Наполеона и честно показывает его постепенное превращение в «самовластительного поработителя Европы». Он отмечал все трудности создания биографии первого французского императора: «Преимущества, связанные с непрерывно расширявшимся потоком книг об эпохе Наполеона, легко превращались в свою противоположность. Легенды, так называемые общепринятые мнения, устоявшиеся суждения, незыблемые догмы, наслаиваясь одни на другие, создавали искусственные преграды, затруднявшие доступ к живой ткани исторического процесса. Каждый новый исследователь,

возвращавшийся к этой теме, оказывался в более трудном положении, чем его предшественник. Чтобы остаться вполне самостоятельным и оригинальным в суждениях, он должен был, преодолевая давление сложившихся концепций и схем, пробиваться к живительной подпочве первоисточников и прослеживать их течение по всем изгибам русла от истоков до устья. Это значило, говоря иными словами, всякий раз начинать все сначала».

А.З. Манфред

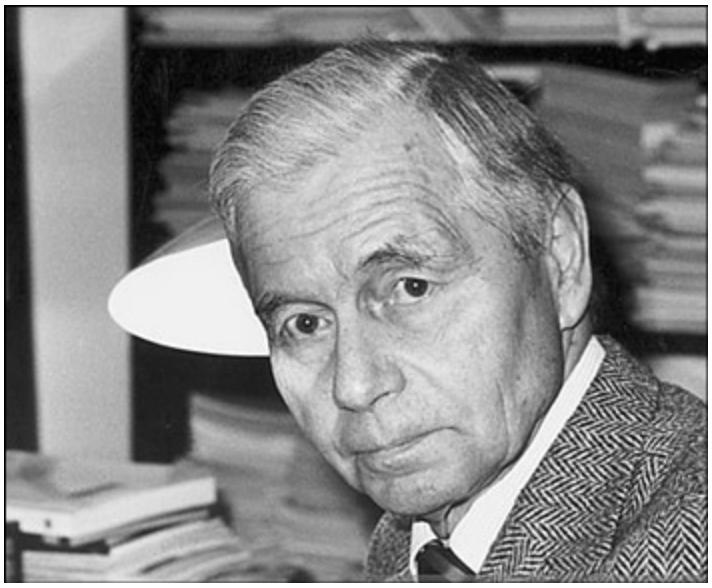
Наполеона Манфред считал подлинным сыном XVIII века: «Восемнадцатое столетие было временем удивительных человеческих судеб. В неподвижном по видимости мире строгого сословного деления, тщательно вымеренных иерархических ступеней, жестких правил регламентации материальной и духовной жизни неожиданно порядок был нарушен. Люди без роду, без племени, мальчишки, бог весть какими ветрами заброшенные в столицы могущественных

монархий, оказывались вознесенными на вершину общества; без каких-либо заметных усилий – так по крайней мере представлялось – овладевали умами и сердцами своих современников, становились властителями дум поколения. Все табели о рангах, все веками установленные нормы, каноны, традиции были смещены и опровергнуты». Историк в своей книге о Наполеоне использовал не только опубликованные источники, мемуары и прессу того времени, но и архивные рукописные источники из парижского Национального архива и Архива внешней политики России, в том числе донесения русских дипломатических агентов в Париже и других европейских столицах. Общий вывод ученого сегодня звучит несколько наивно, но полностью соответствует марксистскому историческому учению: «До тех пор пока в действиях Наполеона Бонапарта, несмотря на возраставшие с каждым годом наслоения, элементы прогрессивного оставались преобладающими, удачи, победы сопутствовали ему. Когда же наполеоновские войны, полностью утратив свойственные им ранее, несмотря на их завоевательный характер, элементы прогрессивного, превратились в чисто захватнические, империалистические войны, несшие народам Европы порабощение и гнет, тогда никакие личные дарования Наполеона, ни огромные усилия, прилагаемые им, не могли уже принести победу. Он с неотвратимостью шел к крушению своей империи и личному своему крушению. Его восхождение и его падение были вполне закономерны». На самом деле скорее можно говорить о том, что Наполеон начал терпеть поражения тогда, когда стал ставить перед собой недостижимую цель своего полного господства в Европе и против него объединились все европейские державы. Манфред говорил: «Лучше нашей науки нет ничего. Это наука без дна. Копаешь, копаешь, кажется, дошел до самой глубины, а там – новые пласты и часто БЕЗДНЫ БЕЗ ДНА».

Манфред является автором книг: «Внешняя политика Франции. 1871–1891 гг.» (1952), «Великая французская революция XVIII века» (1956), «Очерки истории Франции XVIII–XX вв.» (1961), «Марат» (1962), «Традиции дружбы и сотрудничества» (1967), «Образование русско-французского союза» (1975), «Три портрета эпохи Великой французской революции» (1977), «Великая французская революция» (1983) и др.

Фриц Фишер
(1908–1999)

Фриц Фишер, германский ученый, считающийся самым влиятельным германским историком XX века, родился 5 марта 1908 года в Людвигсштадте, Бавария, в семье железнодорожного инспектора. Высшее образование получил в 1927–1931 годах в Берлинском университете и Университете Эрлангена, где изучал историю, педагогику, философию и теологию. В 1935 году Фишер стал доктором богословия за диссертацию о Людвиге Николовиусе (1767–1839), высокопоставленном прусском чиновнике, отвечавшем за церковные дела, а в 1937 году – доктором истории за работу «Мориц Август фон Бетман-Гольвег и немецкий протестантизм» («Moritz August von Bethmann-Hollweg und der Protestantismus») (1938). В 1936 году он перешел с факультета богословия на факультет философии, где стал заниматься историей. В 1922 году он вступил в праворадикальную организацию Добровольческий корпус «Оберланд». В 1933 году – в штурмовые отряды (СА), а в январе 1938 году – в НСДАП. Фишер поддерживал пронацистское движение «Немецкие христиане» и выдвинутую им идею создания единой «Имперской церкви» на национальной основе. В 1939 году за работу о протестантских течениях и немецком национальном движении XIX века он стал стипендиатом Имперского института истории новой Германии. Фишер утверждал, что протестанты сначала выступали против отцов-основателей немецкого национального движения, затем – против Бисмарка и, наконец, против Гитлера как «исполнителя воли народа». В 1938 году он записался добровольцем в вермахт и участвовал в оккупации Судетской области. Зимой 1941/42 года Фишер читал лекции военнослужащим на темы «Проникновение иудаизма в культуру и политику Германии за последние 200 лет», «Проникновение еврейской крови в высший класс Англии» и «Роль иудаизма в экономике и государстве США».

Фриц Фишер

В 1942 году он стал экстраординарным профессором современной истории в Гамбургском университете. В конце Второй мировой войны Фишер был мобилизован в вермахт. В 1945–1947 годах он являлся военнопленным американской армии.

В 1948 году Фишер вернулся на должность экстраординарного профессора в Гамбургском университете, которую занимал до выхода на пенсию в 1978 году. Он был удостоен ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» 1-й степени (1987), а ранее был награжден более низкой степенью этого же ордена (1974). В 1971 году Фишер был избран членом-корреспондентом Британской академии. Ученый умер в Гамбурге 1 декабря 1999 года.

Фишер был одним из первых немецких историков, получивших в 1950-х годах доступ к документам министерства иностранных дел Германской империи и Рейхсканцелярии, захваченным союзниками. Также с разрешения правительства ГДР он был допущен в Потсдамский центральный архив. Его книга «Захват мирового господства: политика кайзеровской Германии в отношении военных целей, 1914–1918» («Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland, 1914–1918») (1961) вызвала настоящую сенсацию в Германии и стала бестселлером. Фишер выдвинул тезис о том, что Первая мировая война была спровоцирована империалистическими стремлениями Германской империи к мировому

господству. Он утверждал: «В условиях напряженной мировой обстановки 1914 года, не в последнюю очередь в результате мировой политики Германии, любая ограниченная (локальная) война в Европе с участием одной крупной державы неизбежно должна была приблизить угрозу всеобщей войны. Поскольку Германия хотела, желала и поддерживала австро-сербскую войну и, полагаясь на военное превосходство Германии, сознательно довела дело до конфликта с Россией и Францией в 1914 году, германское имперское руководство несет значительную часть исторической ответственности за развязывание всеобщей войны». В дальнейшем Фишер пришел к выводу, что Первая мировая война была спланированной акцией Германской империи. Он разрушил существовавший ранее в западногерманской науке консенсус насчет того, что цели Германии в Первой мировой войне были исключительно оборонительными и ни на одно из государств – участников войны нельзя возложить исключительную вину за ее возникновение. Фишер не только возлагал главную ответственность за «развязывание войны» на Германию, но и – сначала завуалированно, а в последующих публикациях всё более откровенно – проводил параллель между Германией кайзеровского периода и нацистской Германией, настаивая на политической и идеологической преемственности между Германской империей.

Национально-консервативные историки обвиняли Ф. Фишера в предательстве немецкого патриотизма, нарушении «национального табу» (признание вины и ответственности Германии за развязывание войны), его даже обвиняли в измене родине. Но в 1970-х годах выводы Фишера, основанные на большом массиве германских внешнеполитических документов, были приняты большинством западногерманских историков.

Ученый уделял большое внимание найденной им в Потсдамском архиве т. н. «Сентябрьской программе» – наименование, данное им письму канцлера Германии Теобальда фон Бетмана-Гольвега к статс-секретарю Имперского ведомства внутренних дел Клеменсу фон Дельбрюку от 9 сентября 1914 года, в котором канцлер излагал свой проект послевоенного устройства Европы. Фишер признавал, что «программа не представляла собой собственные требования канцлера, а отражала идеи ведущих фигур в бизнесе, политике и армии», но утверждал, что «руководящие принципы, изложенные в программе,

были, по сути, основой всей политики Германии в части военных целей до конца войны». Он полагал, что в июле 1914 года Берлин подталкивал Вену как можно скорее объявить войну Сербии и препятствовал мирному урегулированию конфликта.

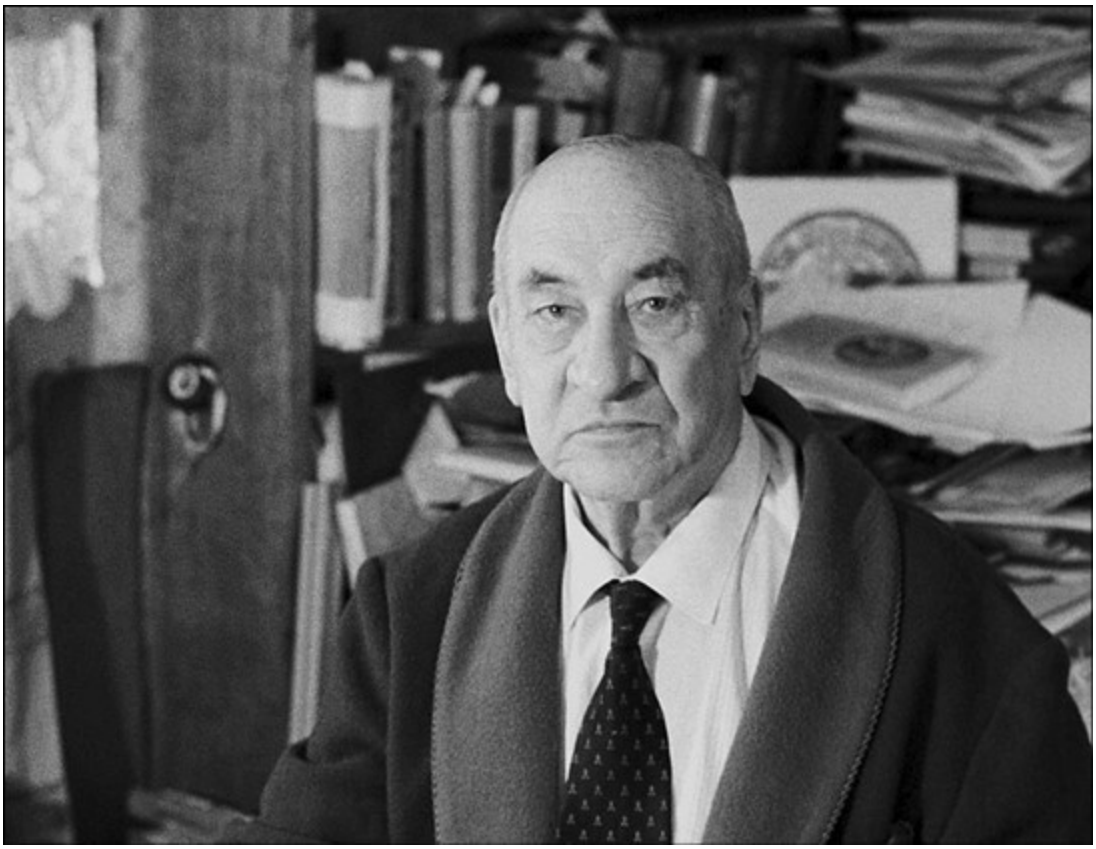
Фишер является автором книг: «Людвиг Николовиус: рококо, реформа, реставрация» («Ludwig Nicolovius: Rokoko, Reform, Restauration») (1939), «Мировое господство или упадок: Германия в Первой мировой войне» («Weltmacht oder Niedergang: Deutschland im Ersten Weltkrieg») (1965), «Война иллюзий: политика Германии с 1911 по 1914» («Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914») (1969), «Альянс элит: о преемственности властных структур в Германии, 1871–1945» («Bündnis der Eliten: Zur Kontinuität der Machstrukturen in Deutschland, 1871–1945») (1979), «Гитлер не был несчастным случаем на производстве: очерки» («Hitler war kein Betriebsunfall: Aufsätze») (1992) и др.

Борис Александрович Рыбаков (1908–2001)

Борис Александрович Рыбаков, советский и российский историк и археолог, руководитель советской археологии в 1960–1980-х годах, родился 21 мая (3 июня) 1908 года в Москве в старообрядческой семье, где получил хорошее домашнее образование. Его отец Александр Степанович Рыбаков (1885–1977) был первым директором Московского старообрядческого учительского богословского института при Рогожской старообрядческой общине. Мать историка Клавдия Андреевна Блохина была выпускницей филологического факультета Высших женских курсов. В 1926 году Рыбаков поступил на историко-этнологический факультет МГУ, который окончил в 1930 году по специальности «историк-археолог». Затем в течение полугода служил в Красной армии, в артиллерийском полку 1-й стрелковой дивизии в Москве командиром конной разведки. В 1931 году он стал старшим научным сотрудником Государственного исторического музея, а в 1936–1940 и в 1943–1950 годах являлся старшим научным сотрудником ГАИМК (Институт истории материальной культуры АН СССР). В 1939 году Рыбаков защитил кандидатскую диссертацию: степень была присуждена ему за монографию «Радимичи» («Радзімічы») (1932), опубликованную на белорусском языке. Докторскую диссертацию «Ремесло Древней Руси» (1948) он защитил в 1942 году в эвакуации в Ашхабаде.

В 1950–1952 годах он был деканом исторического факультета МГУ, а в 1952–1954 годах – проректором МГУ. В 1953 году он был избран членом-корреспондентом, а в 1958 году – академиком АН СССР. Рыбаков был заместителем академика-секретаря (1967–1973), и.о. академика-секретаря (1970–1971) и академиком-секретарем Отделения истории АН СССР (1974–1975). В 1951–1974 годах Рыбаков был заведующим сектором, в 1956–1987 годах – директором, а с 1988 года – почётным директором Института истории материальной культуры (с 1957 года – Институт археологии) АН СССР. Одновременно он являлся директором Института истории СССР в 1968–1970 годах. Под редакцией Рыбакова были изданы первые шесть томов «Истории

СССР с древнейших времён», многотомные – «Свод археологических источников» и «Археология СССР» и др. Он был иностранным членом Чехословацкой (1960), Польской (1970) и Болгарской (1978) академий наук, почётным доктором Ягеллонского университета в Кракове (1964), заслуженным профессором МГУ (1994) и почётным гражданином Чернигова (1986). Рыбаков был удостоен звания Героя Социалистического Труда (1978), ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени (1998), трех орденов Ленина (1968, 1971, 1978), ордена Октябрьской Революции (1975), Рыцарского креста ордена Возрождения Польши (1974) и др., а также Ленинской премии (1976), Сталинской премии 1-й степени (1949) и 2-й степени (1952). Ученый умер 27 декабря 2001 года в Москве.

Б.А. Рыбаков

Рыбаков проводил крупные раскопки в Москве и Подмосковье, Великом Новгороде, Звенигороде, Чернигове, Переяславле-Русском,

Белгороде-Киевском, Тмутаракани, Путивле, Александрове и др. Им были целиком раскопаны древнерусские замки Любеч и Витичев, что позволило реконструировать облик небольшого древнерусского города. В наибольшей мере научное значение из работ Рыбакова до настоящего времени сохранила монография «Ремесло Древней Руси», охватывающая период до XV века включительно. Там ученому удалось доказать, что на Руси до монгольского нашествия существовали многие ремесла, в том числе сложная обработка металлов. Рыбаков также установил на обширном археологическом материале, что городские ремесленники на Руси, объединялись в корпорации, подобные западноевропейским цехам. В то же время он преувеличивал уровень развития в ремесла в Древней Руси, утверждая, что оно не уступало ремеслу западноевропейских государств. Рыбаков пытался реконструировать язычество древних славян, главным образом посредством анализа фольклора: сказок, былин, обрядов и т. д., хотя фольклористы во второй половине XX века крайне скептически относились к возможности выделить в сказках или былинах древний мифологический субстрат. Реконструированный Рыбаковым пантеон языческих богов представляет собой его собственные гипотезы, которые в настоящее время невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Ряд теорий Рыбакова был ошибочен с самого начала. Так, он утверждал, что Киев был основан в V веке, несмотря на отсутствия там городского слоя вплоть до IX века, и добился широко празднования в государственном масштабе 1500-летия основания Киева в 1982 году. Рыбаков настаивал: «Более тысячи лет назад, в IX в. н. э., в восточной половине нашего континента сложилось огромное и исторически важное государство – Киевская Русь, воспетое былинами, скандинавскими сагами, половецкими песнями, описанное арабскими и персидскими географами, византийскими хронистами и русскими историками-летописцами. Его ядром был древний культурный центр Восточной Европы – Среднее Приднепровье, где уже за четыре тысячи лет до князя Владимира жили земледельческие племена. Его окраины упирались на юге в тысячеверстные просторы степей, доходя местами до «Русского» – Черного – моря, а на севере до Балтики и непроходимых таежных массивов Заволжья». Рыбаков полагал, что скифы-пахари, упоминаемые Геродотом в V веке до нашей эры, в отличие от кочевых скифов-скотоводов, – это славяне, хотя никаких

данных об этом у античного историка нет, а упоминание этнонима «скифы» скорее заставляет предположить, что речь может идти о каком-то иранском народе.

Рыбаков считал славянской Трипольскую археологическую культуру, существовавшую между Днепром и Дунаем за 3000–5000 лет, хотя это утверждение было абсолютно бессмысленным. В столь древние времена еще не существовало ни германских, ни славянских, ни балтийских языков. Рыбаков был убежденным антинорманистом. Он отождествлял русов и славян, а норманнов рассматривал только как наемников у славянских князей. Рыбаков считал легендарного Кия киевским князем VI века и доказывал, что понятие «Русская земля» сложилось уже к середине VI века, и отрицал возможность завоевания славян норманнами, равно как и скандинавское происхождение этнонима «Русь». Рыбаков также отрицал наличие большого числа скандинавских древностей на территории Древней Руси, причем в различных регионах.

По воспоминаниям А.А. Зимина, «на эстраде Рыбаков – чародей. Он по натуре свой иллюзионист-импровизатор. К своему выступлению – сеансу магии – он никогда не готовится, полагаясь на свои чары. Его задача не убедить слушателя, а заворожить, передать аудитории магнетические волны собственной убежденности. Его волевой импульс дополняется колдовским действом, атрибутами которого бывают обычно всевозможные схемы, карты, рисунки, диапозитивы. Таинство псевдоученых рассуждений и образность изложения, помноженные на авторитет ученого и притягательную силу власти, довершают дело. «Нельзя, чтобы было не так, раз такой человек так уверенно говорит».

Рыбаков является автором книг: «Древности Чернигова» (1949), «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (1963), «Первые века русской истории» (1964), «Русские датированные надписи XI–XIV веков» (1964), «Русское прикладное искусство X–XIII веков» (1971), «Слово о полку Игореве и его современники» (1971), «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» (1972), «Геродотова Скифия. Историко-географический анализ» (1979), «Язычество древних славян» (1981), «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков» (1982), «Язычество Древней Руси» (1987), «Пётр Бориславич.

Поиск автора «Слова о полку Игореве» (1991), «Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия» (1993) и др.

Амалананда Гхош (1910–1981)

Амалананда Гхош, индийский археолог, родился 3 марта 1910 года в Бенаресе (Варанаси), штат Уттар-Прадеш. Он учился в Аллахабаде и институте археологии при Лондонском университетском колледже. С 1937 года Гхош работал в Археологической службе Индии и возглавлял её в 1953–1968 годах. Он участвовал в раскопках или руководил ими в Пачмархи, Биканере, Брахмагири, Маски (округ Райчур), Таксиле, Арикамеду (округ Пондичерри), Хараппе. В 1958 году в Индии по инициативе Гхоша был принят Закон об охране древних памятников и мест археологических раскопок. Он организовал Службу охраны храмов и Доисторический отдел Археологической службы Индии, а также археологическую школу. Гхош был главным редактором журнала «Ancient India». В 1954 году по его инициативе был создан журнал «Indian Archaeology». При участии Гхоша в 1960 году прошла реорганизации департамента археологии Непала. С 1968 года он работал консультантом ЮНЕСКО при правительствах Катара, Бахрейна, Саудовской Аравии (1968–1969) и Йемена (1970). Одновременно в 1968–1971 годах Гхош был научным сотрудником Индийского института перспективных исследований. Он был награжден индийским орденом Падма Шри (1962). Гхош являлся вице-президентом королевских обществ Индии, Пакистана и Цейлона и почетным членом Лондонского королевского общества антикваров и Германского института археологии в Берлине. После выхода в отставку он эмигрировал в США. Гхош скончался в Нью-Йорке 25 августа 1981 года.

Раскопки древней Хараппы

Гхош вёл раскопки на участках долины Инда и поселения долины Гхаггара. Он смог проследить смену культур Хараппы, расписной серой керамики, Ранг-Махал и определил время появления ариев в этой местности, а также выяснил детали о происхождение цивилизации Хараппы. В 1950 году благодаря Гхошу были организованы систематические раскопки вдоль русла высохшей реки Сарасвати (Биканер), и за несколько месяцев работы он обнаружил около 70 участков, на 15 из которых были найдены предметы старины. Из более чем 100 археологических памятников 25 содержали древности, аналогичные найденным в Хараппе и Мохенджо-Даро. Работы Гхоша в Нохаре и Сотхи позволили уточнить генезис хараппской цивилизации (периода Калибанган I) и определить её восточные границы.

Калибанган – это древний город, расположенный на берегу сезонной реки Гхаггар-Хакра в Северном Раджастхане. Он был открыт Гхошем в 1951 году и признан относящимся к Хараппской цивилизации. Анализ полученных археологами материалов показал, что Калибанган был одним из древнейших и крупнейших городов Индской

цивилизации, с развитым сельским хозяйством и ремесленным производством. Будучи археологом, Гхош использовал данные эпиграфики, нумизматики и санскритской литературы в рамках современных методов междисциплинарного подхода.

Гхош является автором книг: «Фрески Аджанты; альбом из восьмидесяти пяти цветных репродукций» («Ajanta murals; an album of eighty-five reproductions in colour») (1967), «Город в ранней исторической Индии» («The city in early historical India») (1973), «Энциклопедия индийской археологии» («An Encyclopaedia of Indian archaeology») (1990) и др.

Альбер Собуль
(1914–1982)

Альбер Собуль, французский историк-марксист, один из крупнейших специалистов по истории Великой французской революции и Наполеона Бонапарта, родился 27 апреля 1914 года во Французском Алжире, в городе Амми-Мусса провинции Релизан, в семье французских колонизаторов-переселенцев, прибывших из департамента Ардеш для бесплатного занятия сельскохозяйственных земель, отторгнутых у мусульманского населения. Его отец Люсьен Собуль, сын ресторатора, был владельцем участка земли в 62 гектара. Его мать Мари Мейан происходила из крестьян. Люсьен Собуль погиб в самом начале Первой мировой войны, а мать в 1922 году умерла от туберкулеза. Будущий историк получил государственную стипендию для продолжения образования. Он окончил Нимский лицей Альфонса Додэ, подготовительный класс для бакалавров лицея Жоффра в Монпелье, высшие литературные классы лицея Людовика Великого в Париже, а в 1932–1936 годах – Сорбонну. В 1938 году Собуль получил преподавательскую степень по истории и географии и в том же году был призван в армию, где служил в артиллерии. В 1932–1938 годах Собуль был членом и одним из руководителей парижской студенческой коммунистической организации, а в 1939 году официально стал членом Коммунистической партии Франции. Во время Второй мировой войны историк был активным участником движения Сопротивления. После демобилизации из армии Собуль в 1940–1942 годах преподавал в лицее Монпелье, а в 1945–1960 годах – в лицеях Парижа. В 1942–1944 годах историк проводил исследования для национального музея искусств и народных традиций в Париже В 1950–1953 годах историк также был сотрудником в Национальном центре научных исследований. В 1958 году защитил в Сорбонне докторскую диссертацию на основе будущей книги «Парижские санкюлоты II года» («Les Sans-culottes parisienes en l’an II») (1962). С 1959 года Собуль являлся генеральным секретарем «Общества робеспьеристских исследований». В 1960–1967 годах он преподавал в Клермон-Ферранском университете. С 1967 года стал преподавателем

кафедры истории французской революции в Сорбонне и директором Института истории французской революции при Сорбонне. Он являлся членом редакционной коллегии журнала «Annales historiques de la Revolution francaise», был лауреатом премии Фонда Дюма-Мильер (1972) и почетным доктором МГУ (1978). Ученый умер 11 сентября 1982 года в Ниме.

В своих исследованиях Собуль особое внимание уделял изучению революции «снизу». Его книга «Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры: народное движение и революционное правительство, 2 июня 1793 года – 9 термидора II года» («Les Sans-culottes parisienes en l'an II») (1962), основанная на архивных материалах, является самым полным изучением движений низших слоёв Парижа во время якобинской диктатуры. Историк считал классовую борьбу основой революции. Собуль утверждал: «Революционное правительство, сложившееся летом и осенью 1793 г., было символом новой национальной действительности. В то время как Гора колебалась и дискутировала, народные массы, движимые своими потребностями и своей ненавистью, толкали ее вперед и заставляли принимать важные решения, такие как создание массового ополчения. Сильное правительство было в это время необходимо, чтобы дисциплинировать народное движение и сохранить союз народа с буржуазией, которая одна могла дать тогда необходимых руководителей. В этом и заключалась политика революционного правительства в течение всего II года республики. В частности, Робеспьер проявлял постоянную заботу о сохранении революционного единства бывшего третьего сословия, иными словами – национального единства».

Альбер Собуль. Фото 1950-х гг.

Работы Собуля лежат на стыке политической и социальной истории. Он применял методы ретроспективной социологии, взяв широкий ментальный, идеологический и экономический контексты исследования деятельности отдельных личностей и социальных групп. Особый упор Собуль делал на изучении аграрную историю, роли в революции городских «низов». Он исследовал проблему типичности и уникальности Великой Французской революции в период перехода от феодализма к капитализму. Парижских санкюлотов Собуль рассматривал как сторонников прямой демократии и наиболее активную силу революции. Историк считал, что подъём народного движения как самостоятельной политической силы достиг своего пика в период якобинской диктатуры. Он сделал вывод о значительной автономности их движения, главной целью которого была борьба с аристократией. Санкюлоты, которых историк считал своего рода протопролетариатом, были теми революционными массами, которые необходимы буржуазии для ликвидации феодализма. В конфликте санкюлотов и якобинцев Собуль видел одну из движущих сил революции. Якобинскую диктатуру он считал диктатурой революционного правительства, а не народа. Историк выдвинул тезис

о народной революции санкюлотов и крестьян, которые ставили собственные требования, выходившие за рамки буржуазной революции, и были едины только в своей ненависти к аристократии и «старому порядку».

Падение якобинской диктатуры он объяснял отказом значительной части санкюлотов поддержать якобинцев. Санкюлотов он считал социально неоднородными и оправдывал Робеспьера и якобинцев, считая, что господство террора было необходимым ответом на внешние и внутренние угрозы.

Собуль является автором книг: «История Французской революции» («Histoire de la Revolution francaise») (1964) в 2 томах, «Крестьяне, санкюлоты и якобинцы» («Paysans, sansculottes et jacobins») (1966), «Первая империя (1804–1815)» («Le Premier empire (1804–1815)») (1973), «Франция накануне революции» («La France a la veille de la Revolution») (1974) и др.

Тревор Невитт Дюпюи
1916–1995)

Тревор Невитт Дюпюи, американский военный историк, родился 3 мая 1916 года в Нью-Йорке в семье известного военного историка полковника Ричард Эрнест Дюпюи (1887–1975) и его жены художницы Лоры Невитт Дюпюи. В 1938 году он окончил академию Вест-Пойнт. Во время Второй мировой войны Дюпюи командовал артиллерийским батальоном армии США, китайской артиллерийской группой и артиллерийским подразделением британской 36-й пехотной дивизии в Бирме. После войны, в 1945–1947 годах, он служил в оперативном отделе министерства обороны США, а в 1947–1948 годах был военным помощником заместителя министра армии. Он был членом штаба Верховного штаба Союзных держав в Европе (SHAPE) в Париже в 1950–1952 годах. После того как Дюпюи оставил службу в действующей армии в 1952 году, Гарвардский университет сделал его профессором военных наук и тактики. Дюпюи помог основать Гарвардскую программу оборонных исследований. Он оставил Гарвард в 1956 году, чтобы стать директором программы военных исследований в Университете штата Огайо. После ухода в отставку с военной службы в 1958 году в чине полковника, он работал приглашенным профессором по программе международных отношений в Рангунском университете (1958–1960). В 1960–1962 годах Дюпюи работал в Институте оборонного анализа, финансируемом правительством аналитическом центре. В 1962 году он основал первую из своих исследовательских компаний, занимающихся изучением и анализом вооруженных конфликтов, – Организацию исторической оценки и исследований (HERO) – и занимал пост ее президента и исполнительного директора вплоть до 1983 года. С 1967 по 1983 год Дюпюи также был президентом компании T.N. Dupuy Associates Inc. (TNDA), которая стала материнской организацией для HERO. В 1983 году TNDA продала свои активы (включая HERO) новой созданной им же корпорации под названием Data Memory Systems, Inc. (DMSI). Дюпюи был президентом и крупнейшим акционером DMSI. В 1990 году он уволился из DMSI, продал свои

акции и возобновил деятельность TNDA. В 1992 году TNDA была закрыта, и он основал некоммерческую организацию Институт Дюпюи (The Dupuy Institute) (TDI). Он был награжден орденом «Легион почета» (Legion of Merit), Бронзовой звездой, орденом Облака и Знамени (Республика Китай), орденом за выдающиеся заслуги (Англия).

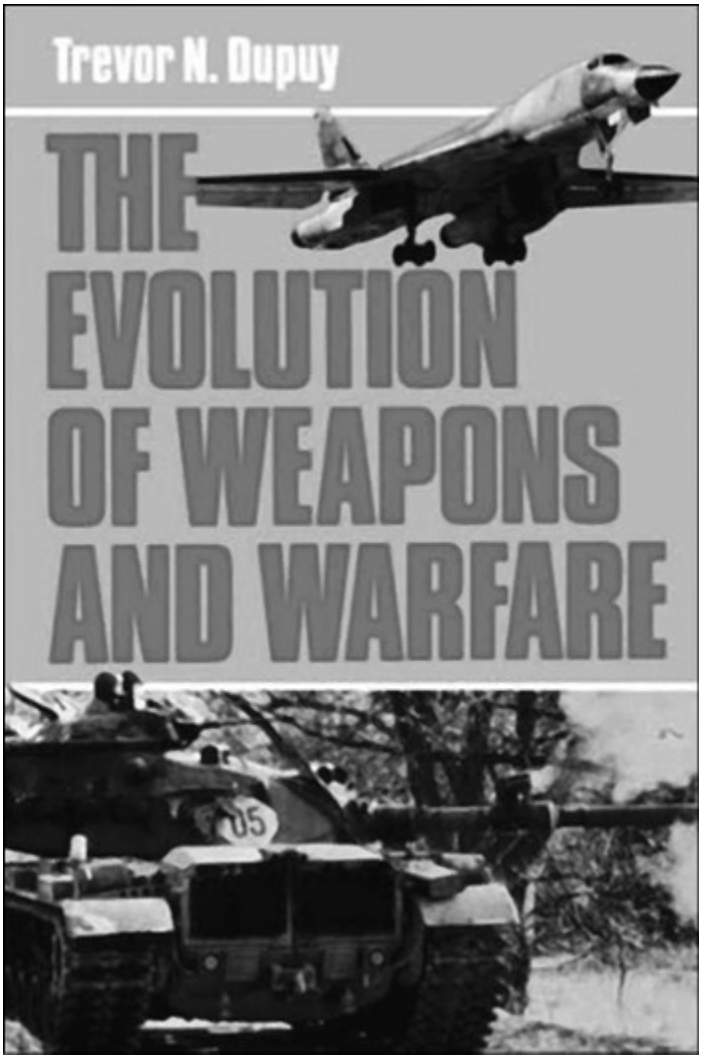
Дюпюи застрелился в своем доме в Вене, штат Вирджиния, 5 июня 1995 года. Тремя неделями ранее он узнал, что у него рак поджелудочной железы в терминальной стадии.

Основным вкладом Дюпюи в историю и анализ военных операций является метод оценки Quantified Judgment Method, или QJM, где исход сражения прогнозируется с использованием довольно сложной мультипликативно-аддитивной формулы, в которой учитываются различные факторы, относящиеся к силе и огневой мощи воюющих сторон, а также к другим обстоятельства военной кампании или сражения. Дюпюи и его сотрудники скорректировали параметры своей модели, используя известные статистические факты нескольких хорошо документированных сражений. QJM учитывает такие факторы, как лидерство, моральный дух, уровень боевой и логистической подготовки и т. д., и то, как эти факторы в конечном итоге могут повлиять на успех на поле боя. Боевая мощь высчитывается по следующей формуле: P = S x OE x Q, где: P = боевая мощь, OE = влияющие на исход сражения факторы окружающей среды (operational environmental factors), Q = качество войск. Его главный труд «Энциклопедия военной истории» охватывает период от 3500 года до н. э. и до начала 1990-х годов, причем все войны и военные конфликты представлены в энциклопедии, объемом более 1650 страниц, в хронологическом порядке. Как отмечали отец и сын Дюпюи, «главы энциклопедии предваряются очерками «Эволюция военного искусства», которые содержат сведения о военных тенденциях эпохи, выдающихся военачальниках, принципах тактики и стратегии периода, особенностях вооружения, организации военного дела, развитии военно-теоретической мысли и т. д. Затем следуют общие обзоры важнейших войн периода. Они рассматриваются вне региональных и национальных парадигм, так как зачастую военные конфликты выходят за пределы отдельного государства, охватывая ряд сопредельных (и не только) стран. Далее приведены характеристики

периода военной истории по регионам, наиболее значимым в описываемую эпоху. Основные военные события той или иной страны (региона) отображаются в виде тезисов с краткими комментариями, в хронологическом порядке». Они полагали, что «история войн зародилась в тот момент, когда пещерный homo sapiens, взяв в руки камень либо палку, насмерть забил недруга. Разумеется, за многие века у него усложнились средства и способы разрешения конфликтов, что до причин и целей – они не претерпели существенных изменений. Даже появление оружия массового поражения не поколебало его готовности прибегнуть к вооруженному столкновению из желания навязать свою волю сопернику».

Дюпюи является автором более 50 книг, в том числе: «К цветам: Образ жизни армейского офицера» («To the Colors: The Way of Life of an Army Officer») (совместно с Р.Э. Дюпюи) (1942), «Верный и преданный: История 5-го полка полевой артиллерии» (1949) («Faithful and True: History of the 5th Field Artillery»), «Кампании Французской революции и Наполеона» («Campaigns of the French Revolution and of Napoleon») (1956), «Храбрые люди и великие полководцы» («Brave Men and Great Captains») (совместно с Р.Э. Дюпюи) (1960, 1993), «Краткая история Гражданской войны» («Compact History of the Civil War») (совместно с Р.Э. Дюпюи) (1960, 1991), «Сухопутные сражения Гражданской войны» («Civil War Land Battles») (1960), «Военно-морские сражения Гражданской войны» («Civil War Naval Actions») (1961), «Военная история Второй мировой войны» («Military History Of World War II») (1962–1965) в 18 томах, «Краткая история войны за независимость» (совместно с Р.Э. Дюпюи) («Compact History of the Revolutionary War») (1963), «Военное наследие Америки» («Military Heritage Of America») (совместно с Р.Э. Дюпюи, Полом Бреймом) (1966–1992) в 2 томах, «Подведение итогов: Стратегическое и боевое лидерство» («Summation: Strategic and Combat Leadership») (1967), «Военная история Первой мировой войны» («Military History Of World War I») (1967) в 14 томах, «Битва при Аустерлице» («The Battle Of Austerlitz») (1968), «Военная история Гражданской войны в Китае» («Military History Of The Chinese Civil War») (1969), «Военные жизни» («The Military Lives») (1969–1970) в 12 томах, «Энциклопедия военной истории» («Encyclopedia of Military History») (совместно с Р.Э. Дюпюи) (1975, 1993), «Гений войны: Немецкая армия и Генеральный

штаб, 1807–1945» («A Genius For War: The German Army And General Staff, 1807–1945») (1977, 1993), «Цифры, предсказания и война» («Numbers, Predictions and War») (1978,1985), «Великие битвы на Восточном фронте» («Great Battles Of The Eastern Front») (совместно с Полом Мартеллом) (1982), «Войны будущего: Самые опасные горячие точки в мире» («Future Wars: The World's Most Dangerous Flashpoints») (1992), «Последняя авантюра Гитлера» («Hitler's Last Gamble») (совместно с Дэвидом Л. Бонгардом, Ричардом К. Андерсоном) (1994) и др.

Одна из книг Тревора Дюпюи

Эрик Хобсбаум (1917–2012)

Эрик Хобсбаум, британский историк-марксист, родился 9 июня 1917 года в Александрии, Египет, в семье австрийских евреев, которые без большого успеха пытались заниматься бизнесом в Египте. Его мать Нелли Хобсбаум (урожденная Грюн) была уроженкой Вены, его отец Леопольд Перси Хобсбаум (урожденный Обстбаум) – сыном польского еврея, родившимся в Лондоне). Хобсбаум учился в школе в Вене, а потом в Берлине. В 1929 году умер его отец, а в 1931 году – мать, Эрик был усыновлен его тетей по материнской линии Гретл и дядей по отцовской линии Сидни, которые поженились. В 1933 году семья переехала в Лондон, где Хобсбаум с 1936 года учился в Королевском колледже Кембриджского университета на историческом и экономическом факультетах. Здесь Хобсбаум увлёкся марксизмом и вступил в Коммунистическую партию Великобритании и вошел в ее Историческую группу. Он получил докторскую степень (PhD) по истории в Кембриджском университете за диссертацию о Фабианском обществе.

Во время Второй мировой войны служил в Королевских инженерных войсках и Армейском учебном корпусе. Ему запретили служить за границей после того, как он привлек внимание службы безопасности, когда использовал стенгазету, которую он редактировал во время обучения в армии, чтобы выступать за открытие Второго фронта, что было требованием, выдвинутым Коммунистической партией Великобритании во время войны. С 1946 года он являлся президентом Общества социалистической истории. Он также работал кинооператором и выезжал на съемки во Францию, Алжир и Тунис. В 1947 году Хобсбаум стал преподавателем истории в Биркбек-колледже Лондонского университета, где возглавил кафедру экономической истории с 1969 года, а с 1984 года являлся почетным профессором. Хобсбаум был президентом Биркбекского колледжа с 2002 года до своей смерти. В 1960-х годах он был приглашенным профессором в Стэнфордском университете. Хобсбаум также являлся приглашенным профессором в Новой школе социальных исследований на Манхэттене

в 1984–1997 годах, а в дальнейшем был почетным профессором Новой школы социальных исследований на факультете политологии.

Эрик Хобсбаум. Фото 1976 г.

Он много путешествовал по странам Средиземноморья и Латинской Америки. В поездке по Средиземноморью в 1957 году Хобсбаум познакомился с архивными документами и опрашивал крестьян, а затем написал ставшую популярной книгу «Простые бунтовщики. Исследования архаичных форм социальных движений в XIX и XX столетиях» («Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movements in the 19th and 20th Centuries») (1959, 1971), главным образом на итальянском и испанском материале. Здесь он продемонстрировал связь религии, в частности сектантства и милленаризма, с революционностью масс, описал закономерности революционной ситуации и проанализировал роль личности в ее создании. Будучи полиглотом, историк свободно владел немецким,

английским, французским, испанским и итальянским языками, а также читал по-португальски и по-каталонски. Хобсбаум подписал письмо протеста группы европейских историков против советской интервенции в Венгрии в 1956 году и горячо симпатизировал участникам «Пражской весны» 1968–1969 годов, но при этом оставался членом коммунистической партии. Хобсбаум был одним из лидеров еврокоммунистической фракции в Коммунистической партии Великобритании, которая начала набирать силу после 1968 года, когда КПВ раскритиковала подавление Советским Союзом Пражской весны и отказ Французской коммунистической партии поддержать майские протесты 1968 года в Париже. Он прекратил свое членство в КПВ только незадолго до роспуска партии в 1991 году.

Хобсбаум был членом Британской академии (1978) и иностранным почетным членом Американской академии искусств и наук (1971) и лауреатом Дойчеровской мемориальной премии (1995) и премии Бальцана (2003) «За блестящий анализ неспокойной истории Европы XX века и за его способность сочетать глубокие исторические исследования с большим литературным талантом». Хобсбаум был удостоен ордена Кавалеров Почёта (1998). Он также был почетным гражданином Вены (2008) и почетным доктором Венского университета (2008), университета Монтевидео (1999) и Карлова университета в Праге (2008). Ученый умер от осложнений пневмонии и лейкемии в Лондоне 1 октября 2012 года.

Хобсбаум приобрел известность как историк рабочего движения. Он писал историю рабочего движения прежде всего как историю культуры рабочего класса. Историк также делал упор на связь религии с социализмом, на роль ритуала в рабочем и революционном движении, на формирование рабочей аристократии и на связь культуры рабочего класса с массовой культурой. Он провел анализ «двойной революции» (политической французской революции и британской промышленной революции). Хобсбаум рассматривал их влияние как движущую силу преобладающей тенденции к либеральному капитализму сегодня. Другой повторяющейся темой в его работах был социальный бандитизм, который ученый поместил в социальный и исторический контекст, тем самым опровергая традиционное представление о нем как о спонтанной и непредсказуемой форме первобытного восстания. Хобсбаум утверждал: «Наследие Карла Маркса – этого безоружного

пророка, вдохновившего на большие перемены, – остается неоспоримым. Я совершенно сознательно не говорю, что в настоящее время имеются какие-то аналогичные возможности. Сейчас я говорю, что основные проблемы XXI века потребуют решений, которые не могут дать ни чистый рынок, ни чистая либеральная демократия. В этом смысле потребуется создание иной комбинации, другого сочетания общественного и частного, государственного управления и свободы. Как вы это назовёте, я не знаю. Однако, скорее всего, это больше не будет капитализм по крайней мере в том виде, в каком мы наблюдаем его в нашей стране и в США».

Он ввел понятия «долгий девятнадцатый век», который начинается с французской революции в 1789 году и заканчивается началом Первой мировой войны в 1914 году, и «короткий двадцатый век», который начинается с началом Первой мировой войны и завершается распадом СССР в 1991 году. Он писал в начале 1990-х годов: «Я хочу понять и объяснить, почему история повернула именно в том, а не в другом направлении, и проследить связь между событиями. Для каждого моего ровесника, пережившего весь «короткий двадцатый век» или большую его часть, это интересно и с автобиографической точки зрения. Ведь мы ведем речь в расширенном (и уточненном) виде о собственном опыте и собственных воспоминаниях. Мы говорим, как люди, которые, каждый по-своему, в определенном месте и в определенное время были вовлечены в его историю, как актеры в пьесе (какой бы незначительной ни была наша роль) и как очевидцы. Наши взгляды на это столетие сформировались под влиянием его ключевых событий. Мы – часть этого столетия. Оно – часть нас. Об этом не следует забывать читателям, принадлежащим к другой эпохе, например студентам, поступающим в университеты, для которых даже вьетнамская война является доисторическим событием». По его мнению, «экономическая система (названная социалистической), состряпанная наскоро на руинах аграрной евразийской громады бывшей Российской империи, нигде в мире не рассматривалась в качестве реальной глобальной альтернативы капиталистической экономике (да и сама не считала себя таковой). Только Великая депрессия 1930-х годов заставила считаться с этой системой, ставшей защитой от фашизма, благодаря которому СССР стал необходимым орудием поражения Гитлера и как следствие – одной из двух

сверхдержав, противостояние которых являлось мировым доминирующим фактором всю вторую половину «короткого двадцатого века», при этом (как мы теперь можем понять) во многих отношениях стабилизируя его политическую структуру. Если бы либеральный капитализм не сдал своих позиций, СССР в середине двадцатого века в течение полутора десятилетий не стоял бы во главе социалистического лагеря, захватившего треть человечества, причем какое-то время даже казалось, что социалистическая экономика может обогнать в своем развитии капиталистическую».

Хобсбаум является автором книг: «Эпоха революции: Европа 1789–1848» («The Age of Revolution: Europe 1789–1848») (1962), «Докапиталистические экономические формации» («Pre-Capitalist Economic Formations») (1965), «Промышленность и империя: с 1750 года до наших дней» («Industry and Empire: From 1750 to the Present Day») (1968), «Бандиты» («Bandits») (1969), «Эпоха капитала: 1848–1875» («The Age of Capital: 1848–1875») (1975), «Эпоха империи: 1875–1914» («The Age of Empire: 1875–1914») (1987), «Отголоски Марсельезы: взгляд на Французскую революцию сквозь два столетия» («Echoes of the Marseillaise: Two Centuries Look Back on the French Revolution») (1990), «Нации и национализм после 1780 года: программа, миф, реальность» («Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality») (1991), «Позади времени: упадок и крушение авангарда двадцатого века» («Behind the Times: Decline and Fall of the Twentieth-Century Avant-Gardes») (1998), «Интересные времена: жизнь двадцатого века» («Interesting Times: A Twentieth-Century life») (2002), «Переломные времена: культура и общество в XX веке» (Fractured Times: Culture and Society in the 20th Century) (2013) и др.

Александр Александрович Зимин (1920–1980)

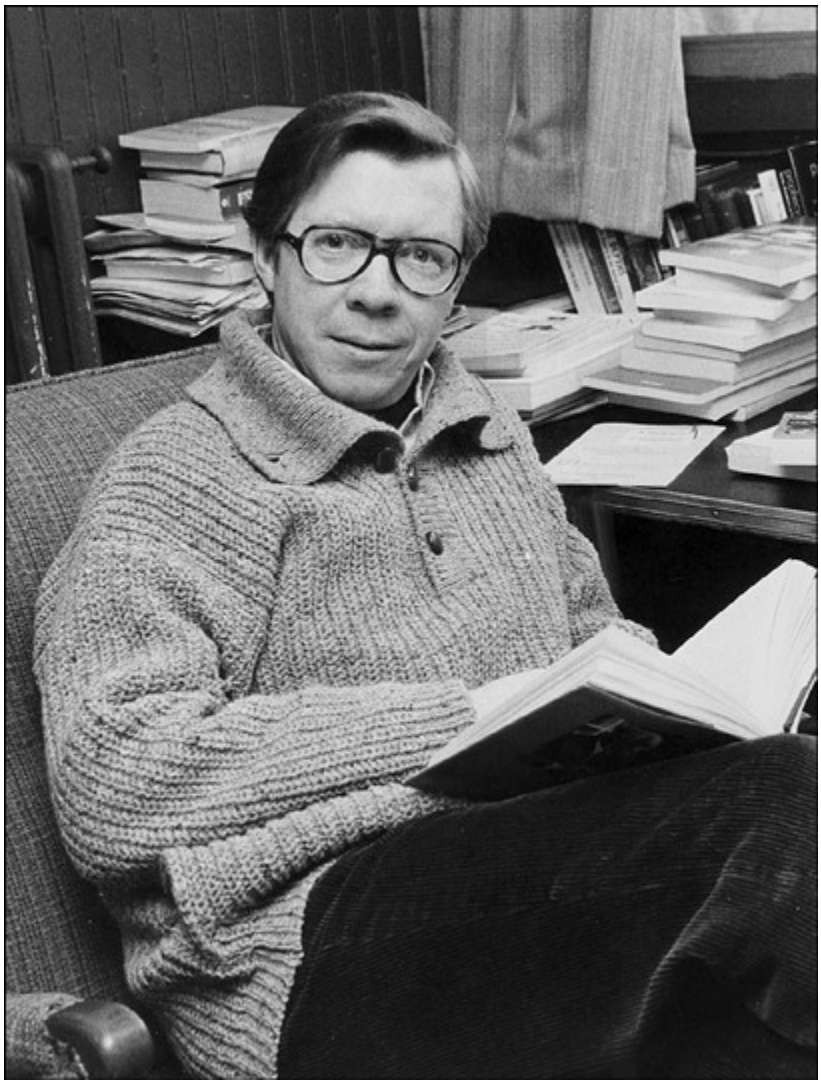
Александр Александрович Зимин, советский историк, родился 22 февраля 1920 года в Москве. Его отец умер от тифа в 1919 году, еще до рождения сына. Бабушка Зимина по материнской линии, графиня Лидия Андреевна Каменская, происходила из рода графов Каменских. В 1938–1941 годах Зимин учился на историческом факультете МГУ, но в связи с эвакуацией вуза в Ташкент во время Великой Отечественной войны окончил историко-филологический факультет Среднеазиатского университета (1942). В 1947 году он окончил аспирантуру Института истории АН СССР и защитил кандидатскую диссертацию о землевладении и хозяйстве Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XV – начале XVIII века. С 1947 года Зимин являлся младшим научным сотрудником, а с 1951 года – старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. В 1959 году он защитил в качестве докторской диссертации монографию «Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.» (1958). По совместительству он работал в Московском государственном историко-архивном институте: старший преподаватель (1947–1950), доцент (1950–1970), профессор (1970–1973). В 1972 году ему было присвоено профессорское звание. Зимин умер 25 февраля 1980 года в Москве.

Зимин специализировался на проблемах социально-политической истории, истории общественной мысли, историографии и источниковедения истории России XI–XVIII веков. Он считал, что опричнина была направлена против трёх очагов феодального сепаратизма, которые могли представлять угрозу царскому самодержавию – Старицкого удела, церкви и Новгорода. Зимин был противником как апологетики политического курса Ивана Грозного, так и теории о том, что этот курс был следствием маниакального психоза царя. В последних работах ученый пришёл к выводу о том, что процесс централизации в средневековой Руси носил противоречивый характер. Он признавал историческую закономерность централизации и её определенное положительное значение, но подчеркивал тяжёлые

последствия роста самодержавия, подавления стремления народа к свободе и ликвидации существовавших в условиях феодальной раздробленности политических свобод. Зимин отказался от «промосковского» взгляда на ход и результатов династической борьбы на Руси и склонялся к тому, чтобы видеть в участвовавших в феодальной войне XV века галицких князьях носителей прогрессивного начала, представителей некой демократической вольницы, за которыми стояло население, ещё не подчинившееся московскому диктату, в частности жители Вятской земли. Историк подчеркивал, что феодализм Московской Руси не был феодализмом наследственных и юридически закрепленных сеньориально-вассальных отношений, как в Западной Европе, но феодализмом распределяемой и перераспределяемой собственности, осуществляемой династией потомков Ивана Калиты: «Только сильная и воинственная власть могла обеспечить своим служилым людям и землю, необходимую для того, чтобы с нее получать хлеб насущный, и челядь, которая должна была ее обрабатывать и пополнять кадры военных и административных слуг, и деньги, которые можно было тратить на заморские вина и ткани и отечественное вооружение. Но землю надо было захватить у соседа, деньги отнять у него же, а в холопа в виде благодарности можно было обратить того же простака». При этом «в конце XV – первой половине XVI в. в России происходила борьба двух тенденций развития страны. Стоял вопрос, по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому? Север противостоял Центру и был в конечном счете им подмят под себя. Предвестником этого противостояния и была борьба Москвы с Галичем, Вяткой и Устюгом в годы смуты. Крепостнической, крестьянской и монашествующей Москве противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян. Гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины».

Зимин разработал концепцию, согласно которой «Слова о полку Игореве» было написано в 1780-х годах российским духовным писателем архимандритом Спасо-Преображенского монастыря Иоилем (Быковским) (1726–1798) в качестве выдающейся имитации памятника древнерусской литературы. Первым эту гипотезу выдвинул

французский исследователь Андре Мазон (1881–1967). Зимин писал: «Из числа лиц, живших в конце XVIII века и знакомых с рукописью Игоревой песни, никто, кроме Быковского, не может претендовать на то, чтобы можно было связать с его именем создание этой героической поэмы». Он считал, что «Слово» откликалось на актуальные политические проблемы конца XVIII века и могло восприниматься как «призыв к присоединению Крыма и победоносному окончанию русско-турецкой войны». В качестве источников «Слова» Зимин рассматривал «Задонщину», созданную в конце XIV – начале XV века, русские летописи (в первую очередь – Ипатьевскую) и произведения русского, украинского и белорусского фольклора. Свою концепцию изложил в книге «“Слово о полку Игореве”. Источники, время написания, автор», изданной на ротапринте тиражом 101 экземпляр и розданной (с условием возврата) участникам дискуссии, состоявшейся в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 года. Большинство участников дискуссии не согласилось с точкой зрения Зимина, а его работа в советское время так и не была опубликована. Расширенный вдвое вариант книги, которую Зимин дополнял до конца жизни, был опубликован только в 2006 году. С этой гипотезой никто из советских историков не согласился. Даже те из них, кто не разделял теорию о создании «Слова» в конце XII или в начале XIII века, считали, что оно было создано в XVI, но не в XVIII веке.

А.А. Зимин

Как утверждал ученик Зимина историк С.М. Каштанов (р. 1932), «Зимин был и остаётся гордостью советской и российской исторической науки. Учёный с огромным творческим потенциалом, широчайшим кругозором и редкой научной интуицией, он вызывал уважение и восхищение как своими трудами, так и своей личностью. Обладая ярко выраженным холерическим темпераментом, Зимин буквально «горел» жаждой творчества… был «учёным с мировым именем» в полном смысле этого слова. Не только российские, но и иностранные коллеги относились к нему с глубочайшим почтением, я бы сказал, с преклонением, а также с большой душевной теплотой.

Ценились его труды, ценилась его эрудиция, острота мысли, остроумие, раскованность, искренность и желание помочь».

Описывая гражданскую войну середины XV века, Зимин утверждал: «Получили сполна и те, кто по селам и весям молился о здравии великого «осподаря» и своим трудом возделывал нивы, чтобы напитать его служилых людей. В середине XV в., когда еще не отзвучали громы последних битв за единодержавие, в далеком Белоозере князь Михаил выдаст Кириллову монастырю грамоту, в которой предписывает крестьянам-должникам выходить от своего землевладельца только за неделю до и неделю после Юрьего дня осеннего. Пройдет еще время, и ярмо крепостного права будет достойной наградой за «безумное молчание» послушного народа». Историю Руси этого периода историк видел в широком контексте европейской истории: «Пятнадцатое столетие медленно, но неуклонно приближалось к зениту. В кровавой бойне Алой и Белой розы гибли английские бароны, но еще далеко было до битвы при Босворте, после которой Англия станет державой Тюдоров. Сожженная в Руане Жанна д'Арк своими подвигами привела Францию к освобождению от иноземного ига и к началу объединения страны. Пройдет несколько десятилетий, прежде чем на арагонский престол взойдет Фердинанд, которому его супруга Изабелла принесет и Кастилию, и завершение Реконкисты. Надутая ложным величием империя Габсбургов продолжала расширять свои лоскутные владения за счет соседей. Но зрели уже силы, которые положат предел ее всевластию. После гибели на костре Яна Гуса чехи показали, на что способен народ, выступающий за свою веру и свободу. Гуситские войны, потрясавшие несколько десятилетий Чехию, стали прологом Реформации. Печатая около 1445 г. свою первую книгу, Иоганн Гутенберг еще не осознавал, что принес людям Прометеев огонь знания, который осветит не только век гуманизма, но и будущие столетия. При дворе флорентийского банкира-тирана Козимо Медичи расцветало Возрождение, предугаданное еще Данте, Петраркой и Боккаччо («тремя флорентийскими венцами»). Здесь творили гениальный зодчий Брунеллески, художник Мазаччо и скульптор Донателло. А на Востоке сгущались тучи. Мертвой хваткой вгрызлись турецкие войска в Балканы. Опустошены были Сербия, Болгария, Венгрия. В 1444 г. в битве под Варной гибнет польский и венгерский король Владислав III. Татарские набеги терзали земли Польши, Руси и

Великого княжества Литовского. Народ угоняли в рабство, чтобы продать на рынках Востока, а многие еще недавно мечтали, что «турок» принесет свободу от сеньоров. В 1453 г. под ударом османов во главе с юным султаном Мухаммедом II пал Константинополь, последний оплот когда-то могущественной Восточной Римской (Византийской) империи. Святая София стала мусульманской мечетью. В Средней Азии, Афганистане и Иране еще недавно могучая держава Тимура погрязла в распрях его наследников, в ненависти фанатиков-дервишей к тем, кто, как Улугбек в Самарканде, пытался взрастить зерна познания. Таково было время, когда Русский Витязь, стоя на распутье, должен был выбрать свою Судьбу. Он еще вынужден был склонять шлемоносную голову перед ордынским ханом, но уже помнил звон мечей на Куликовом поле. Он еще не встречал послов или купцов с Запада, но уже видел огромный латинский крест, который несли в Москве перед митрополитом Исидором, возвращавшимся с Флорентийского собора. Он не отягощен был грузом наук, но смутно понимал, что настало звездное мгновение, когда от выбора пути зависят судьбы его потомков. Русь была еще перепахана межами, разграничивавшими великие и многочисленные удельные княжества. Кто из правителей возьмет в свои руки державные бразды власти? Кому из князей будет под силу пронести славное знамя Дмитрия Донского и, объединив многострадальную Русь, сказать решительное «нет» ордынскому царю?»

Зимин является автором книг: «Методика издания древнерусских актов» (1959), «Русские летописи и хронографы конца XV–XVI вв. Учебное пособие» (1960), «Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в.» (1960), «Законодательные памятники русского государства конца XV – начала XVII в. Учебное пособие» (1961), «Опричнина Ивана Грозного» (1964), «Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.)» (1972), «Холопы на Руси (с древнейших времён до конца XV в.)» (1973), «Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.)» (1977), «Россия времени Ивана Грозного» (совместно с А.Л. Хорошкевич) (1982), «Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории)» (1982), «В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России»

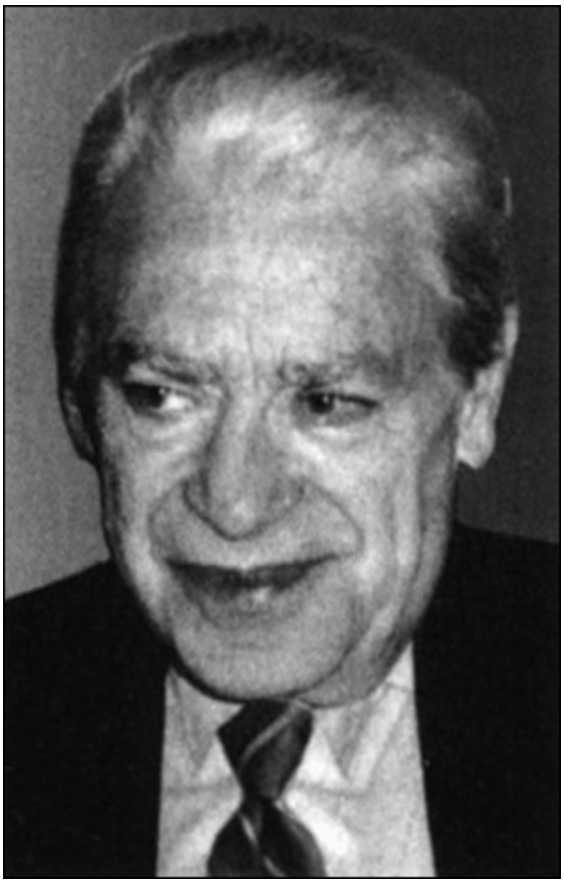
(1986), «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.» (1988), «Витязь на распутье: феодальная война в России XV в.» (1991), «Правда русская» (1999), «Опричнина» (2001), «Слово о полку Игореве» (2006), «Храм науки (размышления о прожитом)» (2006).

Александр Петрович (Пейсахович) Каждан (1922–1997)

Александр Петрович (Пейсахович) Каждан, советский и американский историк-византинист, один из крупнейших специалистов XX века по Византии и Великой Армении, родился 3 сентября 1922 года в Москве в еврейской купеческой семье. Его отец Пейсах Эфрон (Пётр Израилевич Каждан) в советское время стал одним из ведущих специалистов по технологии изготовления смазочных масел. В 1939 году Каждан поступил на исторический факультет МГУ, но окончил экстерном в эвакуации в Уфе в 1942 году заочное отделение Башкирского педагогического института. Там он работал в Институте авиационных топлив и масел, сотрудником которого был его отец. С 1943 года он обучался в аспирантуре сначала исторического факультета МГУ, а затем Института истории АН СССР.

В 1946 году Каждан защитил кандидатскую диссертацию «Аграрные отношения в Византии в XIII–XIV вв.» (1952). Из-за начавшейся кампании борьбы с «безродными космополитами» путь в Институт истории и московские вузы оказался для него закрыт. Каждан вынужден был преподавать в педагогических институтах в Иванове в 1947–1949 годах, Туле в 1949–1952 годах и в Великих Луках в 1953–1955 годах. Об этом времени историк вспоминал: «Помню, в глухие сталинские времена, когда я преподавал в Тульском педагогическом институте, мой друг, которому я излагал свои взгляды на византийскую централизованную экономику, воскликнул: «Да ведь это же все как у нас!» Он не был историком, и ему можно простить поспешное заключение. Много позднее, когда хрущевская «оттепель» приоткрыла щель к свободомыслию и судьба перенесла меня в Москву, моя начальница настаивала на том, чтобы я выбросил из своей книжки характеристику императора Юстиниана I, данную ему современником, писателем Прокопием Кесарийским, ибо, говорила она, всем ясно, что я пишу не об Юстиниане, а о Сталине. Прокопий, разумеется, писал не о Сталине, но, как для тоталитарной империи, он пользовался

известным стереотипом деспотического государя, который – в известных пределах – мог быть приложим к любому деспоту». С 1956 года он работал в секторе византиноведения Института истории АН СССР (с 1968 года – Институт всеобщей истории). В 1961 году Каждан защитил как докторскую диссертацию монографию «Деревня и город в Византии IX–X вв.: Очерки по истории византийского феодализма» (1960).

А.П. Каждан

В 1975 году сын Каждана, известный математик Давид (Дмитрий) Каждан, получил приглашение занять кафедру профессора в Гарвардском университете. После этого жизнь его отца в СССР усложнилась. В частности, возникли трудности с поездками за границу для участия в международных конференциях. В октябре 1978 года он прибыл в Вену с израильской визой. В 1979 году, после пребывания в Париже и Бирмингеме, Каждан поселился в США, где работал

старшим научным сотрудником Центра изучения Византии в Думбартон-Оксе и читал курс лекций в Принстонском университете. В СССР книги Каждана были изъяты из библиотек, и его было запрещено цитировать. Каждан умер 29 мая 1997 года в Думбартон-Оксе, Вашингтон.

Каждан считал, что объективность историка не может быть абсолютно независимой как от собственных предубеждений, так и от интересов представляемой им общественной группы. Он подробно исследовал крестьянскую общину и феодальное поместье Византии, взаимоотношения феодалов с крестьянами, категории крестьянства и расслоение внутри его, феодальную ренту, а также народные движения в XIV веке. В 1954 году на основе археологических и нумизматических свидетельств он пришел к выводу, что VII век представлял собой серьезный разрыв в городском обществе Византии, за которым последовал упадок византийских городов. Это соответствовало аналогичному выводу А. Пиррена применительно к городам Западной Европы и, как и в случае с Западом, объяснялось арабским завоеванием Северной Африки, Палестины и Сирии, что перекрыло торговые пути Византии на Восток. Каждан считал, что в византийском обществе царил индивидуализм, но не было свободы. Человек в Византии не был защищен от государства родовыми, феодальными и цеховыми структурами, и его жизнь была менее стабильной, чем в Западной Европе. Византийский идеал вечности и незыблемости, как считал Каждан, лишь прикрывал реальную нестабильность византийского общества. Этим же он объяснял, что в нестабильном византийском мире появились изобразительное искусство и литература, ориентированные на вечные ценности.

Каждан исследовал специфику византийской общины и роль государства в становлении феодализма в Византии. Он особо отметил ремесленный подъем, начавшийся в Константинополе в IX веке и распространившийся на провинцию в X веке. В XI–XII веках ремесленное производство в провинциальных городах пережило бурный расцвет. Исследователь объяснил все это благоприятным географическим положением Константинополя, где также сохранялись античные традиции. В Византии сложилась централизованная система эксплуатации крестьянства, благодаря которой в столице скопились значительные денежные средства и развивались ремесла. Но, по

мнению Каждана, развитие мореплавания и становление итальянских городов-республик в XI в. оттеснили византийских купцов с передовых торговых позиций, что вызвало упадок ремесла в Византии. Историк считал, что византийский император из главы столичной бюрократии постепенно превратился в феодального сюзерена. Но одновременно возрастала политическая власть духовных и светских феодалов и возникли тенденции к политическому разобщению империи.

Каждан рассматривал Византию как тоталитарное государство. Он утверждал: «Когда я думаю об истории Византии, о ее значении для человека XX в., я всегда возвращаюсь к одной и той же идее – Византия оставила нам уникальный опыт европейского тоталитаризма. Для меня Византия не столько колыбель Православия или хранительница сокровищ античной Эллады, сколько тысячелетняя лаборатория тоталитарного опыта, без осмысления которого мы, видимо, не в состоянии представить себе наше собственное место в историческом процессе. Погубил ли этот тоталитаризм Византию, или, наоборот, он дал восточной половине Римской империи силы, чтобы выстоять в столкновении с варварской стихией? Была ли Византия отравлена разъедавшим ее ядом «западничества», феодализма, или, напротив, недостаточное развитие западных элементов подорвало ее сопротивляемость азиатскому давлению? Или, может быть, социальная и политическая структура Византийской империи не оказала влияния на ее судьбы, и империя пала благодаря комбинации случайностей – будь то дурные правители или неослабный вражеский натиск на ее восточных и северных границах?»

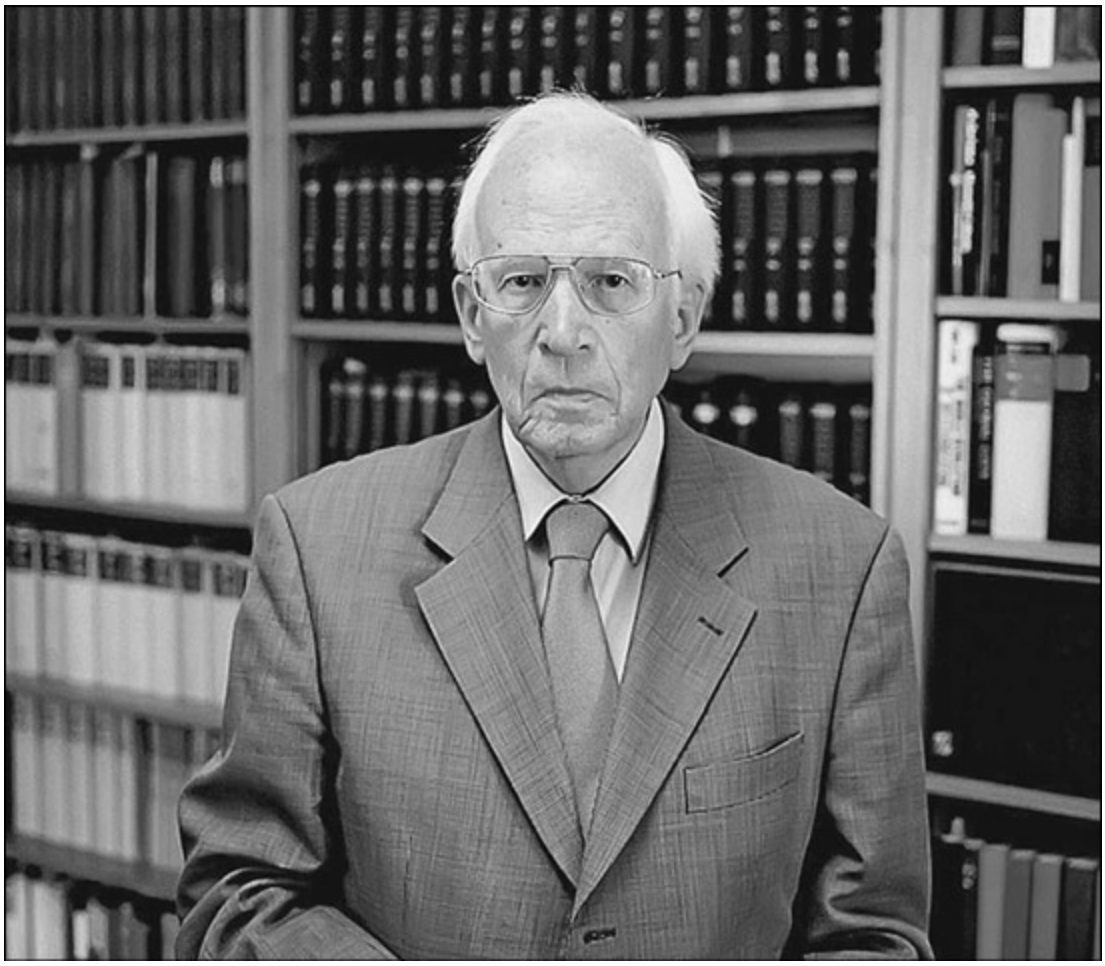
Каждан является автором книг: «Религия и атеизм в древнем мире» (1957), «От Христа к Константину» (1965), «Византийская культура (X–XII вв.)» (1968), «Книга и писатель в Византии» (1973), «Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв.» (1974), «Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв.» (1975), «Люди и власть в Византии: Введение в современные византийские исследования» («People and Power in Byzantium. An Introduction to Modern Byzantine Studies (In collaboration with G. Constable)») (1982), «Исследования по византийской литературе XI и XII веков» («Studies on Byzantine Literature of the XIth and XIIth Centuries (In collaboration with Simon Franklin)») (1984),

«Изменения в византийской культуре в XI и XII веках» («Change in Byzantine Culture in the XIth and XIIth Centuries (In collaboration with A.W. Epstein)») (1985), «Авторы и тексты в Византии» («Authors and Texts in Byzantium») (1993), «История византийской литературы. 650–850» («A History of Byzantine Literature. 650–850 (In collaboration with L.F. Sherry and Ch. Angelidi)») (1999), «Два дня из жизни Константинополя» (2002), «Никита Хониат и его время» (2005), «История византийской литературы. 850—1000» («A History of Byzantine Literature. 850—1000») (2006) и др. Под редакцией Каждана был издан «Оксфордский словарь Византии» («Oxford Dictionary of Byzantium») (1991) в 3 томах. Там он написал примерно 20 % всех статей.

Эрнст Нольте
(1923–2016)

Эрнст Нольте, германский историк и философ, родился 11 января 1923 года в Виттене, Северный Рейн – Вестфалия, в семье католика, директора народной школы. В 1941 году он был признан негодным к военной службе из-за дефекта руки и смог начать изучение языков (прежде всего немецкого и древнегреческого) в Вестфальском университете имени Вильгельма в Мюнстере и в университете Фридриха Вильгельма в Берлине, а затем изучал философию в университете Фрайбурга. Во Фрайбурге Нольте был учеником Мартина Хайдеггера, который, по его признанию, оказал на него большое влияние.

После завершения университетского образования и получения степени бакалавра в 1945 году Нольте преподавал немецкий и греческий языки в гимназии. В 1952 году он защитил во Фрайбурге докторскую диссертацию по философии об отношении самоотчуждения и диалектики в немецком идеализме и у Маркса. В конце 1959 года он задумал монографию «Фашизм в его эпохе. «Аксьон Франсез» – Итальянский фашизм – Национал-социализм» («Der Faschismus in seiner Epoche. Action française – italienischer Faschismus – Nationalsozialismus) (1963), которую он защитил в 1964 году в Кельнском университете в качестве хабилитированной докторской диссертации и которая принесла ему мировую известность. В 1965 году Нольте стал профессором новой истории Марбургского университета. В 1973 году он перешёл в Свободный университет Берлина, где работал вплоть до выхода на пенсию в 1991 году в Институте Фридриха Майнеке, одновременно являясь профессором новой истории. Он был удостоен премии Ханна Мартина Шлейера (1985), Конрада Аденауэра (2000) и Герхарда Лёвенталя (2011). Нольте умер в Берлине 18 августа 2016 года.

Эрнст Нольте

Нольте занимался прежде всего историей фашизма в Европе, а также в целом историей «эпохи фашизма» (1919–1945). Ученый считал, что фашизм возник как форма сопротивления современности и реакция на нее. Он делал упор на идеологическую эволюцию фашизма. Используя методы феноменологии, Нольте сравнил германский нацизм, итальянский фашизм и французское движение. Он сделал вывод о том, что фашизм был великим антидвижением: он был антилиберальным, антикоммунистическим, антикапиталистическим и антибуржуазным. В духе гегелевской диалектики Нольте утверждал, что «Action Française» было тезисом, итальянский фашизм – антитезисом, а германский национал-социализм – синтезом двух этих ранних фашистских движений. Он считал, что фашизм функционировал в мире политики как форма оппозиции марксизму, на социологическом уровне в оппозиции к буржуазным ценностям и в «метаполитическом» мире как

«сопротивление трансцендентности». Нольте определял фашизм как «антимарксизм, который стремится уничтожить врага путем развития радикально противоположной, но родственной идеологии и использования почти идентичных, но обычно модифицированных методов, всегда, однако, в жестких рамках национального самоутверждения и автономии». Нольте писал, что Гитлер был «логически последователен» в стремлении к геноциду евреев, потому что Гитлер ненавидел современность и отождествлял евреев с современностью, т. е. с тем, что он больше всего ненавидел.

Нольте спровоцировал «спор историков» в 1986–1987 годах, когда задал вопрос: «Не осуществили ли национал-социалисты, не осуществил ли Гитлер своё «азиатское» деяние лишь потому, что они и им подобные считали себя потенциальными или подлинными жертвами некоего «азиатского» деяния? Не предшествовал ли Освенциму Архипелаг ГУЛАГ?» Этот тезис он развил в книге «Европейская гражданская война 1917–1945. Национал-социализм и большевизм» («Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus») (1987), где изложил доктрину тоталитаризма. Коммунизм и фашизм, по мнению Нольте, равны между собой. Историк видел в коммунистической идее предпосылку фашизма, который защищался от более раннего и более агрессивного большевизма. По мнению Нольте, нацистская Германия была «зеркальным отражением» Советского Союза, и, за исключением «технических деталей» массового отравления газом, все, что нацисты делали в Германии, уже было сделано коммунистами в России. Согласно теории Нольте, Холокост, как убийство на расовой почве, хотя и заслуживает безоговорочного осуждения, имел предтечей коммунистическое убийство на классовой почве и принципиально не отличался, например, от геноцида красных кмеров. Он полагал, что «Освенцим содержался в принципах нацистской расистской теории, как семя в плоде». Как считал ученый, весь XX век был эпохой геноцида, тоталитаризма и тирании, а Холокост был лишь одной главой в эпоху насилия, террора и перемещение населения. Тезисы историка вызвали резкие возражения большинства немецких и иностранных историков и публицистов как попытка ревизии национального самосознания немцев и «деморализации прошлого».

Нольте утверждал: «Каждый автор в сфере науки и публицистики желает, чтобы его труд заслужил внимание, а вокруг большой книги развернулась дискуссия; в этом смысле он очень хотел бы стать «спорным автором». Однако в Германии есть другое значение этого понятия: «спорный автор» – это тот, кто выразил взгляды, которые классифицируются признанными стражами «политкорректности» как рискованные или даже опасные. То есть это понятие является своего рода сигналом тревоги: люди предпочитают не иметь с этим автором ничего общего и вообще не читать его книг». Свою методологию Нольте назвал «феноменологической историей», а свою позицию определяет как роль «размышляющего над историей». Германский историк Хорст Мёллер назвал Нольте «единственным философствующим историком среди немецких историков и единственным историком среди немецких философов истории».

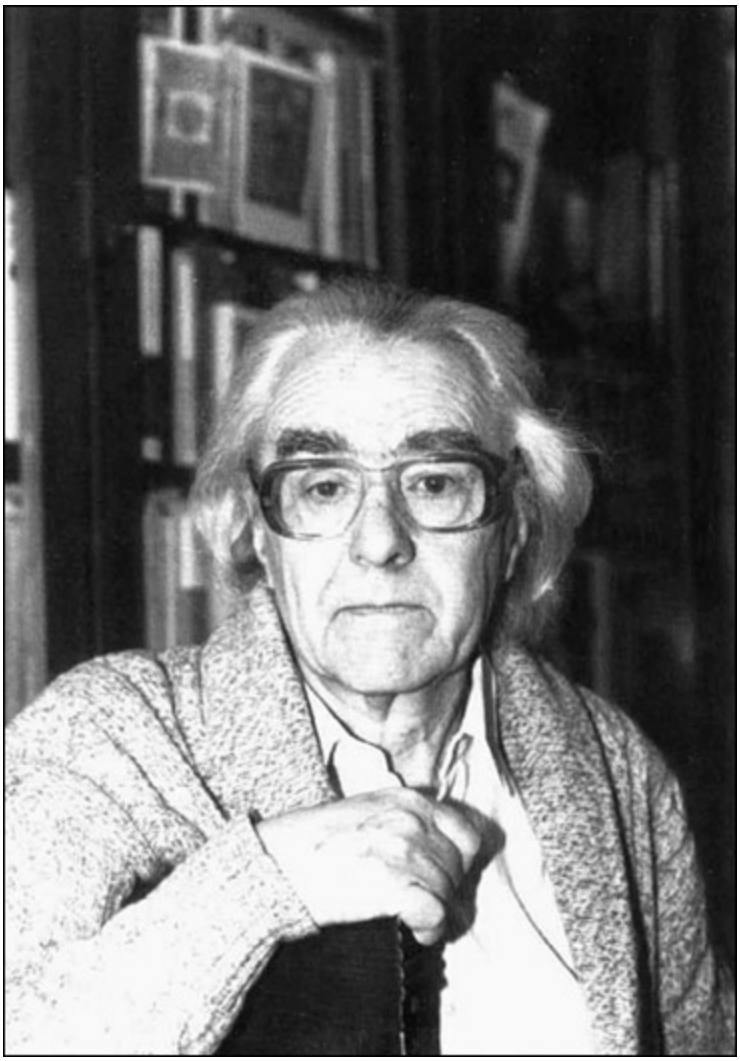
Ученый является автором книг: «Кризис либеральной системы и фашистское движение» («Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen») (1968), «Германия и холодная война» («Deutschland und der Kalte Krieg») (1974), «Марксизм и промышленная революция» («Marxismus und Industrielle Revolution») (1983), «Ницше и ницшеанство» («Nietzsche und der Nietzscheanismus») (1990), «Историческое мышление в XX веке. От Макса Вебера до Ханса Йонаса» («Geschichtsdenken im 20. Jahrhundert. Von Max Weber bis Hans Jonas») (1991), «Мартин Хайдеггер. Политика и история в жизни и мышлении» («Martin Heidegger. Politik und Geschichte im Leben und Denken») (1992), «Спорные вопросы. Сегодняшние и будущие споры о национал-социализме» («Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den Nationalsozialismus») (1993), «Немцы и их прошлое. Память и забывание от основания империи Бисмарка до сегодняшних дней» («Die Deutschen und ihre Vergangenheiten. Erinnerung und Vergessen von der Reichsgründung Bismarcks bis heute») (1994), «Франсуа Фюре – Эрнст Нольте: «Враждебное соседство». Коммунизм и фашизм в XX веке. Переписка» («François Furet – Ernst Nolte: «Feindliche Nähe». Kommunismus und Faschismus im 20. Jahrhundert. Ein Briefwechsel») (1998), «Историческая экзистенция. Между началом и концом истории?» («Historische Existenz. Zwischen Anfang und Ende der Geschichte?») (1998), «Каузальный нексус. О ревизиях и ревизионизме в исторической науке. Исследования, статьи

и доклады 1990–2000» («Der kausale Nexus. Über Revisionen und Revisionismen in der Geschichtswissenschaft. Studien, Artikel und Vorträge 1990–2000») (2002), «Веймарская республика. Демократия между Лениным и Гитлером» («Die Weimarer Republik. Demokratie zwischen Lenin und Hitler») (2006) и др.

Арон Яковлевич Гуревич (1924–2006)

Арон Яковлевич Гуревич, советский и российский историк-медиевист, один из наиболее известных историков своего времени за пределами СССР, родился 12 июня 1924 года в Москве в еврейской семье служащих. Будучи признанным негодным к строевой военной службе, он был мобилизован на военный завод, где работал до 1944 года. Одновременно Гуревич учился на заочном отделении исторического факультета МГУ, а на 3-м курсе в 1944 году перевелся на очное отделение. Он выпускник кафедры истории Средних веков (1946), в 1950 году он окончил аспирантуру Института истории АН СССР. В том же году Гуревич защитил кандидатскую диссертацию «Крестьянство Юго-Западной Англии в донормандский период». В 1950–1966 годах он преподавал на истфаке в Калининском педагогическом институте, пройдя путь от ассистента до профессора (1963). В 1962 году Гуревич защитил докторскую диссертацию «Очерки социальной истории Норвегии в IX–XII вв.». В 1966–1969 годах он был старшим научным сотрудник сектора истории культуры Института философии АН СССР и был уволен оттуда после публикации ряда работ, в которых начальство усмотрело критику марксизма. С 1969 года Гуревич работал в Институте всеобщей истории АН СССР старшим, а позднее ведущим научным сотрудником. В 1987 году он возглавил центр исторической и культурной антропологии ИВИ РАН, а с 1989 года являлся главным редактором издаваемого центром ежегодника «Одиссей. Человек в истории». С 1989 года Гуревич также был профессором кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ. В 1992 году он стал главным научным сотрудником Института высших гуманитарных исследований имени Е.М. Мелетинского РГГУ и одновременно – заведующим отделом культуры и науки средневековой и современной Европы Института мировой культуры МГУ. Последние тринадцать лет жизни Гуревич был слеп, но продолжал работать. Коллеги и ученики читали ему, а он думал и диктовал. Историк читал лекции в университетах Италии, США, Германии, Дании (1989–1991),

Норвегии, Швеции, Англии, Франции (1991–1992). Он был почётным доктором Лундского и Познанского университетов, действительным членом Академии гуманитарных исследований (1995), членом-корреспондентом Американской академии медиевистики (1989), иностранным членом Renaissance Academy of America, Société Jean Bodin (Бельгия), Королевского Норвежского общества ученых, Королевского общества историков Великобритании, Королевской академии наук Нидерландов (1998). Гуревич был удостоен Государственной премии РФ (1993), Международной премии Нонино (1988) и премии имени Н.И. Кареева РАН (1997). Ученый умер 5 августа 2006 года в Москве.

А.Я. Гуревич

Методологически Гуревич опирался в значительной мере на достижения французской исторической школы «Анналов», родство с которой не скрывал и с многими представителями которых смог познакомиться в эпоху перестройки. Он подчеркивал, что «изучение общества коренным образом отличается от изучения природы в том отношении, что первое состоит из мыслящих, чувствующих существ, которые не подчинены пассивно неким «законам истории», но активно ее переживают и творят ее. Последний термин нуждается в пояснении. Я имею в виду не банальную и лишенную содержания фразу «народ – творец истории», а тот очевидный факт, что люди заняты деятельностью, которая и есть история, и неотъемлемым условием и компонентом этой деятельности являются мысли и чувства людей, и все, что историк хочет выведать об их жизни, в этом смысле есть продукт их духовной деятельности. А отсюда следует, что история общества не может быть историей «объектов» или историей абстрактных категорий – она должна быть историей живых людей – не в смысле красочности и живости изложения (это другая сторона дела), а в понимании и интерпретации материала. Для реализации этой задачи необходима выработка особой методики, нового угла зрения, под которым рассматривается жизнь человеческая. Все срезы истории – политику, экономику, право, быт, искусство, философию, поэзию и т. д. – нужно научиться понимать таким образом, чтобы они были способами проникновения в жизнедеятельность людей изучаемой эпохи. Имеется в виду не дешевая «психологизация» истории (ее беллетризация), а раскрытие во всех отраслях человеческой деятельности существенных черт структуры личности, способов ее мировосприятия, мироощущения, самосознания и поведения». В феодализме Гуревич, по собственному признанию, был «склонен усматривать преимущественно, если не исключительно, западноевропейский феномен. На мой взгляд, он сложился в результате уникальной констелляции тенденций развития. Феодальный строй, как бы его ни истолковывать, представляет собой не какую-то фазу всемирно-исторического процесса – он возник в силу сочетания специфических условий, порожденных столкновением варварского мира с миром позднеантичного Средиземноморья. Этот конфликт, давший импульс синтезу германского и романского начал, в конечном

итоге породил условия для выхода западноевропейской цивилизации на исходе Средневековья за пределы традиционного общественного уклада, за те пределы, в которых оставались все другие цивилизации». Он пришел к выводу, что необходимо учитывать присутствующую в сознании людей картину мира, которая детерминирует их социальное поведение. Он старался анализировать «образ чувств и мыслей».

Гуревич явился одним из создателей историко-антропологического направления в российской науке. Его работы, посвященные генезису феодализма, ставили под сомнение некоторые положения теорий Маркса и Энгельса. В частности, историк опровергал марксистский тезис о том, что феодализм складывался в результате закабаления свободных крестьян магнатами, которые еще до закабаления присваивали себе крестьянскую землю. По мнению Гуревича, в условиях слабости верховной власти свободные земледельцы в поисках защиты вместе со своей землей добровольно принимали патронат магнатов, меняли свободу на безопасность. Ф. Энгельс полагал, что в варварскую эпоху существовал «первобытный коммунизм», выражавшийся в коллективной собственности на землю. Гуревич же доказывал, что древние германцы были крестьянами, веками жившими на одном месте, без какой-либо коллективной собственности на землю, ведя семейное хуторское хозяйство. Историк утверждал: «Разумеется, история относится к наукам нравственным, и элиминировать полностью собственную оценку предмета своих изысканий историкам не дано. Но они способны в какой-то мере контролировать свою научную позицию. Альтернативой субъективистской операции «вживания» в другую человеческую культуру, «приобщения» к мысли людей, живших в прошлом, является позиция «вненаходимости» исследователя, понимание им того, что он изучает эту другую культуру, находясь вне ее. Он отделен от предмета своих наблюдений как временем, так и по существу, он принадлежит к другому ментальному универсуму, с иным историческим опытом, с собственной перспективой. Позиция «вненаходимости» имеет предпосылкой понимание того, что исследователь вступает в интеллектуальное общение с людьми, мысли, чувства и картина мира которых – загадка для него; задача историка – по возможности эту загадку разгадывать. Не произвольное чтение чужих взглядов, но трудоемкая дешифровка дошедших до нас посланий, требующее

огромных усилий прочтение иероглифов другой, во многом уже чуждой нам культуры – подобная установка в известной мере могла бы предотвратить поспешные обобщения, тенденциозность и одностороннюю предвзятость суждений».

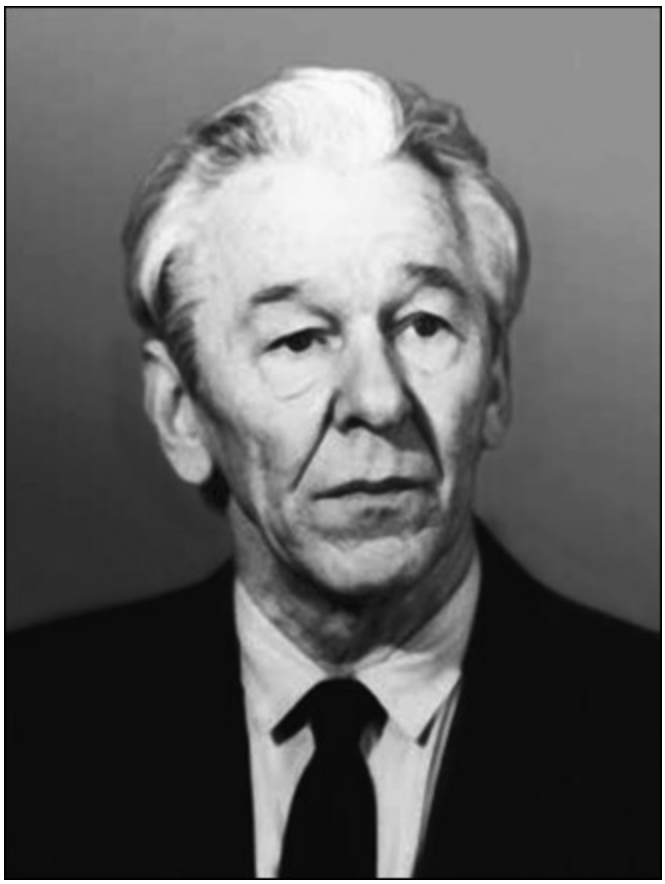
Гуревич является автором книг: «Походы викингов» (1966), «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» (1967), «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (1970), «История и сага. О произведении Снорри Стурлусона «Хеймскрингла» (1972), «Категории средневековой культуры» (1972, 1984), «Норвежское общество в раннее Средневековье: Проблемы социального строя и культуры» (1977), «Эдда» и сага» (1979), «Проблемы средневековой народной культуры» (1981), «Культура и общество средневековой Европы глазами современников. Exempla, XIII в.» (1989), «Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства» (1990), «Исторический синтез и Школа «Анналов» (1993), «История Средних веков. Учебник для средней школы» (совместно с Д.Э. Харитоновичем) (1994), «История историка» (2004), «Индивид и социум на средневековом Западе» (2005), «История – нескончаемый спор: Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет» (2005) и др.

Геннадий Григорьевич Литаврин (1925–2009)

Геннадий Григорьевич Литаврин, советский и российский историк-византинист, родился 6 сентября 1925 года в селении Абай Уймонского аймака Ойратской автономной области Сибирского края (ныне Алтайского края) в семье учителей. Летом 1942 года, будучи негоден к военной службе по состоянию здоровья, он поступил на историко-филологический факультет Томского университета, но в декабре из-за угрозы дистрофии вынужден был бросить учебу. С конца 1942 по 1946 год Литаврин работал учителем русского языка, литературы и математики в школе селе Загайново (ныне Тальменский район Алтайского края). В 1944 году он поступил на заочное отделение физико-математического факультета Новосибирского пединститута и окончил 1-й курс. Однако в 1946 году предпочел поступить на исторический факультет МГУ (1951 год – выпускник кафедры истории Средних веков этого факультета с дипломной работой «Русско-византийские отношения в IX–X вв.»). В 1954 году он окончил аспирантуру истфака и защитил кандидатскую диссертацию «Борьба болгарского народа против византийского ига (XI–XII вв.)». В 1954–1955 годах Литаврин преподавал древние языки на историческом факультете МГУ, в 1955–1968 годах был сотрудником Института истории АН СССР. С 1968 года он работал в Институте славяноведения АН СССР (позднее РАН), в 1982–2005 годах заведовал отделом истории Средних веков, а после 2005 года работал главным научным сотрудником. В 1973 году Литаврин защитил докторскую диссертацию «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века», а в 1982 году стал профессором. С 1987 года он возглавлял сектор истории Византии (позднее – Центр по изучению византийской цивилизации) Института всеобщей истории РАН и редакцию журнала «Византийский временник».

В 1987 году Литаврин был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1994 году стал академиком РАН. С 1991 по 2006 год он являлся президентом Национального комитета византинистов России и вице-президентом Международной ассоциации византинистов. Он был

удостоен Государственной премии РФ (1996) и Международной премии Кирилла и Мефодия (1984), являлся иностранным членом Болгарской академии наук (1989). Он был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени (1983) и именной медалью Коллеж де Франс. Историк скончался 6 ноября 2009 года в Москве.

Г.Г. Литаврин

Литаврин исследовал взаимодействие, сосуществование и соперничество византийцев и славян на уровне политических контактов, этнического самосознания, религиозных традиций и повседневной жизни на протяжении почти всего раннего и зрелого Средневековья (VI–XIII века). Большое внимание он уделял истории взаимоотношений Византии и Древней Руси, а также внутренней истории Древнерусского государства домонгольской эпохи. Литаврин делал особый упор на роли международной торговли в развитии русско-византийских связей, в процессе становления и

христианизации Руси. Историк полагал, что в контактах Византии с Русью, в отличие от других балканских стран, конфронтация играла незначительную роль. Интерес русских к византийской культуре не был связан с необходимостью противостоять агрессии и угнетению.

Касаясь внутренней истории Византии IX–XII веков, Литаврин ключевое значение придавал периоду 976—1081 годов, считая его решающим для судеб Византии. Именно тогда византийская цивилизация от недавнего расцвета перешла к необратимому упадку и постепенной утрате благосостояния и военной и политической мощи. Литаврин рассматривал формы земельной собственности, особенности формирования византийского феодализма, структуру и функционирование государственного аппарата, зарождение этнического самосознания населявших империю народов, жизнь городов и народные движения. Многообразие византийской жизни историк изучал на основе всего известного комплекса источников. Литаврин выявил ряд факторов, которые могли привести империю к последующему краху. В центре внимания ученого находились социально-экономические отношения.

Литаврин посвятил большое количество публикаций проблемам аграрной экономики, правовых отношений, развивавшихся вокруг земельной собственности, налоговой системе и развитию землевладений провинциальной аристократии. Он доказал, что уровень эксплуатации населения государством, налогового бремени и других повинностей в Византии был более низким по сравнению с другими средневековыми государствами. Теории о якобы имевшем место закрепощении византийских крестьян государством были Литавриным опровергнуты. Он отмечал: «В X–XI вв. и в деревне и в городе произошли глубокие перемены. Византийское крестьянство раскололось на две основные крупные группы: свободных налогоплательщиков казны и феодальнозависимых париков, принадлежавших частным лицам. Среднее положение между этими группами занимала категория государственных крестьян, поселенных в поместьях императорской семьи и государственных учреждений. И численность и размеры владений магнатов быстро росли. Феодальная вотчина производила все больше товарной сельскохозяйственной продукции, поступавшей на городской рынок. Но продукция эта все чаще становилась предметом не внутренней, а внешней торговли. С

конца XI в. крупные города империи, а через столетие – и прочие вступили в полосу упадка. Страна высоко развитого ремесла, налаженного торгового оборота и устойчивых культурных традиций, Византия стала быстро сдавать свои позиции конкурирующим городам-республикам Италии. Причины этого коренились не только в том, что василевсы из политических соображений предоставляли венецианцам и генуэзцам неслыханные торговые льготы. Более важную роль играла замедленность темпов развития ремесла в империи еще до основания иноземцами факторий в Константинополе. Товары Италии все чаще оказывались добротнее и дешевле византийских. Экономическая и политическая система бюрократического государства задушила непомерными поборами и ограничениями собственное городское хозяйство, создав условия для его загнивания и медленного вырождения».

Литаврин является автором книг: «Очерки истории Византии и южных славян» (в соавторстве с А.П. Кажданом) (1958), «Болгария и Византия в XI–XII вв.» (1960), «Как жили византийцы» (1974), «Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976—1081 гг.» (1977), «Византия и славяне (сборник статей)» (1999), «Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики» (1999), «Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.)» (2000). Он также перевел книгу «Кекавмен. Советы и рассказы Кекавмена» (1972) и совместно с А.П. Новосельцевым трактат императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (1989) и «Византийский медицинский трактат XI–XIV вв.» (1997). Литаврин был одним из главных авторов коллективных трудов «История Византии» (1967) в 3 томах, «Культура Византии» (1984–1991) и «Краткая история Болгарии: С древнейших времён до наших дней» (1987).

Франсуа Фюре (1927–1997)

Франсуа Фюре, французский историк, один из крупнейших специалистов по истории Великой французской революции, родился 27 марта 1927 года в Париже в семье богатого банковского служащего. Он окончил элитный парижский лицей Жансон-де-Сайи и в 1946 году поступил на гуманитарный и юридический факультеты Парижского университета. В 1950 году из-за туберкулеза Фюре был вынужден прервать обучение и уехать на лечение в Альпы. До 1954 года он то лечился в санатории, то продолжал учебу в Париже. В 1954 году Фюре стал учителем средней школы в Компьене, а в 1955 году был переведен в Фонтенбло.

В 1956 году он начал работать в Национальном центре научных исследований (CNRS) в Париже, занимаясь историей французской революции. Он также начал сотрудничать с еженедельным журналом «Le Nouvel Observateur». В 1947–1959 годах Фюре был членом Французской коммунистической партии, но покинул ее и стал одним из основателей Объединённой социалистической партии в 1960 году. В 1966 году историк начал работу в Школе высших исследований в области социальных наук (EHESS) в Париже и был ее президентом в 1977–1985 годах. Фюре стал одним из основателей Фонда Сен-Симона. Начиная с 1985 года он ежегодно уезжал читать лекции в университетах США, в первую очередь в Чикагском университете, где был назначен профессором истории Франции в Комитете по социальной мысли.

Франсуа Фюре

В Америке Фюре был удостоен почетной докторской степени Гарвардского университета. Он был избран членом Французской академии наук 20 марта 1997 года. Он был награжден орденом Почетного легиона, удостоен премии Алексиса де Токвиля за гуманизм (1991), Европейской премии за вклад в развитие социальных наук (1996) и премии Ханны Арендт за политическое мышление (1996).

8 июля 1997 года в деревне Сент-Пьер Тоирак, на юге Франции, во время игры в теннис историк упал и получил травму головы, после чего был направлен на лечение в госпиталь в Тулузе, где 12 июля скончался от сердечного приступа.

Фюре начинал с социальной истории буржуазии XVIII века, но с 1961 года занимался главным образом историей Великой французской революции. Первоначально он был сторонником марксистской теории, но позднее отказался от нее и критиковал присущее коммунистам

понимание французской революции как одной из форм классовой борьбы. Фюре использовал термин «тоталитарные близнецы», сравнивая коммунизм с фашизмом и нацизмом. Он разделял точку зрения Э. Нольте о том, что фашизм появился в ответ на коммунизм. Фюре смотрел на революцию прежде всего как на конфликт по поводу смысла и применения эгалитарных и демократических идей. Он утверждал в 1978 году: «По-настоящему беспристрастная история Французской революции еще не написана. Не написана даже в самой Франции».

Фюре пытался понять причины большой привлекательности коммунистических идей для значительной части европейской интеллигенции. В книге «Прошлое одной иллюзии. Очерк коммунистической идеи в XX веке» («Le Passé d'une illusion, essai sur l'idée communiste au XXe siècle») (1995) историк создал трагический образ советского тоталитарного государства. Для Фюре истинная и единственная революция совершилась в конце XVIII века во Франции. Большевики лишь узурпировали ее наследие. Эта книга стала настоящим бестселлером – было продано более 100 тысяч экземпляров. В 1995–1997 годах Фюре дискутировал с немецким историком Эрнстом Нольте. Дебаты начались со сноски в книге Фюре «Прощание с иллюзией», в которой критиковались взгляды Нольте на отношения между большевизмом и фашизмом, что побудило Нольте написать письмо протеста. Фюре отстаивал свою точку зрения о тоталитарных близнецах, имеющих одинаковое происхождение, в то время как Нольте утверждал, что фашизм был ответом на большевизм.

В книге «Постижение французской революции» («Penser la Révolution française») (1978) Фюре исследовал «революционное сознание». На смену идее монарха пришла идея нации, превратившаяся в источник всех прав. После этого любая общественная группа, претендующая на власть, вынуждена заявлять о том, что её главная цель – осуществить волю народа (нации). Одна из важных заслуг Фюре в изучении французской революции – новое прочтение историографии XIX века, которую он рассматривал как поставившую главные вопросы XX века. В то же время историк утверждал, что французы должны перестать видеть в революции ключ ко всем аспектам современной французской истории.

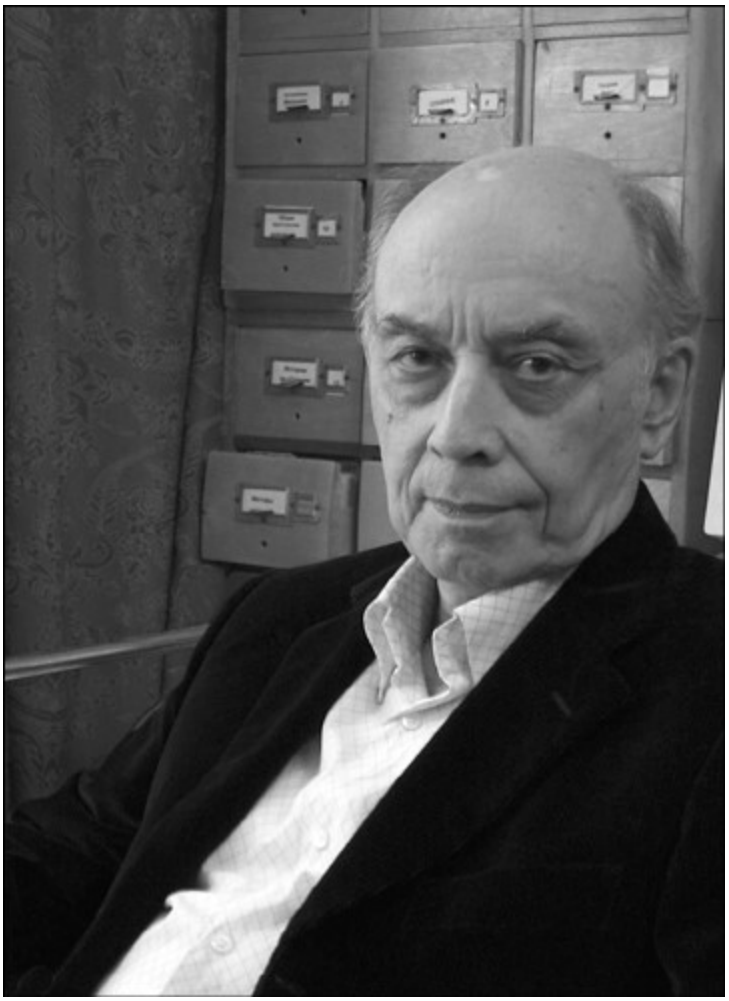
Фюре полагал, что процесс демократизации французского общества начался в период революции (и даже до неё), завершился на рубеже XIX–XX веков, а последствия революции были преодолены только в начале Третьей республики, когда республиканцы в парламентской борьбе одержали верх над монархистами. По его мнению, Великая французская революция не может претендовать на роль события, которое скрепило французскую нацию и создало современную Францию. Историк считал, что в 1789 году произошли сразу три революции – революция просвещённого либерального дворянства и верхушки буржуазии, революция крестьян и революция санкюлотов. Но только революцию либеральных дворян следует считать прогрессивной. Революции крестьян и санкюлотов проникнуты антибуржуазными настроениями, только мешали прогрессивному развитию Франции. Якобинская же диктатура с ее террором продемонстрировала бессмысленность и беспощадность революции санкюлотов. Главным содержанием революции историк считал рождение гражданского общества и гражданской политической культуры во Франции.

Фюре является автором книг: «Французская революция» («La Révolution française (en collaboration avec Denis Richet)») (1965, 1966) в 2 томах, «Мастерская истории» («L'atelier de l'histoire») (1982), «Терррроризм и демократия» («Terrorism and Democracy») (1985), «Фашизм и коммунизм: эпистолярный обмен мнениями с немецким историком Эрнстом Нольте, расширяющий Historikerstreit (спор историков)» («Fascisme et Communisme: échange épistolaire avec l'historien allemand Ernst Nolte prolongeant la Historikerstreit») (1988), «Критический словарь Французской революции» («Dictionnaire critique de la Révolution française (en collaboration avec Mona Ozouf») (1992) в 2 томах, «Столетие прихода к власти республиканцев» (en collaboration avec Mona Ozouf) (1993), «Линкольн» («Lincoln») (2001) и др.

Лев Самуилович Клейн (1927–2019)

Лев Самуилович Клейн, советский и российский историк и археолог, родился 1 июля 1927 года в Витебске в интеллигентной еврейской семье, атеистической и сильно русифицированной. Позднее он вспоминал: «Я не особенно чувствую себя евреем. Своё еврейство я ощущаю, только когда наталкиваюсь на барьеры со стороны властей. В семье у нас не разговаривали ни на идише, ни на иврите, и у нас не было иудейской религии». Будучи атеистом, Клейн утверждал, что «атеизм – мировоззрение, наиболее подходящее ученому». Отец историка Самуил Симхович (Станислав Семёнович) Клейн родился в Варшаве, в Гражданскую войну был офицером-медиком в Добровольческой армии Деникина, под конец войны (с 1920 года) служил в Красной армии. Мать историка Ася Моисеевна Клейн (урождённая Рафальсон) была хирургом, в 1950–1963 годах – главным врачом Гродненской областной станции скорой медицинской помощи. С началом войны в 1941 году Клейн был эвакуирован в Волоколамск, оттуда переправлены в Егорьевск, потом – в Йошкар-Олу. Там он сначала работал в колхозе, затем окончил восьмой и девятый классы средней школы и в 1943 году ушёл на фронт вольнонаёмным. В 1944 году на 3-м Белорусском фронте служил в военно-строительной части и прошёл с нею от Смоленска до Каунаса. После сильной контузии Клейна отправили на лечение в Рославль. Там он поступил в железнодорожный техникум, где проучился год. После войны Клейн поселился в Гродно, где сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поступил в Гродненский педагогический институт на факультет языка и литературы. В 1947 году он перевёлся на очное отделение в Ленинградский университет, где до этого учился заочно. Первые годы Клейн обучался одновременно на двух факультетах: историческом (на кафедре археологии) и филологическом (изучал русскую филологию). Однако окончил в 1951 году Клейн только исторический факультет. В студенческие годы он изучал совместные погребения, этногеографию Скифии, происхождение индоевропейцев и проблему соотношения этноса и археологической культуры. После завершения обучения на

историческом факультете Клейн сначала работал в археологической экспедиции на реке Молочной, а затем – школьным учителем в посёлке Волосово Ленинградской области. В дальнейшем он полгода проработал библиографом в Библиотеке Академии наук в Ленинграде, затем работал учителем в средних школах Ленинграда и Гродно. В 1957 году Клейн поступил в аспирантуру Ленинградского университета по археологии, которую окончил в 1960 году. С 1962 года он работал на кафедре ассистентом. В 1968 году Клейн защитил кандидатскую диссертацию «Происхождение Донецкой катакомбной культуры» и с 1976 года являлся доцентом. Он участвовал в ряде археологических экспедиций в лесной полосе России и Белоруссии, но главным образом в степях Украины и Подонья, последние пять сезонов – в качестве начальника экспедиции. Места раскопок включали древнерусские города, курганы бронзового века и скифо-сарматского периода.

Л.С. Клейн. Фото 2008 г.

В 1960-х годах Клейн организовал Славяно-варяжский семинар и открыто выступил против антинорманистских позиций, господствовавших тогда в советской науке. 5 марта 1981 года Клейн был арестован по обвинению в мужеложстве и осуждён к 3 годам заключения, но 11 августа 1981 года вышестоящий суд отменил этот приговор, а новый суд уменьшил срок заключения до 1,5 года. В 1982 году Клейн, так и не признавший себя виновным, был освобожден. Он считал, что его дело было сфабриковано КГБ, что впоследствии было подтверждено публикацией письма следователя по его делу. За время заключения он был лишён учёной степени кандидата наук и звания доцента. В 1993 году Клейн защитил докторскую диссертацию по книге «Археологическая типология» (1991) в Институте истории материальной культуры РАН. Диссертация представлялась как

кандидатская, но решением ученого совета Клейну была единогласно присуждена докторская степень.

Клейн стал одним из основателей Европейского университета и преподавал там в качестве профессора кафедры философской антропологии философского факультета в 1994–1997 годах. В дальнейшем, вплоть до 2004 года, он продолжал преподавать в зарубежных университетах – Западно-Берлинском, Венском, Даремском, Копенгагенском, Люблянском, Турку, Тромсё, Университете Вашингтона в Сиэтле, Высшей антропологической школе Молдавии и др. Клейн также выступал с докладами и лекциями в Кембридже, Оксфорде, Лондоне, Стокгольме, Мадриде и др. В последние годы жизни ученый был колумнистом газеты «Троицкий вариант». Ученый умер 7 ноября 2019 года в Петербурге.

Клейн полагал, что археология – не часть истории, а источниковедческая дисциплина, по методологической природе схожая с криминалистикой. Согласно Клейну, теория археологии – это программа переработки информации, основанная на некой объяснительной идее. Приводя к серии шаблонных операций, теория оборачивается методом. Как считал Клейн, без опоры на строгие методы изучения есть высокая вероятность от научного теоретизирования перейти к бессодержательному философствованию, свободному размышлению о высоких материях. Он полагал, что нужно заведомо иметь некое знание о культурном значении признаков и типов. Такое знание дают культуры, поэтому он предлагал двигаться от культур к типам, а от них – к признакам. Это предусматривает познание культур не через типы и признаки, а целостным восприятием, выявлением эвидентных типов (очевидных до и без классификации) и т. п.

Клейн ввел в научный оборот положение об эшелонированной археологии, с чёткой последовательностью этапов исследования. Он выделил три типа исследовательской процедуры – эмпирический, дедуктивный и проблемно-установочный. Эмпирическая начинает с фактов, дедуктивная – с гипотезы, проблемно-установочная ставит в начало постановку проблемы, которая равнозначна вееру гипотез. Клейн выступил против идеи повсеместной автохтонности и разработал критерии доказанности миграций, допускающие больше, чем прежде, свободы в реконструкции миграций. Клейн был

основоположником действительно научного подхода к норманскому вопросу, и этот подход мог быть только норманистским, т. е. признающим, что слово «Русь» и имена первых русских князей имеют скандинавское происхождение и что русская государственность возникла вследствие завоевания восточнославянских племен варягами (норманнами).

В советское время, начиная с послевоенных лет, в советской официальной науке безоговорочно господствовал антинорманизм, утверждавший, что слово «Русь» имеет какое угодно происхождение, но только не скандинавское, а первые русские князья если и носили скандинавские имена, то были не более чем наемниками на службе у славянской племенной знати. Всех тех, кто пытался отстаивать положения норманизма, объявляли антимарксистами и антипатриотами. Клейн признает, что для того, чтобы «протаскивать» норманистские идеи, требовалось придать им марксистскую форму и сам термин «норманизм» применительно к этим идеям не употреблять. Он подчеркивает, что, принимаясь за варяжскую проблему, прекрасно сознавал, что всю правду и сразу сказать ему не дадут. Поэтому «придется непременно привязать свою позицию к марксизму и найти политически уязвимые места в позиции противников». Нельзя было также называть себя «норманистом», а требовалось делать вид, что ты стоишь «над схваткой», находя как сильные места, так и слабости в позициях как норманистов, так и антинорманистов. Клейн прав в том, что «норманизм» в советское время был таким же пропагандистским клише как «безродный космополитизм», «морганизм-вейсманизм», «марризм» и т. п. Как подчеркивает исследователь, «в то же самое время, когда норманны участвовали в создании русского государства, посадив своих конунгов князьями в Новгороде и Киеве, норманнами были завоеваны значительная часть Англии и часть Северной Франции (Нормандия). Так же как на нашей территории, они там быстро ассимилировались, в Нормандии – офранцузились, и когда Вильгельм Завоеватель со своими нормандскими рыцарями высадился в Англии, они привезли туда не норманнскую речь, а французскую, от которой и происходит французский компонент нынешнего английского языка. Но ни в Англии, ни во Франции своего антинорманизма нет! Все ученые там норманисты (по критериям наших антинорманистов). Антинорманизм – сугубая специфика России».

Клейн критиковал теорию о балтском происхождении этнонима «Русь» и Рюрика, с которой начинался научный антинорманизм во времена Ломоносова. Эта теория не имеет никаких оснований ни в лингвистике, ни в археологии, ни в наиболее древних списках летописей и восходит к XVI веку, когда прусское происхождение Рюрика стало частью официальной концепции происхождения правящей династии, возводившей ее в конечном счете к римскому императору Августу. Тогда она должна была подкрепить претензии Москвы на то, чтобы считаться «Третьим Римом». В советское время антинорманизм должен был подтвердить национальную исключительность и историческую самобытность происхождения российской государственность, ее независимость от влияния западных, и прежде всего германских, народов. Клейн был совершенно прав, когда утверждал, что возможности филологии в решении варяжской проблемы были исчерпаны к началу XX века, когда были выявлены уже практически все письменные источники и лингвистические факты по данной проблеме, и теперь главную роль в ее решении должна играть археология. Как отмечал Клейн, «антрополог С.Л. Санкина дотошным анализом доказала наличие среди древнерусских черепов определенно скандинавских». По мнению историка, там, «где пришлые варяги соприкасались с угро-финнами, массами расселялись и славяне, становясь коренным населением, а везде, где среди пришельцев преобладают мужчины, язык их уступает местному, потому что дети усваивают язык в основном от матери». Тут надо заметить, что в книге Клейна как раз приведено множество свидетельств, что в скандинавских захоронениях в Восточной Европе в массовом количестве обнаружены женские фибулы, которые и являются одним из главных этнодифференцирующих признаков захоронений норманнов. Из этого факта, по мнению Кейна, следует, что в IX–X веках в норманнских поселениях на территории Руси было значительное число скандинавских женщин и, скорее всего, массовой ассимиляции норманнов славянами, балтами или угро-финнами до принятия ими всеми христианства не произошло. Клейн также обращает внимание на то, что норманнам было свойственно «поверье, что на чужих землях правят местные боги». Из-за этого, «приставая к чужим берегам, они прятали своих богов в трюмы кораблей и поклонялись местным богам… Захват норманнами Нормандии на

французской территории несомненен. Между тем уже через несколько поколений нормандцы говорили исключительно на французском языке (как русские варяги на славянском) и при Вильгельме Завоевателе французский (а не норвежский или датский) привезли в Англию. Однако никто же на этом основании не заключал, что Нормандия основана не норманнами, а французами, похожими на норманнов. Просто потом норманны стали французами, как в России они стали славянами». На некоторые территории в Восточной Европе норманны, судя по археологическим данным, цитируемым Клейном, пришли одновременно со славянами, финно-уграми и балтами.

Ученый также указывал, основываясь на археологических материалах, на позднее (в IX–X веках) «появление славян в лесной зоне их нынешнего ареала». Этимологию слова «Русь» (от древнескандинавского rother – «гребцы, участники похода на гребных судах») может показать тождественность тех процессов, которые протекали при миграциях норманнов на запад и на юг от Скандинавии. При морских походах на запад мы имеем дело с викингами (от древнескандинавского vik – «морской поход на парусных судах», отсюда viking – «участник похода на парусных судах»). «На юге же, на торговом пути из варяг в греки», норманнам приходилось идти по рекам, нередко против течения, используя гребные суда. Поэтому они называли себя «русью». Поскольку варяги-русь осваивали прежде всего долины рек, по которым также селились славяне, норманны-русь завоевали славян, используя преимущества своей военной организации и вооружения. Но, поскольку наиболее плодородные земли были как раз по долинам рек, славяне вынуждены были терпеть завоевателей и платить им дань. Легенда же о призвании варягов, отраженная в Повести временных лет, понадобилась для обоснования легитимности правящей династии норманнского происхождения, которая, по выражению Клейна, в отличие от норманнов в Западной Европе, подзадержалась на Руси на несколько веков. Историк не без оснований полагает, что то обстоятельство, что в России говорят о «призвании варягов», а в Западной Европе о «нашествии норманнов», «вряд ли… отражает какое-то особое качество норманнского вторжения в Гардарики (норманны здесь были такими же, как везде, но условия другими). Скорее это следствие того, что в России, как в Нормандии и Англии, надолго закрепилась норманнская династия и ее окружению

требовалось обосновать легитимность правления…». Призывать норманнов в IX веке среди восточных славян, по мнению ученого, было просто некому, поскольку никаких протогосударственных образований у них в ту пору не выявлено. Здесь ситуация принципиально отличается от ситуации Византии, где существовала многовековая и весьма развитая государственность. Там действительно было кому нанимать варягов на службу и чем им платить. Клейн подчеркивал, что «сугубыми грабителями и разбойниками норманны-викинги выступали там, где возможен был быстрый массовый десант с морских кораблей или опустошение окрестностей такого порта. Это Западная Европа. В восточнославянских землях возможно было лишь продвижение по рекам, в распоряжении викингов были только лодки-однодеревки, приходилось больше полагаться на пешие набеги небольших отрядов, торговлю и взимание дани. А установлением власти норманны не брезговали и на Западе». и, как указывает историк, мирные способы проникновения норманнов в Западную Европу также в последнее время стали привлекать внимание исследователей. Только ни на Западе, ни на Востоке никому не могло прийти в голову призывать норманнов на царствование для защиты от внешней угрозы. Они как раз и были одной из самым опасных внешних угроз, так что в Западной Европе читали даже специальную молитву: «Спаси нас, Боже, от норманнов…» Разница заключалась только в том, что в Западной Европе норманны встретили более высокую цивилизацию римского происхождения и вся их деятельность протекала под пристальным взором современников-летописцев. На Востоке же, по мнению Кейна, норманны сами были для славянского и угро-финнского населения носителями таких элементов цивилизации, как торговля и военное дело. Не случайно города на территории Руси, как доказывал Клейн, возникают как раз с приходом варягов. Летописание же на Руси, как он считал, возникло только в XII веке, через полтора века после исчезновения варягов, так что источником летописцев о событиях IX–X веков стала не слишком достоверная устная традиция и легенды. Суммируя археологические данные о скандинавском присутствии на территории Древней Руси, Клейн подчеркивает, что «норманнские погребения представляют собой значительную часть богатейших погребений. Но есть и погребения рядовых пришельцев, особенно в Тимеревском могильниках. Сначала

эти группы норманнов поселяются в стратегически важных пунктах в северной части восточнославянской территории и сферы славянской колонизации финских земель, а позже расширяют эти очаги и распространяются на юг. Даже в тех районах, где они поселились, они обычно не составляли большинства, но явно владели ситуацией. Рядовые скандинавы осваивали земли… больше среди финских племен. Значит, по археологическим данным прослеживается продвижение групп знатных и богатых норманнов с оружием, поселяющихся среди местного населения и иногда отдельно. С ними прибыло и некоторое количество столь же знатных скандинавских женщин. Шли с северо-запада и рядовые скандинавы, поселяясь для обработки земли и занятий ремеслом. И в Ладоге, и на Рюриковом городище действовали мастерские, изготовлявшие вещи норманнского типа». Все это указывает на завоевание, а не на призвание. К тому же доля скандинавов в населении оказывается достаточно значительной. Клейн указывал, что надо подсчитывать долю скандинавских погребений не среди всех погребений данного могильника, а только среди этнически определимых и что неопределимые в этническом отношении захоронения никак нельзя огульно считать славянскими. В Киевском некрополе доля норманнов – 18–20 %, в Гнездовском могильнике под Смоленском – 13 % (по сравнению с 27 % славянских захоронений). А в Тимеревском могильнике в Ярославском Поволжье среди захоронений X века скандинавских оказывается 13 %, славянских – 12 %, а остальные принадлежат местному финскому населению. Характерно, что уже в начале XI века в Тимеревском могильнике доля норманнов падает до 3,5 %, а доля славян возрастает до 24 %. Это указывает на интенсивное развитие с конца X века процесса ассимиляции славянами норманнов. Это было вызвано принятием Русью византийского христианства и сильным влиянием югославянской культуры Византии, которую приняла русская правящая верхушка. На протяжении XI века происходит почти полная христианизация населения. Это доказывает нам археология, поскольку в захоронениях трупосожжение сменяется трупоположением. И тогда же происходит слияние славян, норманнов, финно-угров и балтов в единую древнерусскую народность со славянским языком. Общий вывод Клейна о характере норманнской миграции в Восточной Европе в IX–X веках сомнений не вызывает: «Конечно, можно сообразить, что

в ключевых пунктах страны вооруженные группы пришельцев расположились неспроста. Можно также учесть, что они большей частью богаты и эта аккумуляция богатства в руках пришельцев показательна. Это косвенные признаки захвата власти. Они, как и другие археологические данные, по-настоящему заиграют только при сопоставлении с русскими летописями, византийской хроникой, арабскими сочинениями, скандинавскими сагами и эпиграфикой, с данными лингвистики и ономастики. Но они не лишние – в этом синтезе они придают выводам глубину, хронологическую и географическую четкость и содержательную насыщенность, увеличивая их доказательную силу».

Незадолго до смерти, Клейн писал: «Подводя итоги своей жизни, я вижу, что некоторые мои достижения значительны для нашей науки. Я способствовал развитию теоретической археологии, ввел новое понимание места и природы археологии, разработал понятия классификации и типологии, методику исследований этногенеза, методику опознания миграций, открыл индоариев в катакомбной культуре, упорядочил систему представлений о норманнах в истории Древней Руси, выдвинул гипотезу, опознающую протохеттов в баденской культуре, и т. д. Я разработал новую концепцию понимания гомеровского эпоса. Это порядочно. В то же время я вижу, что многие мои идеи не нашли должного продолжения и развития. Это и моя теория коммуникационного развития культуры, и моя стратегия системного группирования, моя идея разделения труда между археологией и преисторией и пр. Частью это связано с тем, что наша наука была не готова к восприятию моих идей, частью с тем, что сам я не сумел их должным образом донести».

Клейн является автором книг: «Археологические источники» (1978), «Феномен советской археологии» (1993), «Перевёрнутый мир» (1993, 2010), «Другая любовь: природа человека и гомосексуальность» (2000), «Принципы археологии» (2001), «Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология» (2004), «Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества» (2004), «Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада» (2009), «Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон» (2009), «Трудно быть Клейном» (2010), «История археологической мысли» (2011) в 2 томах, «Археологическое

исследование: методика кабинетной работы археолога» (2012, 2013) в 2 томах, «Этногенез и археология» (2013) в 2 томах, «Время в археологии» (2014), «История антропологических учений» (2014), «Расшифрованная «Илиада» (2014) и др.

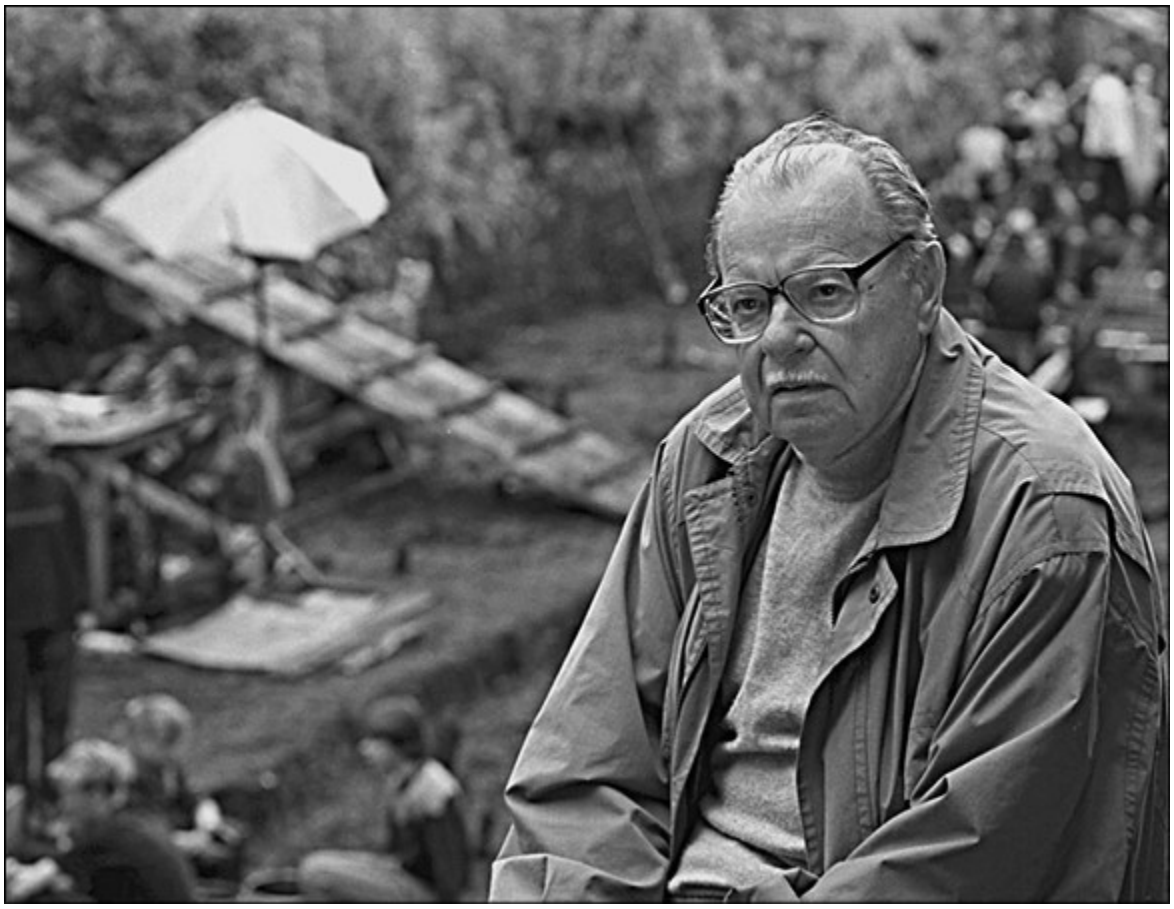
Валентин Лаврентьевич Янин (1929–2020)

Валентин Лаврентьевич Янин, советский и российский историк и археолог, родился 6 февраля 1929 года в Вятке в семье старообрядцев. Его отец Лаврентий Васильевич Янин работал санитарным врачом и санинспектором бывших Морозовских мануфактур в Орехово-Зуеве, куда семье переехала вскоре после рождения Валентина. Мать Елизавета Степановна Маслова была учительницей и состояла в дальнем родстве с фабрикантами Морозовыми. В 1938 году семья переехала в Москву. В 1946 году после окончания 7-й московской образцовой школы с золотой медалью Янин поступил на исторический факультет МГУ, где учился на кафедре археологии. Он окончил его в 1951 году с дипломной работой, посвященной нумизматике домонгольской Руси, и поступил в аспирантуру. В 1954 году историк защитил кандидатскую диссертацию «Денежно-весовые системы домонгольской Руси». С 1954 года Янин работал младшим научным сотрудником кафедры археологии МГУ, в 1958 году стал старшим научным сотрудником, а в 1960 году – руководителем учебной практики студентов-историков и археологов. Летом 1947 года в составе группы студентов-практикантов Янин впервые оказался в Великом Новгороде, где велись археологические исследования. На Неревском раскопе 26 июля 1951 г. была обнаружена первая берестяная грамота. Янин был свидетелем этого исторического открытия. В 1962 году он впервые стал начальником Новгородской археологической экспедиции МГУ. В 1963 году Янин защитил докторскую диссертацию на основе книги «Новгородские посадники» (1962). С 1964 года он стал профессором кафедры археологии исторического факультета МГУ, а в 1965 году был утверждён в звании профессора. В 1966 году Янин был избран членом-корреспондентом, а в 1990 году – академиком Академии наук СССР. По инициативе Янина в 1969 году в Новгороде было принято постановление «Об охране культурного слоя», которое в дальнейшем приняли ещё 114 исторически значимых городов. С 1978 по 2016 год Янин был заведующим кафедрой археологии исторического факультета МГУ, где вёл Новгородский спецсеминар. В

1991–2001 годах он был членом Президиума РАН, а с 2001 года – советником президиума РАН. В 1967–1991 годах Янин являлся членом Президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников (ВООПИК). В 1995 году историк выступил одним из инициаторов создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), занимал пост председателя его экспертного совета по истории, в 1996–2003 годах был председателем совета РГНФ. Он был лауреатом Государственной премии СССР (1970), Ленинской премии (1984) и Государственной премии РФ (1996), а также Демидовской премии (1993), премии «Триумф» (2002) и Литературной премии Александра Солженицына (2010). Янин был почётным гражданином Новгорода (1983), почётным профессором Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (1998) и заслуженным профессором Московского университета (1999). Он был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2009), орденом Ленина (1990), Большой золотая медаль имени М.В. Ломоносова (1999) и Золотой медалью имени С.М. Соловьёва (1999) и др. В июле 2013 года в знак протеста против планов правительства по реорганизации Российской академии наук Янин заявил, что не войдет в состав новой академии. Ученый умер 2 февраля 2020 в Москве.

Янин занимался исследованием берестяных грамот, а также нумизматикой, сфрагистикой и эпиграфикой Древней Руси. Он первым использовал берестяные грамоты в качестве исторического источника. Янин показал, как на основе кончанского представительства новгородского боярства формировался институт посадничества, как он развивался, какую роль играл в управлении Новгородом. Впервые в российской историографии он разработал методические приёмы комплексного источниковедения, опирающегося на анализ разнородных источников: письменных, археологических, нумизматических и сфрагистических материалов, а также памятников искусства. Янин подчеркивал: «Летописные известия должны проверяться средствами археологии. Давно ставшие самостоятельными в своей методике нумизматика, сфрагистика, генеалогия, историческая география и прочие так называемые «вспомогательные дисциплины истории» нуждаются в перекрестной проверке, дополняющей выводы, сделанные при изучении письменных и археологических источников. Только сочетание в исследовании всех

этих на первый взгляд разнородных дисциплин способно прояснить путь движения к истине». Ученый доказал, что важнейшие реформы государственной системы Новгорода были результатом острой политической борьбы различных группировок боярства. Учёный реконструировал вес денежных единиц: гривны, куны, ногаты, проследил их изменение и связь с денежно-весовыми системами арабского Востока, Средней Азии и Западной Европы. При участии Янина была найдена в 2000 году уникальная Новгородская псалтирь, древнейшая во всем славянском мире датированная книга. Ученый утверждал: «Вечевой строй сравнительно с организацией управления в княжествах в самом деле отличался видимыми чертами демократизма в его средневековых формах, но этот демократизм иллюзорен. Новгородский вечевой строй является образцом демократии в ее боярском варианте. Власть в Новгородском государстве принадлежала не какому-то идеальному межклассовому сообществу, а богатейшим землевладельцам, на что, в частности, указывает численность общегородского веча, которое в немецком источнике 1331 г. носит название «300 золотых поясов». По-видимому, этот термин к XIV в. был реликтом, отражая былое равное представительство трех древнейших концов. Когда концов стало пять, число вечников могло возрасти до пятисот, а это примерное число крупных городских усадеб Новгорода и, следовательно, количество богатейших дворовладельцев. Представления Н.М. Карамзина о десяти тысячах вечников никак не вписываются в топографию вечевой площади, вместимость которой соответствует нескольким сотням, но никак не тысячам участников». Историк подчеркивал, что «княжеская власть в том аспекте, который имеет отношение к Новгороду, не привнесена распространением на Новгород политической системы Киевской Руси. Напротив, импульс к объединению Северо-Западных и Южных русских земель был дан не из Киева, а из Новгорода известным походом Олега 882 г., когда Киев был завоеван новгородским князем, перенесшим туда свою резиденцию».

В.Л. Янин

Янин является автором книг: «Денежно-весовые системы русского Средневековья: Домонгольский период» (1956), «Я послал тебе бересту…» (1965, 1975), «Актовые печати Древней Руси X–XV вв.» (в соавторстве с П.Г. Гайдуковым) (1970–1998), «Очерки комплексного источниковедения: (Средневековый Новгород): Учебное пособие» (1977), «Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование)» (1981), «Некрополь Новгородского Софийского собора» (1988), «Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий» (1991), «Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв.» (1998), «У истоков новгородской государственности» (2001), «Средневековый Новгород» (2004), «Археология: учебник для вузов» (2006), «Очерки истории средневекового Новгорода» (2008, 2013), «О себе и о других» (2021) и др.

Эдвардас Гудавичюс (1929–2020)

Эдвардас Гудавичюс, советский и литовский историк, родился 6 сентября 1929 года в Каунасе. Он окончил Каунасский политехнический институт в 1953 году и работал на Каунасском моторном заводе мастером смены, а затем технологом цеха в 1952–1958 годах. В 1958 году Гудавичюс переехал в Вильнюс, где 1958–1959 годах был ведущим технологом Вильнюсского завода счетных машин, в 1959–1963 годах – начальником цеха, в 1963–1971 годах – заведующим сектором, а в 1971–1974 годах – начальником отдела. В 1962 году он поступил на заочное отделение исторического факультета Вильнюсского университета, который окончил в 1968 году. В 1970 году Гудавичюс поступил в заочную аспирантуру Вильнюсского университета. В 1971 году защитил кандидатскую диссертацию «Процесс закрепощения в Литве и его отражение в первом Статуте» («Lietuvos valstiečių įbaudžiavinimo procesas ir jo atspindys Pirmajame Lietuvos Statute»). В 1974–1995 годах Гудавичюс являлся научным сотрудником Института истории Академии наук Литвы и в 1975–2012 годах преподавал на историческом факультете Вильнюсского университета. В 1989 году историк защитил докторскую диссертацию «Литва в войне балтов против германской агрессии в XIII веке» («Lietuva Pabaltijo tautų kovoje prieš vokiečių feodalų agresiją XIII amžiuje»). Широкой публике он был в основном известен своей совместной работой с Альфредасом Бумблаускасом в продолжительном телешоу «Būtovės slėpiniai (Тайны бытия)» – ток-шоу, посвященном истории Литвы. В 1991 году Гудавичюс стал профессором. Он был действительным членом Академии наук Литвы (2000, членом корреспондентом – с 1995 года) и членом петербургской Российской академии гуманитарных наук (1999). Гудавичюс был награжден Большим крестом ордена Витаутаса Великого (2003) и Командорским крестом Великого князя Литовского Гядиминаса (1999). Он был лауреатом Национальной премии Литвы в области науки (1995) и Национальной премии Литвы в области культуры и искусства

(1998). Гудавичюс умер 27 января 2020 года.

Эдвардас Гудавичюс. Фото 1972 г.

Эстонский историк Энн Тарвель назвал Гудавичюса самым выдающимся медиевистом всех времен. Историк являлся крупнейшим в Литве специалистом по истории Литвы XIII–XVI веков. Он был автором концепции европеизации Литвы, возглавлял научную школу литовских историков-медиевистов. Гудавичюс исследовал социально-экономическую и политическую историю, материальную и духовную культуру Литвы, этногенез и этническую историю балтов, историографию Прибалтики феодального периода, проблемы источниковедения, дипломатии и др. Основные работы историка посвящены проблемам возникновения и формирования Великого княжества Литовского, военно-политическим отношениям Литвы с Тевтонским орденом, статутам Великого княжества Литовского.

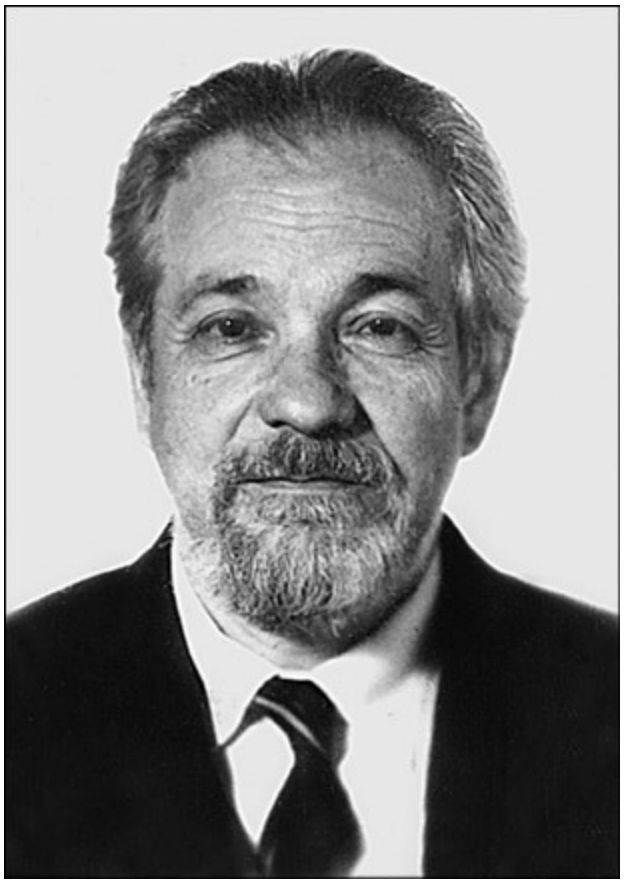
Гудавичюс установил дату коронации единственного литовского короля Миндаугаса – 6 июля 1253 года. Главным для историка он считал возникающие сегодня вопросы к прошлому. Ученый полагал, что в конце XII и начале XIII века «возникла возможность ускоренного

развития литовской общественной элиты и ее военного потенциала и Литва начала выбираться из ямы вековой отсталости, где она пребывала в силу всемирно-исторических обстоятельств». В это время «в Литве возникло феодальное общество индивидуальных семей и индивидуальных хозяйств. Это было весьма важным достижением: зародилась та самая общественная модель, возникла та отправная точка, от которой стартовало феодальное развитие средневековой Европы. Подобное общество развивалось интенсивно, намного быстрее, чем утвердившиеся по всему миру общественно-деспотические структуры, ибо этому способствовала концентрация собственности в руках отдельных собственников. Возникновение обособленных хозяйств потребовало ускоренного развития ремесел: услуги ремесленников находили все больший спрос».

Гудавичюс является автором книг: «Отметины собственности и знаки в Литве в XII–XX вв.» («Žymenys ir ženklai Lietuvoje XII–XX a.») (1981), «Войны крестоносцев в Прибалтике и Литве в XIII в.» («Kryžiaus karai Pabaltijyje ir Lietuva XIII amžiuje») (1989), «Появление городов в Литве» («Miestų atsiradimas Lietuvoje») (1991), «Миндаугас» («Mindaugas») (1998), «История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года» («Lietuvos istorija. T. 1: Nuo seniausių laikų iki 1569 metų») (1999), «По дорогам европеизации Литвы: исторические исследования» («Lietuvos europėjimo keliais: istorinės studijos») (2002), «Вся история – это жизнь: 12 устных историй-эпизодов. Эдвард Гудавичюс беседует с Ауримом Шведасом» («Visa istorija yra gyvenimas: 12 sakytinės istorijos epizodų. Edvardą Gudavičių kalbina Aurimas Švedas») (2008), «Инженер истории: Тексты Эдуарда Гудавичюса о Литве, Европе и мире» («Istorijos inžinierius: Edvardo Gudavičiaus tekstai apie Lietuvą, Europą ir pasaulį») (2020) и др. Он также был автором многих статей в 25-томной «Всеобщей Литовской энциклопедии» («Visuotinė lietuvių enciklopedija»).

Владимир Борисович Кобрин (1930–1990)

Владимир Борисович Кобрин, советский историк, родился 5 июля 1930 года в Москве в семье служащих. Он окончил исторический факультет МГУ в 1951 году, защитив диплом по истории современной Италии. Кобрин работал по распределению в городе Сталино (ныне Донецк), затем в Москве, в библиотеке и лекторской группе. В 1955 году он поступил в аспирантуру, где занимался проблемами социально-политической истории XVI века. С 1957 года Кобрин работал в отделе рукописей Государственной библиотеки имени Ленина. В 1961 году он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Социальный состав Опричного двора». В 1983 году Кобрин защитил докторскую диссертацию «Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV–XVI вв.». В 1971–1989 годах Кобрин преподавал в Московском государственном педагогическом имени В.И. Ленина. Как вспоминала его студентка А.А. Севастьянова, Кобрин «умел быть одновременно мягким, интеллигентным наставником и темпераментным лектором, строгим экзаменатором и доброжелательным собеседником. Эрудиция его в вузовской аудитории не демонстрировалась, она была органично присущим оратору свойством». В 1989 году историк перешёл в Московский государственный историко-архивный институт, где был профессором на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Кобрин умер 30 декабря 1990 года в Москве.

В.Б. Кобрин

Кобрин доказывал, что царь Иван Грозный осуществлял террор с целью установления личной диктатуры. Введенная им опричнина не только не укрепила Русское государство, а, напротив, привела его к кризису. Исследуя политику «добродетельного героя и мудрого государственного мужа в первую половину царствования», автор приходит к мнению, что без введения опричнины государство «на пути либеральных преобразований» продвинулось бы вперёд в XVI веке и получило ровное, поступательное движение в последующие века. Кобрин считал, что у исследователя нет морального права «амнистировать зверство», т. е. прощать гибель тысяч ни в чём не повинных людей из-за якобы наступивших «прогрессивных последствий опричнины».

Ученый впервые изучил все феодальное землевладение опричников. Составленный им список 277 «несомненных опричников» основывался на опубликованных источниках и многочисленных

архивных материалах. Кобрин также активно разрабатывал тему светского землевладения в XV–XVI веках. Историк изучил более 4 тысяч актов феодального землевладения XVI в. – практически весь сохранившийся корпус источников. Он исследовал взаимоотношения «землевладения и централизации, экономики и политики, власти и собственности».

Изучая становление вотчинной и поместной систем в Северо-Восточной Руси, историк пришел к выводу о преимущественной роли княжеского пожалования в возникновении вотчины и тесной связи вотчинников с княжеской властью. Заключение о близости социального состава помещиков и вотчинников привело Кобрина к мысли о неправомерности противопоставления вотчины и поместья, политических позиций «дворян» и «бояр», поскольку «одновременное владение вотчинами и поместьями было характерно для многих служилых людей XVI века». Он рассматривал политическую историю не только как противостояние «прогрессивного самодержавия» и «реакционного боярства», утверждая: «Реальная жизнь слишком сложна и противоречива, чтобы во всех своих проявлениях подчиняться логической схеме». Он полагал, что «вряд ли во всех политических действиях в XVI в. нужно обязательно искать направленность, укладывающуюся в схему: либо на пользу дворянству, либо на пользу боярству, ведь и дворяне и бояре были представителями одного и того же класса феодалов».

Кобрин определил Смутное время как «сложнейшее переплетение разнообразных противоречий – сословных и национальных, внутриклассовых и межклассовых». Он утверждал: «Современная наука все дальше отходит от классического представления об опричнине как о политике, направленной против боярства и крупного землевладения. Жизнь оказалась гораздо сложнее этой схемы. Водораздел между сторонниками и противниками центральной власти далеко не всегда проходил по этой, казалось бы, такой ясной линии…» Он одним из первых заговорил о Смуте не только как о крестьянской, но и как о гражданской войне: «Вправе ли мы бушевавшую в России начала XVII века гражданскую войну свести к крестьянской?» Историк считал, что в Восточной Европе, в отличие от Западной, не было синтеза «разлагавшегося рабовладельческого общества и разлагавшегося первобытного строя»; и поэтому не было

воинственных и независимых феодалов по образцу западноевропейских баронов. В отличие от баронов, у русских бояр не было боярских замков.

Кобрин говорил о «продолжении русской истории в советское время», в котором не случайно «начинается возрождение имперского сознания, опричнины, чинопочитания и прочих традиций, уходящих корнями в далекое прошлое». По его мнению, «в минуты смертельной опасности любой диктатор и деспот для своего спасения вынужден спасать страну. Ему поэтому приходится в такие исторические мгновения мобилизовывать весь свой ум, всю свою энергию на защиту не личной власти, а страны. Диктатор вынужден тогда несколько смягчать деспотические проявления своей власти и привлекать тех талантливых людей, кто еще вчера был в опале или под ее угрозой. Яркий пример тому – назначение в 1572 году главнокомандующим князя Михаила Ивановича Воротынского и его казнь, когда непосредственной, срочной необходимости в выдающемся полководце уже не было. Еще одна характерная черта диктаторских режимов, позволяющая им сохранять стабильность власти и долго удерживаться в массовом сознании, – демагогия. Гнев владыки направлен якобы только (или в основном) на верхушку, к которой низы редко питают добрые чувства. Такой правитель не прочь польстить народным массам, объяснить им, что опалился он лишь на бояр, а против «всего православного христианства» он ничего не имеет, на них нет «гнева и опалы». Гибель рядовых людей не афишируется, а казнь через некоторое время нескольких наиболее одиозных фигур из окружения деспота (например, Басмановых, Вяземского, Темкина-Ростовского) позволяет списать наиболее страшные злодеяния на их дурные советы и зловещее влияние. В массовом сознании слуги деспота превращаются в его вдохновителей, злых гениев».

Кобрин является автором книг: «Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.)» (1985), «Иван Грозный» (1989), «С.Б. Веселовский: жизнь, деятельность, личность» (в соавторстве с К.А. Аверьяновым) (1989), «Кому ты опасен, историк?» (1992), «Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв.» (1995), «Опричнина. Генеалогия. Антропонимика» (2008) и др.

Юрий Михайлович Кобищанов (1934–2022)

Юрий Михайлович Кобищанов, советский и российский историк-африканист, автор теории «большой феодальной формации», родился 8 октября 1934 года в Харькове. Он окончил Институт восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки при МГУ) в 1958 году. В 1958–1960 годах Кобищанов работал в Издательстве литературы на иностранных языках, а в 1960–1962 годах – в Университете дружбы народов. В 1964 году он защитил кандидатскую диссертацию «Древний Аксум: Аксумское царство в период возникновения и расцвета (III–VII вв.)». С 1964 года Кобищанов работал в Институте Африки АН СССР, пройдя путь от младшего научного сотрудника до главного научного сотрудника. В 1992 году историк защитил докторскую диссертацию «Значение комплекса полюдья в истории Африки». Он был членом Императорского Православного Палестинского общества, награжден почетным дипломом ЮНЕСКО за вклад в диалог цивилизаций. Ученый умер 29 июля 2022 года в Москве.

Кобищанов изучал социально-экономическую и культурную историю Африки, прежде всего Эфиопии и Северной Африки, феодализм, этноконфессиональные и этнокастовые общности, полюдье, ислам в Африке и историю исламской цивилизации. Он полагал, что «общественно-экономический и государственный строй Аксума обнаруживает ряд архаических черт. Многие из них свидетельствуют об относительной отсталости аксумского общества по сравнению с наиболее передовыми цивилизациями тогдашнего мира; в то же время эти черты составляют продукт длительного исторического развития в условиях, во многом отличных от условий, в которых развивались цивилизации Европы и Азии, и свидетельствуют скорее не о примитивности, а о ярком своеобразии Аксума. Общественные отношения и надстройка, рожденные в предаксумский и аксумский периоды, – это первые этапы в развитии эфиопского феодализма и вместе с тем важный этап в социальной истории

Африки».

Ю.М. Кобищанов

Кобищанов утверждал: «В Киевской Руси полюдьем назывался ежегодный объезд князем своих владений для сбора дани и других целей. Явления сходного типа были широко распространены в разных регионах мира на стадии перехода от первичной формации к феодальной (соответственно предложенной мной теории большой феодальной формации). Эти явления, или, точнее, комплексы, носили в каждом из обществ местные названия, но на русском языке они могут быть обозначены древнерусским термином полюдье. При полюдье носитель раннегосударственной власти (вождь-жрец, священный царь) или его заместитель (наследник престола, близкий родственник, наместник, посланец и т. д.) обходил по традиционному маршруту подвластные ему общины, княжества и пограничные земли, осуществляя здесь свои привилегии и выполняя свои главные функции. Географический диапазон полюдья широк, он охватывает большую часть средневековой Европы, Кавказ, степной пояс Евразии, Сибирь, Древнюю Переднюю Азию, Северную и Северо-Восточную

Африку, большую часть Тропической Африки, Мадагаскар, Полинезию и Микронезию в Океании, Южную и Юго-Восточную Азию, а также, вероятно, Древний Китай и раннесредневековую Японию. Возможно, также феномен полюдья существовал и в других исторических регионах. Однако уже тот материал, который нам удалось выявить о полюдье, позволяет говорить о нем как о всемирно-историческом явлении, характерном для начального этапа и становления феодального общества, а также средних ступеней его развития».

Теория большой феодальной формации, по Кобищанову, сводится к тому, что «1) нигде и никогда не существовало ни рабовладельческой, ни «азиатской» формации; 2) начало феодализма в некоторых регионах относится по крайней мере к V–IV тыс. до н. э., а его конец мы наблюдаем в наши дни; 3) не Европа, а Восток (в широком смысле) дает основной исторический материал и является нормой исторического развития феодализма; 4) советское общество при Сталине было, в сущности, неофеодальным… Общины и племена, подвластные ослабевшим или разгромленным царствам, освобождались от их власти (Эллада, Италия второй половины I тыс. до н. э.). Затем на развалинах феодальной системы пышным, хотя и эфемерным цветом расцветали рабовладение, наемный труд, товарно-денежные отношения, совершались технические и технологические открытия, зарождались ранние виды капитала (торгового, банковского, городской недвижимости). Так было в Вавилоне времени Нововавилонского царства, в Александрии, в городах Малой Азии и Месопотамии эпохи эллинизма, в Римской республике, где на сравнительно короткий исторический период получили гипертрофированное развитие рабовладельческий и протокапиталистический уклады, а многочисленные члены привилегированной общины – граждане – освободились от эксплуатации. Но с течением времени феодализм восстановил и упрочил свои позиции. Кроме того, нельзя отрывать привилегированные общины (Вавилон эпохи Нового царства, Александрию империи Лагидов, Афины периода архэ, Рим и даже города Италии времен республики и ранней империи) от крестьянской ближней периферии, за счет которой они жили».

Кобищанов является автором книг: «Аксум» (1966), «Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI – середина VII в.)» (1980), «На заре цивилизации: Африка в древнейшем мире» (1981), «Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки» (1982), «Полюдье: Явление отечественной и всемирной истории цивилизаций» (1985), «Очерки истории христианских цивилизаций: опыт пробной публикации глав» (2016) и др.

100 ВЕЛИКИХ ИСТОРИКОВ

